

Вадим Роговин

Была ли альтернатива?

Введение

"Каждая великая революция ставит перед учёными кардинальные исторические вопросы. Самый главный, сложный и важный вопрос, поставленный большевистской революцией и её последствиями, касается связи между большевизмом и сталинизмом" (С. Коэн)¹.

Советская историография 30-80-х годов, испытывавшая более, чем какая-либо другая общественная наука, удушающий административный нажим, давала однозначный ответ на этот вопрос. Избегая самого термина "сталинизм", она изображала всё послеоктябрьское развитие советского общества как воплощение в жизнь исходных принципов марксизма-ленинизма. Любые суждения о возможности других вариантов этого развития были на протяжении многих десятилетий запретными и клеймились как выражение антикоммунизма и антисоветизма. На этом пути было нагромождено столько мифов и фальсификаций, что ни одно обобщающее исследование послеоктябрьского периода, появившееся в СССР с конца 20-х годов, нельзя назвать подлинно научным.

Переосмысление в последние годы всей советской истории поставило перед исследователями коренной вопрос: почему на исторической почве, созданной Октябрьской революцией, возникло такое чудовищное явление, как сталинизм, опорочивший в глазах миллионов людей во всём мире идею социализма?

На этот вопрос, по-видимому, возможны только два ответа. Первый сводится к тому, что движение от социалистической революции к террористической диктатуре Сталина было исторически закономерным и неизбежным, что внутри большевизма не существовало никаких политических альтернатив этому движению. В таком случае все промежуточные этапы между Октябрем 1917 года и утверждением сталинского режима должны рассматриваться как несущественные зигзаги на пути, фатально предначертанном Октябрьской революцией, а внутрипартийная борьба 20-х годов - как исторический эпизод, любой исход которого привёл бы к результату, аналогичному сталинизму.

Другой ответ исходит из того, что сталинизм не был неизбежным логическим результатом Октябрьской революции, что его победа была в известном смысле исторически случайной, что внутри большевизма существовало сильное течение, выдвигавшее реальную альтернативу сталинизму, а борьба с этим течением выступала главной функцией сталинского террора.

Для научного обоснования любого из данных тезисов требуется прежде всего опора на возможно более полную совокупность исторических фактов. "В любой науке неправильные представления... являются в конце концов неправильными представлениями о правильных фактах. Факты остаются, даже если имеющиеся о них представления оказываются ложными" (Ф. Энгельс)².

В истории, чаще чем в любой другой науке, неправильные представления о действительных фактах являлись не столько результатом искреннего заблуж-

¹ Коэн С. Большевизм и сталинизм. Вопросы философии. 1989. № 7. С. 46.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. т. 20. С. 476.

дения, сколько сознательным или бессознательным обслуживанием политических задач. Но можно без преувеличения сказать, что до XX века никогда не формировалось такого множества исторических фальсификаций, основанных на тенденциозном выпячивании и истолковании одних исторических фактов и замалчивании других. Никогда ещё исторические фальсификации не служили в такой степени идеологическим орудием обмана народов ради проведения реакционной политики. Никогда ранее не создавалось столько идеологических амальгам, основанных на произвольном отождествлении разнородных исторических явлений, разделенных в пространстве и во времени.

Применительно к политической жизни понятие "амальгама" (в прямом значении - сплав разнородных металлов) впервые стало употребляться в эпоху Великой французской революции. После контрреволюционного переворота 27/28 июля 1794 года (9 термидора II года по республиканскому календарю) этим понятием стали обозначать практиковавшиеся термидорианцами приёмы фабрикация всевозможных "заговоров": на скамью подсудимых сажали рядом монархистов, революционных якобинцев, уголовников и т. д. Это делалось для того, чтобы перемешать виновных и невиновных и в конечном счете обмануть народ, нагнетая антиякобинскую истерию.

Уже в конце 20-х годов левая оппозиция доказывала, что Сталин и его приспешники взяли на вооружение метод амальгамы для обвинения оппозиционеров в сотрудничестве с антисоветскими силами. В 30-е годы Троцкий говорил о сталинских амальгамах в более широком смысле - как о провокационном отождествлении большевиков - противников сталинизма - с контрреволюционными заговорщиками, террористами, диверсантами, шпионами иностранных разведок. Этот метод служил главным орудием обмана советского народа и прогрессивной зарубежной общественности с целью обеспечить их доверие к самым страшным репрессивным акциям против "врагов народа". В дальнейшем точно так же амальгамировались глубоко разнородные силы: власовцы, полиция - и не запятнавшие себя сотрудничеством с гитлеровцами военнопленные, прошедшие через ад фашистских концлагерей; участники крестьянских восстаний конца 20-х - начала 30-х годов - и "раскулаченные" в порядке очередной разрядки середняки; бывшие хозяева царской России, ненавидевшие Октябрьскую революцию, которая отняла их привилегии, - и коммунисты, отважившиеся на критические суждения о сталинском руководстве; участники белогвардейских заговоров - и обыватели, пострадавшие за неосторожное слово; организаторы и члены националистических бандформирований - и подвергнутые безжалостной депортации целые народы.

Не менее произвольны и пущенные в оборот антикоммунистическими силами "сталинистские амальгамы навыворот", которые объясняют все трагические явления послеоктябрьской истории, в том числе все ужасы сталинизма, некими свойствами и пороками, якобы изначально присущими большевистской партии. Разоблачая такого рода исторические версии, возникшие в ходе дискуссий 30-х годов об истоках и природе сталинизма, Троцкий доказывал, что подобные амальгамы базируются на идеалистических представлениях о большевистской партии, как некоем всемогущем факторе истории, оперировавшем в пустом пространстве или с аморфной массой и не испытывавшем

сопротивления социальной среды или давления извне.

Значительную роль в формировании этих версий сыграли бывшие ортодоксальные коммунисты, порвавшие под влиянием трагических событий 30-х годов с коммунистическим движением и отрекшиеся от марксизма. Их суждения были подхвачены профессиональной советологией, формирование которой на Западе началось после второй мировой войны. В 40-50-х годах появились сотни работ, в которых проводилась мысль о фатальной предопределённости сталинизма характером большевистской партии и Октябрьской революции. "Ранняя" западная советология отличалась поразительным единодушием в интерпретации проблемы соотношения между большевизмом и сталинизмом. "Пережив подъём и падение различных методологии и подходов, это единодушие утвердило следующий примитивный вывод: Не существует никаких принципиальных различий, никакого логического несоответствия между большевизмом и сталинизмом, которые в политическом и идеологическом отношении представляют собой одно и то же" (С. Коэн)¹.

Такое единство взглядов объяснялось тем, что академическая западная советология, оперировавшая значительно большей совокупностью фактов, чем официальная советская историография, тем не менее также испытывала серьёзные идеологические ограничения. В обстановке "холодной войны" она исполняла определённый "социальный заказ" и в силу этого страдала собственной идеологической зашоренностью. Лишь начиная с 70-х годов, в ней произошли заметные перемены, наметился отход от прежних парадигм, поворот к более объективному освещению советской истории. Этот поворот привёл наиболее серьёзных исследователей к признанию исторической "пропасти" между большевизмом и сталинизмом.

Казалось бы, разоблачение культа личности Сталина на XX съезде КПСС должно было способствовать аналогичному плодотворному процессу в СССР и привести к разрушению бесчисленных исторических мифов, пущенных в ход сталинской школой фальсификаций. Однако две первые волны критики сталинизма в СССР (после XX и XXII съездов партии), направляемые Хрущёвым - в прошлом одним из наиболее верных сталинцев, - оставили в неприкосновенности главные мифы, насаждённые этой школой. В докладе "О культе личности и его последствиях" на XX съезде КПСС Хрущёв положительно оценивал "большую борьбу против троцкистов, правых, буржуазных националистов", чья линия якобы "вела к реставрации капитализма, к капитуляции перед мировой буржуазией". Он позитивно оценивал роль Сталина в этой "необходимой" борьбе "с теми, кто пытался сбить страну с единственно правильного, ленинского пути..."² В соответствии с такой трактовкой внутрипартийной борьбы Хрущёв объяснял происхождение "культа личности" лишь отрицательными личными качествами Сталина, якобы получившими развитие только после 1934 года.

Эта версия сохранялась в официальной пропаганде на всём протяжении Хрущёвской "оттепели". После отстранения Хрущёва от власти брежневско-условское руководство наложило запрет на всякую официальную критику

¹ Коэн С. Большевизм и сталинизм. Вопросы философии. 1989. № 7. С. 47.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 132, 162.

сталинизма, ограничив возможность обращения к этой теме лишь упоминанием об "отдельных ошибках" Сталина. Критическое переосмысление отечественной истории в этих условиях могло осуществляться лишь в нелегальных, "самиздатовских" или "тамиздатовских" формах. Загнивание брежневского режима, во многом связанное с неспособностью и нежеланием нового несменяемого руководства извлечь уроки из истории, лишало советских людей пробудившейся после XX съезда надежды на возрождение социалистических принципов в политике и идеологии.

Удушливая идеологическая атмосфера, всё более сгущавшаяся в годы застоя, вызвала стремление многих представителей советской интеллигенции к переоценке прошлого на основе традиционных амальгам, т. е. к воскрешению тезиса "Сталин - продолжатель дела Ленина и Октябрьской революции", но только со знаком минус. Если сталинистская пропаганда представляла дело Ленина и его "продолжение" как непрерывную цепь исторических побед, одержанных в борьбе с "врагами ленинизма", то диссиденты 70-80-х годов и идеологи "третьей русской эмиграции" рассматривали всю советскую историю как непрерывную цепь злодеяний и насилий над народом со стороны большевиков.

Широкому распространению данной исторической версии способствовало творчество А. Солженицына и особенно его художественное исследование "Архипелаг ГУЛАГ". Сам этот жанр, апеллирующий не столько к историческому сознанию, сколько к эмоциям читателя, оперирующий не столько документами, сколько отдельными свидетельствами современников, освобождающий автора от изложения фактов в их реальной исторической последовательности, в сочетании с художественным талантом Солженицына благоприятствовал тому, что эта версия получила признание среди как "правых", так и "левых" кругов советской интеллигенции. Сохранение в официальной историографии множества "белых пятен" и фальсификаторских клише способствовало тому, что концепция Солженицына, показавшаяся многим убедительным прочтением советской истории, выплеснувшись в конце 80-х годов на страницы нашей печати, стала преобладающей и агрессивно непримиримой по отношению ко всем иным взглядам на послеоктябрьскую историю.

Краткий период апологетики нэпа и так называемой "бухаринской альтернативы" начал сменяться возрождением давнего мифа о сталинской модели социализма как единственно возможной форме реализации марксистского учения. Место критики сталинизма заняла критика марксизма и большевизма, на которые была возложена вина за все потрясения и трудности, пережитые нашей страной, начиная с 1917 года и вплоть до нынешнего всеобъемлющего экономического и политического кризиса. Год от года нарастает вал статей, в которых корни и истоки сталинизма отыскиваются в "доктринальных предпосылках" марксизма, в идеологии и политике революционного большевизма, наконец, в якобы изначальной ущербности социалистической идеи. Причём в поддержку данной исторической версии не выдвигается никаких новых фактов, аргументов, вообще доказательств. Да и сама она представляет не итог новых исторических изысканий, а перепев основных идей белоэмигрантской и вообще антикоммунистической публицистики.

Данная версия основана на традиционной антикоммунистической концепции о "непрерывности" исторического развития после Октября 1917 года, на изображении в качестве последовательных звеньев единой исторической цепи таких глубоко разнородных по своей социально-политической сути явлений, как Октябрьская революция и гражданская война, с одной стороны, насильственная коллективизация и массовая депортация крестьян, с другой, фальсифицированные судебные процессы и государственный террор второй половины 30-х - начала 50-х годов, с третьей. При такой трактовке сбрасываются со счетов важнейшие исторические обстоятельства, разрушающие эту внешне стройную схему. Октябрьская революция и гражданская война представляли собой вооружённую борьбу народа, в своей массе поддержавшего большевиков, против коалиции сил отечественной контрреволюционной реставрации и иностранной интервенции. Коллективизация сопровождалась многочисленными вооружёнными выступлениями крестьян, грозившими перерасти в "русскую Вандею" (это, разумеется, не снимает исторической ответственности с организаторов насильственной коллективизации и свирепых мер, осуществлявшихся под лозунгом "ликвидации кулачества как класса"). Государственный террор второй половины 30 - начала 50-х годов был направлен против миллионов безоружных людей и осуществлялся инквизиторскими методами фабрикация несуществующих "дел" и выбивания под пытками "признаний" в совершении преступлений.

Амальгамирование всех этих явлений базируется на , одном формальном признаке - применении насилия, без учёта характера этого насилия, исторических условий, в которых оно осуществлялось, и классовой природы тех сил, против которых оно было направлено.

Создатели новейших исторических мифологем, не желающие видеть во всей послеоктябрьской истории что-либо кроме насилия, выстраивают мнимо последовательный ряд палачей и их жертв. К числу первых они относят Ленина, Троцкого, Свердлова, Дзержинского как якобы прямых предшественников Сталина, Ягоды, Ежова, Вышинского, Берии. К числу вторых - наряду с безвинными, жертвами сталинского террора - и действительных врагов Октябрьской революции, деятельность которых выражалась в военных действиях и вооружённых заговорах. Наконец, конструируется третья категория - палачей-жертв, т. е. погибших в годы сталинизма большевиков, которые своим участием в Октябрьской революции и гражданской войне якобы фатально подготовили свою последующую трагическую судьбу.

Точно таким же способом воскрешается другая старая советологическая догма - о сталинизме как закономерной кульминации большевистской традиции. Эта идеологическая операция (отождествление политического режима, установленного Октябрьской революцией, и политического режима сталинизма) также основывается на использовании одного общего формального признака - однопартийности, без учёта того, что представляла собой партия при Ленине и что - при Сталине.

Создатели данной идеологической мифологемы игнорируют очевидные различия между идеологией и политической практикой большевизма и сталинизма, который, сохранив привычную марксистскую терминологию и внешне

демонстрируя приверженность большевистской традиции, растоптал ключевые идеи и разрушил главные принципы и ценности большевизма: социальное равенство, социалистический интернационализм и непосредственное народовластие. Объявив идею равенства "левацкой уравниловкой", сталинизм создал новые системы привилегий и новые, не менее разительные, чем в прошлом, системы неравенства. Идею интернационализма он заменил идеологией и практикой великодержавного шовинизма и гегемонизма, идею отмирания государства - идеей укрепления государственности и практикой тотального принуждения и насилия.

Не замечают создатели новейших исторических амальгам и одну из важнейших тенденций сталинского бонапартизма: постоянство в преследовании определённой группы своих врагов. Вспомним: за два с половиной десятилетия господства сталинизма удары с одних социальных слоёв переносились на другие, некоторые преследуемые социальные группы и социальные институты внезапно переходили в разряд покровительствуемых. Так, политика "разгрома" старой интеллигенции, кульминировавшая в серии сфабрикованных политических процессов начала 30-х годов над "вредителями" из числа научных, технических и военных кадров, сменилась, пользуясь сталинскими словами, политикой "привлечения и заботы" по отношению к старым специалистам. Полоса гонений на церковь сменилась превращением её в одну из опор сталинского режима. Даже ужасы "раскулачивания" сменились восстановлением в середине 30-х годов в гражданских и политических правах так называемых "лишенцев", включая "раскулаченных". Существовала лишь одна категория жертв сталинизма, по отношению к которой террористическая политика непрерывно ужесточалась. В неё входили профессиональные революционеры и рядовые коммунисты, имевшие какое-либо касательство к внутрипартийным оппозициям 20-30-х годов.

Известно, что на всём протяжении сталинского режима любой человек, осмелившийся хранить хотя бы одну работу Троцкого или других оппозиционеров, неосторожно обмолвившийся о них хотя бы единым добрым словом, "изобличенный в связях", т. е. в совместной работе или товарищеских отношениях с кем-либо из "троцкистов", был обречён на то, чтобы получить самую жестокую статью сталинской юстиции - КРТД (контрреволюционная троцкистская деятельность). Массовый характер такого рода явлений исключает их объяснение личными антипатиями Сталина. Было, очевидно, нечто грозное для самого существования сталинского режима в идеологии, именовавшейся в те годы "троцкизмом". Страх Сталина перед ней был настолько велик, что в ходе кампании по "ликвидации троцкистских и всяких иных двурушников" он уничтожил весь правящий слой, состоявший из людей, которые сохраняли память об иных, ленинских порядках в партийной и государственной жизни. В результате этой превентивной чистки были выжжены не только все те, кто осмеливался когда-либо голосовать за программу левой оппозиции. Миллионы людей, не причастных ни к каким внутрипартийным оппозициям, а напротив, искренне или вынужденно участвовавших в борьбе с ними, тем не менее ушли из жизни с кличкой "троцкист" - самым страшным клеймом, десятилетиями господствовавшим в партии и стране.

Сегодня всем жертвам послеоктябрьской истории, будь то открытые противники большевизма или безвинные узники сталинизма, предоставлено слово на страницах советских изданий. Однако в огромном потоке мемуаров и художественных произведений, выплеснувшихся на страницы печати за последние годы и описывающих судьбы жертв сталинизма, мы, как правило, не встречаем упоминаний о судьбах действительных "троцкистов", т. е. сторонников левой оппозиции. Все эти люди, за малым исключением, были уничтожены задолго до смерти Сталина, открывшей пути первоначального переосмысления нашего трагического прошлого, а потому не успели оставить мемуарных свидетельств о своих взглядах и своей деятельности. Но даже то небольшое, что сохранилось: свидетельства "троцкистов", содержащиеся в восьмидесяти выпусках "Бюллетеня оппозиции", который выходил за рубежом в 1929-1941 годах, большинство их выступлений, публиковавшихся в советской печати 20-х годов, по-прежнему остаются неизвестными советскому читателю. В данной работе мы попытаемся восполнить этот пробел, взглянуть на советскую действительность 20-х годов глазами этих людей, сопоставить их констатации, оценки и прогнозы с беспристрастными свидетельствами исторических документов.

Такое направление исследования исключает безапелляционность доводов и априорную заданность выводов. Оно предполагает освещение исторических событий в их реальной последовательности, чего так часто недостаёт современной исторической публицистике, с лёгкостью перепрыгивающей через целые десятилетия, от периода "военного коммунизма" - к эпохам сталинщины или брежневщины и обратно. Однако только идя по пути последовательного освещения исторических событий, можно разорвать как сталинистские, так и антикоммунистические амальгамы, раскрыть действительные механизмы самой гигантской в истории политической провокации, успех которой открыл дорогу самому гигантскому в истории государственному террору.

На этом пути нам придётся столкнуться с фактами политического и нравственного перерождения людей, творивших Октябрьскую революцию и выступавших в первые послереволюционные годы ближайшими соратниками Ленина. Наряду с трагической виной этих людей, т. е. их историческими заблуждениями, мы обнаружим и сознательные неблагоприятные замыслы и действия, представлявшие разрыв с традициями, идеологией, политическими и нравственными принципами большевизма. Однако даже нашим оппонентам придётся, видимо, согласиться с тем, что перерождение отдельных лиц (которое, разумеется, имеет не только личные, но и социальные основания) - это явление, принципиально отличное от изначальной ущербности и ложности коммунистической идеологии и практики революционного большевизма.

Наше исследование облегчается тем, что развитие гласности в стране привело к обнаружению множества исторических документов, впервые извлечённых из советских архивов. Оказалось, что в условиях бюрократического режима тщательно сохранялись, хотя и под многочисленными грифами секретности, важнейшие документы (вплоть до личной переписки партийных лидеров), позволяющие существенно обогатить представление о реальных противоречиях и драматизме извилистого пути, которым шло движение от боль-

шевизма к сталинизму.

В целях придания изложению большей стройности, я не вступаю в этой книге в прямую полемику с бесчисленными историческими фальсификациями как старого, так и новейшего происхождения, хотя при работе над ней одной из задач была проверка состоятельности каждой исторической версии на основе анализа действительных фактов и подлинных исторических документов.

I

Рождение однопартийности

В марксистской теории однопартийность никогда не рассматривалась в качестве необходимой черты политического строя, возникающего после победы социалистической революции. Однако уже в ближайшие годы после Октябрьской революции большевистская партия оказалась единственной легальной и правящей политической партией.

В известном смысле такое положение было навязано большевизму враждебными ему политическими силами. Все другие политические партии, в том числе именовавшие себя социалистическими, не только отвергли социалистический выбор, предложенный большевиками, но и вступили с последними в вооружённую борьбу. Тем не менее большевики прилагали немалые усилия к тому, чтобы и далее удерживать "советские" партии (т. е. партии, входившие до октября 1917 года в Советы) в рамках советской легальности^{1*}. Даже в годы гражданской войны эсеры, меньшевики и другие левые партии допускались в Советы всякий раз, когда они отказывались от вооружённой борьбы против Советской власти. Ленин приветствовал переходы "от меньшевизма и эсеровщины, тянущих к Колчаку и Деникину, на сторону меньшевизма и эсеровщины, тянущих к Советской власти", и подчёркивал, что большевики "делали известный шаг навстречу со своей стороны"², как только эти сдвиги в чём-то реальном проявлялись. Даже в декабре 1920 года лидеры этих партий присутствовали и выступали на VIII съезде Советов в качестве приглашённых.

12 ноября 1917 года эсеры получили на выборах в Учредительное собрание 58 процентов голосов, большевики - 25 процентов. Меньшевики и близкие к ним национальные социал-демократические группы собрали менее 5 процентов, кадеты и другие буржуазно-помещичьи партии - 13 процентов голосов. Таким образом, выборы показали, что подавляющее большинство избирателей голосовало всего за две из десятков существовавших тогда политических партий. Однако эти выборы не отражали реально сложившегося к тому моменту соотношения политических сил, поскольку они проходили по устаревшим спискам, составленным до разделения эсеровской партии на две: правых и левых эсеров. Спустя три дня после выборов это размежевание, сложившееся ещё в период подготовки Октябрьского восстания, в котором левые эсеры принимали активное участие, было окончательно закреплено. Как пишет Э. Карр, "большая часть (эсеровской. - В. Р.) партии вступила в коалицию с большевиками и формально порвала с другой частью эсеров, которые продолжали яростно бороться против большевиков. Соотношение между правыми и левыми эсерами в Учредительном собрании - 370 к 40 - было случайным.

¹ Более подробно о многочисленных примерах поисков большевиками нелёгкого компромисса, основанного на принципе терпимости к "лояльным" меньшевикам и эсерам, можно прочитать в книге Э. Карра "История Советской России. Книга I: Большевистская революция. 1917 - 1923" (М., 1990. С. 146-152).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 39. С. 59.

Оно было совершенно иным, судя по соответствующему соотношению между делегатами съезда крестьян¹ (речь идёт о Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, проходившем 11-25 ноября 1917 года).

Таким образом, "народ фактически голосовал за партию, которая уже не существовала"², - писал Ленин. Это обстоятельство стало основанием для решения ВЦИК, состоявшего из большевиков и левых эсеров, о роспуске Учредительного собрания в том случае, если оно не поддержит первые декреты Советской власти. Спустя несколько дней после этого (10 декабря) Советское правительство было реорганизовано из однопартийного в коалиционное, состоявшее из 11 большевиков и 7 левых эсеров. Незадолго до подписания Брестского мира Ленин обсуждал с Прошьяном, одним из лидеров левых эсеров, вопрос о возможности слияния большевистской и левоэсеровской партий.

После заключения Брестского мира левые эсеры разорвали правительственную коалицию и вышли из Совнаркома. Однако они продолжали работать во ВЦИКе и в местных Советах. Среди делегатов V Всероссийского съезда Советов (июль 1918 года) левые эсеры составляли около трети. Лишь после вооружённого мятежа этой партии, направленного на срыв Брестского мира и отстранение большевиков насильственным путём от власти, легальная деятельность левоэсеровской партии была запрещена.

К началу 1921 года - моменту введения нэпа - все прежние "советские" партии пережили целую серию расколов. Одна часть членов этих партий отошла от политической деятельности и вступила в лояльное сотрудничество с Советской властью в государственных учреждениях, другая часть вошла в большевистскую партию^{3*}, третья часть оказалась в эмиграции или действовала в подполье, вынашивая интервенционистские замыслы против Советской власти.

Введение нэпа было воспринято буржуазно-либеральными и бывшими "советскими" партиями как возвращение к естественному, нормальному развитию русской революции, которая, с их точки зрения, должна была быть буржуазно-демократической. Вслед за либерализацией экономических отношений они ожидали аналогичных изменений в политической надстройке, т. е. установления буржуазно-демократического строя. Разномастная эмиграция, хотя и раздираемая внутренними противоречиями, была готова в любой благоприятный момент к возобновлению вооружённой борьбы против Советской власти ради свержения большевиков и ликвидации социальных завоеваний Октябрьской революции. Внутри страны существовала так называемая "внутренняя эмиграция", т. е. социальные силы, лишённые возможностей легального политического оформления, но также готовые поддержать капиталистическую реставрацию.

В этих условиях большевистская партия, с огромным трудом выведившая страну из состояния разрухи и экономической блокады, лишённая ожидавшей

¹ Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Большевистская революция. 1917-1923. М., 1990. т. 1. С. 105.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 35. С. 111.

³ Среди делегатов XII съезда РКП(б) было 14,7 процента, а среди делегатов XIII съезда - 11,6 процента выходцев из других партий.

ся поддержки от революций в других странах (многочисленные революционные выступления на Западе были жестоко подавлены, а новая революционная волна поднялась лишь в 1923 году), не допускала открытого политического волеизъявления партий, занимавших однозначно контрреволюционные позиции. Однако при этом большевики не отказывались от своей прежней программы демократизации политической жизни на основе утверждения непосредственного народовластия. Ленин и другие большевистские лидеры подчёркивали, что принуждение и насилие составляет лишь одну, и притом не главную, сторону диктатуры пролетариата. Важнейшей стороной пролетарской диктатуры они считали движение политического строя в направлении к "полугосударству", т. е. социалистическому самоуправлению трудящихся. На опыте двух первых русских революций (1905 года и Февральской) Ленин открыл политическую форму "полугосударства" - демократические Советы как выражение непосредственного участия народных масс в управлении обществом и государством.

Однако крайне низкий культурный уровень основной массы населения России не позволял добиться немедленного вовлечения её в управление государственными делами. Требовалось создание нового специального аппарата власти и управления, а это, как отчётливо понимали большевики, было чревато опасностью возрождения бюрократизма и привилегированного чиновничества. О том, что централизация и бюрократизация власти чреваты угрозой вырождения демократического централизма, Ленин писал уже в марте 1918 года, употребляя при этом понятие "централизма бюрократического".

В работах Ленина, в партийных дискуссиях первых лет Советской власти неоднократно указывалось и на опасность бюрократического перерождения партии, которая не разделяет власти с другими политическими силами и не может быть сменена другой партией. Эта опасность состоит в возникновении партийного чиновничества, сопротивляющегося отмиранию государства-процессу, признанному смести бюрократию с исторической сцены.

Для того чтобы воспрепятствовать тенденции к самовоспроизводству и саморасширению, присущей всякому бюрократическому организму, в большевистской среде шёл напряжённый поиск социальных и политических гарантий, ограждающих партию от узурпации власти партийным аппаратом и возвышающейся над ним узкой партийной олигархией. Ленин считал, что успеха можно добиться только в том случае, если в руководстве партией и страной объединятся две социальные силы - "лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе": передовые рабочие и революционная интеллигенция, т. е. "элементы действительно просвещённые, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести..."¹ Этот союз должен был основываться на высоких нравственных качествах, характерных для этих социальных сил: принципиальности, готовности к борьбе за свои убеждения, способности не поступаться ими ни перед лицом угрозы репрессий, ни перед лицом материального подкупа.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 45. С. 391.

II

О привилегиях

Приход большевиков к власти и первые попытки создания нового аппарата управления выдвинули проблему: разделение партии на "верхи" и "низы", на управляющих (профессиональных партийных и советских чиновников) и управляемых. Эта проблема могла перерасти (что и произошло впоследствии) в проблему деления членов партии на привилегированных и обездоленных, богатых и бедных.

И до и после революции, и до и после введения нэпа Ленин отстаивал принцип установления заработной платы всем должностным лицам в государстве на уровне заработной платы среднего рабочего. Напоминая, что Маркс и Энгельс считали эту меру, введённую впервые Парижской Коммуной, надёжной помехой карьеризму, безошибочным средством против превращения государства и его органов из слуг общества в его господ, Ленин подчёркивал, что именно в этом, особенно наглядном пункте учения о государстве, уроки Маркса наиболее забыты.

Уже в первые годы Советской власти принцип материального уравнивания "верхов" и "низов" партии оказался нарушен в силу действия двух основных факторов. Первый - трудно изживаемое наследие капиталистических и частнособственнических привычек и настроений, корыстное злоупотребление властью со стороны ответственных работников, устанавливавших для себя и своих близких материальные привилегии. Такого рода тенденции партия оценивала как проявление в её рядах буржуазных нравов, явлений морального разложения, тесно связанных с бюрократизмом, который в свою очередь имел две стороны, отмеченные в докладе Зиновьева на VIII съезде Советов: "Мы не оторвались ещё от буржуазного бюрократизма, но в то же самое время мы натолкнулись на своего рода социалистический бюрократизм, и теперь мы страдаем от того, что имеем бюрократизм и старого и нового типа"¹. Бюрократизм и злоупотребление властью в целях личной наживы (взяточничество, казнокрадство, самоснабжение, вымогательство и т. д.) взаимно питали и поддерживали друг друга.

Второй фактор материального неравенства между "верхами" и "низами" партии вытекал из того, что "неслыханно тяжёлое положение Советской республики в первые годы её существования, крайнее разорение и величайшая военная опасность сделали неизбежным выделение "ударных" (и потому фактически привилегированных) ведомств и групп работников"². К таким группам, получавшим большие пайки, пользовавшимся лучшим медицинским обслуживанием и т. д., относились не только рабочие "ударных" отраслей народного хозяйства, не только специалисты, наиболее "нужные" для обороны, науки, техники, культуры, но и руководящие партийные работники, здоровье которых, изнашиваемое в беспримерной по тяжести работе, Ленин называл

¹ VIII Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчёт. М., 1921. С. 217.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 41. С. 292.

"казённым имуществом". Необходимость прибегать к дополнительному питанию, улучшению жилищных и иных условий жизни для таких работников объяснялась тем, то многие из них, работая "без всякого ограничения времени, со значительно подорванным прошлой подпольной работой, ссылкой и тюремной здоровьем, окончательно подорвались и начали выбывать из строя активных работников и в центре и на местах..."¹

В отчёте о работе ЦК за период между IX и X партийными съездами отмечалось, что в первое время после Октябрьской революции неравенства в условиях жизни среди членов партии не было. Все работники, и рядовые, и ответственные, питались одинаково, бывало даже так, что ответственные работники находились в худших материальных условиях. Затем, когда в виде исключения стали устанавливаться некоторые преимущества для руководящих работников, "это было понятно всем членам партии, признавалось ими совершенно законным и не вызывало никаких нареканий. Когда же эти привилегии начали получать широкое распространение... тогда начались нарекания и против самих этих привилегий и против правильности их распределения, и в основе многих случаев появления оппозиции лежал часто не осознаваемый самой оппозицией протест против этих привилегий верхов"².

Для борьбы с такого рода явлениями ЦК создал специальную комиссию, которая подготовила циркулярное письмо ЦК ко всем партийным организациям и ко всем членам партии. В этом письме проводилось чёткое разграничение между двумя категориями ответственных работников, различающимися по своему нравственному облику и поведению. Первая категория - это те, которые показывают образцы самоотверженности и преданности делу, "отказывают себе абсолютно во всём... отдают работе все свои силы, не думая о себе и не заботясь о своём здоровье". Другая категория - это те, кто пользуется своими высокими постами для того, чтобы обеспечить себе личные привилегии. В письме определялись некоторые организационные меры, призванные ослабить и изжить данное социальное зло. В частности, Московскому комитету партии поручалось провести статистическое обследование материального положения и жилищных условий всех коммунистов Москвы и Московской губернии с целью "установления более одинаковых условий жизни для них", а также обследовать "условия пользования транспортными средствами со стороны ответственных работников с целью борьбы с расточительностью и бесконтрольностью в этой области"³.

Вопрос о допустимой мере неравенства был поставлен на обсуждение IX Всероссийской конференции РКП (б) (сентябрь 1920 года) В подготовленном Лениным проекте резолюции конференции ставилась задача "выработать вполне точные практические правила о мерах к устранению такого неравенства (в условиях жизни, в размере заработка и пр.) между "спецами" и ответственными работниками, с одной стороны, и массой, с другой стороны, - неравенства, которое нарушает демократизм и является источником разложения

¹ X съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. М., 1963. С. 801, 802. .

² Там же.

³ Известия ЦК РКП (б). 1920. № 21. С. 2, 3.

партии и понижения авторитета коммунистов..."¹ В развитие этих положений резолюция конференции указывала, что ответственные работники - коммунисты не имеют права получать персональные ставки, премии и сверхурочную оплату.

Образованная на IX конференции Контрольная Комиссия РКП (б) опубликовала "Обращение ко всем членам партии", в котором констатировались, с одной стороны, обстановка страшной нищеты, когда люди считают кусочки хлеба за драгоценность, а с другой стороны, "болезнь отрыва части работников от масс и превращения некоторых лиц, а иногда и целых группок, в людей, злоупотребляющих привилегиями... сеющих разлад, рознь, вражду внутри пролетарской партии"².

В отчёте ЦК РКП (б) за период с 15 сентября по 15 декабря 1920 года отмечалось, что неравенство в условиях жизни между членами партии особенно остро ощущается в Москве, где сосредоточено наибольшее количество ответственных работников-коммунистов. Признавая наиболее острым "вопрос о кремлёвских привилегиях", Центральный Комитет счёл необходимым создание авторитетной и беспристрастной комиссии, которая обследовала бы "положение дел Кремля, установила истинные размеры существующих привилегий, ввела их, поскольку невозможно было бы их полное устранение, в те рамки, которые были бы понятны каждому партийному товарищу и вместе с тем опровергла бы слухи и разговоры о кремлёвских порядках, то, что не соответствует действительности"³.

X съезд РКП (б) (март 1921 года), подтвердив решения IX конференции, вменил ЦК и контрольным комиссиям "в обязанность решительную борьбу с злоупотреблениями со стороны членов партии своим положением и материальными преимуществами"⁴ и подтвердил курс на уравнительность в уровне жизни коммунистов. Отметим, что Ленин в феврале 1922 года, заполняя анкету Всероссийской переписи членов РКП (б), в графе "последний месячный заработок" указал сумму в 4700 тыс. рублей, которая лишь на 37 процентов превышала тогдашнюю среднюю заработную плату фабрично-заводского рабочего.

С учётом условий нэпа, XI съезд (1922 год) в резолюции "Об укреплении и новых задачах партии" признал крайне необходимым решительно положить конец большой разнице в оплате различных групп коммунистов и поручил Центральному Комитету в срочном порядке урегулировать вопрос о чрезмерно высоких заработках, установив максимальный предел, свыше которого оставшаяся сумма заработка поступает на нужды партийной взаимопомощи. В резолюции особо отмечалось, что "беспощадным образом должны преследоваться попытки личной наживы "коммунистов" - руководителей государственных или хозяйственных органов"⁵.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 41. С. 293.

² IX конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). Протоколы. М., 1972. С. 338.

³ Известия ЦК РКП (б). 1920. № 26. С. 2.

⁴ X съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). С. 564.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях. т. 2. С. 507.

Разумеется, масштабы привилегий и неравенства между "верхами" и "низами" были в первые годы Советской власти неизмеримо ниже, чем впоследствии. Однако они были той "клеточкой", которая угрожала перерождением как большевистской партии, так и самого социального содержания социалистической революции. Этим объяснялась настойчивость, с которой партия и её ЦК вновь и вновь возвращались к вопросам борьбы с материальным неравенством и привилегиями.

III

Гарантии единства и инакомыслящее

меньшинство

Другой "клеточкой", которая грозила перерасти в раковую опухоль, разъедающую завоевания Октябрьской революции, было ограничение внутрипартийной демократии, вызванное экстремальными условиями первых лет Советской власти.

Закономерностью развития рабочей партии марксисты всегда считали борьбу внутрипартийных идейных течений, столкновение различных взглядов по конкретным политическим вопросам. В отличие от последующего толкования этой закономерности Сталиным, заявлявшим, что такая борьба должна непременно завершаться отсечением инакомыслящего меньшинства, подлинные марксисты принципиально по-иному подходили к разрешению противоречия между потребностью в единстве партии и потребностью в демократическом характере её идейной жизни.

Энгельс неоднократно подчёркивал недопустимость ограничения дискуссий и применения санкций к оппозиционному меньшинству. В письме к Ф. Зорге он писал: "Партия настолько велика, что абсолютная свобода обмена мнений внутри её является необходимостью... постараюсь убедить их (А. Бебеля и В. Либкнехта, вождей германской социал-демократии того времени. - В. Р.) в неразумности всяких вышвыриваний, которые основаны не на убедительном доказательстве вредных для партии действий, а только на обвинениях в организации оппозиции. Самая большая в империи партия не может существовать без того, чтобы в ней не проявлялись в изобилии всякого рода оттенки, и надо избегать даже видимости диктатуры..."¹.

Следуя этим организационным принципам, большевики с момента их оформления во фракцию внутри русской социал-демократической партии, а затем - в самостоятельную партию исходили из того, что условием идейного единства партии является признание всеми её членами партийной программы. Такое понимание партийного единства предполагало признание права "всякого меньшинства, чтобы этим путём отвести постоянные и неустранимые источники разногласий, недовольства и раздражения из старого кружкового, обывательского русла скандала и дразги в непривычное ещё русло оформленной и достойной борьбы за убеждения"².

Ленин неоднократно подчёркивал, что партийная дисциплина - важнейшее условие организационного единства партии - должна быть одной для всех её членов и строиться на сочетании единства действий со свободой обсуждения и критики. "Но за пределами единства действий - самое широкое и свободное обсуждение... Пока ещё нет призыва к действию, - самое широкое и свободное

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 37. С. 373, 374.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 9. С. 19.

обсуждение и оценка резолюции, её мотивов и её отдельных положений¹.

Существенный сдвиг в решении проблемы единства партии произошёл в теории и практике большевизма после Февральской революции. В дореволюционный период деятельности партии в качестве нелегальной политической организации Ленин и его соратники относительно легко шли на расколы со своими противниками по стратегическим, тактическим, организационным и даже философским вопросам - меньшевиками, ликвидаторами, примиренцами, отзовистами и т. д. Когда же партия вплотную подошла к завоеванию власти, на первый план выдвинулась проблема объединения всех сил, близких в подходе к коренным вопросам русской революции. Поэтому на предоктябрьском, VI съезде РСДРП (б) в августе 1917 года в партию было принято несколько тысяч так называемых межрайонцев - представителей различных течений социал-демократии, в прошлом полемизировавших с большевиками, а после Февральской революции сблизившихся с ними на позициях интернационализма и перерастания буржуазно-демократической революций в социалистическую.

С 1917 года Ленин уделял огромное внимание безболезненному преодолению разногласий в рядах большевиков. Были успешно разрешены разногласия по поводу новой стратегии партии, изложенной в Апрельских тезисах, а затем - связанные с принятием курса на вооружённое восстание и образованием однопартийного правительства.

Понимая, что партия, находящаяся у власти, в особой мере нуждается в единстве своих рядов, Ленин направлял постоянные усилия, во-первых, на предотвращение внутривнутрипартийных расколов и рассасывание фракций по мере решения спорных проблем и, во-вторых, на смягчение и нейтрализацию личных и групповых конфликтов между членами партии, особенно - в рядах её руководящего штаба.

В обеспечение организационного и морального единства партии огромный вклад внёс Свердлов, совмещавший два важнейших государственных и партийных поста - председателя ВЦИК и единственного секретаря ЦК, весь аппарат которого состоял из нескольких технических помощников. Свердлов воплощал в себе те нравственные принципы традиции большевизма, которые господствовали в партии и её Центральном Комитете в первые годы революции.

"В беседах того времени с Лениным, - писал Троцкий, - мы не раз отмечали, с постоянно свежим чувством удовлетворения, что одно из главных условий нашего успеха - единство и сплочённость правящей группы. Несмотря на страшный напор событий и трудностей, новизну вопросов и вспыхивавшие моментами острые практические разногласия, работа шла замечательно гладко, дружно, без перебоев... Сплочённость центра была подготовлена всей историей большевизма и поддерживалась неоспоримым авторитетом руководства, и прежде всего Ленина. Но во внутренней механике этого беспримерного единодушия главным монтером был Свердлов. Секрет его был прост - руководствоваться интересами дела, и только ими. Никто из работников партии не

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 13. С. 64, 65.

опасался интриги, ползущей из партийного штаба. Основу свердловского авторитета составляла лояльность¹.

Аналогичная характеристика роли Свердлова содержалась в речи Ленина, посвящённой его памяти. Подчёркивая, что в партии нет другого человека, обладающего таким бесспорно непрекаемым моральным авторитетом, Ленин говорил, что Свердлова "нам не заменить никогда, если под заменой понимать возможность найти одно лицо, одного товарища, совмещающего в себе такие способности... Та работа, которую он делал один в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты по всем разнообразным специальностям, - эта работа будет теперь под силу нам лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми единолично ведал тов. Свердлов, вы выдвинете целые группы людей, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек"².

Исходя из этого строго делового предложения Ленина, собравшийся спустя несколько дней после смерти Свердлова VIII съезд РКП (б) принял решение о создании коллегиальных рабочих органов ЦК - Политбюро и Оргбюро. Ответственным секретарём ЦК после съезда была избрана Стасова, а в ноябре 1919 года для согласования работы двух новых коллегий был избран ещё один секретарь ЦК - Крестинский, который в то время входил в состав и Политбюро, и Оргбюро.

Характер работы Секретариата, строго подчинённого другим высшим органам партии, определялся прежде всего тем, что ЦК был сравнительно малочисленным, собирался на свои пленарные заседания достаточно часто (только за 11 месяцев между IX и X съездами партии было проведено 30 таких заседаний) и решал на них все основные политические, организационные и кадровые вопросы. Работа ЦК была открытой, поскольку отчёты ЦК и его отделов регулярно публиковались в доступном всей партии журнале "Известия ЦК РКП (б)".

Подводя на IX съезде итоги первого года работы двух новых коллегий - Политбюро и Оргбюро, Ленин отмечал, что "работы обоих этих органов складывались в общем дружно, и практическое применение облегчалось присутствием секретаря, причём секретарём партии всецело и исключительно исполнялась воля ЦК... только коллегиальные решения ЦК, принятые в Оргбюро или в Политбюро, или пленуме ЦК, исключительно только такие вопросы проводились в жизнь секретарём ЦК партии. Иначе работа ЦК не может идти правильно"³.

Таковы были организационные гарантии единства партии. Ещё большее значение имели идейно-политические гарантии этого единства: свобода образования фракций и блоков различных партийных групп, обеспечение прав всякой лояльной оппозиции, недопустимость преследования инакомыслящих. Ленинская мысль о том, что в нашей революции "мы практически неоднократно соединяли противоположности"⁴, в полной мере может быть отнесена к

¹ Троцкий Л. Д. Завещание Ленина. - Горизонт. 1990. № 6. С. 42, 43.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 38. С. 78, 79.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 40. С. 238.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 42. С. 211.

идейной борьбе внутри партии как средству выработки правильной политической линии путём отбора всего рационального, что содержалось в различных политических платформах. Несмотря на крайнюю остроту фракционной борьбы в отдельные послеоктябрьские периоды, ни одна группировка вплоть до 1923 года не вышла (или не была выведена) из рядов партии, ни один из её лидеров не оказался отстранённым от партийного руководства.

Даже в условиях гражданской войны временные ограничения внутрипартийной демократии организационного порядка ("милитаризация партийной организации", по определению X съезда партии) не означали отказа от допустимости инакомыслия и свободы идейных дискуссий в партии. В 1918-1920 годах прошло несколько общепартийных дискуссий: о Брестском мире, о принципах построения Красной Армии, о коллегиальности и единоначалии в хозяйственном руководстве, о профсоюзах и т. д. На VII-X съездах партии заслушивались доклады или содоклады и обсуждались резолюции, выдвигаемые группами делегатов, не согласных с позицией Центрального Комитета или его большинства. Выборы на съезды и голосование на съездах часто производились по платформам.

Все эти проявления свободы партийной жизни Ленин считал естественными даже в условиях милитаризации партии. Он указывал, что при возникновении борьбы групп, течений или фракций необходимо пропорциональное представительство от них на партийных съездах или конференциях. По-прежнему считая единственным ограничением свободы фракций и блоков недопустимость их выхода за пределы партийной программы, Ленин писал: "Блокироваться разным группам (особенно перед съездом), конечно, дозволительно (и гоняться за голосами тоже). Но надо это делать в пределах коммунизма..."¹

От съезда к съезду развивалось понимание внутрипартийной демократии как политического режима, основанного на свободе дискуссий, борьбы мнений и течений в партии, гарантиях прав меньшинства, группирующегося вокруг защиты определённых политических позиций. На VIII съезде партии докладчик от ЦК по вопросам партстроительства Зиновьев заявил: "Оппозиция - вещь законная. Никто против этого ничего не имеет. Съезд для того и созывается, чтобы каждая группа нашей партии сказала своё мнение"². На IX партконференции была принята резолюция "Об очередных задачах партийного строительства", в которой содержалось специальное предупреждение против применения партийных санкций (снятия с партийных и советских постов и т. д.) по отношению к тем коммунистам, чьи взгляды оказались отвергнутыми в ходе внутрипартийной борьбы: "Какие бы то ни было репрессии против товарищей за то, что они являются инакомыслящими по тем или иным вопросам, решённым партией, недопустимы"³. В той же резолюции намечался ряд конкретных мер для создания возможностей более широкой критики внутри партии, в том числе критики местных и центральных её органов. Было признано необходимым создать специальные литературные органы - дискуссионные листки, в том числе дискуссионный листок при "Известиях ЦК РКП (б)".

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 42. С. 243.

² VIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Протоколы. М., 1959. С. 325.

³ КПСС в резолюциях и решениях. т. 2, С. 300.

Защита инакомыслящих и ограждение их от репрессий как до, так и после принятия партийных решений, рассматривалась в качестве одной из главных задач Центральной Контрольной Комиссии и контрольных комиссий на местах. В написанном Лениным проекте постановления Политбюро ставилась задача сделать контрольную комиссию "настоящим органом партийной и пролетарской совести" и поставить перед ней в качестве особого задания "внимательно-индивидуализирующее отношение, часто даже прямое своего рода лечение по отношению к представителям так называемой оппозиции, потерпевшим психологический кризис в связи с неудачами в их советской или партийной карьере. Надо постараться успокоить их, объяснить им дело товарищески, подыскать им (без способа приказывания) подходящую к их психологическим особенностям работу, дать в этом пункте советы и указания Оргбюро Цека и т. п."¹.

Другой важной задачей контрольных комиссий считалась деятельность по укреплению морального авторитета партии. X съезд РКП (б) отнёс к задачам контрольных комиссий борьбу "со вкрадывающимися в партию бюрократизмом, карьеризмом, злоупотреблениями членов партии своим партийным и советским положением, с нарушением товарищеских отношений внутри страны, с распространением неосновательных и непроверенных, позорящих партию или отдельных членов её слухов и инсинуаций и других подобных сведений, нарушающих единство и авторитет партии"².

Таким образом, даже в условиях гражданской войны, правящая партия (равно как и демократические Советы) сохраняла первоначальную самостоятельность, пользовалась неизмеримо большими политическими правами, чем спустя несколько лет, когда развернулся процесс термидорианского перерождения партийного и советского режима. Несмотря на ограничения внутрипартийной демократии, накладываемые обстановкой гражданской войны, в партии господствовал принцип, сформулированный в разгар профсоюзной дискуссии Троцким и тогда же поддержанный Лениным: "Идейная борьба в партии не значит взаимное отнимание, а значит взаимное воздействие"³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 41. С. 394.

² КПСС в резолюциях и решениях. т. 2. С. 340.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 42. С. 303.

IV

"Осадное положение" или рабочая демократия?

Многие западные историки, а вслед за ними и многие советские публицисты датируют разрушение демократического внутрипартийного режима и установление "осадного положения" в партии с X съезда (март 1921 года). Этому съезду предшествовала дискуссия о профсоюзах, в ходе которой выявилось несколько фракций: фракция большинства ЦК во главе с Лениным, Зиновьевым и Сталиным; фракции Троцкого и Бухарина, объединившиеся на одной платформе, поддержанной членами ЦК Андреевым, Дзержинским, Крестинским, Преображенским, Раковским и Серебряковым; фракция "демократического централизма" во главе с Осинским и Сапроновым и фракция "рабочей оппозиции" во главе со Шляпниковым и Коллонтай.

Острая фракционная борьба, в частности, расколовшая Центральный Комитет на две группы, нашла отражение и в изменении съездом состава ЦК и избираемых им органов. До съезда Секретариат ЦК состоял целиком из лиц, поддержавших в дискуссии позицию Троцкого. Из трёх секретарей ЦК (Крестинского, Преображенского и Серебрякова) в Центральный Комитет теперь был избран только Преображенский. Эти персональные изменения были, как мы увидим далее, инспирированы Зиновьевым и Сталиным, убедившими тогда Ленина в том, что "троцкисты" могут сохранить свою фракцию и ослабить его позиции в Центральном Комитете.

Однако за всем этим нельзя не видеть того, что съезд принял решения, направленные не на установление "осадного положения" в партии, а, напротив, на ликвидацию ограничений внутрипартийной демократии, вызванных гражданской войной.

В резолюции съезда по вопросам партийного строительства важнейшей задачей признавалось коренное изменение организационной формы деятельности партии. В условиях гражданской войны, когда вся страна превратилась в вооружённый лагерь, такой формой была "милитаризация партийной организации", находившая выражение "в крайнем организационном централизме и в свёртывании коллективных органов..."¹ Переход к деятельности партии в мирных условиях требовал установления рабочей внутрипартийной демократии - такой организационной формы, которая "обеспечивает всем членам партии, вплоть до наиболее отсталых, активное участие в жизни партии, в обсуждении всех вопросов, выдвигаемых перед ней, в решении этих вопросов, а равно и активное участие в партийном строительстве. Форма рабочей демократии исключает всякое назначенство, как систему, а находит выражение в широкой выборности всех учреждений снизу доверху, и в их подотчётности, подконтрольности и т. д."²

Точно так же на смену методам партийной работы, тяготевшим к "системе боевых приказов, которые давались руководящими партийными учреждения-

¹ КПСС в резолюциях и решениях. т. 2. С. 324.

² Там же. С. 324, 327.

ми и которые беспрекословно выполнялись без обсуждения рядовыми членами партии", должны прийти "методы широких обсуждений всех важнейших вопросов, дискуссии по ним, с полной свободой внутрипартийной критики... пока по этим вопросам не принято общеобязательных партийных решений"¹. Эти обсуждения и дискуссии должны были проходить на собраниях членов партии, вплоть до первичных ячеек, и дополняться постоянным контролем партийцев над работой руководящих органов, систематическими отчётами всех партийных комитетов не только перед высшими, но и перед низшими организациями.

В той же резолюции предусматривались меры, направленные против возникновения постоянного партийного чиновничества, того слоя, который впоследствии стал называться "номенклатурой". В этих целях предполагалось систематически откомандировывать, как это предусматривалось ещё VIII съездом партии, к станку и плугу работников, долго бывших на советской и партийной работе, причём они должны быть поставлены в обычные условия жизни рабочих^{2*}.

Однако провозглашённый X съездом новый политический курс не был реализован с той же последовательностью, как принятый тогда же новый экономический курс (нэп). Существенной помехой осуществлению внутрипартийной демократии стала принятая X съездом резолюция "О единстве партии", предусматривающая запрещение фракций, т.е. перенесение политического режима в государстве на внутреннюю жизнь правящей партии. Ленин обосновывал необходимость принятия этой резолюции чрезвычайной обстановкой в стране, крайним выражением которой стал кронштадтский мятеж, происшедший в дни съезда.

В заключительном слове на съезде Ленин прямо говорил о том, что седьмой параграф этой резолюции, предусматривающий исключение пленумом ЦК кого-либо из его членов в случае допущения им фракционности, противоречит Уставу партии и принципу демократического централизма. Он предлагал не публиковать этот параграф, исходя из того, что применение такой крайней меры, продиктованной опасностью политической обстановки, может не потребоваться. "Выбирает ЦК съезд, этим он выражает высочайшее доверие, этим он отдаёт руководство. И чтобы ЦК имел в отношении к своему члену такое право (исключения из ЦК. - В. Р.), - нигде никогда ничего подобного наша партия не допускала. Это - крайняя мера... Надеюсь, мы её применять не будем"³.

Вслед за этим Ленин выступил против поправки Рязанова, предложившего

¹ Там же.

² Сегодняшнему читателю такая "ротация" партийных кадров не может не казаться чем-то фантастическим. Однако подобная практика существовала в партии на всём протяжении 20-х годов, несмотря на все усилия Сталина по формированию "номенклатуры". Активные рабочие-коммунисты нередко переводились на штатную партийную работу, а затем, проработав на ней некоторое время, вновь возвращались на свои прежние рабочие места. Хрущёв вспоминал, что он долго находился во власти психологии и традиций 20-х годов и вплоть до 1935 года хранил у себя слесарные инструменты, полагая, что в любой момент может оказаться неизбранным на партийный пост, и тогда ему придётся вернуться к своей основной специальности слесаря. (См.: Знамя. 1989. № 9. С. 21)

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 43. С. 108.

запретить выборы на съезд по платформам. "Лишить партию и членов ЦК права обращаться к партии, если вопрос коренной вызывает разногласия, мы не можем... - говорил по этому поводу Ленин. - Если же обстоятельства вызовут коренные разногласия, можно ли запретить вынесение их на суд всей партии? Нельзя! Это чрезмерное пожелание, которое невыполнимо и которое я предлагаю отвергнуть"¹.

Ещё одной резолюцией съезда, ограничивающей права меньшинства, явилась резолюция "О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии", которая признавала несовместимой с пребыванием в ней пропаганду взглядов "рабочей оппозиции", поскольку, как доказывал Ленин, эти взгляды вступают в противоречие с программой партии. Это не означало, по мысли Ленина, что спорам вокруг толкования программы должен быть положен конец. Признание тем или иным съездом определённых идей несовместимыми с программой партии не налагает запрет на дальнейшие теоретические изыскания вокруг этих идей, которые могут завершаться предложениями изменить программу. Исходя из этого положения, Ленин считал неправильным запрещение дальнейших дискуссий по вопросам, поднятым "рабочей оппозицией".

Прямо обращаясь к лидерам "рабочей оппозиции", Ленин говорил: "Не тормози нашей политической работы, особенно в тяжёлый момент, но не оставляй научных изысканий"². И добавлял: "Если вы находите, что мы теоретически неправы, то у нас есть возможность издать десятки сборников, и если есть молодые товарищи... которые имеют сказать что-то новое по этому вопросу, то - пожалуйста..."³ Таким образом, членам этой фракции (распушенной, как и другие фракции партии, на X съезде) не только разрешалось, но и предлагалось защищать, развивать и публиковать свои идеи в теоретических изданиях партии.

Более того, в проекте резолюции "О единстве партии" Ленин подчеркнул, что "по вопросам, привлекавшим особое внимание, например, группы так называемой "рабочей оппозиции", об очистке партии от непролетарских и ненадёжных элементов, о борьбе с бюрократизмом, о развитии демократизма и самостоятельности рабочих и т. п., какие бы то ни было деловые предложения должны быть рассматриваемы с величайшим вниманием и испытываемы на практической работе"⁴. Обращая внимание на этот пункт резолюции о единстве партии, Ленин специально отмечал, что в нём нет натравливания на "рабочую оппозицию", а, напротив, содержится признание её заслуг в борьбе с бюрократизмом. Членов "рабочей оппозиции", которые указывали на "бюрократические безобразия нашего аппарата", Ленин предлагал привлечь к борьбе с бюрократическим извращением советского государства.

Анализируя всю совокупность высказываний Ленина по этим вопросам, делавшихся в накалённой обстановке съезда, под раскаты кронштадтских боёв, можно увидеть определённые противоречия, точнее - отсутствие чёткой грани между понятиями "пропаганда взглядов", признаваемая недопустимой, "теоре-

¹ Там же. С. 112.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 110.

⁴ Там же. С. 91, 92.

тические споры" вокруг этих взглядов, признаваемые не только допустимыми, но и необходимыми, и "деловые предложения", вытекающие из этих взглядов, которые ставились "рабочей оппозиции" в заслугу. Однако непредвзятый анализ ленинских высказываний показывает, как настойчиво Ленин искал эту грань - грань между фракционностью и правами меньшинства партии на инакомыслие, теоретические искания и деловые предложения.

Разделявший на X и XI съездах партии подход Ленина к "рабочей оппозиции" Троцкий несколько лет спустя отмечал, что в решениях X съезда были, во-первых, сделаны формальные шаги навстречу тому, что было правильного и здорового в критике и требованиях "рабочей оппозиции" и, во-вторых, эти формальные шаги были дополнены фактическими, в высшей степени важными шагами по очищению партии от некоммунистических элементов, которого требовала "рабочая оппозиция".

Генеральная чистка партии, намеченная X съездом в качестве первой меры по её оздоровлению, была проведена в 1921 году. В письме ЦК всем партийным организациям "Об очистке партии", разъяснявшем задачи и принципы её проведения, подчёркивалось, что она своим остриём должна быть направлена против "закомиссарившихся", "плохих сановников", в том числе бывших рабочих, которые "успели потерять все хорошие черты пролетариев и приобрести всех плохие черты бюрократов"¹. В то же время в письме отмечалось, что в ходе чистки "ни в коем случае недопустимы репрессии по отношению к инакомыслящим внутри партии (напр., против членов бывшей "рабочей оппозиции" и т. п.)"²

Сама идея партийных чисток была выдвинута Лениным в целях предотвращения внутренних опасностей, которые крылись в однопартийной системе и могли привести к перерождению социального содержания революции. В этой связи Ленин неоднократно выдвигал требования о сохранении относительной малочисленности партии, сдерживании стихийного роста её рядов. Он подчёркивал, что большевистская партия - это "единственная правительственная партия в мире, которая заботится не об увеличении числа членов, а о повышении их качества, об очистке партии от "примазавшихся"..."³

При жизни Ленина массовая кампания по приёму в партию была проведена лишь однажды - в 1919 году, когда белогвардейские армии вели наступление на Москву и Петроград, "т. е. когда Советской республике угрожала отчаянная, смертельная опасность и когда авантюристы, карьеристы, проходимцы и вообще нестойкие люди никоим образом не могли рассчитывать на выгодную карьеру (а скорее могли ожидать виселицы и пыток) от присоединения к коммунистам"⁴.

В марте 1919 году Ленин назвал правильным требование беспартийного профессора Дукельского об очищении партии и правительственных учреждений от "бессовестных случайных попутчиков, от рвачей, авантюристов, при-

¹ КПСС в резолюциях и решениях. т. 2. С. 440—442.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 39. С. 224.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 41. С. 30.

хвостней, бандитов"¹. Выдвигая такого рода требования в качестве основной задачи генеральной чистки партии 1921 года, Ленин чётко очерчивал круг её условий и принципов. Чистка партии должна быть публичной, гласной, проходящей при активном участии в ней беспартийных рабочих и крестьян; она должна распространяться на всех без исключения членов партии, в том числе и на ответственных работников, и тем самым способствовать обновлению партийного и советского аппарата с учётом мнений беспартийных трудящихся. Ленин считал участие беспартийных в чистке необходимым потому, что "в оценке людей, в отрицательном отношении к "примазавшимся", к "закомиссарившимся", к "обюрократившимся" указания беспартийной пролетарской массы, а во многих случаях и указания беспартийной крестьянской массы, в высшей степени ценны. Трудящаяся масса с величайшей чуткостью улавливает различие между честными и преданными коммунистами и такими, которые внушают отвращение человеку, в поте лица снискивающему себе хлеб, человеку, не имеющему никаких привилегий, никаких "путей к начальству"².

Среди исключённых в ходе чистки 1921 года 33,8 процента составляли пассивные люди, никак не участвующие в партийной жизни; 24,7 процента - исключённые за карьеризм, шкурничество, пьянство, ведение буржуазного образа жизни; 8,7 процента - взяточники, любители поборов в свою пользу, вымогатели, шангажисты и лица, злоупотреблявшие своим служебным положением и доверенной им властью. Однако к моменту окончания этой чистки явственно обнаружился новый и "самый худший у нас внутренний враг - бюрократ, это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту..."³, который не совершает явных злоупотреблений, но не умеет бороться с волокитой и прикрывает её. Поэтому следующая чистка должна была, как считал Ленин, коснуться "коммунистов, мнящих себя администраторами"⁴.

Ленин выдвигал ещё одно требование, призванное нейтрализовать негативные тенденции, вытекающие из наличия однопартийной политической системы. Он предлагал ввести более строгие условия приёма в ряды партии: удлинить сроки кандидатского стажа и сохранить полугодовой его срок лишь "для тех рабочих, которые не меньше 10 лет пробыли фактически рабочими в крупных промышленных предприятиях"⁵. В этой связи он считал необходимым "определить понятие "рабочий" таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта"⁶.

Эти предложения, которые Ленин собирался вынести на пленум ЦК и на съезд партии, содержались в письмах секретарю ЦК Молотову "Об условиях

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 38. С. 222.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 44. С. 123.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 45. С. 15—18.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 20.

приёма новых членов в партию" (март 1922 года). В последнем из них, которое предназначалось для передачи всем членам ЦК, ставились вопросы, выходящие за рамки данной темы и представлявшие своего рода первый набросок идей, изложенных позднее в "Письме к съезду" и других последних ленинских статьях.

Старая партийная гвардия: опасность раскола

Взвешивая и анализируя альтернативы возможного развития партии, Ленин обращал внимание на то, что партия в её тогдашнем виде ещё не представляла такой политической организм, который позволял бы ей в целом (а не какой-то одной, пусть даже лучшей её части) осуществлять функции единственной правящей партии. Недостаточную подготовленность партии к выполнению этой её роли Ленин объяснял, во-первых, тем, что "партия наша теперь является менее политически воспитанной в общем и среднем (если взять уровень громадного большинства её членов), чем необходимо для действительно пролетарского руководства в такой трудный момент, особенно при громадном преобладании крестьянства, которое быстро просыпается к самостоятельной классовой политике"¹.

Во-вторых, укрепление внутреннего и международного положения страны, новые успехи Советской республики с неизбежностью порождали "соблазны вступления в правительственную партию" для карьеристских, мелкобуржуазных элементов, напор которых в партию мог возрасти в гигантских размерах. "Если не закрывать себе глаза на действительность, - прибавлял к этому Ленин, - то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не её составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. *Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него*"². (Курсив авт. - В. Р.)

Под старой партийной гвардией Ленин понимал большевиков с подпольным стажем, а также тех, кто вступил в партию в 1917 году. О величине и доле этого "тончайшего слоя" свидетельствуют обнародованные на XIII съезде РКП (б) данные, согласно которым из 600 тыс. человек, состоявших в партии на 1 мая 1924 года, вступивших в неё до 1905 года было 0,6 процента, вступивших в 1905- 1916 годах - 2 процента, вступивших в 1917 году - менее 9 процентов. Именно эта часть партии занимала в начале 20-х годов практически все ключевые посты в руководстве партией и страной (в центре и на местах).

Впервые говоря о возможности раскола партии, Ленин видел пути его предотвращения прежде всего в том, чтобы "разрядить" сложившуюся чрезмерную концентрацию власти в руках узкого круга партийных лидеров, поставить все руководящие партийные органы под контроль передовых рабочих-коммунистов, создать систему политических гарантий, обеспечивающих свободу выражения взглядов и оценок обстановки в рядах единственной легальной, единственной правящей и потому - несменяемой партии. Только на этих путях было возможно обеспечить учёт социальных интересов всех трудящихся

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 45. С. 19, 20.

² Там же.

групп и слоёв советского общества, свободное обсуждение ещё никогда не встававших в истории проблем, связанных со становлением нового общественного строя.

Эти мысли составили, как мы увидим далее, основное содержание последних работ Ленина, а затем - платформ всех послеленинских оппозиций в партии. Однако последующее развитие событий с лихвой "перекрыло" тот прогноз, который Ленин считал самым неблагоприятным вариантом развития партии и революции. В рядах старой партийной гвардии произошла целая серия расколов; внутренняя борьба в этом слое достигла предельной остроты; в итоге не только был подорван авторитет старой партийной гвардии, но и вся она (за небольшими персональными исключениями) постепенно была устранена с политической арены и в дальнейшем физически истреблена Сталиным; политические решения уже с конца 20-х годов стали осуществляться не волей этого слоя (и тем более не волей партии как самостоятельного политического организма), а единоличной волей Сталина.

В начале 20-х годов такое развитие событий не могло представляться сколько-нибудь вероятным руководителям партии, включая, по-видимому, и самого Сталина. Лишь некоторые первоначальные моменты этого движения были предугаданы Лениным, который в своих последних письмах и статьях фиксировал внимание партии на возможности действия центробежных сил внутри старой партийной гвардии (прежде всего - внутри ЦК) и предлагал систему политических мер, направленных на обеспечение устойчивости партии и её Центрального Комитета.

Статьи и письма, продиктованные Лениным в декабре 1922 - марте 1923 годов, явились результатом его напряжённых размышлений о том, как может пойти работа в Политбюро и ЦК, если дальнейшее ухудшение здоровья вынудит его отключиться от активной политической деятельности.

Ленинские предостережения об угрозе раскола, как мы увидим дальше, явились неожиданными и не были в должной мере оценены не только рядовыми членами партии, но и значительной частью её руководителей. Ленин, знавший лучше, чем кто-либо, и историю партии, и подспудные тенденции, и конфликты в её руководстве, пришёл к выводу, что раскол партии возможен в результате действия ряда, на первый взгляд, случайных и незначительных обстоятельств. Очевидно, в последние месяцы своего участия в политической деятельности он подверг глубокому переосмыслению огромное количество фактов, лишь часть из которых стала известна нам, да и то - в самое недавнее время.

В этом отношении существенный интерес представляют сообщённые в 1989 году ветераном немецкой компартии И. Штейнбергером факты, о которых он узнал в конце 30-х годов от старых большевиков, находившихся вместе с ним в сталинских тюрьмах. Один из них рассказал ему о своей беседе с Н. А. Скрыпником, из которой следовало, что Сталин в 1921 году использовал любую возможность, чтобы настойчиво внушать Ленину о якобы угрожающих партии опасностях из-за того, что он не располагает твёрдым большинством в Центральном Комитете, и о том, что Сталин - единственный человек, способный обеспечить Ленину такое стабильное большинство. Аналогичные сведе-

ния сообщил и В. И. Невский, считавший, что введение поста генсека и назначение на него Сталина объяснялось тем, что в ходе профсоюзной дискуссии он перехитрил Ленина, с помощью ложных слухов убедив его в угрозе расщепления партии на фракционные группировки. Невский говорил, что в 1922 году он высказал Ленину свои сомнения по поводу этих сталинских интриг, но Ленин заверил его, что решения об ограничении дискуссий в партии долговечны и что он внимательно следит за деятельностью Секретариата. По словам Невского, позднее Ленин глубоко сожалел о том, что доверился Сталину, и стремился исправить эту свою ошибку в "Завещании"¹.

Определённые подтверждения этих свидетельств содержатся в заключительной речи Троцкого на октябрьском объединённом пленуме ЦК и ЦКК 1923 года. Троцкий вспоминал, что после X съезда у Ленина некоторое время существовало опасение, что он, Троцкий, создаёт свою фракцию. "Когда я это почувствовал, - говорил Троцкий, - я явился к нему специально для того, чтобы сказать, что ничего подобного нет. У нас был с ним длинный разговор, и мне кажется, что я его убедил, что никаких группировок и фракций я не создаю и что у меня этого и в мыслях нет"².

С середины 1921 года развёртывается всё более доверительное сближение Ленина с Троцким. Ни в одном ленинском документе после X съезда мы не встречаем хотя бы малейшего выражения недоверия, недружелюбия и отчужденности по отношению к нему. Многочисленные письма Ленина Троцкому этого периода, затрагивающие широкий круг теоретических, внутривнутриполитических, партийных, коминтерновских проблем, неизменно выдержаны в уважительно-товарищеском тоне. В письмах, рассылаемых членам Политбюро, и в публичных выступлениях того времени Ленин высоко оценивал качества Троцкого в области дипломатии и военного дела, с одобрением писал о его выступлениях по вопросам новой экономической политики, философии и т. д.

Пожалуй, единственный вопрос, по которому позиция Троцкого вызывала у Ленина в этот период сомнения, - этот вопрос о роли Госплана. Однако в предназначенном для XII съезда письме "О придании законодательных функций Госплану" (декабрь 1922 года) Ленин писал: "Эта мысль выдвигалась тов. Троцким, кажется, уже давно. Я выступил противником её... Но по внимательном рассмотрении дела я нахожу, что, в сущности, тут есть здоровая мысль... В этом отношении, я думаю, можно и должно пойти навстречу тов. Троцкому..."³

Но и ранее Ленин прилагал немало усилий для опровержения упорно муссировавшихся на протяжении целого ряда лет слухов о якобы кардинальных политических разногласиях и недоброжелательных отношениях между ним и Троцким. По поводу этих разговоров, получивших в первые годы Советском власти широкое хождение в народе, и Ленин, и Троцкий дали публичную отповедь ещё в начале 1919 года, причём Ленин писал, что это "самая чудовищная и бессовестная ложь, распространяемая помещиками и капиталистами, или

¹ См.: Вопросы истории. 1989. № 9. С. 175, 176.

² Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 37.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 45. С. 349, 350.

их вольными и невольными пособниками"¹. Однако эти слухи искусно раздувались и в последующие годы, причём становилось всё яснее, что дело идёт о преднамеренной интриге, идущей из верхов партии. О реакции Ленина на всё это выразительно рассказал Горький в первом варианте очерка "В. И. Ленин":

"...Даже о тех, кто по слухам - будто бы не пользовался его личными симпатиями, Ленин умел говорить, воздавая должное их энергии.

Удивленный его лестной оценкой одного из таких товарищей, я заметил, что для многих эта оценка показалась бы неожиданной.

"Да, да - я знаю! Там что-то врут о моих отношениях к нему. Врут много и, кажется, особенно много обо мне и Троцком".

Ударив рукой по столу, он сказал: "А вот указали бы другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, да ещё завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть. У нас всё есть! А - чудеса будут!"².

Этот текст сохранялся в многочисленных изданиях воспоминаний Горького о Ленине вплоть до 1931 года, когда в очередном издании очерка "В. И. Ленин" появился текст, прямо противоположный по смыслу. Последний абзац, содержащий высокую оценку деятельности Троцкого, был изъят, а вместо него появился абзац, в котором Ленину приписывались слова о Троцком: "А всё-таки не наш! С нами, а - не наш".

Основанная на многочисленных документах версия о сближении Ленина и Троцкого после X съезда партии, казалось бы, разбивается свидетельством Микояна, содержащимся в его воспоминаниях, опубликованных в начале 70-х годов. В них Микоян рассказывал, что в начале 1922 года он был вызван Сталиным, который дал ему тайное поручение в связи с подготовкой XI съезда партии.

Сталин заявил, что главная опасность на съезде может идти от Троцкого и его сторонников. Поскольку выборы в центральные органы партии будут проходить не по платформам, а по соображениям только персональных достоинств кандидатов, то в ЦК может быть избрано относительно много бывших "троцкистов". Поэтому следует добиваться того, чтобы среди делегатов съезда их оказалось как можно меньше.

В этом отношении Сталина особенно беспокоила Сибирь, где "троцкисты" пользовались значительным влиянием в своих организациях, и поэтому была велика вероятность, что многие из них окажутся избранными на съезд.

Сообщив Микояну об этом, Сталин предложил ему поехать в Новониколаевск (ныне Новосибирск) к председателю Сибревкома Лашевичу, который "сделает практические выводы, чтобы среди сибирских делегатов оказалось поменьше троцкистов". К этому Сталин присовокупил, что Микояну следует сделать вид, будто он едет в Сибирь "как бы по личным, семейным делам", и скрыть переданную ему информацию от других сибирских руководителей.

Во время этого разговора, по словам Микояна, в комнату неожиданно вошёл Ленин и спросил: "Вы свои кавказские разногласия обсуждаете?". Сталин, как пишет затем Микоян, сказал, что "он передал мне всё, что было условлено,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 37. С. 478.

² Комсомольская правда. 1990. 21 января.

и что я согласен во всём и поеду через день к Лашевичу". Далее Микоян прибавляет, что почему-то "был смущен этой неожиданной встречей с Лениным и поторопился уйти, попрощавшись с Лениным и Сталиным"¹.

Сегодня трудно сказать, почему Микоян, которому нельзя отказать ни в уме, ни в политическом опыте^{2*}, спустя полвека после этого события, никак не украшающего ни его, ни того, кому он беспрекословно служил на протяжении многих лет, решился на такое откровенное признание. Он превосходно понимал, что его свидетельство не может быть опровергнуто ни документами (ведь эта закулисная махинация Сталина происходила в форме устных конфиденциальных переговоров и не оставляла никаких письменных следов), ни воспоминаниями других участников событий (все они умерли задолго до публикации воспоминаний Микояна).

Основная канва сообщения Микояна, на наш взгляд, не может вызывать сомнений - настолько точно передан в ней интригантский почерк Сталина. Косвенным подтверждением этого сообщения является и то, что Микоян за участие в конспиративной сталинской интриге получил "награду": на XI съезде он впервые был избран кандидатом в члены ЦК.

Вместе с тем, нельзя отказать в убедительности и комментарию старого большевика А. Зимина к этому фрагменту воспоминаний Микояна: "Конечно, Микоян не был бы сам собой, если бы не припутал Ленина к этому сталинскому "мероприятию", не просто антипартийному и аморальному, но представляющему собой тяжёлое преступление против партии, носящему характер внутрипартийного заговора. Сталин, видите ли, сказал ему, что передаёт поручение Ленина. Очень вероятно, что Сталин так и сказал: свои надругательства над большевистской партией и её партийными нормами Сталин старался прикрывать именем Ленина. Но не удивительно было бы, если бы оказалось, что Микоян эту ссылку на Ленина сам присочинил: чтобы перед нынешним читателем оправдаться в исполнении предложения Сталина. Так или иначе, перед нами грязная инсинуация против Ленина, - впрочем, совершенно в неосталинистской манере подделывать политический портрет Ленина под Сталина, а ленинизм изображать прообразом сталинщины. Ленину было органически чуждо и отвратительно интриганство во внутрипартийных отношениях, а уж о тайных махинациях по подтасовке партийного съезда и говорить нечего. Да у Ленина и не было оснований бояться Троцкого и опасаться его авторитета и успехов в партии, особенно в этот период их нарастающего взаимного доверия и сближения - политического и личного. Сталин же, как мы видели, при его характере и планах, мог быть полон зависти, ненависти, подозрительности, страха по отношению к Троцкому"³.

С 1921 года Сталин начал интриговать и против Ленина, не страшась даже вступать с ним в острые конфликты. Об этом свидетельствует, в частности, за-

¹ Микоян А. И. Мысли и воспоминания о Ленине. М., 1970. С. 194-195.

² О беспримерной политической гибкости Микояна свидетельствует объективный факт - бессменное пребывание его в составе ЦК на протяжении 44 лет, намного больше, чем кто-либо другой из членов Центрального Комитета. Комментирует этот факт народное изречение о Микояне: "От Ильича до Ильича - без инфаркта и паралича".

³ Зимин А. У истоков сталинизма. 1918-1923. Париж, 1984, С. 400, 401.

пись М. И. Ульяновой, которую она сделала в результате размышлений о действительном характере взаимоотношений между Лениным и Сталиным в последние годы жизни Владимира Ильича. Она отмечала, что ещё до лета 1922 года слышала о недовольстве Сталиным со стороны Ленина. "Мне рассказывали, - писала в подтверждение этого Ульянова, - что, узнав о болезни Мартова, В. И. просил Сталина послать ему денег. "Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела! Ищите себе для этого другого секретаря", - сказал ему Сталин. В. И. был очень расстроен этим, очень рассержен на Сталина"¹.

Далее Ульянова писала, что у Ленина были и другие поводы для недовольства Сталиным. В подтверждение этого она ссылалась на рассказ старого большевика Шкловского о письме к нему Ленина, из которого "было видно, что под В. И., так сказать, подкапываются. Кто и как - это остаётся тайной"².

В этом письме, написанном 4 июня 1921 года и впервые полностью опубликованном лишь в 1989 году, говорилось: "Вы вполне правы, что обвинять меня в "протекционизме" в этом случае - верх дикости и гнусности. Повторяю, тут интрига сложная. *Используют*, что умерли Свердлов, Загорский и др. ...Есть и предубеждение, и упорная оппозиция, и *сугубое недоверие ко мне* в этом вопросе. Это мне крайне больно. Но это - факт... Я видел ещё такие примеры в нашей партии теперь. "Новые" пришли, стариков не знают. Рекомендуй - не доверяют. Повторяешь рекомендацию - усугубляется недоверие, рождается *упорство*. "А мы не хотим"!!!"³

Из содержания письма не ясно, какой и с кем конкретно конфликт имел в данном случае Ленин, но вполне ясно, что Ленину приходилось уже к тому времени неоднократно сталкиваться с резким противодействием его предложениям и даже со "сложными интригами" против него (по-видимому, прежде всего в вопросах распределения высших партийных кадров, которыми ведало Оргбюро ЦК). Активизации интриганских действий Сталина в 1921 - 1922 годах благоприятствовали частые отключения Ленина от непосредственного участия в работе центральных органов партии и государства в результате ухудшения его здоровья. В начале декабря 1921 года Ленину по предписанию врачей пришлось уехать в подмосковную деревню, где в мае 1922 года его поразил первый удар, после которого в течение двух месяцев он не был способен ни двигаться, ни говорить, ни писать.

Об этом ударе Троцкий, тогда тоже болевший, узнал лишь на третий день от посетившего его Бухарина. "И вы в постели!" - воскликнул он в ужасе. "А кто ещё кроме меня?" - спросил я. "С Ильичем плохо: удар - не ходит, не говорит. Врачи теряются в догадках"⁴.

Впоследствии Троцкий пришёл к выводу, что ему не сообщили немедленно об обострении ленинской болезни не случайно. "Те, которые давно готовились стать моими противниками, в первую голову Сталин, стремились выиграть время. Болезнь Ленина была такого рода, что могла сразу принести трагическую развязку. Завтра же, даже сегодня могли ребром встать все вопросы ру-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197.

² Там же.

³ Там же. С. 201.

⁴ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С. 446—449.

ководства. Противники считали важным выгадать на подготовку хоть день. Они шушукались между собою и нащупывали пути и приёмы борьбы. В это время, надо полагать, уже возникла идея "тройки" (Сталин - Зиновьев - Каменев), которую предполагалось противопоставить мне"¹.

Именно в эти месяцы стал складываться триумvirат ("тройка"), состоявший из Зиновьева, Сталина и Каменева, который постепенно перешёл к конспириванию не только против Троцкого, но и против больного Ленина.

С июля Ленин стал выздоравливать. Продолжая оставаться в деревне, он следил за всеми политическими новостями и через встречи с товарищами и записки принимал участие в работе Политбюро. Уже в этот период Ленин столкнулся со стремлением "тройки" отсечь Троцкого "от руководства. На соответствующее предложение Каменева Ленин откликнулся крайне нервной запиской, из которой следует, что он воспринял это предложение как грязную интригу, направленную не только против Троцкого, но и против него, Ленина. "Я думаю преувеличения удастся избежать, - гласила записка. - "Выкидывает (ЦК) или готов выкинуть здоровую пушку за борт", - Вы пишете. Разве это не безмерное преувеличение? Выкидывать за борт Троцкого - ведь на это вы намекаете. Иначе нельзя толковать - верх нелепости. Если вы не считаете меня оглупевшим до безнадёжности, то как вы можете это думать!!! Мальчики кровавые в глазах..."² В дальнейшем, после сближения с Троцким, Зиновьев и Каменев, сообщившие ему немало фактов о собственных интригах против него, учинённых в союзе со Сталиным, по-видимому, умолчали об этой ленинской записке. В противном случае, Троцкий, крайне болезненно воспринимавший измышления сталинистов о якобы неприязненных отношениях между ним и Лениным и проявлявший поэтому особое внимание к малейшим фактам, которые раскрывали действительный характер этих взаимоотношений, обязательно упомянул бы об этой записке.

Публикатор данной записки В. Наумов полагает, что она была написана после возвращения Ленина в Москву 2 октября 1922 года. В таком случае можно предположить, что интрига триумвиров, вызвавшая столь резкую отповедь со стороны Ленина, была своего рода ответом на внесённое им в сентябре в Политбюро предложение утвердить Троцкого первым заместителем председателя Совнаркома, то есть доверить ему высший государственный пост в случае затягивания или обострения болезни Ленина.

Троцкий сам отказался от этого предложения. Разъясняя мотивы этого отказа на октябрьском пленуме ЦК 1923 года, он ссылаясь на "один личный момент, который, не играя никакой роли в моей личной жизни, так сказать, в быту, имеет большое политическое значение. Это - моё еврейское происхождение"³. В этой связи Троцкий напоминал, что по этим же мотивам он возражал уже 25 октября 1917 года против предложения Ленина назначить его наркомом внутренних дел. Он считал, что "нельзя давать такого козыря в руки нашим врагам... будет гораздо лучше, если в первом революционном совет-

¹ Там же.

² Цит. по: Наумов В. 1923 год: судьба ленинской альтернативы. - Коммунист. 1991. № 5. С. 36.

³ Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 36.

ском правительстве не будет ни одного еврея"¹, поскольку в противном случае контрреволюционные силы смогут играть на самых тёмных предрассудках масс, изображая Октябрьскую революцию "еврейской революцией".

Не менее решительными были возражения Троцкого по тем же мотивам и при назначении его на посты наркома иностранных дел и наркома по военным и морским делам. Ретроспективно оценивая эту свою позицию, он говорил: "...После всей работы, проделанной мною в этой области, я с полной уверенностью могу сказать, что я был прав... быть может, я мог бы сделать гораздо больше, если бы этот момент не вклинивался в мою работу и не мешал бы. Вспомните, как сильно мешало в острые моменты, во время наступлений Юденича, Колчака, Врангеля, как пользовались в своей агитации наши враги тем, что во главе Красной Армии стоит еврей... Я никогда этого не забывал. Владимир Ильич считал это моим пунктиком и не раз так и говорил в беседах со мной и с другими товарищами как о моем пунктике. И в тот момент, когда Владимир Ильич предложил мне быть зампредсовнаркома (единоличным замом) и я решительно отказывался из тех же соображений, чтобы не подать нашим врагам повода утверждать, что страной правит еврей"².

От этого мотива - "пунктика" - Троцкий, по-видимому, решил отказаться только тогда, когда Ленин в конце ноября или в начале декабря 1922 года сказал ему, что чувствует ограниченность сил, которые может отдавать руководящей работе, и вновь предложил ему стать заместителем председателя Совнаркома. Принципиальное согласие Троцкого на это предложение, на наш взгляд, было обусловлено событиями, развернувшимися после избрания Сталина генсеком.

¹ Там же.

² Там же.

VI

Генсек: организатор и воспитатель бюрократии

Избрание Сталина генеральным секретарём произошло после XI съезда (март - апрель 1922 года), в работе которого Ленин по состоянию здоровья принимал лишь отрывочное участие (он присутствовал на четырёх из двенадцати заседаний съезда). "Когда на 11 съезде... Зиновьев и его ближайшие друзья проводили кандидатуру Сталина в генеральные секретари, с задней мыслью использовать его враждебное отношение ко мне, - вспоминал Троцкий, - Ленин, в тесном кругу возражая против назначения Сталина генеральным секретарём, произнес свою знаменитую фразу: "Не советую, этот повар будет готовить только острые блюда"... Победила, однако, на съезде руководимая Зиновьевым петроградская делегация. Победа далась ей тем легче, что Ленин не принял боя. Он не довел сопротивление кандидатуре Сталина до конца только потому, что пост секретаря имел в тогдашних условиях совершенно подчинённое значение. Своему предупреждению сам он (Ленин - В. Р.) не хотел придавать преувеличенного значения: пока оставалось у власти старое Политбюро, генеральный секретарь мог быть только подчинённой фигурой"¹.

Придя на пост генсека, Сталин сразу же широко стал пользоваться методами подбора и назначения кадров через Секретариат ЦК и подчиняющийся ему Учётно-распределительный отдел ЦК. Уже за первый год деятельности Сталина в качестве генсека Учраспред произвел около 4750 назначений на ответственные посты.

Одновременно Сталин вместе с Зиновьевым и Каменевым стал стремительно расширять материальные привилегии руководящего состава партии. На проходившей во время болезни Ленина XII партконференции (август 1922 года) впервые в истории партии был принят документ, узаконивший эти привилегии. Речь идёт о резолюции конференции "О материальном положении активных партработников", в которой было чётко определено число "активных партработников" (15 325 человек) и введена строгая иерархизация их распределения по шести разрядам. По высшему разряду должны были оплачиваться члены ЦК и ЦКК, заведующие отделами ЦК, члены областных бюро ЦК и секретари областных и губернских комитетов. При этом была оговорена возможность персонального повышения их окладов. В дополнение к высокой заработной плате все указанные работники должны были быть "обеспечены в жилищном отношении (через местные исполкомы), в отношении медицинской помощи (через Наркомздрав), в отношении воспитания и образования детей (через Наркомпрос)"², причём соответствующие дополнительные натуральные блага должны были оплачиваться из фонда партии.

Троцкий подчёркивал, что уже во время болезни Ленина Сталин всё более выступал "как организатор и воспитатель бюрократии, главное: как распреде-

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. М., 1990. т. 2. С. 189.

² КПСС в резолюциях и решениях. т. 2. С. 597.

литель земных благ"¹. Этот период совпал с концом бивуачного положения времен гражданской войны. "Более оседлая и уравновешенная жизнь бюрократии порождает потребность к комфорту. Сталин, сам продолжающий жить сравнительно скромно, по крайней мере с наружной стороны, овладевает этим движением к комфорту, он распределяет наиболее выгодные посты, он подбирает верхних людей, награждает их, он помогает им увеличивать своё привилегированное положение"².

Эти акции Сталина отвечали стремлению бюрократии скинуть с себя суровый контроль в области морали и личного быта, о необходимости которого упоминали многочисленные партийные решения ленинского периода. Бюрократия, всё больше усваивавшая перспективу личного благополучия и комфорта, "уважала Ленина, но слишком чувствовала на себе его пуританскую руку. Она искала вождя по образу и подобию своему, первого среди равных. О Сталине они говорили... "Сталина мы не боимся. Если начнёт зазнаваться - снимем его". Перелом в жизненных условиях бюрократии наступил со времени последней болезни Ленина и начала кампании против "троцкизма". Во всякой политической борьбе большого масштаба можно, в конце концов, открыть вопрос о бифштексе"³.

Наиболее вызывающие акции Сталина по созданию незаконных и секретных привилегий для бюрократии в то время ещё встречали сопротивление со стороны его союзников. Так, после принятия в июле 1923 года постановления Политбюро об облегчении детям ответственных работников условий поступления в вузы, Зиновьев и Бухарин, находившиеся на отдыхе в Кисловодске, осудили это решение заявив, что "такая привилегия закроет дорогу более даровитым и внесет элементы касты. Не годится"⁴.

Податливость к привилегиям, готовность принимать их как должное означала первый виток в бытовом и нравственном перерождении партократии, за которым неизбежно должно было последовать перерождение политическое: готовность жертвовать идеями и принципами ради сохранения своих постов и привилегий. "Связи революционной солидарности, охватывавшие партию в целом, сменились в значительной степени связями бюрократической и материальной зависимости. Раньше завоевывать сторонников можно было только идеями. Теперь многие стали учиться завоевывать сторонников постами и материальными привилегиями"⁵.

Эти процессы способствовали стремительному росту бюрократизма и интриг в партийном и государственном аппарате, чем Ленин, возвратившийся к работе в октябре 1922 года, был буквально потрясен. Кроме того, как вспоминал Троцкий, "Ленин чувствовал, что, в связи с его болезнью, за его и за моей спиной плетутся пока ещё почти неуловимые нити заговора. Эпигоны ещё не сжигали мостов и не взрывали их. Но кое-где они уже подпиливали балки, кое-где подкладывали незаметно пироксилиновые шашки... Входя в работу и с

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. т. 2. С. 238, 239.

² Там же.

³ Там же. С. 207.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 202.

⁵ Троцкий Л. Д. Сталин. т. 2. С. 248.

возрастающим беспокойством отмечая происшедшие за десять месяцев перемены, Ленин до поры до времени не называл их вслух, чтобы тем самым не обострить отношений. Но он готовился дать "тройке" отпор и начал его давать на отдельных вопросах"¹.

Одним из таких вопросов был вопрос о монополии внешней торговли. В ноябре 1922 года в отсутствие Ленина и Троцкого Центральный Комитет единогласно принял решение, направленное на ослабление этой монополии. Узнав, что Троцкий не присутствовал на пленуме и что он не согласен с принятым решением, Ленин вступил с ним в переписку (пять писем Ленина Троцкому по этому вопросу были в СССР впервые опубликованы только в 1965 году). В результате согласованных действий Ленина и Троцкого через несколько недель Центральный Комитет отменил своё решение столь же единогласно, как ранее принял его. По этому поводу Ленин, уже перенесший новый удар, после которого ему была запрещена переписка, тем не менее продиктовал Крупской письмо Троцкому, в котором говорилось: "Как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление..."²

В конце ноября 1922 года между Лениным и Троцким произошёл разговор, в котором последний поднял вопрос о росте аппаратного бюрократизма. "Да, бюрократизм у нас чудовищный, - подхватил Ленин, - я ужаснулся после возвращения к работе..." Троцкий добавил, что он имеет в виду не только государственный, но и партийный бюрократизм и что суть всех трудностей, по его мнению, состоит в сочетании государственного и партийного бюрократизма и во взаимном укрывательстве влиятельных групп, собирающихся вокруг иерархии партийных секретарей.

Выслушав это, Ленин поставил вопрос ребром: "Вы, значит, предлагаете открыть борьбу не только против государственного бюрократизма, но и против Оргбюро ЦК?" Оргбюро представляло самое средоточие сталинского аппарата. Троцкий ответил: "Пожалуй, выходит так". "Ну, что ж, - продолжал Ленин, явно довольный тем, что мы назвали по имени существо вопроса, - я предлагаю вам блок: против бюрократизма вообще, против Оргбюро в частности". "С хорошим человеком лестно заключить хороший блок"³, - ответил Троцкий. В заключение было условлено встретиться через некоторое время, чтобы обсудить организационную сторону этого вопроса. Предварительно Ленин предложил создать при ЦК комиссию по борьбе с бюрократизмом. "По существу эта комиссия, - вспоминал Троцкий, - должна была стать рычагом для разрушения сталинской фракции, как позвоночника бюрократии..."⁴

Сразу же после этого разговора Троцкий передал его содержание своим единомышленникам - Раковскому, И. Н. Смирнову, Сосновскому, Преображенскому и другим. В начале 1924 года Троцкий рассказал об этом разговоре Авербаху (молодому оппозиционеру, вскоре перешедшему на сторону правящей фракции), который в свою очередь передал содержание этой беседы Яро-

¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 452.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 54. С 327, 328.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 455.

⁴ Там же.

славскому, а последний, очевидно, сообщил о ней Сталину и другим триумвирам.

VII

"Завещание"

В свете беседы между Лениным и Троцким становится яснее смысл последних восьми работ, продиктованных Лениным на протяжении двух с небольшим месяцев (с 23 декабря 1922 года по 2 марта 1923 года). Первые три из них ("Письмо к съезду", "О придании законодательных функций Госплану", "К вопросу о национальностях или об "автономизации") Ленин не предназначал для немедленного опубликования. Очевидно, он готовил их в качестве речей на XII съезде партии. Пять остальных статей он сразу же после диктовки направил для опубликования в "Правде" в качестве материалов предсъездовской дискуссии. Только эти статьи стали достоянием советского читателя в 1923 году; остальные работы, так же как ленинские письма того времени, были опубликованы в СССР лишь после XX съезда партии. По крайней мере три из последних работ Ленина имели чрезвычайно драматическую судьбу.

Такая участь постигла, в первую очередь, "Письмо к съезду"- работу, называвшуюся в партии "Завещанием" Ленина. С одной стороны, она развивала мысли об опасности разрушения единства в рядах старой партийной гвардии, а с другой - включала предложения о создании гарантий, направленных на предотвращение раскола партии и её Центрального Комитета. Эти предложения составили в своей совокупности план политической реформы, которая, наряду со снятием Сталина с поста генсека, должна была нанести удар по бюрократизму - государственному и партийному и резко изменить внутривнутрипартийный режим в сторону его демократизации.

Понимая, что пролетарский характер политики партии в силу сложившихся исторических обстоятельств определяется, в первую очередь, единством её тончайшего слоя, Ленин усматривал причины возможного раскола партии не в разрыве союза между рабочим классом и крестьянством (эту опасность он считал вполне преодолимой при условии проведения партией правильной классовой политики), а в "обстоятельствах чисто личного свойства" - в личных качествах некоторых ведущих членов ЦК и в их неприязненных взаимоотношениях.

Из содержания "Письма к съезду" отчётливо видно, что Ленину был хорошо известен характер этих взаимоотношений (прежде всего между Троцким и Сталиным), мешавший налаживанию дружной работы Центрального Комитета и грозивший его устойчивости. Ленин хорошо знал и о стремлении некоторых его соратников использовать прошлые внутривнутрипартийные разногласия в целях дискредитации своих соперников и ослабления тем самым их роли в руководстве партией. Последним обстоятельством, по-видимому, вызвано предостережение Ленина против того, чтобы "ставить в вину лично" партийным лидерам их бывшие политические ошибки (именно такие приёмы, как мы увидим далее, заняли непомерно большое место во всех последующих партийных дискуссиях).

В конкретных условиях, сложившихся к концу 1922 года, все эти субъек-

тивные и случайные (по отношению к большим социальным процессам, динамике классовых сил) обстоятельства, по мысли Ленина, могли приобрести "слишком непомерное значение для всех судеб партии" и "ненароком привести к расколу", причём, если "партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно"¹.

В "Письме к съезду" не содержалось никаких предупреждений насчёт возможности возникновения в партии каких-либо враждебных большевизму "измов". Упор делался на деловых, политических и нравственных характеристиках членов ЦК. Такие характеристики были даны большинству членов тогдашнего Политбюро, а также двум молодым соратникам (Бухарину и Пятакову), с которыми Ленин связывал большие политические надежды. Негативная нравственная характеристика давалась одному Сталину. Только в отношении Сталина была дана и единственная персональная рекомендация съезду.

Логика рассуждений Ленина о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, в которых, как он считал, состоит "большая половина опасности раскола", вырисовывается в "Завещании" вполне отчётливо. Ленин отмечал чрезмерную самоуверенность Троцкого и его чрезмерное увлечение чисто административной стороной дела, но одновременно называл его "самым способным человеком в современном ЦК" и предостерегал от того, чтобы ставить Троцкому в вину его "небольшевизм", т. е. пребывание до июля 1917 года вне рядов большевистской партии. Далее Ленин перечислял многочисленные отрицательные качества Сталина, способные приобрести "решающее значение" в силу того, что он "сосредоточил в своих руках необъятную власть". С учётом этого, а также отношений между Сталиным и Троцким, Ленин предлагал съезду, в целях предупреждения раскола ЦК и партии, освободить Сталина от поста генсека.

В тексте записей от 23-25 декабря 1923 года Ленин, упоминая о чрезмерной концентрации в руках Сталина административной власти, ограничился лишь организационным предложением об увеличении численности членов ЦК до 50-100 человек для того, чтобы они своим компактным давлением могли сдерживать центробежные тенденции и ослаблять роль личных конфликтов в Политбюро. Но уже через десять дней это предложение показалось Ленину недостаточным и он сделал добавление, целиком посвящённое обоснованию совета о необходимости перемещения Сталина с поста генсека. "Заключительное предложение Завещания недвусмысленно показывает, откуда, по Ленину, шла опасность. Сместить Сталина - именно его и только его - значило оторвать его от аппарата... лишить его всей той власти, которую он сосредоточил в своих руках по должности"².

Опасаясь, по-видимому, того, что преждевременное ознакомление членов Политбюро с "Завещанием" может вызвать новую волну интриг и обострение внутренней борьбы в руководстве партией, Ленин в период диктовки этого документа дал своим секретарям категорические указания, чтобы письмо было абсолютно секретным и его экземпляры хранились бы в запечатанных конвертах, которые могут быть вскрыты только им и (в случае его смерти) Крупской.

Однако, как свидетельствуют недавно опубликованные документы и вос-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 45. С. 343, 345.

² Троцкий Л. Д. Завещание Ленина. — Горизонт. 1990. № 6. С. 40.

поминания секретарей Ленина, одна из них - М. А. Володичева, в день диктовки первой части письма, в которой содержались указания на опасность "конфликтов небольших частей ЦК" и намечался первый набросок политической реформы, передала эту часть письма Сталину. Прочитав этот документ, Сталин, не знавший о существовании копий, предложил Володичевой сжечь его.

Спустя несколько дней Фотиева, которой Ленин подтвердил своё решение о секретном характере письма, не решилась сказать ему о поступке Володичевой и оставила его в уверенности, что письмо никому не известно. 29 декабря Фотиева сделала устное заявление Каменеву о разглашении содержания первой части ленинского письма. Каменев попросил её дать письменное объяснение. Из письма Фотиевой по этому вопросу и приписка на письме Троцкого и Сталина следует, что с содержанием этой части ленинского документа были знакомы к тому времени Каменев, Сталин, Троцкий, Бухарин и Орджоникидзе. Сталин и Троцкий подтвердили, что больше никому они об этом документе не рассказывали.

Когда и кому из тогдашних руководителей "Письмо к съезду" стало известно целиком, включая и содержащийся в нём совет относительно Сталина? На этот вопрос помогает ответить опубликованная недавно переписка между лидерами правящей фракции, относящаяся к июлю - августу 1923 года, когда отношения между Сталиным и его тогдашними союзниками заметно обострились. В письме Каменеву из Кисловодска от 23 июля Зиновьев, возмущенный единоличными решениями Сталина, писал, что "Ильич был тысячу раз прав"¹, явно имея в виду ленинские характеристики Сталина, данные в "Завещании". Очевидно, узнав об этом от Каменева, Сталин выразил недовольство ссылками "на неизвестное мне письмо Ильича о секретаре"². В ответ на это Зиновьев и Бухарин сообщили, что "существует письмо В. И., в котором он советует (XII съезду) не выбирать Вас секретарём". Далее в письме пояснялось, что Бухарин, Каменев и Зиновьев "решили пока Вам о нём (письме. - В. Р.) не говорить. По понятной причине: Вы и так воспринимали разногласия с В. И. слишком субъективно, и мы не хотели Вас нервировать"³.

Из этих писем следует два вывода. Первый: в июле 1923 года по крайней мере трое - Зиновьев, Каменев и Бухарин - либо были знакомы с полным текстом "Письма к съезду", либо знали (очевидно от Крупской) о содержащемся в нём совете снять Сталина с поста генсека. Второй: Сталину, во всяком случае, по сведениям, имевшимся у этих трёх лиц, содержание "Письма к съезду" (за исключением первой записки от 23 декабря 1922 года) в июле - августе 1923 года ещё не было известно.

Позднее, в 1926 году, Зиновьев зачитал на пленуме приведённую выше цитату из письма, отправленного, им совместно с Бухариным Сталину. Однако Сталин в письменном заявлении пленуму утверждал, что "никакого письма Бухарина и Зиновьева из Кисловодска от 10 августа 1923 г. я не получал, - мнимая цитата из мнимого письма есть вымысел, сплетня"⁴. Эта была очеред-

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 198.

² Там же. С. 203, 205.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 192.

ная ложь Сталина, опровергаемая наличием данного письма, хранящегося до сего времени в архиве ЦК КПСС.

VIII

Для немедленного опубликования

Идеи политической реформы, содержащиеся в "Письме к съезду", получили развитие и конкретизацию в двух статьях, предназначенных Лениным для немедленного опубликования: "Как нам реорганизовать Рабкрин" и "Лучше меньше, да лучше". В них он предлагал сделать стержнем политической реформы реорганизацию ЦКК и Рабкрин и выдвигал план этой реорганизации, направленный своим остриём против чрезмерной концентрации власти в руках Политбюро, Оргбюро, Секретариата и лично Сталина. Ленин предложил XII съезду расширить состав, права и полномочия Центральной Контрольной Комиссии и в этих целях ввести в её состав 15 - 100 новых членов из числа рядовых рабочих и крестьян, которые должны были обладать равными правами с членами ЦК.

Далее Ленин предложил регулярно проводить совместные пленумы ЦК и ЦКК, которые представляли бы своего рода высшие партийные конференции. Наконец, Ленин считал нужным изменить сложившуюся к тому времени практику подготовки документов для заседаний Политбюро Секретариатом ЦК, состоявшим из генсека и двух секретарей. Он предложил ввести более строгий и ответственный порядок подготовки заседаний Политбюро, на каждом из которых присутствовало бы определённое количество членов ЦКК, предварительно проверявших все документы, которые выносятся на эти заседания. Все эти меры, по мысли Ленина, должны были уменьшить влияние чисто личных и случайных обстоятельств на работу ЦК и тем самым понизить опасность его раскола.

В 1925 году Крупская в письме К. Цеткин подчёркивала, что в лице ЦКК Ленин намеревался создать лабораторию, где продумывались бы новые методы контроля со стороны масс. "Поэтому он хотел, чтобы ЦКК состояла только из рабочих, взятых прямо с фабрик, обладающих сильным природным классовым инстинктом, и только из таких интеллигентов, которые продумали этот вопрос"¹. ЦКК должна была получить права беспристрастного и независимого партийного учреждения, противостоящего засилью партийного аппарата и отстаивающего единство партии в борьбе с политическими интригами, способными привести к её расколу. Создание параллельного Центральному Комитету высокоавторитетного партийного центра в лице Центральной Контрольной Комиссии, объединённой с Рабоче-Крестьянской инспекцией, призвано было служить преодолению келейности в работе Политбюро и ограничению власти бюрократии, прежде всего в высших звеньях партийной иерархии.

Статья "Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)" на следующий день после её завершения была направлена в редакцию "Правды", причём Ленин настаивал на её немедленном опубликовании, что означало прямое обращение к партии. Главный редактор "Правды" Бухарин не

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 205.

решался печатать эту статью. Сталин поддержал его, сославшись на необходимость обсудить статью в Политбюро. Тогда Крупская обратилась к Троцкому с просьбой способствовать скорейшей публикации статьи. На немедленно созванном по предложению Троцкого совместном заседании Политбюро и Оргбюро большинство присутствовавших вначале высказалось не только против предложенной Лениным реформы, но и против опубликования статьи. Поскольку Ленин настойчиво требовал, чтобы статья была показана ему в напечатанном виде, Куйбышев предложил отпечатать для него в единственном экземпляре особый номер "Правды" со статьёй.

Троцкий доказывал, что предложенная Лениным радикальная реформа прогрессивна и что даже при отрицательном отношении к ней нельзя скрывать предложения Ленина от партии. Остальные участники заседания отвечали на это: "Мы ЦК, мы несем ответственность, мы решаем". Главным аргументом, склонившим к публикации статьи, был тот, что Ленин всё равно пустит статью в обращение, её будут переписывать и читать с удвоенным вниманием.

Единственное, что удалось в этой ситуации Сталину, - это существенно обескровить одно из наиболее важных положений статьи: "Члены ЦКК, обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплочённую группу, которая, "не взирая на лица", должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, *ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК*, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомлённости и строжайшей правильности дел"¹. В статье, появившейся в "Правде" на следующий день после заседания Политбюро, были сняты выделенные выше слова, недвусмысленно показывающие, в ком именно Ленин видел главный источник авторитарности и бюрократизма.

Основная причина обеспокоенности большинства участников заседания содержанием статьи заключалась в том, что в ней Ленин впервые публично высказывал одну из центральных идей "Завещания" - об опасности раскола вследствие влияния "чисто личных и случайных обстоятельств" внутри Центрального Комитета. Поэтому на том же заседании было принято решение обратиться с секретным письмом к губкомам и обкомам партии, в известной степени нейтрализующим эти положения статьи. Письмо было написано Троцким и подписано всеми присутствовавшими членами Политбюро и Оргбюро.

Пойдя на компромисс с остальными партийными руководителями, Троцкий внёс в текст этого письма эластичные формулировки, предостерегающие против трактовки на местах ленинской статьи "в том смысле, будто внутренняя жизнь Цека за последнее время обнаружила какой-либо уклон в сторону раскола..."² В письме шла речь о том, что Ленин в последнее время в силу болезни оторван от текущей работы ЦК и поэтому "предложения, заключающиеся в этой статье, внушены не какими-либо осложнениями внутри Цека, а общими соображениями тов. Ленина о трудностях, которые ещё предстоят партии в предстоящую историческую эпоху"³. В заключении письма подчёркивалось,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 45. С. 387.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 179—192.

³ Там же.

что "члены Политбюро и Оргбюро во избежание возможных недоразумений считают необходимым с полным единодушием заявить, что во внутренней работе ЦЕКА совершенно нет таких обстоятельств, которые давали бы какие бы то ни было основания для опасений "раскола"¹.

Позднее, в декабре 1923 года, во время первой партийной дискуссии, проходившей без участия Ленина, т. Сапронов, один из наиболее активных оппозиционеров, в выступлении на Хамовнической районной конференции РКП (б) рассказал об эпизоде, развернувшемся вокруг публикации статьи "Как нам реорганизовать Рабкрин". Присутствовавший на конференции Каменев тут же попытался дезавуировать сообщение Сапронова, заявив при этом: "Если есть такие товарищи, которые думают, что Политбюро состоит из людей, которые хотели скрыть что-то такое из мнения Ленина, которые могут и завтра скрыть, то надо такое Политбюро сегодня же убрать"². Чтобы должным образом оценить цинизм этого заявления Каменева, подчеркнём, что к тому времени по инициативе большинства Политбюро уже была запрещена публикация двух руководящих статей Ленина: "К вопросу о национальностях или об "автономизации" и "О придании законодательных функций Госплану"³.

Хамовническая конференция избрала комиссию для проверки заявления Сапронова, которая обратилась с запросом к членам Политбюро по поводу эпизода со статьёй Ленина (тогда ещё в партии существовали такие нравы, при которых подобный запрос в Политбюро со стороны районной партийной конференции был возможен). Комиссией были получены ответы от Куйбышева и Сталина. Первый был вынужден признать, что у него, как и у некоторых других товарищей, при первом чтении статьи возникли опасения, что "в статье получила отражение болезнь Ильича"⁴. Что же касается Сталина, то он в присутствии ему манере назвал заявление Сапронова "чудовищной сплетней", хотя признал, что "вопрос о напечатании статьи Ильича вообще возник на заседании Политбюро в связи с той тревогой, которая была вызвана среди членов ЦК фразой в статье Ильича о расколе в ЦК"⁵.

После инцидента со статьёй "Как нам реорганизовать Рабкрин" Сталин и его тогдашние союзники уже не решились препятствовать публикации следующей ленинской статьи "Лучше меньше, да лучше", где развивались идеи политической реформы и содержались два новых косвенных удара по Сталину.

Во-первых, Ленин подверг резкой критике работу наркомата Рабоче-Крестьянской инспекции, который "не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения

¹ Там же.

² Там же.

³ Статья "О придании законодательных функций Госплану" была передана Крупской в Центральный Комитет партии в июне 1923 года. Тогда же был проведен опрос членов и кандидатов в члены Политбюро и руководителей ЦКК о возможности её публикации. Каменев, Зиновьев, Сталин, Томский, Бухарин, Рудзутак, Молотов, Куйбышев и Сольц однозначно высказались против публикации. За публикацию статьи безоговорочно выступил один Троцкий.

О судьбе статьи "К вопросу о национальностях или об "автономизации" мы расскажем в следующей главе.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 179—192.

⁵ Там же.

нашего Рабкрина, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать"¹. Во главе Рабкрина вплоть до середины 1922 года стоял Сталин, и коммунистам было понятно, против кого были направлены эти ленинские слова.

Во-вторых, Ленин высказывал надежду, что новый, обновленный Рабкрин, "оставит позади себя то качество, которое... до последней степени на руку всей нашей бюрократии, как советской, так и партийной"².

Эти положения, развивавшие идеи, на которых должен был основываться блок "Ленин - Троцкий", прямо били по Сталину и возглавляемой им касте партийных аппаратчиков.

Спустя некоторое время после публикации двух последних ленинских статей триумвиры стали распространять слухи о том, что Троцкий якобы выступал против ленинского плана реорганизации ЦКК и РКИ. Касаясь этих слухов, Троцкий в октябре 1923 года заявил, что "этот вопрос не раз изображался и изображается, как предмет разногласий между мною и т. Лениным, тогда как этот вопрос, подобно национальному, даёт прямо противоположное освещение группировкам в Политбюро"³. Троцкий писал, что он действительно отрицательно относился к старому Рабкрину, "однако т. Ленин в статье своей "Лучше меньше, да лучше" дал такую уничтожающую оценку Рабкрина, какой я никогда не решился бы дать... Если вспомнить, кто дольше всего стоял во главе Рабкрина, то нетрудно понять, против кого направлена была эта характеристика, равно как и статья (Ленина. - В. Р.) по национальному вопросу"⁴.

Изложив историю полемики вокруг вопроса о публикации статьи "Как нам реорганизовать Рабкрин", Троцкий подчёркивал, что в дальнейшем эта статья стала в руках тех, которые не хотели её печатать, "как бы особым знаменем с попыткой повернуть его ... против меня... Вместо борьбы против плана т. Ленина был принят путь "обезврежения" этого плана"⁵. В результате, как недвусмысленно констатировал Троцкий, ЦКК отнюдь не приняла "характер независимого, беспристрастного партийного учреждения, отстаивающего и утверждающего почву партийного права и единства от всяческих партийно-административных излишеств"⁶, на чем настаивал Ленин.

Характеризуя политическую атмосферу, в которой Ленин диктовал свои последние статьи и письма, Троцкий писал: "Ленин остро ощущал приближение политического кризиса и боялся, что аппарат задумит партию. Политика Сталина стала для Ленина в последний период его жизни воплощением поднимающего голову бюрократизма. Большой должен был не раз содрогаться от мысли, что не успеет провести уже ту реформу аппарата, о которой он перед вторым заболеванием вёл переговоры со мною. Страшная опасность угрожала, казалось ему, делу всей его жизни.

А Сталин? Зайдя слишком далеко, чтобы отступить; подталкиваемый соб-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 45. С. 393.

² Там же. С. 397.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 172, 173.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ственной фракцией; страшась того концентрического наступления, нити которого сходились у постели грозного противника, Сталин шёл уже почти напролом, открыто вербовал сторонников раздачей партийных и советских постов, терроризировал тех, которые прибегали к Ленину через Крупскую, и всё настойчивее пускал слух о том, что Ленин уже не отвечает за свои действия"¹.

¹ Троцкий Л. Д. Завещание Ленина. — Горизонт. 1990. № 6. С. 48.

IX

"Грузинский инцидент" и "держимордовский режим"

Между "Письмом к съезду" и статьями о реорганизации Рабкрин Ленин продиктовал письмо по национальному вопросу, волновавшему его не меньше, чем вопрос о внутривнутрипартийных отношениях. Написанию этого письма, названного "К вопросу о национальностях или об "автономизации" предшествовала острая борьба Ленина со Сталиным по вопросу о путях образования СССР и в связи с событиями, получившими название "грузинский инцидент".

Этот "инцидент" начался 15 сентября 1922 года, когда ЦК компартии Грузии, обсудив тезисы Сталина об образовании СССР на принципах "автономизации", т. е. вхождения национальных республик в Советский Союз в качестве автономных, большинством голосов высказался за объединение республик в единый Союз "с сохранением всех атрибутов независимости".

22 сентября 1922 года Сталин направил Ленину письмо, где освещал свой проект "автономизации" и своё понимание "национал-уклонизма". "За четыре года гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, - говорилось в этом письме, - мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство Цека РКП, как обман и лицемерие со стороны Москвы"¹. Сталин рассматривал образование Союза независимых республик как "игру", которую коммунисты национальных республик восприняли всерьёз, "упорно признавая слова о независимости за чистую монету и также упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституции независимых республик"².

Ознакомившись с этим письмом Сталина, Ленин 26 сентября направил письмо Каменеву для членов Политбюро, из которого видно: Ленин в то время ещё надеялся, что решение вопроса о добровольном объединении республик в Союз на основе их полного равноправия можно будет осуществить без серьёзной борьбы со Сталиным. Он предложил ряд формулировок текста Союзного договора, открывавших возможности "для большего равноправия". Внося поправки, кардинальным образом менявшие смысл сталинского проекта, Ленин тем не менее критиковал Сталина лишь за "устремление торопиться", очевидно, надеясь, что критика проекта, выраженная в мягкой и не задевающей самолюбие форме, побудит Сталина пойти навстречу его предложениям. Обвинение Сталиным лидера грузинских коммунистов П. Мдивани в "независимстве" Ленин брал в кавычки, тем самым явно отмежевываясь от этого обвинения.

Ознакомившись с ленинским письмом, Сталин 27 сентября отправил Ленину и другим членам и кандидатам в члены Политбюро свой ответ на него, где

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 199.

² Там же.

обвинил Ленина в "национальном либерализме". На следующий день Сталин и Каменев, узнавшие от М. И. Ульяновой о новых соображениях Ленина по этому вопросу, обменялись на заседании Политбюро следующими примечательными записками:

Каменев: Ильич собрался на войну в защиту независимости. Предлагает мне повидаться с грузинами. Отказывается даже от вчерашних поправок. Звонила Мария Ильинична.

Сталин: Нужна, по-моему, твёрдость против Ильича. Если пара грузинских меньшевиков воздействует на грузинских коммунистов, а последние на Ильича, то спрашивается - причём тут "независимость"?

Каменев: Думаю, раз Владимир Ильич настаивает, хуже будет сопротивляться.

Сталин: Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению¹.

Оставаясь несогласным с позицией Ленина, Сталин не решился открыто вступить с ним в борьбу и был вынужден переработать свой проект в духе ленинского понимания принципов образования СССР. 6 октября этот вопрос обсуждался на пленуме ЦК. Хотя Ленин отсутствовал на нём по состоянию здоровья, он поддерживал связь с партийными руководителями и грузинскими оппозиционерами и таким образом влиял на ход пленума. Рассказывая о событиях тех дней, Мдивани писал: "Сначала (без Ленина) нас били подержимордовски, высмеивая нас, а затем, когда вмешался Ленин, после нашего с ним свидания и подробной информации, дело повернулось в сторону коммунистического разума... По вопросу о взаимоотношениях принят добровольный союз на началах равноправия, и в результате всего этого удушливая атмосфера против нас рассеялась; напротив, на Пленуме ЦК нападению подверглись великодержавники - так и говорили Бухарин, Зиновьев, Каменев и другие. Проект принадлежит, конечно, Ленину, но он внесён от имени Сталина, Орджоникидзе и других, которые сразу изменили фронт ... Эта часть получила такую оплеуху, что не скоро решится снова высунуться из норы, куда её загнал Ленин... Да, атмосфера немножко рассеялась, но она может снова сгуститься"².

Действительно, после октябрьского пленума ЦК конфликт между Сталиным - Орджоникидзе, с одной стороны, и руководителями грузинской компартии, с другой, не разрядился. Орджоникидзе обзывал одного из них "спекулянтом, духанщиком", другого - "дураком и провокатором", третьему грозил расстрелом. Когда в ответ на эти оскорбления один из оппонентов Орджоникидзе назвал его "сталинским ишаком", Орджоникидзе ударил его. 19 октября ЦК компартии Грузии заявил, что он будет ходатайствовать о вхождении в Союз не Закавказской федерации в целом, а отдельных составляющих её республик. Сталин и Орджоникидзе, возглавлявший тогда Закавказский краевой комитет РКП (б), расценили это заявление как "недопустимое нарушение партийной дисциплины". Постановлением Закрайкома в тот же день был снят со своего поста секретарь ЦК КП Грузии М. Окуджава. В ответ весь состав грузинского ЦК принял решение выйти в отставку, объяснив это невозможностью работать

¹ Там же. С. 208, 209.

² Коммунист. 1989. № 3. С. 82.

при созданном Орджоникидзе "держимордовском режиме". 24 ноября Секретариат ЦК принял решение направить в Грузию комиссию под председательством Дзержинского для срочного рассмотрения конфликта между Закрайкомом и грузинскими коммунистами. 25 ноября Политбюро утвердило это решение, причём Ленин при голосовании воздержался.

Комиссия одобрила линию Орджоникидзе и признала необходимым отозвать из Грузии наиболее активных противников этой линии. О результатах работы комиссии Дзержинский 12 декабря доложил Ленину. Как впоследствии Ленин говорил Фотиевой, эта беседа и особенно рассказ о рукоприкладстве Орджоникидзе на него очень тяжело повлияли.

Придя к выводу о пристрастности комиссии Дзержинского, Ленин решил, что ему придётся выступить по национальному вопросу и "грузинскому делу" непосредственно перед съездом партии. В этих целях он продиктовал обширное письмо (фактически статью) "К вопросу о национальностях или об "автономизации", которое, по-видимому, должно было заменить на съезде его речь, если болезнь помешает ему выступить. В этом письме Ленин впервые назвал своих противников не только в "грузинском деле", но и вообще в национальном вопросе по имени, охарактеризовав их позицию как проявление великодержавного шовинизма. Он подчёркивал, что в "грузинском деле" сыграли "роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого "социал-национализма". Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль"¹. Ленин прямо указывал, что "политически-ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского" и предлагал "примерно наказать тов. Орджоникидзе"².

В письме Ленин крайне резко охарактеризовал тип бюрократа-шовиниста, представлявшего наибольшую опасность в решении национального вопроса. "Очень естественно, - писал он, - что "свобода выхода из союза", которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великорусса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ"³. К этим крайне резким определениям близка другая прозрачная характеристика, относящаяся непосредственно к Сталину: "Тот грузин, который... пренебрежительно швыряется обвинением в "социал-национализме" (тогда как он сам является настоящим и истинным не только "социал-националом" но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности..."⁴

Продолжая после написания этой статьи готовиться к тому, чтобы дать Сталину на XII съезде бой по национальному вопросу, Ленин пришёл к мысли о необходимости ещё раз рассмотреть "грузинский инцидент". "Доследовать или расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского" Ленин считал необходимым для "исправления той громадной массы неправильностей и при-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 357—361.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

страстных суждений, которые там несомненно имеются"¹.

24 января он через Фотиеву запросил у Дзержинского и Сталина материалы комиссии по грузинскому вопросу и дал поручение трём своим секретарям детально изучить их. И хотя во время болезни Ленина заключение комиссии Дзержинского было одобрено Оргбюро, а затем Политбюро, постановившим отозвать из Грузии четырёх главных лидеров грузинской оппозиции, 1 февраля Политбюро приняло решение о передаче материалов по грузинскому вопросу комиссии, созданной Лениным. Кроме того, 6 февраля Сталин через своего секретаря передал секретарю Ленина распоряжение немедленно доложить Ленину "Краткое изложение письма ЦК РКП губкомам и обкомам о конфликте в компартии Грузии", где сообщалось о решении Политбюро по поводу этого конфликта.

После получения всех этих материалов Ленин продиктовал Фотиевой список вопросов, на которые следует обратить внимание при подготовке для него справки: за что старый ЦК компартии Грузии обвинили в уклонизме и нарушении партийной дисциплины; за что обвиняют Заккрайком в подавлении ЦК КП Грузии; рассматривала ли комиссия Дзержинского только обвинения против ЦК КП Грузии или также обвинения против Заккрайкома (в том числе "случай биомеханики", т. е. физической расправы Орджоникидзе со своим оппонентом); какова была линия ЦК в отсутствие Ленина.

14 февраля Ленин дал указание Фотиевой "намекнуть Сольцу (члену Президиума ЦКК РКП (б), которому было поручено рассмотрение "грузинского дела". - В. Р.), что он (В. И. Ленин - ред.) на стороне обиженного. Дать понять кому-либо из обиженных, что он на их стороне". В том же поручении Ленин задавал вопрос: "Знал ли Сталин? (очевидно, о поступке Орджоникидзе. - В. Р.). Почему не реагировал?" и тут же формулировал свою принципиальную мысль: "Название "уклонисты" за уклон к шовинизму и меньшевизму (излюбленные обвинения Сталина и Орджоникидзе в адрес старого грузинского ЦК. - В. Р.) доказывает этот самый уклон у великодержавников"².

Из воспоминаний Фотиевой о работе ленинской комиссии явствует, что последняя столкнулась с аппаратными интригами вокруг "грузинского дела". Так, Сольц сообщил Фотиевой, что заявление Кобахидзе в ЦКК пропало, но это не имеет важного значения, поскольку в ЦКК находится "объективное изложение" Рыкова, который при этом инциденте присутствовал. Рыков же в своём "объективном изложении" делал упор на то, что "т. Орджоникидзе был прав, когда истолковал как жестокое личное оскорбление те упреки, которые ему сделал т. Кобахидзе"³.

3 марта Фотиева передала Ленину заключение комиссии, созданной по его распоряжению, под заглавием "Краткое изложение конфликта в грузинской компартии". Ознакомившись с этим документом и чувствуя, что по состоянию здоровья он едва ли сумеет принять участие в работе XII съезда, Ленин сказал Фотиевой, что считает свою статью "К вопросу о национальностях или об "автономизации", готовившуюся к съезду, руководящей и собирается её опубли-

¹ Там же

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 607.

³ Дубинский-Мухадзе И. Орджоникидзе. М., 1967. С. 270

ковать, но несколько позже. 5 марта он поручил Володичевой передать эту статью Троцкому в сопровождении двух записок. Первая записка включала следующий текст, продиктованный Лениным:

"Уважаемый тов. Троцкий!

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне всё дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия.

С наилучшим товарищеским приветом Ленин"¹.

Вторая записка, написанная Володичевой, содержала сообщение о том, что "Владимир Ильич просил добавить для Вашего сведения, что т. Каменев едет в Грузию в среду (на съезд компартии Грузии. - В. Р.) и Владимир Ильич просит узнать, не желаете ли Вы послать туда что-либо от себя"².

Получив статью и две записки, Троцкий спросил: "Почему вопрос так обострился?" Секретари Ленина сообщили ему о выводах, к которым пришёл Ленин в результате знакомства с материалами "грузинского дела". Эти выводы, по их словам, сводились к тому, что "Сталин снова обманул доверие Ленина: чтоб обеспечить себе опору в Грузии, он за спиной Ленина и всего ЦК совершил там при помощи Орджоникидзе и не без поддержки Дзержинского организованный переворот против лучшей части партии, ложно прикрывшись авторитетом центрального комитета"³. Секретари передали также, что Ленин крайне взволнован подготовкой Сталиным предстоящего партийного съезда, особенно в связи с его фракционными махинациями в Грузии.

"Намерения Ленина, - вспоминал Троцкий, - стали мне теперь совершенно ясны: на примере политики Сталина он хотел вскрыть перед партией, и притом беспощадно, опасность бюрократического перерождения диктатуры"⁴. Впоследствии Троцкий объяснял настойчивое внимание Ленина к "грузинскому делу" также тем, что "в национальном вопросе, где Ленин требовал особой гибкости, всё откровеннее выступали клыки имперского централизма"⁵.

Получив сообщение ленинских секретарей, Троцкий тут же попросил Фотиеву узнать у Ленина, может ли он познакомиться с ленинскими рукописями Каменева, отправлявшегося на следующий день на партийный съезд в Грузию, чтобы побудить его действовать там в ленинском духе.

Через четверть часа Фотиева пришла от Ленина с отрицательным ответом: "Ни в коем случае!" - "Почему?" - "Владимир Ильич говорит: "Каменев сейчас же всё покажет Сталину, а Сталин заключит гнилой компромисс и обманет". - "Значит, дело зашло так далеко, что Ильич уже не считает возможным заключить компромисс со Сталиным даже на правильной линии?" - "Да, Ильич не верит Сталину, он хочет открыто выступить против него перед всей партией.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 148.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 459, 460.

⁴ Там же.

⁵ Троцкий Л. Д. Завещание Ленина. — Горизонт. 1990. № 6. С. 47.

Он готовит бомбу"¹.

Примерно через час после этой беседы Фотиева снова пришла к Троцкому и передала ему записку Ленина, адресованную Мдивани и Махарадзе, главным противникам сталинской политики в Грузии:

"Уважаемые товарищи!

Всей душой слежу за Вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь"².

Поскольку записка в копии была адресована не только Троцкому, но и Каменеву, Троцкий спросил, чем объясняется это новое решение Ленина. Фотиева ответила: "Его состояние ухудшается с часу на час... Ильич уже с трудом говорит... Грузинский вопрос волнует его до крайности, он боится, что свалится совсем, не успев ничего предпринять. Передавая записку, он сказал: "Чтоб не опоздать, приходится прежде времени выступить открыто"³.

В тот же день Троцкий пригласил к себе Каменева и познакомил его с ленинской статьёй и записками. Далее Троцкий снял для себя копию статьи и положил её идеи в основу своих поправок к тезисам Сталина и своей статьи по национальному вопросу, опубликованной 20 марта в "Правде".

Уже 6 марта Троцкий послал Сталину замечания к его тезисам "Национальные моменты в партийном и государственном строительстве". В этих замечаниях Троцкий предлагал Сталину сказать о наличии в партии великодержавного уклона и уклона со стороны "националов", подчёркивая при этом, что второй - и исторически, и политически является реакцией на первый. Троцкий также предложил снять содержавшееся в тезисах Сталина категорическое утверждение об уже достигнутом правильном решении национального вопроса в СССР.

Сталин принял эти поправки. В исправленных с учётом замечаний Троцкого тезисах доклада Сталина на XII съезде, опубликованных 24 марта в "Правде", на первое место выдвигалась "особая опасность" великодержавного уклона.

Борьбу за решение "грузинского конфликта" в ленинском духе Троцкий продолжил на заседании Политбюро 26 марта, где вновь обсуждался этот вопрос. Здесь Троцкий выдвинул предложение об отзыве Орджоникидзе с поста секретаря Заккрайкома, которое было отклонено большинством голосов. Ознакомившись 28 марта с протоколом заседания Политбюро, в котором упоминалось только это его предложение, Троцкий направил в Секретариат ЦК записку, в которой потребовал включить в протокол два других его предложения, также отклонённых на этом заседании: "1) констатировать, что Закавказская федерация в нынешнем своём виде представляет собою искажение советской идеи федерации в смысле чрезмерного централизма; 2) признать, что товарищи, представляющие меньшинство в Грузинской компартии, не представляют собою "уклона" от партийной линии в национальном вопросе; их политика в этом вопросе имела оборонительный характер - против неправильной

¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 460.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 330.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 460.

политики т. Орджоникидзе"¹.

Наконец, Троцкий сделал попытку привлечь к борьбе за ленинские идеи в национальном вопросе Бухарина. В письме к нему от 1 апреля Троцкий писал: "Мне кажется, что Вам следовало бы написать статью по национальному вопросу до партсъезда и не беглую, а основательную статью. Ваша особая позиция в прошлом в этом вопросе, разумеется, известна"^{2*}. Тем важнее показать сейчас полное единодушие в этом вопросе - не в смысле демонстрации официального благополучия, а в том смысле, что основное ядро партии поведёт единую и непримиримую борьбу против всякой фальши в этом вопросе"³.

Таким образом, Троцкий сделал всё возможное для того, чтобы идеи ленинской статьи стали известны партии и были проведены в жизнь. Вместе с тем он не ставил вопроса о публикации этой статьи, пока "оставалась хоть тень надежды на то, что Владимир Ильич успел сделать относительно этой статьи какие-либо распоряжения насчёт партийного съезда, для которого она... пред-назначалась..."⁴

Положение круто изменилось 16 апреля, когда Фотиева подготовила письмо Сталину, в котором говорилось, что она считает своим партийным долгом довести до его сведения статью "К вопросу о национальностях или об "автономизации", хотя и не имеет на это формального распоряжения Ленина. Фотиева мотивировала это своё решение тем, что "Владимира Ильича сильно волновал национальный вопрос и он готовился выступить по нему на партсъезде, а в этой статье его точка зрения по данному вопросу выражена очень ярко"⁵.

Сталин отказался принять письмо Фотиевой, заявив ей, что "он в это не вмешивается". Тогда Фотиева направила письмо Каменеву (как председателю в Политбюро), где вновь подчеркнула, что "статью эту Владимир Ильич считал руководящей и придавал ей большое значение. По распоряжению Владимира Ильича она была сообщена т. Троцкому, которому Владимир Ильич поручил защищать его точку зрения по данному вопросу на партсъезде ввиду их солидарности в данном вопросе"⁶. Копию этого письма Фотиева послала Троцкому.

В тот же день Каменев переслал в Секретариат ЦК записку Фотиевой, высказав при этом своё мнение о том, что "ЦК должен сейчас же решить положительно вопрос об опубликовании статьи Владимира Ильича". Одновременно в ответе Фотиевой он подтвердил: "более месяца тому назад т. Троцкий показывал мне статью Владимира Ильича по национальному вопросу"⁷.

Троцкий в свою очередь направил в Секретариат ЦК заявление, обращённое ко всем членам ЦК, к которому приложил копию статьи Ленина и записок Ленина и Володичевой от 5 и 6 марта. В заявлении обращалось внимание на то, что помимо своего принципиального значения, статья несёт особую остроту, поскольку в ней содержится резкое осуждение по адресу трёх членов ЦК.

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 153—161.

² Бухарин до Октябрьской революции выступал против идеи о праве наций на самоопределение.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 153—161.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

"При создавшейся ныне обстановке, как она окончательно определяется запиской т. Фотиевой, - писал он в заявлении, - я не вижу другого исхода, как сообщить членам Центрального Комитета статью, которая, с моей точки зрения, имеет для партийной политики в национальном вопросе не меньшее значение, чем предшествующая статья по вопросу об отношении пролетариата и крестьянства"¹.

Заявление Троцкого заканчивалось следующей фразой: "Если никто из членов ЦК - по соображениям внутрипартийного характера, значение которых понятно само собой, - не поднимет вопроса о доведении статьи в том или другом виде до сведения партии или партсъезда, то я со своей стороны буду рассматривать это как молчаливое решение, которое снимает с меня личную ответственность за настоящую статью в отношении партсъезда"².

Эта фраза носила двусмысленный характер. Из неё не было ясно - станет ли Троцкий выступать на съезде с требованием опубликовать ленинскую статью или хотя бы ознакомить с ней делегатов съезда или он пойдет ещё раз на компромисс со Сталиным, отказавшись бороться за публикацию статьи, которая во всех отношениях была бы для последнего опасной.

Прочитав письма Каменева и Троцкого, Сталин резко изменил свою тактику. По-видимому, сразу же после их получения он вступил в переговоры с Ульяновой и Фотиевой, итогом которых явилось написанное в 9 часов вечера новое письмо Фотиевой Сталину. В нём сообщалось, что Ульянова высказалась в том смысле, что печатать статью нельзя, так как прямого распоряжения Ленина об её опубликовании не было, и поэтому она считает возможным лишь ознакомление с нею делегатов съезда. Со своей стороны Фотиева на этот раз прибавляла, что "Владимир Ильич не считал эту статью законченной и готовой для печати"³.

Это письмо Фотиевой Сталин не только принял, но и немедленно его использовал. В 10 часов вечера он написал заявление членам ЦК с резкими обвинениями в адрес Троцкого. "Я очень удивлён, - говорилось в этом заявлении, - что статьи тов. Ленина, имеющие безусловно высокопринципиальное значение и полученные тов. Троцким ещё 5-го марта сего года, тов. Троцкий нашёл возможным держать под спудом более чем месяц, не доводя его (так в тексте. - В. Р.) до сведения Политбюро или Пленума ЦК вплоть до кануна открытия XII партсъезда. Об этих статьях говорят, как мне сообщают сегодня делегаты съезда, вокруг них складываются среди делегатов слухи и легенды, о них знают, как я узнал сегодня, люди, ничего общего с ЦК не имеющие, сами члены ЦК вынуждены питаться этими слухами и легендами, между тем ясно, что ЦК должен был быть прежде всего информирован об их содержании"⁴. Заявление заканчивалось фарисейским утверждением: "Я думаю, что статьи тов. Ленина следовало бы опубликовать в печати. Можно только пожалеть, что, как это ясно из письма тов. Фотиевой, их, оказывается, нельзя опубликовать,

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

так как они ещё не просмотрены тов. Лениным"¹.

Получив это заявление Сталина, Троцкий тут же направил письмо членам ЦК, в котором сообщал, что статья была прислана ему Лениным в секретном и личном порядке и что "несмотря на выраженное мною в тот же час намерение ознакомить членов Политбюро со статьёй, т. Ленин категорически высказался против этого через т. Фотиеву"². Троцкий напоминал, что через два дня после получения им статьи здоровье Ленина ухудшилось и поэтому дальнейшие переговоры с ним по этому вопросу прекратились. Далее Троцкий писал, что только из вчерашнего разговора с Фотиевой по телефону и из её записки Каменеву он узнал, что никаких распоряжений относительно статьи Лениным не было сделано, и поэтому передал вопрос о судьбе статьи на решение ЦК. В случае осуждения кем-либо его поведения в этом вопросе Троцкий предлагал расследовать его в конфликтной комиссии съезда или в особой комиссии.

В тот же день Троцкий имел личную беседу со Сталиным, в которой последний заявил, что в вопросе о судьбе ленинской статьи он не видит никаких неправильных шагов со стороны Троцкого и подтвердит это в письменном заявлении. 18 апреля Троцкий направил Сталину письмо, в котором указывал, что такого заявления он не получил, в то время как первое заявление Сталина "остаётся до настоящего момента не опровергнутым Вами и позволяет некоторым товарищам распространять соответствующую версию среди части делегатов"³. После этого Сталин немедленно снял свои обвинения в адрес Троцкого. Однако сам факт разжигания склоки по этому вопросу, очевидно, явился одной из причин того, что Троцкий не проявил должной решительности при дальнейшем обсуждении судьбы ленинской статьи.

Президиум XII съезда на заседании от 18 апреля констатировал, что "записка т. Ленина по национальному вопросу стала известной ЦК только накануне съезда, совершенно независимо от воли какого-либо из членов ЦК, а лишь в связи с отданными т. Лениным распоряжениями и с ходом его болезни"⁴, поэтому распространение каких-либо слухов о задержке обнародования этой записки является клеветой. Одновременно было принято решение: огласить записки Ленина по национальному вопросу, а также весь материал, относящийся к ним, на заседании "сеньорен-конвента"^{5*}; после этого членам президиума огласить эти материалы на делегациях съезда; не оглашать эти материалы на секции съезда по национальному вопросу.

Об атмосфере, в которой происходило обсуждение вопроса о судьбе ленинской статьи, свидетельствуют следующие факты. На заседании президиума съезда Троцкий привёл слова Ленина, мотивирующие запрещение показывать

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ XII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. М., 1968. С. 821.

⁵ Для облегчения своих маневров во время работы съезда триумвиры добились (впервые в истории партии) учреждения особого органа - "совета старейшин" или "сеньорен-конвента", который создавался из представителей делегаций (по одному представителю на 10 делегатов). Фактически был создан второй, "малый съезд", сформированный преимущественно из ведущих аппаратчиков и призванный предопределять ход работы официального съезда.

эту статью другим членам Политбюро: "Сталин пойдет на гнилой компромисс и обманет". Сталин же на заседании "сеньорен-конвента" позволил себе заявить, что статья и записки по национальному вопросу были "написаны большим Лениным под влиянием "бабья".

Несмотря на это, на заседании говорилось "как о чем-то само собою разумеющемся", что ленинская статья должна быть опубликована, может быть, как предлагали некоторые, лишь с удалением "слишком резких личных моментов"¹. Тем не менее, "сеньорен-конвент" подтвердил решение президиума съезда о запрещении оглашать ленинские документы на пленарных заседаниях и на секции по национальному вопросу, в результате чего грузинские оппозиционеры были лишены права даже ссылаться на эти документы. Когда Мдивани в своей речи пытался цитировать отдельные положения ленинской статьи, председательствующий Каменев грубо прерывал его.

После съезда статья Ленина распространялась в списках среди членов партии и даже попала за рубеж, в результате чего она была опубликована 17 декабря 1923 года в меньшевистском эмигрантском журнале "Социалистический вестник". Несмотря на это, запрет на её публикацию в СССР не был снят вплоть до 1956 года.

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 172.

Х

Роковые дни

В те месяцы, когда Ленин работал над своими последними статьями, внутри Политбюро происходили чрезвычайно драматические процессы. Приближался XII съезд партии. 11 января Политбюро утвердило Ленина докладчиком по политическому отчёту ЦК съезду. Однако вскоре стало ясно, что состояние здоровья Ленина оставляет мало надежды на возможность его участия в работе съезда. Встал вопрос о том, кому поручить выступление с основным политическим докладом.. Сталин на заседании Политбюро по этому поводу заявил: "Конечно, Троцкому". Его поддержали Калинин, Рыков: и Каменев (Зиновьев в это время находился в отпуске на Кавказе). Троцкий возразил против этого предложения, заявив, что партии будет не по себе, если кто-нибудь попытается как бы персонально заменить больного" Ленина. Он предложил провести съезд без вводного политического доклада, а членам Политбюро выступить с докладами по основным пунктам повестки дня. Троцкий прибавил к этому, что его отказ связан и с тем, что у него существуют с большинством Политбюро разногласия по хозяйственным вопросам: "Какие там разногласия?" - ответил Сталин. Калинин прибавил: "Почти по всем вопросам в политбюро проходят всегда ваши решения"¹.

"Сталин знал, - вспоминал впоследствии Троцкий, что со стороны Ленина на него надвигается гроза, и со всех сторон охаживал меня. Он повторял, что политический доклад должен быть сделан наиболее после Ленина влиятельным и популярным членом ЦК, т. е. Троцким что партия ничего другого не ждёт и не поймёт. В своих попытках фальшивого дружелюбия он казался мне ещё более чуждым, чем в откровенных проявлениях вражды, тем более что побудительные мотивы его слишком торчали наружу"².

Обратим внимание, что 6 января, за несколько дней до обсуждения вопроса о политическом докладе, Сталин в письме членам ЦК предложил "назначить т. Троцкого замом предсовнаркома (предложение т. Ленина), отдав ему под специальную его заботу ВСНХ" и добавил, что это могло бы "облегчить нашу работу по ликвидации "хаоса"³ (в области государственного управления. - В. Р.). Сталин изображал дело так, будто его предложение означает возвращение к предложению Ленина, выдвинутому в сентябре 1922 года. Однако между этими двумя предложениями было существенное различие. Ленин предлагал, чтобы Троцкий стал первым заместителем предсовнаркома, Сталин же предлагал, чтобы Троцкий стал одним из замов, отвечающим за конкретный участок работы.

Положение изменилось после возвращения Зиновьева, который стал требовать, чтобы с политическим докладом на съезде выступил он. Теперь мысль о представлении на съезде Зиновьева в качестве преемника Ленина легла в ос-

¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь, С. 464, 465.

² Там же.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 178, 179.

нову фракционных действий "тройки". За спиной Троцкого шли непрерывные тайные совещания, в то время ещё в очень узком составе. После них Каменев обращался к наиболее доверенным лицам из руководства партии с вопросом: "Неужели же мы допустим, чтоб Троцкий стал единоличным руководителем партии и государства?"¹ Таким образом "тройка" впервые посеяла (сначала в кругу наиболее близких к ней лиц) доживший до наших дней миф о стремлении Троцкого к личной диктатуре. Тогда же впервые, и опять вначале закулисно, триумвиры и их приспешники стали ворошить прошлое, напоминая о дооктябрьских разногласиях Ленина с Троцким и подготавливая тем самым свой наиболее фундаментальный миф - о "троцкизме". Уже в начале 1923 года в списках стали распространяться анонимные памфлеты против Троцкого, которые в первую очередь напоминали о его "небольшевистском" прошлом.

В разгар фракционной борьбы "тройки" с Троцким (а фактически, и с большим Лениным) произошёл чрезвычайно острый эпизод, впервые обнаруженный Троцким в статье "Сверхборджиа в Кремле". Как следует из этой статьи, в феврале или в самом начале марта на заседании Политбюро Сталин сообщил, что на днях Ленин вызвал его к себе и попросил передать яд. По словам Сталина, эта просьба Ленина мотивировалась тем, что он боится в результате нового удара лишиться речи и стать инвалидом. В этом случае он считал за лучшее покончить с собой.

Из воспоминаний Крупской известно, что Ленин одобрил поступок супругов Лафаргов, которые предпочли добровольно уйти из жизни, чем жить инвалидами. "Ильич говорит: "Если не можешь больше для партии работать, надо уметь посмотреть правде в глаза и умереть так, как Лафарги"².

В 1926 году, во время работы июльского пленума ЦК и ЦКК, на котором лидеры левой оппозиции потребовали выполнить совет Ленина о снятии Сталина с поста генсека и в обоснование этого требования приводили многочисленные факты о крайне отрицательном отношении Ленина в последние месяцы его жизни к Сталину, М. И. Ульянова обратилась к пленуму с заявлением. В нём утверждалось, что Ленин до конца своих дней хорошо с особым доверием, относился к Сталину, о чем свидетельствует, в частности, факт ленинского обращения к нему с такой просьбой, с какой можно обратиться лишь к настоящему революционеру. Имелась в виду просьба Ленина о яде, которая в письме Ульяновой конкретно не называлась.

Это заявление было написано Ульяновой по наущению Бухарина и Сталина с целью дезавуировать сообщения лидеров оппозиции. В 1989 году была опубликована фотокопия проекта заявления Ульяновой, написанного рукой Бухарина.

Сохранилась также запись Ульяновой, не предназначавшаяся для печати, в которой она пыталась переосмыслить для себя факты и выводы, содержащиеся в этом заявлении. Из этой записки следует, что впервые просьба Сталину о яде была высказана Лениным зимой 1921-1922 годов, когда он ощущал резкое падение работоспособности и опасался наступления паралича. Сталин тогда обещал в случае ухудшения здоровья Ленина передать ему яд. С повторной

¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 465.

² Воспоминания о В. И. Ленине. В 5 т. 2-е изд. М., 1979. Т. 1. С. 363.

просьбой Ленин обратился к Сталину после первого удара в мае 1922 года, заявив, что "время исполнить данное раньше обещание пришло". Сталин сообщил об этом разговоре находившимся в соседней комнате Бухарину и Ульяновой. После переговоров с ними по этому вопросу он вернулся к Ленину и сказал, что разговор с врачами убедил его, что "не всё ещё потеряно и время исполнить ... просьбу не пришло"¹.

Эти свидетельства Ульяновой подтверждаются и дополняются воспоминаниями Фотиевой, которая в 1967 году рассказала писателю А. Беку: "Ещё летом (1922 г.) в Горках Ленин попросил у Сталина прислать ему яда - цианистого калия. Сказал так: "Если дело дойдет до того, что я потеряю речь, то прибегну к яду. Хочу его иметь у себя". Сталин согласился. Сказал: "Хорошо". Однако об этом разговоре узнала Мария Ильинична и категорически воспротивилась... В общем, яда Владимир Ильич не получил. Но после нового удара он в декабре под строгим секретом опять послал меня к Сталину за ядом. Я позвонила по телефону, пришла к нему домой"². По словам Фотиевой, Сталин и в этот раз не передал ей яда.

Таким образом, из воспоминаний Ульяновой и Фотиевой следует, во-первых, что ленинская просьба была известна более широкому кругу лиц, чем предполагал Троцкий; во-вторых, что Ленин просил у Сталина яд по крайней мере трижды: в конце 1921 года, летом 1922 года и в декабре 1922 года, причём каждая из этих просьб становилась известной близким Ленину людям. Однако ни Ульянова, ни Фотиева не упоминали о том, что Ленин обращался с этой просьбой к Сталину в феврале 1923 года, когда Сталин впервые сообщил о ней другим членам Политбюро. Не существует никаких свидетельств о том, что Сталин в этот период вообще встречался с Лениным.

Троцкому были известны лишь два факта: сообщение Сталина о ленинской просьбе, чему он был сам свидетелем, и официальное письмо Ульяновой в адрес июльского пленума 1926 года. Размышляя над содержанием этого письма в 1935 году, Троцкий сделал следующую дневниковую запись: "Ленин, очевидно, должен был считать, что Сталин есть тот из руководящих революционеров, который не откажет ему в яде... Возможно, что в этом месте - помимо главной цели - была и проверка Сталина, и проверка натянутого оптимизма врачей"³.

Эту же мысль Троцкий развивал в статье "Сверхборджиа в Кремле", где он писал, что "Ленин видел в Сталине единственного человека, способного выполнить трагическую просьбу, ибо непосредственно заинтересованного в её исполнении... Ленину не нужно было даже перебирать в уме ближайших товарищей, чтобы сказать себе: никто, кроме Сталина, не окажет ему этой "услуги". Попутно он хотел, может быть, проверить Сталина: как именно мастер острых блюд поспешит воспользоваться открывающейся возможностью?"⁴

Сегодня, сопоставляя факты, сообщённые Ульяновой, Фотиевой и Троцким, можно сделать следующие выводы. Зная, что ленинская просьба известна

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198.

² Московские новости. 1989. 23 апреля.

³ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. Эрмитаж (США), 1986. С. 77.

⁴ Троцкий Л. Д. Портреты. Chalidze publications, 1984. С. 48.

не только ему, Сталин не мог не предполагать, что в случае смерти Ленина на него падет подозрение в том, что он помог её ускорить. Этим, по-видимому, и объяснялось его решение сообщить членам Политбюро о просьбе Ленина, якобы переданной ему в последние дни, а может быть, и заручиться их согласием на передачу яда. Собрание в Политбюро по этому вопросу не носило формального характера, но все его участники высказали Сталину соображения о том, что о передаче яда Владимиру Ильичу не может быть и речи.

Сталин в эти дни не мог не прийти к выводу, что возвращение Ленина к активной политической жизни означало бы для него, генсека, политическую смерть. "Поведение генерального секретаря, - вспоминал Троцкий, - становилось тем смелее, чем менее благоприятны были отзывы врачей о здоровье Ленина. Сталин ходил в те дни мрачный, с плотно зажатым в зубах трубкой, со злобещей желтизной глаз; он не отвечал на вопросы, а огрызался. Дело шло о его судьбе"¹.

Характеризуя не только политический, но и нравственный смысл конфликта между Лениным и Сталиным в конце 1922 - начале 1923 года, Троцкий писал о Владимире Ильиче: "Он слишком хорошо понимал людей и брал их такими, как они есть. Недостатки одних он сочетал с достоинствами, иногда и с недостатками других, не переставая зорко следить за тем, что из этого выходит. Он хорошо знал к тому же, что времена меняются и мы вместе с ними. Партия из подполья одним взмахом поднялась на вершину власти. Это создавало для каждого из старых революционеров небывалую резкую перемену в личном положении и во взаимоотношениях с другими людьми..."

Ленин был не только теоретиком и практиком революционной диктатуры, но и зорким стражем её нравственных основ. Каждый намёк на использование власти в личных видах вызывал грозные огоньки в его глазах... Между тем Сталин чем дальше, тем шире и тем неразборчивее пользовался заложенными в революционной диктатуре возможностями для вербовки лично ему обязанных и преданных людей. В качестве генерального секретаря он стал раздатчиком милостей и благ. Здесь заложен был источник неизбежного конфликта. Ленин постепенно утратил к Сталину нравственное доверие. Если понять этот основной факт, то все частные эпизоды последнего периода расположатся как следует и дадут действительную, а не фальшивую картину отношений Ленина к Сталину"².

Настойчивый интерес Ленина к "грузинскому делу" свидетельствовал о том, что его мнение о Сталине всё более менялось к худшему. С учётом этого в самом начале марта, когда Ленин завершал знакомство с подготовленной его секретарями справкой по "грузинскому делу", Сталин сделал лицемерный шаг, направленный на то, чтобы добиться улучшения отношения к нему со стороны Ленина. Он пригласил М. И. Ульянову в кабинет и с крайне огорченным видом заявил ей: "За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь"³.

¹ Там же. С. 41.

² Троцкий Л. Д. Завещание Ленина. - Горизонт. 1990. № 6. С. 42.

³ Известия ЦК КПСС, 1989. № 12. С. 198, 199.

Впоследствии Ульянова вспоминала, что при этом разговоре ей стало жаль Сталина. Ей казалось, что он искренне огорчен. В один из ближайших дней в разговоре с Лениным она как бы между прочим сказала, что товарищи ему кланяются. "А", - возразил В. И. "И Сталин просил передать тебе горячий привет, просил сказать, что он так любит тебя". Ильич усмехнулся и промолчал, "Что же, - спросила я, - передать ему и от тебя привет?" "Передай", - ответил Ильич довольно холодно. "Но, Володя, - продолжала я, - он всё же умный, Сталин"¹*. "Совсем он не умный", - ответил Ильич решительно и поморщившись².

Из этой записки видно, во-первых, что Ленин в те дни сомневался в искреннем отношении к нему некоторых близких товарищей, прежде всего Сталина. Во-вторых, что к этому времени у Ленина сложилось вполне определённое мнение не только о нравственных, но и об интеллектуальных качествах Сталина. "...Как В. И. ни был раздражен Сталиным, - вспоминала далее Ульянова, - одно я могу сказать с полной убежденностью. Слова его о том, что Сталин "вовсе не умен", были сказаны В. И. абсолютно без всякого раздражения. Это было его мнение о нём - определённое и сложившееся, которое он и передал мне"³.

5 марта произошло новое событие, ещё более обострившее отношения между Лениным и Сталиным. В этот день Ленин узнал об инциденте, происшедшем несколько месяцев назад между Сталиным и Крупской. Как вспоминает со слов Крупской её секретарь В. Дридзо, произошло это следующим образом. Во время беседы Крупской с Лениным зазвонил стоявший в коридоре телефон. Когда Крупская вернулась после телефонного разговора, Ленин спросил:

- Кто звонил?
- Это Сталин, мы с ним помирились.
- То есть как?

И тогда Крупской, у которой слова эти вырвались нечаянно, пришлось рассказать о том, что произошло между нею и Сталиным в декабре прошлого года.

Суть же этого инцидента такова. 21 декабря Крупская с разрешения профессора Ферстера записала продиктованное Лениным письмо Троцкому, где предлагалось поставить вопрос о монополии внешней торговли на XII партийном съезде и на фракции X Всероссийского съезда Советов. Троцкий, исходя из соображений партийной лояльности, немедленно после получения письма сообщил о его содержании по телефону Каменеву. Каменев в свою очередь тут же послал письмо Сталину, в котором изложил суть этого разговора. "Своего мнения Троцкий не выражал, но просил передать этот вопрос в комиссию ЦК по проведению съезда, - писал Каменев. - Я ему обещал передать тебе, что и делаю"⁴.

¹ В 1967 году Фотиева вспоминала, что при жизни Ленина М. И. Ульянова говорила ей: "После Ленина в партии самый умный человек Сталин". (Московские новости. 1989. 23 апреля).

² Известия ЦК КПСС, 1989. № 12. С. 198, 199.

³ Там же.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191, 192.

В тот же день Сталин написал ответ Каменеву, выразив своё неудовольствие тем, "как мог Старик организовать переписку с Троцким при абсолютном запрещении Ферстера"¹. Тогда же и состоялся разговор между Сталиным и Крупской, в котором он сослался на принятое 18 декабря решение пленума ЦК, возлагавшее на него "персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки"². Формально руководствуясь этими новыми полномочиями, Сталин подверг Крупскую грубым оскорблениям и угрозам за то, что она якобы нарушила это решение.

О характере этого разговора и реакции на него Крупской свидетельствует направленное ею на следующий день письмо Каменеву, в котором она просила его и Зиновьева оградить её "от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз"³.

Узнав о том, что грубость Сталина распространилась и на его жену, что этот эпизод стал известен третьим лицам, Ленин почувствовал себя глубоко оскорбленным. Ощувив с особой силой свою беспомощность в этой ситуации, беспомощность прикованного к постели человека, он отреагировал единственно доступным для него способом: направил Сталину (в копии Зиновьеву и Каменеву) письмо, предлагавшее "взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения"⁴.

Очевидно, к этим дням относятся слова Ленина о Сталине, переданные Крупской в 1926 году Троцкому: "У него нет элементарной честности, самой простой человеческой честности"⁵. Эти слова в более заостренной форме как бы продолжают нравственную характеристику Сталина в "Завещании".

К этим же дням, по-видимому, относится и рассказанный в 1967 году Володичевой эпизод с телефонным разговором М. И. Ульяновой, в силу развернувшихся событий резко изменившей своё отношение к Сталину. В этом разговоре Ульянова грозила Сталину обратиться к помощи московских рабочих, "чтобы они научили вас, как нужно заботиться о Ленине"⁶. В то время апелляция к мнению рабочих была весьма серьёзной угрозой даже для генерального секретаря.

В роковые дни начала марта 1923 года политические и личные события тесно переплелись между собой. Получив 6 марта последнюю продиктованную Лениным записку (к Мдивани и Махарадзе), Троцкий познакомил Каменева с ленинскими документами по национальному вопросу. Каменев "был совершенно дезориентирован, - вспоминал Троцкий. - Идея тройки - Сталин, Зиновьев, Каменев - была уже давно готова... Маленькая записочка врезывалась в этот план острым клином... Каменев был достаточно опытным политиком, чтобы сразу понять, что для Ленина дело шло не о Грузии только, но обо всей вообще роли Сталина в партии"⁷.

¹ Там же.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 675.

⁴ Там же. С. 329, 330.

⁵ Троцкий Л. Д. Портреты. С. 43.

⁶ Московские новости. 1989. 23 апреля.

⁷ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 460, 461.

В свою очередь Каменев сообщил, что он был у Крупской по её вызову и та рассказала ему о только что продиктованном Лениным письме Сталину. "Но ведь вы знаете Ильича, - прибавила Крупская, - он бы никогда не пошёл на разрыв личных отношений, если б не считал необходимым разгромить Сталина политически"¹. Каменев, который на следующий день собирался выехать на съезд грузинских коммунистов, откровенно признался Троцкому, что не знает, как ему поступать.

В ответ на это Троцкий сказал ему и просил передать другим триумвирам, что он не собирается поднимать на съезде борьбу за принятие организационных выводов относительно Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского. "Я стою за сохранение status quo. Если Ленин до съезда встанет на ноги, что, к несчастью, маловероятно, то мы с ним вместе обсудим вопрос заново... я согласен с Лениным по существу. Я хочу радикального изменения национальной политики, прекращения репрессий против грузинских противников Сталина, прекращения административного зажима партии, более твёрдого курса на индустриализацию и честного сотрудничества наверху"².

Политика же триумвиров в эти дни не отвечала требованию честного сотрудничества. "Тройка" внимательно следила за переговорами Ленина с Троцким через ленинских секретарей и за состоянием здоровья Ленина. 5 марта Володичева составила письменную справку (очевидно, для Сталина) о своих разговорах с Троцким, в которых он говорил о том, что его интересует поднятый Лениным вопрос о реорганизации Рабкрина и что если можно, он хотел бы переговорить с Лениным по этому вопросу.

О том, насколько триумвиры были обеспокоены содержанием последних записок Ленина, свидетельствует письмо Каменева Зиновьеву от 7 марта, в котором он сообщал о своём последнем разговоре с Троцким. Упомянув здесь же о личном ленинском письме Сталину, Каменев замечал, что "Сталин ответил весьма сдержанным и кислым извинением, которое вряд ли удовлетворит Старика"³.

Сообщая Зиновьеву о своём намерении добиться в Грузии решений, которые бы представляли компромисс между двумя противоборствующими группами, Каменев прибавлял: "*Боюсь*, что это уже не удовлетворит Старика, который, видимо, хочет не только мира на Кавказе, но и определённых *организационных выводов наверху*"⁴. Что же касается Сталина, то он в ночь на 7 марта заявил Каменеву, что принимает все условия Троцкого.

На следующий день поведение Сталина резко изменилось. Узнав, по-видимому, о серьёзном ухудшении здоровья Ленина, он заявил Володичевой, пришедшей к нему с ленинским личным письмом: "Это говорит не Ленин, это говорит его болезнь"⁵. Затем он передал Володичевой ответное письмо, в котором вместо извинения за свой поступок, содержалась новая порция типично сталинской наглости, рассчитанная, видимо, на то, чтобы вызвать новые вол-

¹ Там же.

² Там же.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 149-150.

⁴ Там же.

⁵ Московские новости. 1989. 23 апреля.

нения Ленина. Письмо это заканчивалось словами: "Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут, да и не могло быть."

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения "отношений" я должен "взять назад" сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя "вина" и чего, собственно, от меня хотят"¹.

Однако 7 марта Сталин ещё считал нужным перестраховаться, опасаясь того, что грузинские коммунисты с помощью колеблющегося Каменева станут действовать в духе ленинского письма к ним. Поэтому он отправил строго секретное письмо Орджоникидзе, в котором рекомендовал добиваться на съезде грузинской компартии компромисса с их общими противниками ("национал-уклонистами").

Спустя ещё день, получив дальнейшее подтверждение того, что Ленин вышел из строя, Сталин направил Каменеву в Тифлис зашифрованную телеграмму об этом. "На грузинской конференции Каменев проводил политику Сталина против Ленина. Скрепленная личным вероломством, тройка стала фактом"².

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 193.

² Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 462.

XI

Ошибка Троцкого

Впоследствии, в своих воспоминаниях, Троцкий не раз возвращался к вопросу о том, почему он открыто не выступил в начале 1923 года против триумвирата, апеллируя к партии. Его объяснения по этому поводу крайне противоречивы. С одной стороны, он писал, что бюрократическая реакция зашла к тому времени слишком далеко и едва ли удалось бы победить её даже в том случае, если бы Ленин смог продолжать активную политическую деятельность и "блок Ленина и Троцкого" стал бы реальностью. В подтверждение этого Троцкий, однако, приводил обычно только слова Крупской, относящиеся к 1927 году: "...Если б жив был Ленин, то, вероятно, уже сидел бы в сталинской тюрьме"¹.

С другой стороны, Троцкий высказывал и прямо противоположные суждения, а именно - уверенность в том, что если бы Ленин оставался у руководства, по крайней мере, до XII съезда, он безусловно смог бы провести намеченную им перегруппировку партийного руководства и что их совместное выступление в начале 1923 года наверняка обеспечило бы победу.

Более того, Троцкий выражал уверенность и в том, что выступив накануне XII съезда в духе "блока Ленина и Троцкого", он одержал бы победу и без прямого участия Ленина в борьбе. "...В 1922-23 году, - писал он, - вполне возможно было ещё завладеть командной позицией открытым натиском на быстро складывающуюся фракцию национал-социалистических чиновников, аппаратных узурпаторов, незаконных наследников Октября, эпигонов большевизма"².

В нежелании Троцкого сделать в то время этот шаг состояла, как показал весь ход последующих событий, его решающая не только тактическая, но и стратегическая ошибка. Как писал сам Троцкий, главным препятствием к такому шагу для него была неопределённость в состоянии здоровья Ленина. Вплоть до 6 марта ждали, что он снова поднимется, как после первого удара, и примет участие в работе XII съезда.

Как явствует из дневника дежурных секретарей Ленина, до середины февраля шло улучшение его здоровья и настроения. 30 января лечащий врач высказал предположение, что Ленин "встанет" к 30 марта (предполагавшемуся дню открытия XII съезда), а за месяц до этого ему будет разрешено чтение газет. Последующие записи секретарей фиксировали: "По внешнему виду значительная перемена к лучшему: свежий, бодрый вид. Диктует, как всегда, превосходно: без остановки, очень редко затрудняясь в выражениях, вернее, не диктует, а говорит жестикулируя." (2 февраля); "У него был немецкий доктор (Ферстер), который наговорил ему много приятных вещей, разрешил гимнастику, прибавил часы для диктовки и.. Владимир Ильич был очень доволен." (4 февраля); "Владимир Ильич говорил очень весело, смеясь своим зарази-

¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 457.

² Там же.

тельным смехом. Такого настроения я ещё у него не наблюдала (6 февраля); "(Доктор) Кожевников сказал, что в здоровье Владимира Ильича громадное улучшение. Он уже двигает рукой и сам начинает верить, что будет владеть ею." (7 февраля); "Настроение и вид прекрасные. Сказал, что Ферстер склоняется к тому, чтобы разрешить ему свидания раньше газет." (9 февраля)¹.

Возвращение сильных головных болей и других проявлений болезни наступило 12 февраля после того, как Ферстер накануне сказал, что Ленину категорически запрещены чтение газет, свидания и политическая информация. Поскольку газет и свиданий Ленин был уже давно лишён, он спросил Ферстера, что тот понимает под политической информацией. На это Ферстер ответил: "Ну, вот, например, Вас интересует вопрос о переписи советских служащих". Как записала в тот же день Фотиева, "по-видимому, эта осведомлённость врачей расстроила Владимира Ильича"; у него "создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам". Всем этим Ленин оказался расстроен "до такой степени, что у него дрожали губы"².

В своих предположениях Ленин был недалёк от истины. Лечившие его крупнейшие советские и зарубежные специалисты не могли не понимать, что изоляция Ленина от всякой политической информации, на чем настаивали триумвиры, мотивируя это необходимостью устранения лишних волнений, на деле носит характер политической интриги, только ухудшающей состояние Ленина. Об этом осторожно намекнул в своих суждениях о характере болезни Ленина Ферстер: "Если бы Ленина... заставили и дальше оставаться в бездеятельном состоянии, его лишили бы последней большой радости, которую он получил в своей жизни. Дальнейшим полным устранением от всякой деятельности нельзя было бы задержать ход его болезни... Работа для него была жизнью, бездеятельность означала смерть"³.

Пока Ленин был в состоянии работать, он концентрировал все свои силы на том, чтобы успеть до делегатов XII съезда. Спустя три дня после упомянутой выше беседы с Ферстером Ленин заявил Фотиевой, что он просит поторопиться с выполнением его поручений, так как "он хочет непременно провести кое-что к съезду и надеется, что сможет"⁴. В тот же день вечером Ленин говорил с Фотиевой вновь по трём пунктам своих поручений, особенно подробно по тому, который его всех больше волновал, т. е. по "грузинскому вопросу". Вновь просил торопиться. Дал некоторые указания.

На этом опубликованная часть дневника ленинских секретарей обрывается до 5 марта. В воспоминаниях Фотиевой указывается, что после 14 февраля Ленин чувствовал себя плохо, никого не вызывал, но просил передать ему некоторые политические книги для чтения, однако врачи и близкие "отсоветовали" ему читать.

Несмотря на ухудшение здоровья, Ленин продолжал диктовать статью

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 478-484.

² Там же.

³ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 184.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 485.

"Лучше меньше, да лучше" (завершённую 2 марта) и заниматься изучением "грузинского дела". Как вспоминала секретарь Ленина Гляссер, он "буквально руководил" комиссией, расследовавшей это дело, и "страшно волновался, что мы не сумеем доказать в своём докладе то, что ему надо, и он не успеет до съезда подготовить своё выступление. Вместе с тем он взял с нас слово держать всё в строжайшей тайне до окончания работы и ничего не говорить об его статье" ("К вопросу о национальностях или об "автономизации"), поскольку "ему всё время казалось, что с ним уже не считаются..." Только узнав о том, что статья отправлена Троцкому и от него получен положительный ответ, Ленин "обрадовался и как будто успокоился"¹.

Как свидетельствует последняя продиктованная Лениным записка, он ещё 6 марта считал возможным своё присутствие на съезде и выступление там с речью - "бомбой" против Сталина.

В эти дни, продолжая вести борьбу с триумvirатом по ряду принципиальных вопросов, Троцкий не решался вынести эту борьбу за пределы Политбюро и тем самым прямо противопоставить себя триумvirату, как он сделал это спустя несколько месяцев, в октябре 1923 года. Объясняя свою тогдашнюю нерешительность, он писал в 1929 году: "Идея блока "Ленина и Троцкого" против аппаратчиков и бюрократов была в тот момент полностью известна только Ленину и мне, остальные члены политбюро смутно догадывались... Моё выступление могло быть понято, вернее сказать, изображено как моя личная борьба за место Ленина в партии и государстве. Я не мог без внутреннего содрогания думать об этом... Поймёт ли партия, что дело идёт о борьбе Ленина и Троцкого за будущность революции, а не о борьбе Троцкого за место больного Ленина?"²

Впоследствии Троцкий обращал внимание на "парадокс положения", сложившегося в последние месяцы деятельности Ленина: Ленин, опасавшийся раскола партии из-за неприязненных отношений между Троцким и Сталиным, призывал Троцкого к более энергичной борьбе против Сталина. Противоречие тут, однако, лишь внешнее. Именно в интересах устойчивости партийного руководства в будущем Ленин хотел теперь резко осудить Сталина и разоружить его. Меня же сдерживало опасение того, что всякий острый конфликт в правящей группе в то время, как Ленин боролся со смертью, мог быть понят партией, как метание жребия из-за ленинских риз³.

Несколько ранее Троцкий назвал ещё один мотив своей нерешительности в начале 1923 года: "Я до последней возможности уклонился от борьбы, поскольку на первых своих этапах она имела характер беспринципного заговора, направленного лично против меня. Мне было ясно, что такого рода борьба, раз вспыхнув, неизбежно примет исключительную остроту и в условиях революционной диктатуры может привести к угрожающим последствиям. Здесь не место обсуждать вопрос о том, правильно ли было ценою величайших личных уступок стремиться сохранить почву коллективной работы или же нужно было самому перейти в наступление по всей линии, несмотря на отсутствие для это-

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 163.

² Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 457, 458.

³ Троцкий Л. Д. Завещание Ленина. - Горизонт. 1990. № 6. С. 49.

го достаточных политических оснований¹.

С этими утверждениями Троцкого согласиться трудно. Политических оснований для открытого выступления против триумvirата в тот период у него было более чем достаточно. Троцкий видел, что в своих статьях и письмах Ленин настойчиво фиксирует внимание партии на тех самых опасностях, о которых шла речь в одной из их последних бесед. Развитие событий в Политбюро и ЦК отчётливо показывало, насколько реальной становится опасность раскола, о которой с такой тревогой продолжал напоминать Ленин. Сталинские фракционные махинации в "грузинском вопросе" были известны Троцкому ещё в большей мере, чем больному Ленину, обладавшему ограниченной информацией. Мобилизация партии против назревавшей угрозы бюрократического перерождения политического режима становилась всё более настоятельной задачей.

Суть дела состояла в том, что Троцкий, вопреки пущенной триумvirатом в те дни и гальванизированной в наше время легенде о его стремлении к личной диктатуре, допустил тогда (да и в последующие годы) ошибки прямо противоположного характера. Природу этих ошибок помогает понять обращённое к Троцкому предсмертное письмо А. А. Иоффе, покончившего жизнь самоубийством в разгар разгрома оппозиции в ноябре 1927 года.

"Нас с Вами, дорогой Лев Давыдович, связывает десятилетие совместной работы и личной дружбы тоже, смею надеяться, - писал Иоффе. - Это даёт мне право сказать Вам на прощание то, что мне кажется в Вас ошибочным.

Я никогда не сомневался в правильности намечавшегося Вами пути и Вы знаете, что более 20 лет иду вместе с Вами...

Но я всегда считал, что Вам недостаёт ленинской непреклонности, неуступчивости, его готовности остаться хоть одному на признаваемом им правильном пути в предвидении будущего большинства, будущего признания всеми правильности этого пути.

Вы политически всегда были правы, начиная с 1905 года, и я неоднократно Вам заявлял, что собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 году не он, а Вы были правы. Перед смертью не лгут, и я ещё раз повторю Вам это теперь... Но Вы часто отказывались от собственной правоты в угоду переоцениваемому Вами соглашению, компромиссу. Это - ошибка².

Именно эти черты Троцкого, подмеченные его ближайшим другом, обусловили его роковые ошибки в начале 1923 года. Троцкий был последователен, решителен и до конца непримирим в борьбе против классовых врагов, что наглядно обнаружилось в годы Октябрьской революции и гражданской войны. Он был решителен, даже излишне самоуверен, пользуясь ленинской характеристикой, когда речь шла о борьбе за принципы или за интересы дела. Однако он не проявил такой же решимости в борьбе, состоявшей на девять десятых из закулисных интриг, провокаций и тайных заговоров его личных противников, находившихся с ним в одной партии.

Именно по этой причине он упустил инициативу и ряд благоприятных возможностей, открывавшихся перед ним в начале 1923 года: отказался высту-

¹ Троцкий Л. Д. Что и как произошло? Париж, 1929. С. 34.

² Цит. по: Троцкий Л. Д. Портреты. С. 240, 241.

пить с политическим докладом на XII съезде партии; дважды отказался от предложения стать заместителем председателя Совнаркома, т. е. фактическим главой государства в отсутствие Ленина; допустил ряд других компромиссов в Политбюро. Например, когда Сталин фарисейски предложил 1 февраля, чтобы его освободили от обязанности наблюдать за исполнением режима, установленного врачами для Ленина, Троцкий не воспрепятствовал отклонению этого предложения и не предложил переложить эту обязанность со Сталина на него, Троцкого.

Все эти поступки, надо думать, были продиктованы опасениями Троцкого, что принятие им на себя новых политических обязанностей при существующей расстановке сил в Политбюро приведёт к новой волне интриг и провокаций, направленных лично против него и камуфлируемых мнимопринципиальными соображениями. Очевидно, опасаясь обвинений во фракционности, Троцкий в период перед XII съездом не принял никаких мер для того, чтобы сплотить вокруг себя единомышленников, деятелей партии, недовольных политическим диктатом "тройки" и, тем самым, обеспечить организованное выступление на съезде против её попыток узурпировать власть партии. На такой шаг Троцкий решился лишь спустя полгода, когда почти никаких надежд на выздоровление Ленина не оставалось, а триумvirат сумел значительно укрепить свои позиции.

Даже поставить свои условия триумvirату и указать на то, что в случае их отклонения он может перенести спорные вопросы на рассмотрение съезда, Троцкий решился лишь тогда, когда получил прямой и настойчивый призыв Ленина к солидарной борьбе. Но это произошло только 6 марта, в день, когда ленинское здоровье резко ухудшилось. Возможность победы в борьбе с "заговором эпигонов" была упущена.

ХII

Победа триумvirата

Обретя уверенность в том, что Ленин, хотя бы в ближайший предсъездовский отрезок времени будет лишён всякой возможности влиять на ход событий, триумvirат перешёл в решительное наступление, направленное на оттеснение Троцкого от руководства и захват всей полноты власти в свои руки. Беспринципная деятельность триумvirата, в котором ещё никто из участников не занимал ведущей роли, в дальнейшем predeterminedила раскол партии, открывший дорогу утверждению сталинизма.

Не будучи скована, как Троцкий, никакими моральными соображениями, "тройка" после 6 марта сплотилась ещё теснее. Главная трудность для неё в это время состояла в объявлении открытой войны Троцкому, имя которого для коммунистов оставалось ещё неразрывно связанным с именем Ленина. В партии и в стране Троцкий пользовался в то время популярностью, едва ли уступавшей популярности Ленина. Его авторитет был намного более высоким, чем авторитет и Сталина, и Зиновьева, и Каменева. При выборах почетных президиумов на собраниях, при составлении протоколов заседаний пленумов ЦК и т. д. имена руководителей партии тогда перечислялись не в алфавитном порядке, а в зависимости от их политического веса (при этом никакой официальной регламентации не существовало). Первым обычно назывался Ленин, а вторым Троцкий. Даже на XII съезде партии приветственные выступления рабочих делегаций заканчивались чаще всего здравицей в честь двух вождей партии - Ленина и Троцкого. Заслуги Троцкого в организации Октябрьского восстания и Красной Армии никем не оспаривались. На страницах "Правды", в центральных и местных издательствах ещё в первой половине 1923 года публиковались статьи о Троцком не только близких к нему коммунистов^{1*}, но и таких людей, как Луначарский и даже Ярославский, наиболее рьяный в будущем идеолог борьбы с "троцкизмом". В них о Троцком говорилось в не менее приподнятых тонах, чем о Ленине.

В этих условиях триумvirат и его приверженцы ещё не решались поднимать вопрос о "троцкизме" и в борьбе с Троцким пользовались пока что только методами закулисных интриг.

Тем временем состояние Ленина оставалось критическим. Вплоть до июля 1923 года речь шла о спасении его жизни. Больного нельзя было оставлять одного ни на минуту, при нём постоянно дежурили врач и медицинская сестра. Об атмосфере, царившей в эти месяцы в ленинском доме, можно составить представление по словам из письма Крупской И. А. Арманд от 6 мая 1923 года: "Доктора говорят, что Володя может выздороветь, но они сами говорят, что с уверенностью ничего не могут сказать. Тому же, что происходит сейчас, нет названия... И люди все ушли - выражают сочувствие, но заходить боятся"².

¹ В этом плане характерна статья К. Радека "Лев Троцкий - организатор победы", напечатанная в "Правде" 14 марта 1923 года.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 179.

Именно этой атмосферой, по-видимому, объясняется тот факт, что Крупская, прикованная к постели Ленина, не имела возможности или же не решилась без прямого его указания (которого он не мог дать, так как находился в бессознательном состоянии) передать "Завещание" XII съезду. Тем не менее у триумвиров, видимо, сохранялись опасения, что этот документ тем или иным путём станет известен делегатам съезда. После смерти Сталина Володичева рассказывала со слов Н. С. Аллилуевой, что Сталин опасался того, что она, Володичева, может довести "Завещание" до сведения делегатов.

Спустя три недели после отключения Ленина от работы, а именно 31 марта 1923 года, на заседании пленума ЦК было решено поручить доклад ЦК на съезде Зиновьеву и Сталину, распределив между ними темы: политический доклад и организационная деятельность партии. Троцкий не возражал против этого предложения, взяв на себя доклад о промышленности. Тезисы этого доклада, в которых содержались принципиальные соображения о соотношении плановых и рыночных начал в условиях нэпа, сперва были приняты в Политбюро без прений. Лишь когда выяснилось, что надежды на возвращение Ленина к работе нет, "тройка" сделала крутой поворот, направленный на противопоставление Троцкого большинству Политбюро первоначально в глазах ЦК.

Под её влиянием мартовский пленум ЦК отклонил содержавшееся в тезисах Троцкого предложение об уменьшении вмешательства партийных органов в работу хозяйственных учреждений и организаций. Каменев внёс к уже одобренному проекту резолюции о промышленности, написанному Троцким, поправки, которые должны были дать основание для обвинений Троцкого, пока ещё только перед ЦК, в "недооценке" крестьянства. "Спустя три года после своего разрыва со Сталиным, - вспоминал впоследствии Троцкий, - Каменев со свойственным ему добродушным цинизмом поведал мне, как готовилось на кухне это обвинение, которого никто из авторов, разумеется, не брал всерьёз"¹.

В конце марта "тройка", при поддержке остальных членов Политбюро, подготовила свою "бомбу", направленную против Троцкого - письмо всем членам и кандидатам в члены ЦК, в котором многословно перечислялись разногласия с Троцким, касавшиеся даже отдельных формулировок в его работах, и одновременно отрицались возможные предположения по поводу того, что "в Политбюро имеется какое-то предвзятое большинство, связанное кружковщиной..."²

Одним из главных обвинений в адрес Троцкого, содержавшихся в этом письме, было обвинение в том, что своим предложением (в тезисах доклада о промышленности) о более чётком разграничении партийной, советской и хозяйственной работы Троцкий "подаёт палец тем, кто добивается ликвидации руководящей роли партии"³. Особое раздражение авторов письма вызвала статья Троцкого, помещённая в "Правде", в которой он утверждал, что партийные органы должны сосредоточиться на чисто политической работе и квалифицировал решение хозяйственных вопросов "партийным путём" как решение важных дел "на глаз".

¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 465.

² XII съезд Российской Коммунистической партии (большевик). С. 817, 818.

³ Там же.

О подоплёке всей этой тщательно скоординированной кампании Троцкий косвенно упомянул в докладе на Всеукраинской партийной конференции. "Конечно, товарищи, - говорил он, - партия состоит из живых людей, у людей есть недостатки, недочёты, и у коммунистов в том числе, есть много "человеческого, слишком человеческого", как говорят немцы, есть групповые и личные столкновения, серьёзные и мелочные, есть и будут, ибо без этого большая партия жить не может. Но нравственный вес, политический удельный вес партии определяется тем, что всплывает при такого рода трагической встряске (Троцкий имел в виду болезнь Ленина. - В. Р.) наверх: воля к единству, дисциплина или же второстепенное и личное, человеческое, слишком человеческое?"¹

Психологическим результатом кампании, неожиданно обрушившейся на Троцкого перед съездом, стала проявленная им вновь нерешительность. Повидимому, опасаясь того, что обнаружение им действительного существа разногласий с большинством Политбюро в условиях, когда оно впервые выступило против него сплочённым фронтом, может быть представлено и понято как разжигание склоки или как фракционное выступление, Троцкий ограничился тем, что выступил на съезде с обоснованием и защитой положений своего доклада, в котором впервые была представлена развёрнутая концепция новой экономической политики.

Троцкий не сообщил делегатам съезда о характере внутренней борьбы в Политбюро, не выступил в прениях по национальному вопросу, ограничившись относительно нейтральной речью на соответствующей секции съезда. В результате всего этого начатая Лениным и Троцким борьба против стремительно нараставшего партийного бюрократизма, "не доведённая до конца, ни даже до середины... дала прямо противоположные результаты. Ленин успел, в сущности, только объявить войну Сталину и его союзникам, причём и об этом узнали лишь непосредственно заинтересованные, но не партия"².

Подчиняясь навязанному триумvirатом, ложно истолкованным требованиям внутрипартийной лояльности, Троцкий не сделал даже попытки консолидировать на съезде те силы, которые были готовы поставить вопрос о ненормальности сложившегося внутрипартийного режима. Об остроте, с какой осознавался этот вопрос определённой частью партии, говорит содержание тайно распространявшегося некоторыми коммунистами накануне съезда документа под названием "Современное положение РКП и задачи пролетарского коммунистического авангарда". Авторство этого документа, по мнению Зиновьева, могло принадлежать лидерам бывшей фракции "демократического централизма" (Осинскому, Сапронову, В. М. Смирнову) . "Необходимо, - говорилось в документе, - добиваться отмены постановлений, запрещающих внутрипартийные группировки, и прекращения гонений на товарищей, выступающих коллективно по партийным и советским вопросам. Необходимо прочно внедрить в сознание партии: 1) что без права коллективных выступлений нет и не может быть критики и дискуссии..., 2) что поддержание "единства партии" путём механического давления означает на деле диктатуру определённой группы и об-

¹ Правда. 1923. 12 апреля.

² Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 463.

разование в партии ряда нелегальных группировок, т. е. глубочайший подрыв внутреннего единства, моральное разложение и идейное умирщвление"¹.

В документе предлагалось "открыть действительно широкий беспрепятственный доступ беспартийных на все советские должности, в том числе выборные. Речь идёт о том, чтобы уничтожить монополию коммунистов на ответственные места, лишить партбилет значения патента и тем ослабить засорение партии карьеристами и развитие карьеризма, приспособленчества, обывательщины в рядах партии..."². Авторы документа требовали "строгочисленного расчленения партийной и советской работы" с тем, чтобы партийные органы давали только основные директивы коммунистическим фракциям в государственных органах. Такое же "строжайшее размежевание" предлагалось провести между работой ЦК партии и общесоюзных советских органов: "ЦК должен давать СНК и ВЦИК только общие директивы и главное своё внимание сосредоточить на руководстве партийной работой". Наконец, авторы документа считали необходимым, чтобы XII съезд удалил от партийного руководства "одного-двух наиболее фракционно настроенных (наиболее разложивших партийную среду, наиболее способствовавших развитию бюрократизма под прикрытием лицемерных фраз) ответственных работников господствующей группы: ЗИНОВЬЕВА, СТАЛИНА, КАМЕНЕВА"³.

Несомненно, многие из этих идей и предложений были созвучны настроениям Троцкого. Однако своё критическое отношение к сложившемуся внутрипартийному режиму Троцкий формулировал лишь в письмах, рассылаемых им членам ЦК. Так, в письме от 22 марта 1923 года он писал: "Политбюро и Оргбюро должны отказаться от господствующей ныне системы, которая партийное руководство и распределение заменяет секретарским дерганьем"⁴.

Тем не менее ни Троцкий, ни его единомышленники не подняли публично голос протеста против использования правящей фракцией этой системы при подборе делегатов на съезд: на многих губернских конференциях делегаты избирались безальтернативно, по рекомендации секретарей губкомов, которые, в свою очередь, избирались с лета 1922 года по рекомендациям ЦК, т. е. фактически назначались Секретариатом. В результате XII съезд был первым после октябрьского съезда, на котором подавляющее большинство делегатов составляли работники партийного аппарата. Согласно докладу мандатной комиссии, 55,1 процента делегатов вели "исключительно партийную работу" и 28,8 - совмещали её с другой работой. Учтем при этом, что 30 процентов всех секретарей губкомов были рекомендованы Секретариатом ЦК.

Лишь в письме в ЦК от 8 октября 1923 года Троцкий упомянул о том, что "очень многие члены партии, отнюдь не худшие, с величайшей тревогой относились к тем способам и приёмам, при помощи которых созывался XII съезд. Этой же тревогой было проникнуто большинство делегатов съезда". Лишь стремление обеспечить единодушную работу партии в период обострения болезни Ленина, объяснял Троцкий, "сгладило группировки партии, заставило

¹ Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 53.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 175.

многих подавить недовольство и не выносить своей законной тревоги на трибуну съезда"¹.

В результате всего этого, выступления в предсъездовской дискуссии и на самом съезде против проведения триумвиратом групповой, по сути дела фракционной, организационной и кадровой политики грубого подавления свободы внутривнутрипартийного мнения, оказались несогласованными и разрозненными.

Развивая мысли, высказанные им в предсъездовской дискуссии², Красин полемизировал с Зиновьевым, который в своём докладе заявил, что нынешний ЦК "имеет ядро, которое примерно два десятка лет назад тоже стояло у партийного руля и ни на момент не отходило от нашей партии"³. В ответ на это Красин дал понять, что под "ядром" Зиновьев имел в виду сложившуюся в Политбюро фракционную группировку, претендовавшую на то место в партии, которое в ней всегда занимал Ленин. "Когда мне говорят, что какая бы то ни было тройка или пятерка заменит т. Ленина и что мы "всё оставляем по-старому", - подчёркивал Красин, - то я говорю: нет, товарищи, по-старому мы оставить не можем, и старого этого не будет до того момента, пока Владимир Ильич снова не возьмёт в свои руки руль государственного корабля"⁴.

В выступлениях Красина, Ларина и Осинского содержались созвучные предсъездовскому выступлению Троцкого в "Правде" мысли о необходимости более чёткого разделения функций между партийными, советскими и хозяйственными органами, предоставления двум последним большей самостоятельности. В речи В. Косиора обращалось внимание на попытки отстранить Троцкого и других коммунистов от руководящей работы, "исключительно потому, что в различное время и по различным поводам они участвовали в тех или иных группировках, что они принимали участие в дискуссиях против официальной линии, которая проводилась Центральным Комитетом"⁵.

Отвечая на эти обвинения, Сталин в заключительном слове по своему докладу коснулся только вопроса о Троцком, заявив, что тот дважды отказался от предложения стать заместителем Ленина в Совнаркоме. Сталин объяснял отказ Троцкого от этого предложения тем, что у последнего есть, очевидно, "какой-то мотив, какое-то соображение, какая-то причина, которая не даёт ему взять кроме военной ещё другую, более сложную работу"⁶.

На эти высказывания Сталина Троцкий отреагировал далеко не лучшим образом. В начале своего доклада о промышленности он назвал совершенно неуместным "заявление т. Косиора о недостаточном использовании моих сил" и упомянул, имея в виду слова Сталина, "о дальнейшем развитии, которое получил этот инцидент". Троцкий заявил, что он готов дать все необходимые разъяснения по этому вопросу, если того потребует съезд. "Если же съезд не считает нужным вопрос развивать дальше, то я, со своей стороны, никакой инициативы не беру и считаю, что он в данной стадии для съезда исчерпан"⁷.

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 165, 166.

² См.: Правда. 1923. 24 марта.

³ XII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков); С. 48.

⁴ Там же. С. 126.

⁵ Там же. С. 102.

⁶ Там же. С. 198, 199.

⁷ Там же. С. 398.

Это свидетельствовало о том, что Троцкий надеялся на прояснение вопроса о своих конфликтах с "тройкой" по дополнительному требованию съезда и одновременно опасался перерастания такого разговора в беспринципную склоку.

Очевидно, несогласованностью и разрозненностью выступлений критиков триумvirата была вызвана реакция, на выступление Осинского, положительно отзывавшегося о Сталине и Каменеве, но резко критиковавшего Зиновьева за проявление "вождизма" и за беспечелляционные обвинения в "ревизии ленинизма", которые тот бросал своим оппонентам в предсъездовской дискуссии. Ответ на эту критику дал не Зиновьев, а Сталин, обвинивший Осинского в том, что он "взял курс на разложение того ядра, которое создано внутри ЦК". Поименно назвав членов этого "ядра", т. е. триумvirата, Сталин прибегнул к самым грубым угрозам в адрес Осинского: "...Если т. Осинский серьезно думает предпринять такие атаки против того или иного члена ядра нашего ЦК, я должен его предупредить, что он наткнется на сплошную стену, о которую, я боюсь, он расшибёт себе голову"¹.

В целом XII съезд показал, каким значительным интеллектуальным потенциалом обладала в то время партия. Все последующие партийные съезды, вплоть до семнадцатого, признавшего Сталина единственным вождем партии, демонстрировали постепенную утрату этого потенциала, поскольку основное внимание на них концентрировалось не на свободном обсуждении вопросов теории и политики партии, а на беспринципной травле внутрипартийных оппозиций.

Однако сталинская аппаратная подготовка XII съезда, нерешительность Троцкого и неосведомленность большинства делегатов о внутренней борьбе внутри Политбюро привели к тому, что организационные итоги съезда оказались как нельзя более благоприятными для триумvirата. Как выразился впоследствии Зиновьев, XII съезд "молчаливо" закрепил главенствующую роль "сложившегося ядра" в Центральном Комитете нашей партии.

Другая несомненная победа триумvirата и набиравшей силу партийной бюрократии состояла в том, что в резолюции съезда по организационному вопросу оказалось выхолощенным содержание ленинской идеей о внутрипартийной демократии и повышении роли ЦКК.

На XII съезде состав ЦК был расширен незначительно: число его членов увеличилось с 27 до 40 человек, а число кандидатов в члены ЦК уменьшилось с 19 до 17. Зато состав ЦКК был увеличен почти в 10 раз. Но лишь треть избранных съездом членов ЦКК составляли рабочие, продолжавшие трудиться на производстве, остальные члены были работниками местных органов партийно-государственного контроля. При этом увеличение числа членов ЦКК до 50 и кандидатов в члены ЦКК до 10 было дополнено созданием новых организационных надстроек над пленумом ЦКК. Работой ЦКК отныне должен был руководить Президиум из 9 человек, который, в свою очередь, избирал секретариат для ведения текущей работы и партколлегия для рассмотрения дел о нарушении партийной этики, Устава и Программы партии. Эти чисто аппаратные надстройки над ЦКК сыграли в дальнейшем важную роль в борьбе со

¹ Там же. С. 201.

всеми возникавшими в партии оппозициями. В дальнейшем участие ЦКК в работе Политбюро было ограничено представительством на его заседаниях лишь трёх постоянных лиц из состава Президиума ЦКК. Ленинская идея об усилении роли Центральной Контрольной Комиссии в обеспечении единства партии была фактически дезавуирована Молотовым в речи на организационной секции съезда, где он заявил, что "будет неправильно, если сказать, что ЦКК должна обеспечить партийную линию "внутри самой партии". На это есть основные руководящие парторганы"¹.

Таким образом, на съезде был, по сути дела, отвергнут предложенный Лениным механизм контрольной деятельности ЦКК, в результате чего оказалась сохранённой монополярная и бесконтрольная власть Политбюро в партии и стране.

¹ Политическое образование. 1988. № 10. С. 37.

ХІІІ

Первые репрессии и монополия на власть

Укрепив свои позиции на XII съезде, "тройка", и прежде всего Сталин, перешли к более решительной расправе с инакомыслящими. Первым фактом полицейских преследований активных коммунистов стал арест М. Х. Султан-Галиева, члена Коллегии Наркомнаца, в 1920-1921 годах занимавшего пост председателя Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП (б).

В период подготовки Союзного договора Султан-Галиев резко критиковал сталинский проект "автономизации". На заседании коммунистической фракции X Всероссийского съезда Советов в 1922 году он выразил несогласие с предложениями Сталина о принципах формирования союзных ЦИКа и Совнаркома, выступая за участие в высших органах СССР представителей не только союзных, но и автономных республик. В ответ на это Сталин в заключительном слове на заседании фракции объявил эту идею повышения статуса автономных республик "мертворожденной, реакционной".

Однако Султан-Галиев и на XII съезде в выступлении на заседании секции по национальному вопросу вновь высказался за расширение прав автономных республик и повышение их статуса до уровня равноправных с союзными республиками субъектов СССР. Он также подчеркнул, что представленные съезду предложения Сталина "не разрешают национального вопроса", и явно имея в виду Сталина, хотя и не называя его по имени, заявил, что в партии под местным национализмом зачастую понимается борьба с проявлением великодержавного шовинизма.

Спустя несколько дней после завершения съезда партколлегия ЦКК приняла постановление об исключении Султан-Галиева из партии, снятии его с партийных и советских постов и передаче его дела в ГПУ. Сразу же после оглашения этого постановления Султан-Галиев был взят под стражу по обвинению в создании националистической организации, выступающей против руководства партии и Советского государства. Это обвинение основывалось на перехваченных ГПУ конспиративных письмах Султан-Галиева ряду руководящих работников Башкирии, Татарии и Крыма, разделявших его взгляды по национальному вопросу, с призывом выступать на партийных и советских форумах с защитой своих позиций.

Через четыре дня после ареста Султан-Галиева группа руководящих работников Татарской АССР обратилась с письмом к членам Политбюро и секретарям ЦК РКП (б). Они писали, что этот арест является "недоразумением", и просили "об отмене всякой репрессии" по отношению к Султан-Галиеву. Однако он был освобожден лишь 14 июня, после того, как начальник Секретного оперативного управления ГПУ Менжинский дезавуировал агентурные сообщения о том, что Султан-Галиев пытался поддерживать басмачество в борьбе с Советской властью. Однако и после этого по инициативе Сталина была отклонена просьба Султан-Галиева о восстановлении в партии.

"Дело Султан-Галиева" Сталин использовал для доказательства собственной правоты в оценке опасности "национал-уклонизма". На совещании в ЦК по национальному вопросу, проходившем 9-12 июня, был заслушан доклад председателя ЦКК Куйбышева "Об антипартийной и антигосударственной деятельности Султан-Галиева". Однако некоторые участники совещания, вынужденные принимать на веру сведения, полученные от ЦКК и ГПУ, тем не менее отмечали, что раздувание "дела Султан-Галиева" служит ослаблению борьбы с великодержавным шовинизмом. Так, Скрышник прямо критиковал попытку использовать это "дело" для изменения национальной политики партии, намеченной XII съездом. Троцкий поддержал это высказывание Скрышника репликой: "Совершенно верно!".

С другими своими оппонентами Сталин не имел ещё возможности расправиться так же сурово, как с Султан-Галиевым. Для устранения их с руководящей партийной и советской работы он использовал метод направления в "дипломатическую ссылку". Так поступили с Мдивани и с Раковским, близким другом Троцкого, занимавшим пост председателя Совнаркома Украины. Раковский в прениях по докладу Сталина на XII съезде недвусмысленно упоминал об основных идеях статьи "К вопросу о национальностях или об "автономизации". Он высказал сожаление об отсутствии на съезде Ленина, который доказал бы партии, что "она в национальном вопросе совершает фатальные ошибки", что национальный вопрос - это один из тех вопросов, который "сулит гражданскую войну, если мы по отношению к нему не проявим необходимой чуткости и необходимого понимания"¹.

Раковский подчёркивал, что наряду с ростом национального самосознания растёт "чувство равенства, о котором говорил т. Ильич в своём письме, - чувство равенства, которое у национальностей, бывших сотни лет угнетёнными царским режимом, проникло гораздо глубже и сильнее, чем мы думаем"². Он заявлял, что союзное строительство пошло по неправильному пути, что в национальном вопросе преобладают проявления не партийной, а ведомственной, аппаратной, бюрократической психологии. "...Наши центральные органы, - говорил он, - начинают смотреть на управление всей страной с точки зрения их канцелярских удобств. Конечно, неудобно управлять двадцатью республиками, а вот если бы это всё было одно, если бы, нажав на одну кнопку, можно было управлять всей страной, - это было бы удобно. С точки зрения ведомственной, конечно, это было бы легче, удобнее, приятнее"³. Поэтому многие центральные органы восприняли образование СССР "в том смысле, что они могут обрушиться всей своей тяжестью на отдельные республики". Раковский предлагал "отнять от союзных комиссариатов девять десятых их прав и передать их национальным республикам"⁴.

Дальнейшее сопротивление Раковского линии Сталина на фактическое возрождение автономистского курса произошло на IV совещании ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне

¹ XII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). С. 576-582.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

1923 года, где генсек обвинил Раковского и его единомышленников на Украине в конфедерализме, национал-уклонизме и сепаратизме.

Спустя месяц после завершения этого совещания Раковский был снят с поста председателя Совнаркома Украины и направлен послом в Англию. Смысл этого перемещения Раковский осветил в письме от 18 июля, направленном Сталину и в копии - всем членам ЦК и ЦКК РКП (б), членам Политбюро ЦК КП Украины: "Моё назначение в Лондон является для меня, и не только для меня одного, лишь предлогом для моего снятия с работы на Украине..."¹

Кадровая политика триумvirата, проводимая через секретариат ЦК, была направлена против всех инакомыслящих и прежде всего против коммунистов близких к Троцкому; она всё более подрывала принципы выборности и самостоятельности партийных организаций.

Тем не менее, как свидетельствуют обнародованные недавно документы, летом 1923 года положение Сталина в Политбюро было ещё довольно шатким. Всё чаще его предложения наталкивались на отпор не одного только Троцкого.

Это проявилось, например, в связи с попыткой отменить запрет на торговлю водкой и другими высокоградусными напитками, введённый ещё царским правительством после начала первой мировой войны и сохранённый после Октябрьской революции^{2*}. В 1923 году вопрос о введении государственной водочной монополии был внесён на июньский пленум ЦК РКП (б). Узнав об этом, Троцкий направил членам ЦК и ЦКК письмо и проект резолюции по этому вопросу, в котором указывалось, что легализация продажи водки в целях пополнения бюджета может оказать "лишь пагубное действие на революцию и партию".

Троцкий писал, что "попытка перенести бюджет на алкогольную основу есть попытка обмануть историю"³. Во-первых, такая мера ослабит зависимость государственного бюджета от успехов в области хозяйственного строительства. Во-вторых, попытка изъятия народных средств при помощи продажи алкоголя окажет деморализующее воздействие на рабочий класс и снизит реальную заработную плату рабочих.

Июньский пленум не принял намечавшегося решения об уменьшении бюджетного дефицита за счёт государственной продажи водки, но отклонил и предложенный Троцким проект резолюции, резко отвергавший саму возможность легализации водочной торговли. Поэтому Троцкий вступил в переговоры с членами ЦК, убеждая их в недопустимости этой меры. Как сообщал Зиновьев Сталину из Кисловодска в июле 1923 года, "беда в том, что и наши - Серго, Ворошил[ов], Бух[арин] - сильно колеблются... Даже Молот[ов], кажется, имеет большие сомнения"⁴. Колебания ближайших союзников "тройки"

¹ Вопросы истории КПСС. 1989. № 7. С. 123.

² В декабре 1919 года СНК РСФСР принял подписанное Лениным постановление "О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ". Этим постановлением разрешались производство и продажа лишь виноградных вин крепостью до 12 градусов. В начале 1921 года было разрешено выпускать спиртные напитки крепостью до 14 градусов, а в декабре того же года - поднять крепость выпускаемых напитков до 20 градусов и начать производство пива.

³ Коммунистическая оппозиция в СССР. М., 1990. Т. 1. С. 81, 82.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 193-200.

могла усилить опубликованная 12 июля в "Правде" статья Троцкого "Водка, церковь, кинематограф", в которой подчёркивалась губительность возвращения к водочным доходам. В тот же день Политбюро приняло решение, предлагавшее воздержаться от помещения в "Правде" дискуссионных статей по вопросу о продаже водки.

15 июля член редколлегии "Правды" Преображенский направил записку в Политбюро, в которой просил об отмене этого решения, поскольку "никакое новое решение в направлении возврата к продаже водки не может быть проведено без всестороннего и публичного обсуждения вопроса и без твёрдого большинства в партии за эту меру"¹. Спустя две недели Политбюро приняло решение, подтверждавшее нежелательность какой бы то ни было дискуссии по данному вопросу и признавшее письмо Преображенского "недопустимым по тону и непозволительным по содержанию". Этим постановлением Преображенский был снят с поста члена редколлегии "Правды". Одновременно в отсутствие Бухарина, главного редактора газеты, была назначена новая редакционная коллегия "Правды".

Это решение было лишь одним из проявлений самоуправства Сталина, воспользовавшегося тем, что часть членов Политбюро находилась в то время в Кисловодске на лечении. В ответ на это члены Политбюро направили целую серию писем из Кисловодска в Москву. По поводу решения об изгнании из "Правды" Преображенского Бухарин послал резкое письмо Каменеву, в котором говорилось: "Так швыряться людьми нельзя, даже если они неправы. Мы наживём кучу недовольных, а это терпимо только до поры до времени... Перестанут верить. Двадцать раз нужно было переговорить, а потом решать"².

Ещё в более резких, даже нервных тонах было выдержано письмо Зиновьева Каменеву. Он перечислял многочисленные факты единоличных назначений Сталиным своих ставленников, возмущался сменой редколлегии "Правды", упрекал Каменева в том, что он позволяет Сталину "прямо издеваться" над собой, и заявлял, что генсек присвоил себе право решать важнейшие вопросы, не спрашивая согласия других членов Политбюро. Письмо заканчивалось словами:

"Мы этого терпеть больше *не будем*.

Если партии суждено пройти через полосу (вер[оятно], *очень* короткую) единодержавия Сталина - пусть будет так. Но прикрывать все эти свинства я, по кр[айней] мере, не намерен. Во всех платформах говорят о "тройке", считая, что и я в ней имею не последнее значение. На деле нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина. Ильич был тысячу раз прав. Либо будет найден серьёзный выход, либо полоса борьбы неминуема. Ну, для тебя это не ново. Ты сам не раз говорил то же. Но что меня удивило - так это то, что Ворошил[ов], Фрунзе и Серго думают почти так же"³.

Из этого письма следует, что Зиновьев к тому времени, во-первых, понимал, что "тройка" фактически распадается и заменяется диктатурой Сталина. Во-вторых, считал "единодержавие" Сталина "короткой полосой", которую

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

удастся скоро пройти. В-третьих, находил поддержку своего возмущения поведением Сталина не только у Каменева и Фрунзе, но и у ближайших сталинских друзей - Орджоникидзе и Ворошилова.

Попытка ограничить непомерно возросшую власть Сталина была сделана в августе 1923 года в Кисловодске, где отдохавшие там члены ЦК (Зиновьев, Бухарин, Евдокимов, Ворошилов, Фрунзе, Лашевич, Орджоникидзе) организовали "частное совещание" для обсуждения вопроса о коллективном руководстве, о том, как наладить работу руководящих органов партии в отсутствие Ленина, чтобы, как говорили они, "мы имели известное равновесие сил и не наделали больших политических ошибок..."¹

Зиновьев, у которого к тому времени стали возникать "кое-какие личные столкновения - и довольно острые" - со Сталиным, предложил в целях ослабления его власти два альтернативных плана. Первый сводился к созданию нового Секретариата, в который вошли бы Сталин, Троцкий и кто-то из троих - Зиновьев, Каменев или Бухарин. В результате такого обновления Секретариат должен был превратиться в "нечто вроде малого Политбюро". Второй план предполагал превращение Секретариата в служебный орган Политбюро.

Получив письмо, извещавшее об этих предложениях, Сталин немедленно прибыл в Кисловодск, где он отверг оба плана Зиновьева. В результате переговоров со Сталиным было решено "Секретариат не трогать", а для увязки организационной и политической работы ввести в Оргбюро Троцкого, Бухарина и Зиновьева.

Одновременно Зиновьев сделал попытку "сговориться" с Троцким, направив к нему Серебрякова с предложением превратить "тройку" в "пятерку", пополнив её Троцким и Бухариным. Троцкий резко отверг это предложение, заявив: "Ведь есть у нас Политбюро Центрального Комитета. Если Зиновьев хочет установить нормальные взаимоотношения, надо уничтожить и "тройку" и "пятерку"².

Получив столь определённый ответ Троцкого на предложение об осуществлении верхушечной комбинации, "тройка" сплотилась вновь и усилила свою фракционную конспиративную деятельность против Троцкого.

Как вспоминал впоследствии технический секретарь Политбюро Бажанов, в 1923 году перед заседаниями Политбюро, проходившими два - три раза в неделю, Зиновьев, Каменев и Сталин собирались, как правило, сначала на квартире Зиновьева, а позже - в кабинете Сталина "Это заседание тройки и есть настоящее заседание секретного правительства, решающее, вернее, предпрещающее все главные вопросы... Формально тройка решает, ставить ли вопрос на заседании Политбюро или дать ему другое направление. На самом деле члены тройки сговариваются, как этот вопрос должен быть решён на завтрашнем заседании Политбюро, обдумывают решение, "распределяют даже между собой роли при обсуждении вопроса на завтрашнем заседании... Завтра на заседании Политбюро будет обсуждение, будут приняты решения, но всё главное обсуждено здесь, в тесном кругу; обсуждено откровенно, между собой

¹ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. М., 1926. С. 455.

² Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 34.

(друг друга нечего стесняться) и между подлинными держателями власти"¹

¹ Знание -сила. 1989. № 7. С. 84.

XIV

Троцкий переходит в наступление

Озабоченные преимущественно укреплением своих позиций и административными перестановками кадров, члены триумvirата проглядели серьёзные экономические и политические процессы, назревавшие в партии и стране.

К июлю 1923 года обнаружилось усиливающееся расхождение "ножниц": цены на промышленные товары достигли 190 процентов, а на продовольственные товары - лишь около половины довоенного уровня. Растущее несоответствие цен вызвало кризис сбыта, затоваривание промышленных изделий, в результате чего у предприятий часто не оказывалось денег для регулярной выплаты зарплат. Это вызвало естественное недовольство рабочих. С лета 1923 года в крупных промышленных городах (Москве, Харькове, Сормове) прокатилось несколько волн забастовок. Согласно данным ОГПУ, максимум забастовок (217) и числа участвующих в них рабочих (165 тыс. человек) пришёлся на октябрь 1923 года. Внутри партии активизировались нелегальные, хотя и малочисленные группы: "Рабочая правда", сложившаяся весной 1921 года, и "Рабочая группа РКП", созданная весной - летом 1923 года.

По решению Политбюро от 18 сентября была образована комиссия в составе Дзержинского (председателя), Зиновьева, Рыкова, Молотова, Сталина и Томского для анализа экономического и внутрипартийного положения. Результаты её работы были сообщены на пленуме ЦК, состоявшемся 23 сентября. Выводы комиссии сводились к выражению тревоги по поводу возникновения в партии нелегальных групп, участия членов партии в стачках и пассивного отношения к этим явлениям со стороны многих членов партии. В речи Дзержинского эти отрицательные тенденции связывались с нездоровым характером внутрипартийного режима. "Мы видим, - подчёркивал он, - что основной причиной, вызывающей недовольство рабочих, находящее известное выражение и выраженное именно оппозиционно по отношению к Советскому государству, это оторванность наша от низовых ячеек и низовых ячеек от масс"¹.

Для преодоления остро обозначившихся экономических и политических трудностей сентябрьский пленум ограничился тем, что создал три новые комиссии (о внутрипартийном положении, о "ножницах", о заработной плате), а также признал участие в группах "Рабочая правда" и "Рабочая группа РКП" несовместимым с принадлежностью к партии.

Троцкий, вернувшийся к сентябрьскому пленуму из Кисловодска, оценил сложившуюся в партии и стране обстановку как резко изменившуюся к худшему. Выводы комиссии Дзержинского он счёл неудовлетворительными. Особое его беспокойство вызвало предложение комиссии о том, чтобы обязать членов партии, которым стало известно о возникающих в ней группировках, немедленно сообщать об этом в ГПУ, ЦК и ЦКК. Это предложение Троцкий

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 190.

расценил как симптом ухудшения внутрипартийного режима.

Другим важным моментом, побудившим Троцкого вывести внутрипартийную борьбу за пределы Политбюро, была предпринятая на сентябрьском пленуме попытка поставить его деятельность на посту руководителя военного ведомства под предельно жёсткий контроль. В этих целях на пленум было вынесено принятое на секретном совещании "тройки" предложение расширить состав Реввоенсовета, включив в него Сталина, его ближайших сторонников - Ворошилова и Орджоникидзе и сторонника Зиновьева - Лашевича.

Троцкий заявил, что усматривает в данной мере новое звено в цепи закулисных интриг, которые ведутся против него, и, не желая продолжать работать в такой обстановке, просит Центральный Комитет освободить его от всех постов и позволить ему отправиться в Германию, где назревает революция. Стремясь обратить это заявление в фарс, Зиновьев выступил с просьбой направить его "солдатом германской революции" вместе с Троцким, а Сталин предложил Центральному Комитету не отпускать в Германию своих "любимых вождей". Тут же это предложение было принято, после чего "рядовой" чеккист Комаров заявил: "Не понимаю только одного, почему товарищ Троцкий так кочевряжится?" Эта реплика окончательно взорвала Троцкого. "Прошу вычеркнуть меня из числа актеров этой унижительной комедии"¹, - сказал он и покинул зал заседаний.

Драматизм ситуации усугублялся тем, что борьба в руководстве РКП (б) служила существенной помехой для правильного решения не только внутрипартийных вопросов, но и вопросов международного коммунистического движения, прежде всего связанных с обостряющимся революционным кризисом в Германии, где возникла непосредственная революционная ситуация. Отношение к событиям в Германии, характерное в то время для всего Коминтерна, нашло отражение в письме Сталина одному из лидеров ЦК КПГ А. Тальгеймеру от 20 сентября: "Победа революции в Германии будет иметь для пролетариата Европы и Америки более существенное значение, чем победа русской революции шесть лет назад. Победа германского пролетариата, несомненно, переместит центр мировой революции из Москвы в Берлин"².

Реализация этой перспективы означала бы существенную перегруппировку в руководстве Коминтерна и утрату "тройкой" господствующих позиций в нём. Кроме того, переход непосредственной революционной ситуации в открытое выступление германского пролетариата укрепил бы позиции Троцкого, который настаивал на немедленном восстании, составил его детальный план и даже назвал его дату - 7 ноября. Руководство ГКП направило в Москву просьбу о командировании Троцкого в Германию для руководства восстанием. Это предложение, как мы уже знаем, было отвергнуто Политбюро, принявшим решение направить в Германию, "немецкую комиссию" из деятелей РКП (б) менее высокого ранга, которым предлагалось "принимать решения на месте".

В результате противоречивых указаний, дававшихся германской компартии руководством Коминтерна, и нерешительности германского ЦК в вопросе о восстании, германская революция, победы которой с нетерпением ожидали

¹ Знание - сила. 1989. № 7. С. 84.

² Вопросы истории КПСС. 1987. № 10. С. 117.

коммунисты в России и во всём мире, потерпела поражение. Оно явилось одним из основных факторов, способствовавших ослаблению международного коммунистического движения и бюрократическому перерождению русской революции.

Но вернёмся к сентябрьскому пленуму. После того, как Троцкий покинул зал заседаний, к нему для переговоров был направлен Куйбышев, которому Троцкий заявил о полной недопустимости "такой политики, когда назначения, смещения, переброски и пр. производятся по очень определённым внутрипартийным соображениям, с прямым ущербом для дела, а перед партией официально мотивируя совершенно другими причинами... Пора положить конец нынешнему режиму двойной партийной бухгалтерии, уже принесшему величайший вред и чреватому новыми величайшими опасностями"¹. В ответ на упрек Троцкого в том, что официально объявленные на пленуме мотивы предложенных изменений в составе Реввоенсовета не имеют ничего общего с действительными мотивами, Куйбышев цинично заявил: "Мы считаем необходимым вести против вас борьбу, но мы не можем вас объявить врагом; вот почему мы вынуждены прибегать к таким методам"².

После того, как Троцкий обратился в ЦК и ЦКК с письмом, где был изложен этот разговор с Куйбышевым, последний представил объяснительную записку, в которой лицемерно заявлял, что "уважение и любовь к Троцкому исключают всякую возможность враждебности и что лишь сознание революционной целесообразности заставляет принимать то или другое решение, несмотря на категорический протест тов. Троцкого (как это было в вопросе с Реввоенсоветом)"³.

Выраженный в такой решительной форме протест Троцкого против реорганизации Реввоенсовета удержал Пленум ЦК от немедленного проведения предложенных мер в полном объёме. Однако в принятом постановлении одобрялось в принципе введение в состав РВС "военных членов ЦК", причём двое из них - Лашевич и Ворошилов - вводились незамедлительно. Пленум постановил также создать при председателе Реввоенсовета исполнительный орган с участием Сталина.

В письме в ЦК и ЦКК, направленном 4 октября, Троцкий писал, что "предложение новой коллегии продиктовано очень определёнными внутрипартийными комбинациями, как это понятно всем и каждому на этом заседании... Я считаю недостойным вести прения в этой плоскости. По крайней мере, в рамках ЦК следовало бы открыто сказать, что дело идёт о продолжении той внутрипартийной борьбы, которая систематически ведётся сверху за спиной партии"⁴.

Попытки пленума решить обострившиеся вопросы экономической жизни страны и внутрипартийного положения казённо-бюрократическим путём явились последней каплей, которая заставила Троцкого, наконец, принять более решительные шаги для того, чтобы "побудить ЦК, в соответствии со всей со-

¹ Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 40.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 172.

³ Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 40.

⁴ Там же.

здавшейся обстановкой, по-иному ставить и по-иному решить наиболее острые и больные вопросы внутренней жизни"¹. На заседании Политбюро после сентябрьского пленума он характеризовал сложившуюся тяжёлую обстановку в партии и стране и указал на необходимость принятия "исключительных мер как в области хозяйственной, так и в области внутрипартийной".

Единственным ответом на это выступление было предложение Рыкова созвать "частное совещание членов Политбюро", которое так и не состоялось, несмотря на записку Троцкого с согласием на такое совещание. Не получив ответа на эту записку, Троцкий счёл, что "члены Политбюро отказались от предлагавшегося ими обсуждения выдвинутых мною важнейших вопросов внутреннего кризиса"². Только после этого он направил в ЦК своё письмо от 8 октября, которое положило начало выходу внутрипартийной борьбы за рамки Политбюро.

В первых разделах этого письма Троцкий раскрывал своё понимание причин возникшего в стране хозяйственного кризиса и его социально-политических последствий. Эти причины он видел прежде всего в том, что основные принципы экономической политики, закреплённые в резолюции XII съезда по его докладу о промышленности, не были проведены в жизнь. Политбюро, узурпировавшее право на решение всех важнейших хозяйственных вопросов, рассматривало их наспех, без действительной подготовки специалистами и вне их плановой связи. Результатом принятия случайных, бессистемных решений стало чудовищно возросшее несоответствие цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты, что, по мнению Троцкого, было "равносильно ликвидации нэпа, ибо для крестьянина - базы нэпа - безразлично, почему он не может покупать: потому ли, что торговля запрещена декретами, или же потому, что две коробки спичек стоят столько, сколько пуд хлеба"³. Несоответствие цен, при сохраняющейся тяжести единого сельскохозяйственного налога, вызывало крайнее недовольство крестьян.

Троцкий подчёркивал, что недовольство рабочих и крестьян тяжёлым экономическим положением сложилось не только в результате объективных трудностей, но и в результате явных ошибок хозяйственной политики ЦК. Оказавшись перед лицом серьёзного хозяйственного кризиса, большинство Политбюро и ЦК искало выход из экономических трудностей на путях нагромождения новых ошибок, чреватых тяжёлыми социальными последствиями. К таким ошибкам Троцкий относил, в частности, попытки "военно-коммунистического командования ценами", т. е. механического снижения их в административном порядке, которое могло лишь обогатить частных посредников, а также сохранявшееся стремление решить проблему бюджетного дефицита за счёт введения государственной монополии на продажу водки. Напоминая, что только решительный протест внутри ЦК и за его пределами приостановил эту меру, Троцкий подчёркивал, что "мысль о дальнейшей легализации водки Центральным Комитетом не отвергнута до сих пор"⁴.

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 175.

² Там же.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 167-175.

⁴ Там же.

Освещая вопросы внутрипартийного режима, Троцкий писал, что "X-й съезд партии прошёл под знаком рабочей демократии. Многие речи того времени, сказанные в защиту рабочей демократии, казались мне преувеличенными, в значительной мере демагогическими, ввиду несовместимости полной, до конца развёрнутой рабочей демократии с режимом диктатуры. Но было совершенно ясно, что зажим эпохи военного коммунизма должен уступить место более широкой и живой партийной общественности. Однако, тот режим, который в основном сложился уже до XII съезда, а после него получил окончательное закрепление и оформление, гораздо дальше от рабочей демократии, чем режим самых жёстких периодов военного коммунизма"¹.

Троцкий подчёркивал, что даже в самое тяжёлое время гражданской войны в партийных организациях и в партийной печати развёртывались дискуссии по наиболее важным вопросам, включая даже вопросы военной политики, теперь же по существу прекратился откровенный обмен мнениями по вопросам, волнующим партию. Назначенство внутри партии приобрело такое широкое распространение, какого оно никогда не имело раньше. Бюрократизация партийного аппарата, достигшая неслыханного развития в результате применения методов секретарского отбора аппаратчиков и подавление свободы партийного мнения тесно связаны между собой.

Самодовлеющий характер секретарской иерархии, всё более независимой от партии, проявлялся, по мнению Троцкого, в назначении секретарей губкомов, что ставило последних, по существу, в независимое от местной партийной организации положение. В случае оппозиции, критики, недовольства, секретарь губкома, опираясь на поддержку центра, прибегал к переброске кадров. В свою очередь центр (Оргбюро и Секретариат) при назначениях, смещениях, перемещениях членов партии оценивал их "прежде всего под тем углом зрения, в какой мере они могут содействовать или противодействовать поддержанию того внутрипартийного режима, который - негласно и неофициально, но тем более действительно - проводится через Оргбюро и Секретариат ЦК"². Поэтому, отмечал Троцкий, официальные мотивы назначений, смещений, переводов на другую работу "далеко не всегда совпадают с действительными мотивами и с интересами дела. В результате партия надломлена"³.

Эта "надломленность" проявлялась, по мнению Троцкого, с одной стороны, в возникшей за последние год-полтора специфической секретарской психологии, "главной чертой которой является убеждение, что секретарь способен решать все и всякие вопросы, без знакомства с существом дела"⁴. Нередки случаи, когда коммунисты, не проявившие необходимых политических и деловых качеств на советской работе, начинали властно решать хозяйственные, военные и иные вопросы, как только попадали на пост партийного секретаря. В результате происходила замена авторитетного и компетентного руководства "формальными приказами, рассчитанными только на пассивную дисциплину

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

всех и каждого"¹.

С другой стороны, те партийные функционеры, которые охотно прибегают к командно-административным методам руководства, "начисто отказываются от собственного партийного мнения, по крайней мере открыто высказываемого, как бы считая, что секретарская иерархия и есть тот аппарат, который создаёт партийное мнение и партийные решения. Под этим слоем воздерживающихся от собственного мнения пролегает широкий слой партийной массы, перед которой всякое решение предстоит уже в виде призыва или приказа"².

Формулируя конструктивную программу коренного изменения партийного режима, Троцкий писал: "Секретарскому бюрократизму должен быть положен конец. Партийная демократия - в тех, по крайней мере, пределах, без которых партии грозит окостенение и вырождение - должна вступить в свои права. Низы партии должны в рамках партийности высказать, чем они недовольны, и получить действительную возможность, в соответствии с партийным уставом и, главное, со всем духом нашей партии, создавать её организационный аппарат"³.

В конце письма Троцкий напоминал, что, борясь со всей решительностью и определённой внутри Центрального Комитета против ошибочной политики его большинства, он решительно уклонялся от вынесения этой борьбы на суд даже очень узкого круга товарищей, не состоявших в высших партийных органах. Однако предпринимавшиеся им на протяжении полутора лет усилия, направленные на принципиальное обсуждение и разрешение разногласий внутри ЦК, на создание здоровой политической атмосферы в Политбюро и Центральном Комитете, не дали никакого результата. Продолжение такой тактики в условиях непрерывного усугубления ошибок большинства ЦК "грозит тем, что партия может оказаться застигнутой врасплох кризисом исключительной остроты, и в этом случае партия имела бы право каждого, кто видел опасность, но не называл её открыто по имени, обвинить в том, что он форму ставил выше содержания"⁴. Исходя из этих соображений, Троцкий недвусмысленно заявлял, что теперь он считает "не только своим правом, но и своим долгом высказать то, что есть, каждому члену партии, которого я считаю достаточно подготовленным, зрелым, выдержанным и, следовательно, способным помочь партии выйти из тупика без фракционных судорог и потрясений"⁵.

Письмо Троцкого сразу же вызвало смятение в рядах правящей фракции и беспокойство по поводу того, что его содержание может стать известно широким кругам партии. На заседании Политбюро 11 октября, впервые обсуждавшем это письмо, некоторые члены и кандидаты в члены Политбюро, ещё не связавшие себя тесно с "тройкой", признали ненормальность сложившегося внутрипартийного режима. Так, Дзержинский потребовал обновления Московского комитета как слишком бюрократического, отчего рядовые члены

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

партии в Москве не считают возможным открыто высказывать своё мнение в рамках партийной организации, а делают это за её спиной. Бухарин, выступая против предложения о том, чтобы новым постановлением Политбюро обязать членов партии сообщать о внутрипартийных группировках, сказал: "Это только повредит. Это будет понято, как избыток полицейщины, которой и без того много. Нам необходимо резко повернуть руль в сторону партийной демократии"¹. Никто из присутствовавших не выступил против этих слов Бухарина, а Молотов даже подчеркнул, что это "азбучные истины".

Вместе с тем, большинство членов Политбюро обратилось к Троцкому с просьбой об отсрочке рассылки его письма членам ЦК и ЦКК. Троцкий согласился с этим и сообщил, что со своим письмом он ознакомил лишь небольшой круг ответственных товарищей, не входящих в состав ЦК и ЦКК.

Обеспокоенное тем, что Троцкий впервые вынес за пределы ЦК свои разногласия с большинством Политбюро, последнее сделало попытку представить письмо Троцкого "платформой, на основе которой делаются энергичные попытки к образованию фракции"². Для выработки такого обвинения 14 октября было созвано заседание бюро Московского комитета партии, на котором утверждалось, что письмо Троцкого распространяется среди членов Московской организации, что при этом происходит "обход работников, собрание подписей, требование созыва Съезда"³. (В основе такой информации лежали, очевидно, слухи о подготовке документа, названного впоследствии "Заявление 46-ти"). Бюро МК высказалось против широкой дискуссии по вопросам, поднятым в письме Троцкого, и предложило ограничиться обсуждением этих вопросов на пленуме ЦК с участием представителей крупнейших партийных организаций.

15 октября было разослано письмо Молотова и Томского членам Политбюро, в котором выражалась обеспокоенность тем, что письмо Троцкого уже проникло в широкие партийные круги и может в ближайшее время стать предметом обсуждения районных собраний Московской организации. По поводу этих утверждений Троцкий заявил, что он немедленно, согласно договоренности на прошлом заседании Политбюро, принял меры к тому, чтобы письмо не получило распространения до следующего заседания Политбюро, и что он считает исключённой возможность распространения письма и тем более сбора под ним подписей. Очевидно, предполагая, что распространение письма является провокацией со стороны Сталина, желавшего получить предлог для обвинения Троцкого и его единомышленников во фракционной деятельности, он подчёркивал, что если письмо "кем-либо распространяется, то не по моей воле" и просил проверить, не идёт ли это распространение "через технический аппарат Секретариата ЦК"⁴.

В тот же день было созвано заседание Президиума ЦКК, которое обсудив письмо Троцкого (в его отсутствие), приняло резолюцию, развивавшую обвинения, выдвинутые бюро МК. В ней утверждалось, что "партия этим письмом

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 168.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 176-179.

³ Там же.

⁴ Там же.

поставлена перед фактом выступления одного из членов ЦК с определённой платформой, противопоставленной проводимой ныне нашей партией, в лице её Центрального Комитета, политике"¹ и перед попыткой организации фракции на этой платформе, поскольку письмо якобы стало достоянием широких партийных кругов. Президиум ЦКК призвал во что бы то ни стало избежать широкой партийной дискуссии по письму Троцкого и изжить разногласия на ближайшем пленуме ЦК и ЦКК, запретив до вынесения его решений разглашение письма.

¹ Там же.

XV

Контратака

Существенное изменение в создавшуюся ситуацию внесло представленное в тот же день, 15 октября, в Политбюро ЦК "Заявление 46-ти". Оно было названо так потому, что его подписали 46 членов партии со стажем до 1917 года. В этом документе так же, как и в письме Троцкого, нетрудно обнаружить переключку с ленинскими идеями "политической реформы". В "Заявлении 46-ти" вопросы изменения внутривнутрипартийного режима и борьбы с аппаратным бюрократизмом ставились шире и острее, чем в последних ленинских работах, поскольку за несколько месяцев после отхода Ленина от руководства партией авторитарно-бюрократические тенденции в партийной жизни намного возросли. "Под внешней формой официального единства, - говорилось в этом документе, - мы на деле имеем односторонний, приспособляемый к взглядам и симпатиям узкого кружка подбор людей и направление действий. В результате искажённого " такими узкими расчётами партийного руководства партия в значительной степени перестаёт быть тем живым самостоятельным коллективом, который чутко улавливает живую действительность, будучи тысячами нитей связанным с этой действительностью. Вместо этого мы наблюдаем всё более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и "мирян", на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни"¹.

В "Заявлении 46-ти" выразительно описывались нездоровая атмосфера внутри партии и механизмы аппаратного подбора кадров, подрывающие уставные принципы и нормы партийной жизни. "Члены партии, недовольные тем или иным распоряжением ЦК или даже губкома, имеющие на душе те или иные сомнения, отмечающие "про себя" те или иные ошибки, неурядицы и не-порядки, боятся об этом говорить на партийных собраниях, более того - боятся беседовать друг с другом, если только собеседник не является совершенно надёжным человеком в смысле "неболтливости"; свободная дискуссия внутри партии фактически исчезла, партийное общественное мнение заглохло. В наше время не партия, не широкие её массы выдвигают и выбирают губернские конференции и партийные съезды, которые в свою очередь выдвигают и выбирают губкомы и ЦК РКП. Наоборот, секретарская иерархия, иерархия партии всё в большей степени подбирает состав конференций и съездов, которые всё в большей степени становятся распорядительными совещаниями этой иерархии"².

Для характеристики положения, сложившегося в партии, авторы "Заявления 46-ти" использовали термин "режим фракционной диктатуры внутри партии". Этот режим, по их мнению, сложился после X съезда. Авторы письма подчёркивали, что некоторые из них с самого начала относились к "диктатуре

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 190, 191

² Там же.

внутри партии" отрицательно, другие - сознательно пошли на "непротивление" такому режиму, считая, что поворот к нэпу, а также болезнь Ленина оправдывают его в качестве временной меры. Но все они сходились в том, что такой режим уже к XII съезду изжил себя и стал совершенно нетерпимым: "...Он убивает самостоятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом, который действует без отказа в нормальное время, но который неизбежно даёт осечки в моменты кризисов и который грозит оказаться совершенно несамостоятельным перед лицом надвигающихся серьёзных событий"¹.

В "Заявлении 46-ти" констатировалось, что опасность состоит не только в наличии бюрократического партийного аппарата, который сковывает самостоятельность партии, но и в том, что этот аппарат превратился в средство проведения фракционной политики и агрессивного подавления любого инакомыслия, любого несогласия с позицией большинства Политбюро и ЦК.

Серьёзную угрозу авторы "Заявления" усматривали в том, что действительного идейного и действенного единства в партии нет. "В партии ведётся борьба тем более ожесточённая, чем более глухо и тайно она идёт. Если мы ставим перед ЦК этот вопрос, то именно для того, чтобы дать скорейший и наименее болезненный выход раздирающим партию противоречиям"². Этот выход они видели в замене режима фракционной диктатуры режимом товарищеского единства и внутрипартийной демократии. В качестве первого и неотложного шага они предлагали созвать совещание членов ЦК с коммунистами, имеющими взгляды на положение в партии и в стране, отличающиеся от взглядов большинства ЦК.

Однако такое развитие событий никак не устраивало правящую верхушку. Столкнувшись с активной и влиятельной оппозицией своей политике, она немедленно стала принимать меры по превращению этой оппозиции во "фракцию". В этих целях 17 октября было созвано заседание Президиума ЦКК совместно с "наличными в Москве" 26 членами и кандидатами в члены ЦКК (из 60 избранных XII съездом). На этом совещании, куда Троцкий опять-таки не был приглашён, обсуждалось сообщение Куйбышева и Ярославского о его письме. Было принято постановление, подтверждавшее резолюцию Президиума ЦКК от 15 октября. Однако результаты голосования показали, что желаемого полного единодушия участников совещания добиться не удалось. За постановление голосовали 18 человек, против - 4, воздержались - 4 (члены президиума ЦКК в голосовании не участвовали).

На следующий день Политбюро приняло решение о созыве экстренного объединённого пленума ЦК и ЦКК, на который для обеспечения подавляющего большинства голосующих против Троцкого были приглашены руководящие местные аппаратчики - "представители 10 крупнейших партийных организаций". На обсуждение этого пленума был поставлен вопрос о внутрипартийном положении.

К этому времени большинство членов и кандидатов в члены Политбюро (Бухарин, Зиновьев, Калинин, Каменев, Молотов, Рыков, Сталин и Томский)

¹ Там же.

² Там же.

подготовили "Ответ членов Политбюро на письмо тов. Троцкого", предназначенный для участников намечаемого пленума. В этом "Ответе", официально датированном 19 октября, письмо Троцкого трактовалось как "открытый приступ, к организации фракционности", как сигнал к созданию фракции, направленной против ЦК. Утверждалось, что Троцкий в своём письме, "нападая первый на ЦК партии, выступает в качестве зачинщика борьбы против ЦК, в качестве инициатора, дающего лозунг наступления на ЦК в трудный момент международного положения"¹. Подтверждалась данная Президиумом ЦКК и Московским губкомом характеристика письма Троцкого как "письма-платформы".

В "Ответе" был включен специальный раздел - "Заявление 46 сторонников тов. Троцкого", в котором утверждалось, что эта "петиция" представляет "перепев письма тов. Троцкого... Нет сомнения, что мы имеем перед собой здесь образец "планового", "маневренного", "координированного" выступления"². (Между тем до сего времени не обнаружено доказательств того, что Троцкий принимал участие в написании "Заявления 46-ти" или что все подписавшие этот документ были ознакомлены с письмом Троцкого). На основе этих утверждений делался вывод, что "тов. Троцкий стал центром, вокруг которого собираются все противники основных кадров партии"³. (В этом положении знаменательно уже само признание наличия неких "основных кадров партии").

Касаясь содержания письма Троцкого, авторы "Ответа" заявляли, что в нём Троцкий делает ряд "чудовищных ошибок". Однако во всём чрезвычайно многословном "Ответе", изобилующем многочисленными повторами одних и тех же положений, об этих ошибках говорилось крайне мало и невразумительно.

Значительно больше внимания авторы "Ответа" уделили обоснованию мифа о том, что все критические выступления Троцкого продиктованы его стремлением к личной диктатуре. "Мы считаем необходимым сказать партии прямо... - говорилось в "Ответе", - тов. Троцкий фактически поставил себя перед партией в такое положение, что: или партия должна предоставить тов. Троцкому фактически диктатуру в области хозяйства и военного дела, или он фактически отказывается от работы в области хозяйства, оставляя за собой лишь право систематической дезорганизации ЦК в его трудной повседневной работе"⁴. Для подкрепления столь серьёзного обвинения авторы "Ответа" прибегали к грубому искажению фактов, заявляя, что Ленин якобы долгое время боролся против назначения Троцкого на руководящие государственные посты.

Столь же грубая передержка была допущена в ответ на критику Троцким большинства Политбюро за попытку легализовать продажу водки. Авторы "Ответа" утверждали, что Ленин якобы неоднократно заявлял о необходимости выбора между принятием кабальных концессий и тем, чтобы на "худой конец ... легализовать, для поправления государственных финансов, при известных условиях, продажу водки. Тов. Ленин не колеблясь заявлял, что луч-

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 176.

² Там же. С. 179-188.

³ Там же.

⁴ Там же.

ше последнее"¹. Этот "аргумент" впоследствии, уже после введения государственной водочной монополии, неоднократно повторял Сталин в борьбе с левой оппозицией, выступавшей за отмену этой меры. Между тем до сих пор не обнаружено документальных свидетельств о подобных заявлениях Ленина, кстати, резко расходящихся с его известными высказываниями на эту тему.

По вопросу о внутрипартийных дискуссиях авторы "Ответа" достаточно чётко формулировали свою позицию, заявляя, что "дискуссий по платформам... по нашему мнению, и не нужно. А выдумывать их вредно"².

Предвзятый и явно тенденциозный дух "Ответа" был столь очевиден, что Бухарин, находившийся в то время в Петрограде, после ознакомления с этим документом прислал в Секретариат ЦК телефонограмму, в которой говорилось: "Категорически настаиваю на следующих изменениях текста: во-первых, необходимо обязательное включение и развитие пункта о внутрипартийной демократии; во-вторых, нельзя изображать экономический кризис в столь розовых красках; в-третьих, необходимо гораздо " больше использовать ноту о партийном единстве; в-четвёртых, уничтожить все признаки газетного фельетона. Документ должен быть в высшей степени строгим и корректным по форме"³. Однако, невзирая на эти требования Бухарина, в текст документа не было внесено никаких изменений, а подпись Бухарина под ним была сохранена.

В тот же день, когда появился "Ответ членов Политбюро на письмо тов. Троцкого", он сделал первый шаг к опровержению инсинуаций в свой адрес. Троцкий направил письмо в Президиум ЦКК и Политбюро ЦК, в котором подчёркивал, что на протяжении длительного времени он "более всего уклонялся от таких шагов, которые хотя бы внешним образом могли быть похожи на попытку создания фракции. В то время, как прения внутри Центрального Комитета немедленно же становились достоянием широких кругов партии - в форме, направленной против меня, - я неизменно воздерживался от каких бы то ни было объяснений с не членами Центрального Комитета по поводу спорных вопросов"⁴.

Подробно объяснив причины, побудившие его написать письмо и ознакомиться с ним "для проверки собственной оценки создавшегося положения... менее десятка ответственных товарищей"⁵, Троцкий далее разоблачал сущность маневров руководящей верхушки ЦК и ЦКК, направленных на обвинение его во фракционности. Он напоминал, что Политбюро отклонило предложение Президиума ЦКК обсудить в пределах ЦК и ЦКК вопросы, поставленные в его письме от 8 октября, на том основании, что оно якобы получило массовое распространение. Троцкий писал, что такая позиция не может быть понята "иначе, как разрешение пускать письмо в широкий оборот. Именно таким путём ему может быть придан характер фракционной платформы, которого оно сейчас не

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 190.

⁴ Там же. С. 174, 175.

⁵ Там же.

имеет¹.

Через несколько дней, 23 октября, Троцкий направил письмо членам ЦК и ЦКК, в котором давался развёрнутый анализ обвинений в его адрес, выдвинутых в "Ответе членов Политбюро". В этом письме он прежде всего заявлял, что авторы "Ответа" передвигают поставленные им вопросы о партийном кризисе в плоскость предъявления ему формального обвинения в создании фракционной платформы. В этой связи Троцкий подчёркивал, что от признания X съездом опасности фракций (организованных объединений единомышленников внутри партии) "ещё очень далеко до провозглашения фракцией каждой попытки отдельного члена партии или группы членов партии обратить внимание ЦК на неправильности и ошибки проводимой им политики. Нет ничего опаснее, как доведение до бюрократического абсурда решения, запрещающего создание внутри партии фракционных организаций"².

Далее Троцкий доказывал, хотя и достаточно осторожно, что обвинения инакомыслящих во фракционности со стороны большинства Политбюро прикрывают проводимую последним фракционную политику. "Действительно нефракционный режим в партии может на деле не нарушаться только в том случае... если руководящие учреждения сами не проводят политику скрытого фракционного подбора, с величайшим вниманием относятся к голосу внутрипартийной критики, не пытаясь ликвидировать всякую самостоятельную мысль партии обвинением во фракционности"³.

Переходя к разбору действительно спорных моментов, Троцкий выделял "вопрос о роли планового руководства, т. е. систематического сочетания основных элементов государственного хозяйства в процессе их приспособления к растущему рынку"⁴. В этой связи он напоминал, что выдвинутая им и подтверждённая XII съездом идея о превращении Госплана в авторитетный, правомочный орган, который должен прорабатывать каждый общегосударственный хозяйственный вопрос, не реализована ни в малейшей степени. После отхода Ленина от руководящей работы, в области управления экономикой сделан шаг не вперёд, а назад: "хозяйственные вопросы сейчас более, чем когда-либо, решаются в порядке спешности и импровизации, а не в порядке систематического руководства"⁵.

"Одним из фантастических "обвинений", которое не раз высказывалось обиняками или за моей спиной, а ныне сформулировано открыто"⁶, Троцкий называл обвинение его в "недооценке" крестьянства. Приведя многочисленные факты и документы, характеризовавшие его действительное отношение к крестьянству (в том числе, внесённые им в ЦК весной 1920 года предложения, предвосхищавшие введение нэпа), Троцкий делал вывод, что "голословные, явно надуманные утверждения о моей какой-то неправильной линии в вопросе о крестьянстве" представляют "искусственно создаваемую легенду для оправ-

¹ Там же.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 167-181.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

дания возводимых внутри партии перегородок"¹.

Разоблачив другие передержки авторов "Ответа" по поводу разногласий между ним и большинством Политбюро (по вопросам соотношения партии и государства, внешней политики, германской революции), Троцкий перешёл к анализу личных обвинений в его адрес. Касаясь заявления о том, что Политбюро не могло и не может "взять на себя ответственность за удовлетворение претензий т. Троцкого" на руководящие хозяйственные посты, он привёл выдержки из писем Сталина и Рыкова, где предлагалось назначить Троцкого одновременно замом председателя СНК и председателем либо ВСНХ, либо Госплана и подчёркивалось, что "тот исключительный успех, которым пользовался доклад тов. Троцкого на съезде, даёт полную гарантию, что партия целиком одобрит это назначение"².

Троцкий заканчивал своё письмо выводом о том, что наименее болезненный и наиболее короткий выход из определившихся разногласий "может быть найден только при серьёзном и твёрдом желании руководящей группы ЦК снять установленные внутри партии искусственные перегородки, внимательно отнестись к неотложным требованиям изменения партийного курса и таким образом помочь партии вернуть себе свою самостоятельность, активность и своё единодушие. На этом пути ЦК встретил бы активнейшую поддержку подавляющего большинства членов партии, - и те вопросы, которые сейчас кажутся или изображаются, как личные моменты, исчезли бы сами собой"³.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

XVI

Борьба продолжается

25 октября был созван объединённый пленум ЦК и ЦКК совместно с представителями 10 губернских организаций. Его работа, продолжавшаяся три дня, до недавнего времени оставалась неисследованной, поскольку практически все относящиеся к нему материалы хранились в закрытых партийных архивах и оставались недоступными для историков. Даже в наиболее фундаментальных биографиях Троцкого, написанных И. Дойчером и П. Бруэ, говорится о том, что Троцкий не присутствовал на пленуме по болезни. Между тем, как стало известно из первых публикаций о работе пленума, Троцкий присутствовал на всех его заседаниях, выступал на них четыре раза и участвовал в голосовании, которое по его требованию было поимённым. 25 октября Троцкий выступил с докладом вслед за докладом Сталина. Поздним вечером 26 октября, после завершения прений, оба докладчика (сначала Троцкий, а потом Сталин) выступили с заключительным словом.

К настоящему времени опубликованы конспекты обеих заключительных речей, выполненные скорописью Бажановым, а также переработанный им же на основе первоначальной черновой записи текст заключительной речи Троцкого. Эта речь, произнесённая экспромтом, была непосредственным ответом на обвинения, выдвинутые в выступлениях других ораторов, и, главное, в предложенном пленуму проекте резолюции, выражавшем позицию "тройки". Троцкий не знал о существовании записей Бажанова, иначе он, во-первых, внёс бы в них правку, а во-вторых, по строго соблюдавшемуся им правилу, снял бы копию для своего архива.

В этой речи Троцкий, суммируя содержание оценок его письма, высказанных на пленуме, отмечал два в корне противоречивших друг другу подхода его оппонентов. Одни из них заявляли, что Троцкий в своём письме повторял то, что говорил уже последние два года; другие расценивали это письмо, как "удар грома среди ясного неба, вещь совершенно неожиданную". Фиксируя это очевидное противоречие, Троцкий подчёркивал, что неверно и то и другое объяснение: "Есть отголосок прежних разногласий, но есть и новые разногласия, и новая ситуация их обострила"¹.

Отвечая на обвинение в том, что он в последнее время воздерживался при голосовании в Политбюро важнейших хозяйственных решений и тем самым чуть ли не устраивал obstruction, Троцкий заявлял, что такая его позиция объяснялась тем, что большинство Политбюро игнорировало его предложения о предварительной проработке всех хозяйственных вопросов специалистами перед их вынесением на решение высшего партийного органа. "Ведь если... такой предварительной проработки нет, то как можно такие вопросы разрешать? Этого я абсолютно не понимаю. Ведь я лично не могу голосовать на Политбюро, если опытные "люди, которые собаку на этом съели, не прорабо-

¹ Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 34-39.

тают предварительно этих вопросов. Ведь не могу я построить своё мнение на тех сухих, полуказённых препроводительных бумажках, какими являются в большинстве случаев рассылаемые материалы¹.

Утверждая, что "наши кризисы на 50, 75, быть может на 100 процентов усугубляются беспланным подходом к вопросам нашего хозяйства", Троцкий напоминал, что он неоднократно говорил об этом в Политбюро: "Меньше полицейщины, больше плана". Но поскольку "в Политбюро есть другое Политбюро и в ЦК есть другой ЦК"², то от решения основных экономических вопросов он был фактически отстранён. Поэтому он избрал единственный оставшийся у него путь - направить в ЦК письмо с изложением своих взглядов на создавшееся положение.

Касаясь содержащихся в "Ответе членов Политбюро" обвинений в бонапартизме, в сосредоточении в своих руках "неограниченных полномочий в области военного ведомства", Троцкий отмечал, что во главе почти всех военных округов стоят сторонники большинства Политбюро, "только в Москве случайно руководит округом ужасный "троцкист" - Муралов"³.

Говоря о содержании, которое вкладывалось в слово "троцкист", широко пущенное в обиход триумвиратом и его сторонниками (понятие "троцкизм" тогда ещё не употреблялось), Троцкий заявлял, что "троцкистами" называют сейчас тех, кто не борется активно против Троцкого. Ибо, что такое иное "троцкист"? Я не знаю никакого другого объяснения. Я никогда не выносил из стен ЦК разногласий, которые в нём были, никогда не сообщал их партийным товарищам, не пытался их объединить, организовать группу, фракцию"⁴. Между тем за последнее время имел место ряд перемещений и смещений так называемых "троцкистов", прежде всего из руководящих военных органов. "Всякий работник, работающий со мной, и просто, без всяких там групповых или политических соображений, просто могущий со мной работать, сейчас же тем самым берется под подозрение, как "троцкист"... И вот, товарищи, эта картина, когда убирают от меня людей, с которыми я могу работать, и окружают людьми, активно против меня настроенными, ведь это же картина полной изоляции"⁵.

Остановившись на причинах того, почему он не обратился в Центральную Контрольную Комиссию по поводу ведущейся против него борьбы, Троцкий подчёркивал, что члены ЦКК знали о фактах преследований так называемых "троцкистов", об их смещениях и перемещениях, но никак на это не реагировали. "Как же я мог, зная всё это, переносить вопрос на решение ЦКК? У меня не было доверия к большинству ЦКК и нет его"⁶. Троцкий утверждал, что верхушка ЦКК во главе с Куйбышевым и Ярославским стала орудием Секретариата ЦК во внутрипартийной борьбе.

В заключительной части своей речи Троцкий пытался воззвать к разуму и

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

совести участников заседания, предельно откровенно и с нескрываемой болью говоря как о невыносимых условиях, которые были созданы для него большинством Политбюро, так и о тяжёлых последствиях для судеб партии, которые может повлечь принятие предложенного пленуму постановления: "Товарищи, я буду говорить начистоту. У нас есть в Политбюро товарищи, которые хотят это дело довести до конца - в смысле постоянного углубления разногласий, стремятся к тому, чтоб... сделать невозможной дальнейшую совместную работу."

Я думаю, что большинство ЦК и партии этого не хочет. Но то одностороннее решение, которое здесь готовится и которое вам предложат вынести, создаст опору для тех, кто хочет уничтожить почву для дальнейшей совместной коллективной работы.

Товарищи, прежде чем голосовать за него, постарайтесь продумать и понять моё положение... Товарищи, я был в отчаянно трудном положении, положении поистине трагическом. В то время, как эта сеть опутывала меня, я ничего не мог объяснить, не мог никому раскрыть, что правда, не мог принять бой. Но эту сеть разорвать было нужно...

Подумайте, товарищи, прежде чем принять решение. Если вы ступите на тот путь, на который вы как будто бы хотите вступить, вы сделаете огромную ошибку¹.

Вслед за Троцким выступил Сталин. Его речь, как можно судить по черновой записи, отличалась крайней демагогией и бесчисленными передержками. По поводу слов Троцкого о том, что по национальному вопросу в Политбюро "были разногласия не только по линии преследования отдельных работников, но и в принципиальной стороне дела", Сталин лицемерно заявил: "Не понимаю: крупных разногласий не было"². Ещё более фарисейски выглядели его объяснения по поводу колебаний членов Политбюро относительно публикации ленинской статьи о Рабкрине. Сталин объяснил их тем, что в этой статье "в 3-х местах было упоминание об опасности раскола", тогда как в Политбюро не было "и тени разногласий"; поэтому члены Политбюро "боялись, чтобы партия не была дезориентирована"³.

Заявления Троцкого о том, что хозяйственный кризис объясняется бесплановостью руководства, его неспособностью овладеть рыночной стихией, Сталин парировал так: "Кризисы - необходимый элемент нэпа. Вы (т. е. Троцкий и "группа 46-ти": - В. Р.) не понимаете нэпа. Вы завьли при первой заминке. Не то ещё будет... Улучшением Госплана дела не исправите"⁴.

Ограничения внутрипартийной демократии Сталин представил как "систему мер для ограждения партии от влияния нэпа". По поводу заявления Яковлевой о необходимости дискуссий в партии Сталин язвительно заметил: "Как чеховская дама: "дайте мне атмосферу". Бывают моменты, когда не до дискуссий... Партия ушла в огромную и важнейшую работу по мелочным вопросам. Выдумывать сейчас дискуссии преступно... Дискуссия в центре сейчас необы-

¹ Там же.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 185-187.

³ Там же.

⁴ Там же.

чайно опасна. И крестьяне, и рабочие потеряли бы к нам доверие, враги учли бы это как слабость"¹.

Пользуясь тем, что большинству участников пленума были неизвестны бесплодные попытки Троцкого разрешить разногласия внутри Политбюро и ЦК, Сталин демагогически утверждал, что "если б Троцкий исчерпал все легальные возможности исправить "ошибки" ЦК, он был бы прав и был бы обязан через его голову обратиться к членам партии. Но он таких попыток и не делал. В этом суть вопроса, собравшего нас здесь"². Исходя из этих заведомо ложных утверждений, Сталин обвинил Троцкого и "группу 46-ти" в том, что они "не использовали партией дозволенных путей и через голову ЦК обратились к членам партии"³. (Хотя письма Троцкого и "группы 46-ти" были обращены именно в ЦК и ставили ближайшей целью созыв совещания ЦК с инакомыслящими коммунистами для обсуждения спорных вопросов).

Заключительный аккорд сталинской речи состоял в предложении осудить обращение Троцкого с письмом в ЦК как шаг, создавший "обстановку, грозящую нам расколом". Сталин потребовал "обеспечить такой порядок, чтобы все разногласия в будущем решались внутри коллегии и не выносились во вне её"⁴. Таким образом, главная цель выступления Сталина состояла в том, чтобы не дать партии ознакомиться с выявившимися серьёзными разногласиями и запретить общепартийную дискуссию на спорным вопросам.

Опираясь на послушное большинство участников пленума, правящая фракция добилась отклонения проектов резолюций Гончарова и Преображенского, направленных на конструктивное решение возникших проблем и поиск компромисса между большинством Политбюро и "оппозицией". В основу принятого пленумом постановления был положен проект, предложенный одним из рядовых участников пленума, кандидатом в члены ЦКК Радченко. Это постановление, оказавшее огромное влияние на дальнейший ход внутрипартийной борьбы, было скрыто от партии. Впервые о нём было сообщено Сталиным на XIII конференции РКП (б) в январе 1924 года, причём Сталин тогда обнаружил лишь часть этого постановления. Полностью оно впервые было опубликовано лишь в конце 1990 года.

Постановление октябрьского пленума состояло из двух, по сути, противоречащих друг другу разделов. В разделе "б", носившем заголовок "О внутрипартийной демократии" и принятом единогласно, одобрялся "полностью своевременно намеченный Политбюро курс на внутрипартийную демократию, а также предложенное Политбюро усиление борьбы с излишествами и разлагающим влиянием нэпа на отдельные элементы партии"⁵. Таким образом, постановление представляло Политбюро инициатором курса на внутрипартийную демократию.

Положение об усилении борьбы с "излишествами" имело в виду циркуляр ЦК РКП (б) от 19 октября 1923 года, разосланный во все партийные комитеты.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 188, 189.

В нём говорилось о недопустимости использования государственных средств на благоустройство частных жилищ, дач и выдачу натуральных вознаграждений ответственным работникам. Предписывалось не допускать большого разрыва в заработной плате между "спецами", ответработниками, с одной стороны, и основной массой трудящихся, с другой. Указывалось, что ответственные работники не имеют права получать персональные ставки, премии и сверхурочную оплату. Этот циркуляр был последним партийным решением, направленным на ограничение аппаратных привилегий.

Несравненно более важное значение для всего последующего развития партийной жизни имел первый раздел постановления - "О заявлениях т. Троцкого и 46-ти товарищей", принятый 102 голосами против 2 при 10 воздержавшихся. Столь значительное количество голосов "за" объяснялось тем, что право голоса на пленуме, наряду с членами ЦК и ЦКК, было предоставлено приглашённым аппаратчикам, возглавлявшим местные партийные организации. Троцкий находился среди воздержавшихся при голосовании этого раздела.

Этот раздел постановления октябрьского пленума предвосхитил, по существу, отношение ко всем последующим оппозициям в партии.

Пункт I раздела гласил, что "пленумы ЦК и ЦКК и представители 10-ти крупнейших парторганизаций... целиком одобряют политическую линию и практическую работу Политбюро, Оргбюро и Секретариата и считают ответ большинства членов Политбюро по существу правильным"¹. Это положение - "полностью одобряют" - стало на протяжении последующих шестидесяти с лишним лет обязательной ритуальной формулой в резолюциях партийных съездов и пленумов ЦК.

В последующих двух пунктах указывалось, что "нападение тов. Троцкого, направленное на Политбюро, объективно приняло характер фракционного выступления, грозящего нанести удар единству партии и создающего кризис партии", а "Заявление 46-ти" расценивалось как "шаг фракционно-раскольничьей политики", грозящей "поставить всю жизнь партии на ближайшие месяцы под знак внутрипартийной борьбы"².

В IV пункте указывалось, что собрание считает своим "само собой разумеющимся долгом гарантировать в соответствии с партийным уставом право каждого члена партии критически разбирать как всю политику ЦК, так и его отдельные решения"³. (В последующих "партийных документах" о таком праве уже не упоминалось.) Однако вслед за этим провозглашалась обязательность борьбы "с фракционными группировками внутри партии и их дезорганизаторскими выступлениями" и выражалась "уверенность, что ЦКК примет все необходимые в интересах единства партии меры для того, чтобы начавшаяся внутрипартийная борьба не выходила в дальнейшем за пределы допустимого внутри партии в настоящий боевой момент товарищеского обсуждения"⁴. Таким образом, постановление оставляло открытым вопрос о том, где проходит

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

грань между критическим разбором политики ЦК и допустимым обсуждением спорных вопросов, с одной стороны, и дезорганизаторскими выступлениями фракционных группировок, с другой.

В последующих пунктах объявлялось долгом всех активных работников партии оказывать Центральному Комитету "полное доверие и неколебимую поддержку". Специальный пункт постановления был посвящен Троцкому, которому "настоятельно" предлагалось "принять в дальнейшем более близкое и непосредственное участие в практической работе всех центральных партийных и советских учреждений, членом которых он состоит"¹. Эти предложения были предельно лицемерны, ибо внутри Политбюро и ЦК уже сформировались "другое Политбюро" и "другой ЦК", главной задачей которых была изоляция Троцкого.

Наконец, в последнем пункте одобрялся отказ Политбюро вынести спорные вопросы на общепартийную дискуссию. В развитие этой линии пленум брал на себя "ответственность остановить начавшуюся фракционную дискуссию", и подчёркивал свою уверенность в том, что данным решением он выражает "мнение всей партии"².

О том, с помощью каких приёмов было принято это решение, клеймившее меньшинство при сокрытии его программных документов, свидетельствует написанное 31 октября письмо Крупской Зиновьеву. Хотя Крупская считала себя сторонницей триумvirата, а не Троцкого, она крайне негативно оценивала беспринципно-интриганское поведение триумvirов и их сторонников в ходе работы пленума. "Во всём этом безобразии - Вы согласитесь, что весь инцидент сплошное безобразие, - писала Крупская, - приходится винить далеко не одного Троцкого. За всё происшедшее приходится винить и нашу группу: Вас, Сталина, и Каменева. Вы могли, конечно, но не захотели предотвратить это безобразие. Если бы Вы не могли этого сделать, это бы доказывало полное бессилие нашей группы, полную её беспомощность. Нет, дело не в невозможности, а в нежелании. Наши сами взяли неверный, недопустимый тон. Нельзя создавать атмосферу такой склоки и личных счетов... Вот почему все так боялись того, что вся эта склока будет вынесена в массы. От рабочих приходится скрывать весь инцидент"³. В то время сокрытие политических разногласий в партии от рядовых коммунистов-рабочих считалось таким же грубым нарушением норм партийной жизни и коммунистической политической морали, как создание атмосферы склоки и сведения личных счетов.

Из письма Крупской следует, что триумvirы, воспользовавшись тем, что большинство участников пленума не знало о существовании "Завещания" и некоторых других последних ленинских документов, подстрекали своих сторонников к изображению в заведомо ложном свете позиции Ленина и даже причин ухудшения его здоровья. "Совершенно недопустимо также то злоупотребление именем Ильича, которое имело место на пленуме, - писала по этому поводу Крупская. - Воображаю, как он был бы возмущен, если бы знал, как злоупотребляют его именем. Хорошо, что меня не было, когда Петровский

¹ Там же.

² Там же.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 201, 202.

сказал, что Троцкий виноват в болезни Ильича, я бы крикнула: это ложь, больше всего В. И. заботил не Троцкий, а национальный вопрос и нравы, водворившиеся в наших верхах. Вы знаете, что В. И. видел опасность раскола не только в личных свойствах Троцкого, но и в личных свойствах Сталина и других. И потому, что Вы это знаете, ссылки на Ильича были недопустимы, неискренни. Их нельзя было допускать. Они были лицемерны. Лично мне эти ссылки приносили невыносимую муку. Я думала: да стоит ли ему выздоравливать, когда самые близкие товарищи по работе так относятся к нему, так мало считаются с его мнением, так искажают его?"¹

Считая, что на пленуме уже обозначился раскол, которого так опасался Ленин, Крупская совершенно определённо возлагала вину за это на триумвиров и призывала их отказаться от взятой ими интриганско-раскольнической линии. "А теперь главное, - писала она. - Момент слишком серьёзен, чтобы устраивать раскол и делать для Троцкого психологически невозможной работу. Надо попробовать с ним по-товарищески столкнуться. Формально сейчас весь одиум за раскол свален на Троцкого, но именно свален, а по существу дела, - разве Троцкого не довели до этого? Деталей я не знаю, да и не в них дело - из-за деревьев часто не видать леса - а суть дела: надо учитывать Троцкого, как партийную силу, и суметь создать такую ситуацию, где бы эта сила была для партии максимально использована"²

¹ Там же.

² Там же.

XVII

Две дискуссии

Октябрьский пленум не достиг своей главной цели, закреплённой в его постановлении, - запретить проведение общепартийной дискуссии. Очевидно, чувствуя отрицательное отношение партийных масс к сложившемуся внутрипартийному режиму и опасаясь, что события могут выйти из-под её контроля, "тройка" была вынуждена открыть дискуссию о внутрипартийной демократии, представив при этом себя её инициатором.

7 ноября Зиновьев выступил в "Правде" со статьёй "Новые задачи партии", в которой говорилось: "Во внутрипартийной жизни за последнее время наблюдался чрезмерный штиль, местами даже застой... Главная наша беда состоит часто в том, что почти все важнейшие вопросы идут у нас сверху вниз предreshёнными. Это суживает творчество всей массы членов партии, это уменьшает самодеятельность низовых партиячек"¹.

"Правда" предложила развернуть в печати и в партийных организациях "самую широкую дискуссию" по статье Зиновьева и 13 ноября открыла её на своих страницах. Первые выступления в дискуссии никак не предвещали, что она выльется в ожесточённую борьбу. Во всех выступлениях единодушно констатировался нездоровый характер сложившегося внутрипартийного режима.

Так, Бухарин в речи на одном из низовых партийных собраний говорил о бесконечном множестве недостатков, которые привели к полукритическому состоянию партии. Он называл в качестве характерных примеров - назначение райкомами секретарей первичных партийных ячеек, превращение выборов в партийных организациях в выборы в кавычках, формализацию процедуры проведения партийных собраний, начиная с единогласного выбора президиума по заранее подготовленному списку и кончая столь же единогласным принятием заранее подготовленной резолюции. "У нас целый ряд нижних слоёв организации, - продолжал Бухарин, - хватаются за барьеры: "никакой дискуссии!", "кто против?" и т. д., и целая система таких приёмов сводит на нет внутрипартийную жизнь. Само собой разумеется, что отсюда идёт громадная волна недовольства. Я привёл несколько примеров из жизни самых низших наших ячеек. То же самое можно заметить в несколько измененной форме и по следующим рядам нашей партийной иерархии"².

Ещё более резко ставился вопрос в первых открытых выступлениях участников "группы 46-ти". Так, в статье "О нашем внутрипартийном положении" Преображенский писал, что "вместо курса на коллективную самодеятельность организаций и поднятия уровня всех членов партии в процессе живого участия во всех внутрипартийных решениях, на почве сознания ответственности за каждое из этих решений, был взят курс на хороший аппарат и хорошего пар-

¹ Правда. 1923. 7 ноября.

² Цит. по: XIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. М., 1963. С. 148.

тийного чиновника"¹.

Рядовые коммунисты не знали, что одновременно с открытой дискуссией на страницах печати и в партийных организациях шла другая, секретная - внутри Политбюро. 29 ноября оно образовало комиссию в составе Каменева, Сталина и Троцкого, которой было поручено выработать проект резолюции о внутрипартийном положении. Работа этой комиссии шла в атмосфере острых споров между Троцким, с одной стороны, Сталиным и Каменевым, с другой, в обстановке "грубой торговли из-за каждой поправки", как впоследствии признавал Каменев. Характер разногласий между членами комиссии был зафиксирован в документе от 5 декабря, где отмечалось, что Троцкий "считал необходимым гораздо более решительную и категорическую формулировку новых намеченных шагов с целью устранения у партии каких бы то ни было сомнений относительно стремления ЦК действительно воплотить провозглашённое начало в жизнь... С другой стороны, т. т. Каменев и Сталин, расходясь, выражали свою твёрдую уверенность в том, что опасения т. Троцкого необоснованы, ибо Политбюро, а за ним и Центральный Комитет считают необходимым твёрдой рукой, опираясь на партию в целом, провести намеченные мероприятия и действительно обеспечить в партийной жизни принципы партийной демократии снизу доверху"².

Этими заверениями Каменева и Сталина объяснялся достигнутый комиссией компромисс, выразившийся в подготовке проекта резолюции "О партстроительстве", которая была единогласно принята 5 декабря на совместном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК и спустя два дня опубликована в "Правде".

Перед голосованием этой резолюции Троцкий сделал заявление о том, что он будет голосовать за неё лишь с серьёзными оговорками. Существо этих оговорок Троцкий изложил в письме членам ЦК от 9 декабря, где говорилось, что основное противоречие резолюции состоит в том, что она изображается как преемственно связанная с решениями октябрьского пленума, который на самом деле был высшим выражением аппаратного бюрократического курса, подлежащего радикальному изменению. Октябрьский пленум осудил те идеи, которые два месяца спустя Политбюро сочло необходимым принять.

Далее Троцкий писал, что "партийный аппарат силой инерции всё ещё идёт по той линии, наиболее ярким выражением которой являются решения октябрьского пленума. Очень многочисленная и влиятельная группировка в аппарате партии (группировка по существу фракционная) не только не хочет поворота к новому курсу, но и будет несомненно оценивать резолюцию ЦК, как маневр, не меняющий по существу партийного курса. Именно поэтому я настаивал на несравненно более ясном, резком и отчётливом осуждении окзёнившихся и обюрократившихся элементов партаппарата"³.

Особую тревогу Троцкий выражал по поводу чисто формальной позиции остальных членов Политбюро в отношении группировок и фракционных образований. Он подчёркивал, что вскрывшиеся за последнее время в партии

¹ Правда. 1923. 27 ноября.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 169-171.

³ Там же.

фракции и группировки выросли не из злоупотребления режимом рабочей демократии, а, наоборот, в результате действия чисто бюрократического режима. Чтобы подорвать фракционность, надо ударить по бюрократизму.

Принятие резолюции "О партстроительстве" явилось в значительной мере идейной победой Троцкого, поскольку её основные положения повторяли (в несколько смягчённой форме) идеи его письма и "Заявления 46-ти", ещё совсем недавно осуждённые октябрьским пленумом ЦК и ЦКК^{1*}.

В резолюции указывалось на необходимость установления режима рабочей демократии, под которым понималась свобода открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни, а также выборность должностных лиц и коллегий снизу доверху. "Только постоянная, живая идейная жизнь может сохранить партию такой, какой она сложилась до и во время революции, с постоянным критическим изучением своего прошлого, исправлением своих ошибок и коллективным обсуждением важнейших вопросов"². В ходе этих процессов неизбежно возникновение эпизодических разногласий. Чтобы они не приводили к созданию фракционных группировок, "требуется, чтобы руководящие партийные органы прислушивались к голосу широких партийных масс, не считали всякую критику проявлением фракционности и не толкали этим добросовестных и дисциплинированных партийцев на путь замкнутости и фракционности"³.

Отмечая, что X-XII съезды установили ряд неизбежных в условиях нэпа ограничений в применении принципов внутрипартийной демократии, резолюция рекомендовала проверить целесообразность некоторых из этих ограничений, например, утверждения секретарей вышестоящими инстанциями. "Во всяком случае нельзя допускать превращения права утверждения секретарей в фактическое их назначение"⁴.

В то время, когда шла подготовка резолюции "О партстроительстве", в ходе открытой дискуссии проявилось стремление некоторых аппаратчиков представить дело таким образом, будто "в области внутрипартийной всё благополучно, никаких "новшеств" не требуется, да и говорить тут собственно не о чем, разве только о "маленьких недостатках механизма"⁵.

Одновременно на дискуссионных собраниях некоторые члены партии выражали недоумение по поводу того, что рядовым коммунистам остаётся неизвестным содержание писем Троцкого и "группы 46-ти", а также решений октябрьского пленума по этому поводу. В связи с этим возник острый эпизод на собрании партийного актива Краснопресненского района Москвы, где после выступления Сталина ему была подана записка: "Скажите, какое основание имеет слух в среде партийцев о каком-то письме тов. Троцкого? Каково его содержание? Довольно секретов. Сообщите".

Сталин ответил на этот вопрос весьма своеобразно. Сначала он заявил, что

¹ Резолюция "О партстроительстве" в значительно усечённом виде была опубликована в качестве решения XIII конференции РКП (б) (январь 1924 года), а целиком - в стенографическом отчёте XIII съезда РКП (б) (май 1924 года).

² XIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). С. 777-780.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Правда. 1923. 5 декабря.

"при всём желании" не может сообщить "содержание письма т. Троцкого, имевшего место перед октябрьским пленумом. Есть также письмо 46 товарищей... О содержании этих двух писем я не имею право сообщить, так как октябрьские пленумы ЦК и ЦКК решили, что сообщать партии о содержании этих писем, о требованиях, которые были там изложены, и о решении пленума ЦК и ЦКК в октябре, не следует"¹. Однако вслед за этим Сталин дал такую трактовку решений пленума, которая выходила далеко за пределы самых резких формулировок, содержащихся в этих решениях, и представляла сознательную дезинформацию: "На пленуме в октябре стоял вопрос о том, что переходить через известную грань дискуссии - это значит создать фракцию, это значит расколоть правительство. Расколоть правительство - значит погубить Советскую власть... На этом основании пленумы ЦК и ЦКК осудили товарищей"².

Получив сообщение об этих высказываниях Сталина, Троцкий 6 декабря направил в Политбюро заявление, в котором подчёркивал, что "тов. Сталин как бы сам решает, что именно можно и чего нельзя сообщать, причём в двух разных местах своей речи по-разному"³. На этом основании Троцкий просил скорейшего решения Политбюро по вопросу, имеет ли он право в ответ на получаемые им многочисленные письменные и устные запросы разъяснять членам партии, о чём говорилось в его письме, какую резолюцию вынес октябрьский пленум и как она соотносится с переменной партийного курса, закреплённой в резолюции "О партстроительстве".

Объясняя свой поступок в заявлении, направленном в Политбюро, Сталин прибег к часто применявшемуся им и далее маневру: признав свою ошибку, тут же представил её в качестве собственной заслуги, поступка, направленного на благо партии. "Я признаю, - писал он, - что, сообщив районному собранию Пресни правду о решении пленумов ЦК и ЦКК по вопросу о заявлениях т. Троцкого и 46-ти, я пошёл вразрез с постановлением этих пленумов о секретности решения. Но я был буквально вынужден поступить так под давлением ложных, подрывающих авторитет ЦК и ЦКК, слухов, усиленно распространяемых среди членов партии её недоброжелателями, её разрушителями... Я не вижу других путей защиты ЦК и ЦКК от клеветы и лжи, кроме одного-единственного: сказать правду о решении пленумов ЦК и ЦКК"⁴.

В духе заявления Сталина было выдержано и решение Политбюро от 8 декабря, где признавалось, что Сталин нарушил постановление октябрьского пленума о секретности его решений и одновременно поступок Сталина объяснялся "только желанием правильно осветить действительные мотивы пленумов ЦК и ЦКК и тем оздоровить партийную атмосферу в Москве".

На заседании Политбюро, обсуждавшем данную конфликтную ситуацию, Зиновьев передал своим единомышленникам записку:

"Они (Троцкий и его сторонники. - В. Р.) действуют по всем правилам фракционного искусства. Если мы немедленно не создадим своей настоящей

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 164-168.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

архисплочённой фракции - всё пропадёт.

Я предлагаю этот вывод сделать в первую очередь. Я предлагаю завтра (в воскресенье) собраться специально по этому вопросу, - может быть, у Сталина за городом или у меня.

Промедление смерти подобно"¹.

На тексте записки оставили свои пометки с согласием на выполнение этого плана Сталин, Томский, Рыков и Каменев.

Этот "обмен мнениями" свидетельствовал, во-первых, о крайней обеспокоенности большинства Политбюро тем поворотом, который могла принять общепартийная дискуссия после публикации резолюции "О партстроительстве". И, во-вторых, о том, что перед лицом выраженного Троцким стремления ознакомить партию с содержанием своего письма и всех последующих событий в свете опубликованной резолюции ЦК, большинство Политбюро приступило к созданию "своей настоящей архисплочённой фракции", глубоко законспирированной от партии.

¹ Там же.

XVIII

"Новый курс"

Троцкий не строил иллюзий о том, что его противники, приняв резолюцию "О партстроительстве", откажутся от проведения прежнего аппаратно-бюрократического курса. Поэтому он решил обратиться теперь непосредственно к партии, опираясь на факт единогласного принятия резолюции и созыв партийных совещаний для её обсуждения. В этих целях он написал 8 декабря статью "Новый курс (Письмо к партийным совещаниям)", зачитанную в тот же день на некоторых районных собраниях партийного актива в Москве и тогда же направленную им для публикации в "Правде". В этой статье Троцкий развивал положения своего письма от 8 октября, не упоминая о его существовании (поскольку такое упоминание было запрещено октябрьским пленумом), и акцентировал внимание на тех положениях резолюции ЦК, которые были включены под его давлением.

Основной идеей этой статьи была подчеркнутая самим её названием мысль о серьёзной, глубокой, радикальной перемене курса в сторону партийной демократии как единственно-надёжной гарантии против угрожающего роста аппаратного бюрократизма и перерождения партийных верхов. Троцкий недвусмысленно давал понять, что действительная опасность фракционности идёт не от критиков "линии ЦК", а от большинства Политбюро, насаждающего бюрократическую централизацию руководства партией. "Механический централизм, - писал он, - дополняется неизбежно фракционностью, которая есть в одно и то же время злая карикатура на партийную демократию и грозная политическая опасность"¹. Констатируя чрезмерное усиление аппаратного бюрократизма, Троцкий подчёркивал, что "новый курс, провозглашённый в резолюции ЦК, в том и состоит, что центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, ныне, при новом курсе, должен быть передвинут в сторону активности, критической самостоятельности, самоуправления партии... Кратко задачу можно формулировать так: *партия должна подчинить себе свой аппарат*..."²

Разумеется, эти положения статьи Троцкого должны были вызвать недовольство аппаратчиков, которые не могли не увидеть в них угрозу своей бесконтрольной власти над партией. Особенно раздражало их выдвинутое Троцким требование обновления партийного аппарата "с целью замены оказавшихся и обюрократившихся свежими элементами, тесно связанными с жизнью коллектива или способными обеспечить такую связь. И прежде всего должны быть устранены с партийных постов те элементы, которые при первом голосе критики, возражения, протеста склонны требовать партбилет на предмет репрессий. Новый курс должен начаться с того, чтобы в аппарате все почувствовали, снизу доверху, что никто не смеет терроризировать партию"³.

¹ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 199- 203.

² Там же.

³ Там же.

Таким образом, Троцкий восстанавливал и предавал гласности те положения, которые он предлагал включить в резолюцию ЦК и которые были отвергнуты его противниками при её подготовке. Естественно, что сам факт написания статьи ещё более сплотил большинство Политбюро, решившее перейти в ответную, теперь уже публичную атаку против Троцкого.

Бухарин, задержавший публикацию "Письма к партийным совещаниям" на два дня, тем не менее (очевидно, предварительно проконсультировавшись с "тройкой") был вынужден 11 декабря опубликовать его. Уже через день в "Правде" появилась передовая "Наша партия и оппортунизм", в которой статья Троцкого трактовалась как антипартийная платформа. В тот же день Троцкий обратился с письмом в Политбюро ЦК и Президиум ЦКК, где писал, что передовая "Правды" "явно продиктована... желанием изобразить мою статью как повод для срыва единогласно принятого решения, на почве которого я стою". Поскольку столь ответственная статья центрального органа партии не могла не быть воспринята читателями как выражение мнения Политбюро, Троцкий просил Политбюро "ответить: рассматривало ли оно вопрос о моей статье и давало ли соответствующие инструкции "Правде"? ...Я не могу ни в каком случае предположить, что "Правда" или отдельные члены Политбюро действуют в этом исключительно важном вопросе на свой собственный страх и риск"¹.

После этого Бухарин направил членам Политбюро и Президиума ЦКК своё письмо, свидетельствующее о том, что он окончательно присоединился к правящей фракции в борьбе против Троцкого. "Писал передовицу "Правды" я и писал её за свой страх и риск, - заявил Бухарин. - Эта передовица была ответом на письмо тов. Троцкого, и так как у меня не было ни тени сомнений в том, что она выражает линию ЦК, то я её не показывал ни одному из членов ЦК, а, следовательно, и ни одному из членов Политбюро. Быть может, в этом заключалась моя формальная ошибка"². Своё поведение Бухарин объяснял тем, что статья Троцкого вызвала в нём "чувство глубочайшего изумления" и была понята как "объявление войны", что она играла "прямо пагубную роль" и потрясала "основные устои нашей партии".

14 декабря восемь членов и кандидатов в члены Политбюро написали письмо членам и кандидатам ЦК и ЦКК, в котором объявляли статью Троцкого "срывом" принятой резолюции "О партстроительстве". Отвергая трактовку Троцким резолюции ЦК как провозглашения нового курса партии, они писали, что "это преувеличение сознательно употреблено тов. Троцким лишь в тех целях, чтобы подготовить свои дальнейшие удары, направленные против партийного аппарата и против политики центральных учреждений партии"³. Далее Троцкий обвинялся в том, что он делает "теоретически неправильное, а практически недопустимое и опасное противопоставление "роли аппарата" и "самодетельности партии", преследует цель "возбуждения ненависти к партаппарату", натравливает "партию против своего аппарата", создаёт атмосферу "сплошного недоверия к партийному аппарату"⁴.

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 172-175.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Все эти обвинения были немедленно пущены в ход в публичных выступлениях членов Политбюро и их приверженцев. Но возбудить против Троцкого общественное мнение всей партии (а не одних только аппаратчиков) на основании обвинения его в критике партаппарата было невозможно. Поэтому триумвиры поспешили перенести дискуссию в совершенно новую плоскость - от обсуждения путей изменения внутрипартийных отношений к обвинениям Троцкого и поддерживающей его части партии в "уклонах от большевизма". Не желая открыто назвать причины своего недовольства статьёй Троцкого, аппаратчики пошли на подмену предмета спора, подмену разбора аргументов Троцкого ссылками и намёками на его дореволюционные разногласия с Лениным, рецидивом которых якобы и явилась позиция Троцкого в нынешней дискуссии.

Нападки на Троцкого сразу же приняли такой беспрецедентный тон, что в Центральный Комитет пошли многочисленные письма коммунистов с вопросами: не означают ли эти нападки намерение отстранить Троцкого от руководства партией. В ответ на эти письма Политбюро приняло постановление "Против обострения внутрипартийной борьбы", в котором говорилось, что выступление Троцкого было немедленно использовано "оппозицией" для обострения внутрипартийной борьбы и поэтому "не могло не вызвать решительных возражений как со стороны центрального органа партии ("Правда"), так и отдельных членов ЦК (статья тов. Сталина). Эти вынужденные возражения в защиту партийной линии злостно истолковываются как желание Политбюро затруднить для тов. Троцкого совместную и дружную работу в руководящих органах партийной и государственной власти"¹.

В упомянутой статье Сталин "обличал" Троцкого в том, что он бывший меньшевик и, следовательно, не имеет права причислять себя к старой гвардии большевиков. Троцкий обвинялся Сталиным и в том, что он "состоит в блоке с демократическими централистами и частью "левых коммунистов"². Между тем фракция "демократического централизма" была распущена в 1921 году, а бывшие "левые коммунисты", составлявшие в 1918 году примерно половину партии, были представлены среди сторонников Троцкого не в большей степени, чем среди сторонников большинства Политбюро.

Протестуя против переноса дискуссии в плоскость назойливых напоминаний о разногласиях двадцатилетней давности и раскрывая подлинный смысл сознательного смешивания прошлых, давно уже изжитых разногласий с текущими, Преображенский говорил: "...Когда товарищи читают нам лекции по истории нашей партии с 1903 г., которую все старые большевики хорошо знают, читают, чтобы оправдать бюрократизм аппарата в 23 г., то мы говорим: объективно вы работаете в пользу старого курса, в пользу казённого благополучия и той политики, которая отрывала нас от широких рабочих масс"³.

В борьбе с Троцким триумвират использовал ещё один приём, заключавшийся в намёках насчёт недопустимости "культа вождей", который якобы раздувают по отношению к Троцкому его сторонники. Развенчивая эту, только

¹ Правда. 1923. 18 декабря.

² Правда. 1923. 15 декабря.

³ Правда. 1924. 15 января.

ещё начавшую проникать в партийную печать легенду, Преображенский раскрывал её подлинный смысл и назначение. "Мы за то, - говорил он, - чтобы партия доросла до того, чтобы решать все вопросы коллективно, минимально пользуясь в этом отношении вождями, поскольку она может обойтись собственными коллективными силами. Мы против этого культа вождей, но мы и против того, чтобы вместо культа одного вождя практиковался культ других вождей, только масштабом поменьше"¹. Прямо обвиняя триумвиров в том, что они изображают себя единственными "законными" преемниками Ленина ради проведения групповой политики и сохранения собственной власти над партией, Преображенский заявлял: "Когда мы говорим о т. Ленине и роли его в партии, то она была на пользу рабочего класса целиком, а заменить тов. Ленина полностью вы не можете, вы имеете таланта меньше, а самонадеянности во много раз больше"².

Парируя упреки в адрес Троцкого за его слова о возможности перерождения старых партийных "вождей", Н. Осинский пояснил смысл этих слов следующим образом: "...Есть целый ряд товарищей, которые берут монополию на ленинизм, и стоит сказать слово против них, как ты всегда окажешься антиленинистом, антимарксистом и т. д. Тов. Троцкий совершенно правильно сказал этим безгрешным апостолам ленинизма, объявившим себя апостолами Ленина, а ленинские слова превратившим в святцы, он им сказал: "никакое апостольство не означает правильности линии"³.

В работах зарубежных историков поражение оппозиции 1923 года иногда объясняется болезнью Троцкого, не позволившей ему выступить ни на одном дискуссионном собрании. Такое объяснение нам представляется неправильным уже потому, что оно преувеличивает степень "отключённости" Троцкого от дискуссии. Действительно, в разгар дискуссионной борьбы Троцкий был прикован к постели. "Я твёрдо рассчитывал, что не сегодня завтра смогу принять участие в обсуждении внутрипартийного положения и новых задач. Но заболевание пришло на этот раз более не вовремя, чем когда бы то ни было, и оказалось более длительным, чем предполагали первоначально врачи"⁴, - такими словами открывалось "Письмо к партийным совещаниям". Вместе с тем в декабре 1923 года Троцкий выступил ещё с тремя статьями в "Правде", а затем включил эти статьи вместе с несколькими другими новыми работами в брошюру "Новый курс", вышедшую в свет 16 января 1924 года, в день открытия XIII партийной конференции, когда судьба оппозиции была уже предрешена.

Главная причина поражения оппозиции в первой внутрипартийной дискуссии, происходившей без участия Ленина, состояла, на мой взгляд, в том, что Троцкий и его единомышленники решились открыто противопоставить себя триумвирату и поддерживавшей его партийной бюрократии лишь в конце 1923 года, когда процесс аппаратного подбора и расстановки руководящих кадров, происходивший крайне стремительным темпом, привёл к тому, что "аппарат

¹ Там же.

² Там же.

³ Правда. 1924. 13 января.

⁴ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. С. 198.

был уже на три четверти подобран для перенесения борьбы в массы"¹.

Однако в конце 1923 года предрешённость исхода дискуссии в силу аппаратного давления и фракционных махинаций большинства Политбюро ещё не была ясна ни одной из противоборствующих сторон. Приверженцы оппозиции после появления "Письма к партийным совещаниям" перешли в наступление, открыто говоря на партийных собраниях и в партийной печати о ненормальности сложившегося внутрипартийного режима и необходимости замены его внутрипартийной демократией.

¹ Троцкий Л. Д. Что и как произошло? С. 33.

XIX

Оппозиция и система бюрократического централизма

В ходе дискуссии участники оппозиции не раз возвращались к тому, почему вопрос о внутрипартийной демократии встал с такой остротой в конце 1923 года. В этой связи они подчёркивали, что демократическому развитию внутрипартийной жизни противоречило решение X съезда партии о запрещении фракций и группировок. Объясняя причины принятия этого решения, Т. Сапронов напоминал, что Ленин обосновал своё предложение о запрете фракций критическим положением в стране, сложившимся в начале 1921 года. "Можно ручаться, - говорил Сапронов, - что сейчас в партии не найдется такого пессимиста, который оценил бы теперешнее положение так, как оценивал тогдашнее положение т. Ленин. Советская власть сейчас стоит крепче, чем когда бы то ни было, и если ей грозит опасность, то она заключается не в возможности её свержения, а в возможности её перерождения, если партия не сумеет оживить свой организм и укрепить свои связи с рабочим классом"¹.

Участники оппозиции напоминали, что помимо вынужденного экстремальными обстоятельствами решения о запрещении фракций, X съезд принял и другое решение стратегического характера, направленное на расширение рабочей демократии. Однако после X съезда и особенно во время болезни Ленина режим в партии изменился к худшему - стали преследоваться свободно выражение мнений, свобода критики и идейной борьбы. Начали нарастать бюрократически-авторитарные тенденции, выражавшиеся в невнимании к настроениям партии и рабочих масс, в стремлении аппарата думать и решать за партию, в перенесении им всего внимания на вопросы администрирования, в попытках всякую критику аппаратных методов управления клеймить как проявления фракционности. Для борьбы с инакомыслящими стали практиковаться "аттестационные комиссии", "личные дела с секретным пакетом" и т. д. Аппарат всё более выводил себя из-под контроля рядовых членов партии и партийных организаций.

В результате сложилась определённая система партийного управления - система бюрократического централизма. Констатируя этот факт, И. Стуков говорил: "Всякий режим может быть проводим, конечно, только при том условии, если он воплощается в определённом кадре людей. Режим воспитывался на практике системы бюрократического управления, сложился, вырос определённый тип партийного работника, который в силу такой постановки вопроса управления партией на каждом шагу в повседневной жизни привык противопоставлять себя остальной партийной массе, привык себя рассматривать как опекуна, руководителя, а партийная масса, которой он призван управлять, обязана его слушаться"².

¹ Правда. 1923. 16 декабря.

² Правда. 1923. 15 декабря.

Как подчёркивали деятели оппозиции, именно люди такого типа (аппаратчики) оказывали сопротивление новому курсу, провозглашённому в резолюции от 5 декабря, стремились использовать решение X съезда о запрещении фракций для того, чтобы свести на нет постановление того же съезда о рабочей демократии, пытались подменить критику существующего положения дел в партии, критику партийного аппарата разговорами об опасности фракционных группировок и разрушения единства партии. "Только до смерти напуганной новым курсом части партийного аппарата, - говорил в этой связи Т. Сапронов, - может чудиться в происходящей дискуссии угроза раскола... фразы о единстве партии идут со стороны той части партии, которая чувствует себя не в силах действовать путём убеждения, которая за последние годы, пользуясь резолюцией X съезда, объявляла фракцией всякого, кто имел своё мнение, и добивалась в партии "заговора молчания"... В этом смысл того похода против фракций, который предпринят сейчас т. т. Зиновьевым и Каменевым и поддерживается редакцией "Правды"¹.

В отличие от Троцкого, допускавшего известную двусмысленность в вопросе о группировках в партии, Сапронов, Преображенский, И. Н. Смирнов и другие представители оппозиции отстаивали необходимость допущения легализации группировок, заявляя, что без этого внутрипартийная демократия превращается в "ничего не стоящую бумажку". Они подчёркивали, что без борьбы идейных группировок, неизбежно возникающих в обстановке демократической внутрипартийной дискуссии, не может формулироваться, обсуждаться и проводиться в жизнь правильная политическая линия партии.

"Если в партии, - говорил Преображенский, - образуются идейные группировки, которые хотят убедить партию, что предлагаемые ими меры по хозяйству, финансам, внутрипартийному строительству и т. д. более правильны, более приемлемы, как те, которые предлагает её официальное большинство... то кто же может сказать, что такие группировки недопустимы? Почему недопустимы группировки, которые готовятся к съезду, которые хотят убедить большинство партии по тому или иному вопросу, что вполне предусмотрено нашим уставом"². Партия в лице своих высших органов отвергала и будет отвергать предложения, которые она считает неприемлемыми, но это не должно вести к применению каких-либо репрессий против людей, вносящих такие предложения.

Преображенский подчёркивал, что партии следует как можно скорее отрешиться от сложившегося положения, когда по отношению к коммунистам, оказавшимся в меньшинстве, практикуется система натравливания и запугивания, когда членов образовавшихся в прошлом идейных группировок снимают с партийной работы. Такие приёмы мешают рассасываться временным объединениям членов партии и являются, по существу, "вгонянием их в группировку".

Наряду с этим Преображенский обращал внимание на фактическое возникновение внеуставных объединений в руководстве партии. В этой связи он ссылался на выступление Сталина на XII съезде, где говорилось, что съезд якобы

¹ Правда. 1923. 16 декабря.

² Там же.

выразил одобрение "руководящей тройке в Политбюро". "Какая это тройка? - спрашивал по этому поводу Преображенский, - партия знает только ЦК и Политбюро, и партия ничего ни о каких тройках не знает"¹.

Ставя вопрос о том, почему обе стороны в дискуссии заявляют о своём согласии с недавно принятой резолюцией и в то же время вокруг её истолкования идёт ожесточённая борьба, Н. Осинский напоминал сделанное на начальном этапе дискуссии признание Каменева: "Мы уступили формулировкам т. Троцкого после тщательной "внутренней торговли". К этому Осинский добавлял, что "если опубликовать первоначальный, цекистский проект резолюции 5-го декабря и параллельно все поправки т. Троцкого, то оказывается, то все эти поправки как раз и составляют ту изюминку, без которой эта резолюция не дала бы никакой демократии. Благодаря известному нажиму они туда включены"².

Оппозиция прямо высказывала опасения, что партаппарат, набравший к тому времени страшную инерцию, не захочет и не сможет провести резолюцию от 5 декабря в жизнь. Действительная реализация этой резолюции, как подчёркивал И. Н. Смирнов, может быть достигнута, если мы будем "всю партию вовлекать в решение основных вопросов хозяйственной и политической жизни, и через партию вовлекать весь рабочий класс в их решение, а не решать эти вопросы только двадцатью тысячами человек, работающими в партаппарате"³.

Такой поворот дискуссии никак не устраивал большинство ЦК, за которым стоял партийный аппарат, почувствовавший в объявлении нового курса внутрипартийной политики угрозу своей бесконтрольной власти. Партия "впервые, после трёхлетней спячки, вздумала пошевелить мозгами, - говорил Сапронов, - и тут же наши аппаратчики, которые создали или, по крайней мере, покровительствовали этой долговременной спячке партии, от одного только шевеления мозгами пришли в ужас, и им начали чудиться всякие перевороты. В выступлениях против аппарата они видят выступления против партии" Сапронов подчёркивал, что "партия достаточно сильна, чтобы вовремя свой аппарат перестраивать, чтобы вовремя его исправлять, что и надо делать: не партия для аппарата, а аппарат для партии"⁴.

Конечно, в тот период перерождение не коснулось всей массы аппаратчиков в той степени, в какой оно охватило триумvirат, задолго до дискуссии вставший на путь политических подлогов и провокаций. В большинстве своём аппаратчики того времени представляли собой честных и искренне преданных делу партии и революции людей, однако уже утративших способность воспринимать критические сигналы снизу и одновременно - критически относиться к решениям, идущим сверху.

Характеризуя этот этап перерождения значительной части партийных кадров, Преображенский говорил, что проводившаяся большинством ЦК "политика казённого благополучия" сформировала определённый тип аппаратчика,

¹ Там же.

² Правда. 1924. 13 января.

³ Правда. 1923. 18 декабря.

⁴ Правда. 1923. 14 декабря.

который "способен умереть за партию..., но не имеет смелости, и никогда не будет иметь её, сказать ЦК, что он ошибается, если он действительно ошибается. Свою главную функцию сигнализаторов ЦК, указывающих на опасности, если ЦК делает ошибки, эту функцию они не выполняют"¹.

Именно на такой тип аппаратчика опирался триумвират, сознательно перенося внутрипартийную дискуссию в плоскость борьбы оппозиции против "ленинского ЦК". "Я утверждаю, - заявлял оппозиционер Рафаил, - что благодаря усилиям так называемого большинства, и в частности аппарата, нас отбрасывают ещё на более далекую позицию, чем старый курс"².

Оппозиция обращала внимание также и на то, что консервативное сопротивление аппарата курсу на внутрипартийную демократию является отражением сложившегося партийного режима, разделившего партию на два лагеря: управляющих и управляемых, причём такое деление находит продолжение в значительном материальном неравенстве между коммунистами. Суммируя впечатления от дискуссии в рабочих ячейках, И. Ходоровский отмечал, что протест рядовых коммунистов "направлен против материального неравенства в рядах нашей партии. Поставить в порядок дня действительную борьбу с излишествами и бющим в глаза резким неравенством - такова наша неотложная задача, к разрешению которой надо приступить немедленно"³.

"От вопроса о внутрипартийной рабочей демократии, - писал А. Шляпников, - неотделим и вопрос о материальном неравенстве членов партии. В условиях новой экономической политики мечтать о всеобщем равенстве утопично. Однако, есть способ уничтожения тех вопиющих излишеств, которые разлагающе действуют не только на совершающих их, но и на окружающую среду. Для решения этого вопроса нелишне напомнить, что однажды мы решали эту же задачу и решили правильно. После Октябрьских дней мы провели декретом положение о жаловании государственным ответственным работникам, которое определяли по заработной плате высококвалифицированных рабочих. Почему не пойти теперь по этому пути? Почему не запретить платное совмещение и т. п. "подножный" корм? Эта мера внесла бы удовлетворение не только в партийную среду, но - далеко за её пределы. Нужно напомнить, что таким путём шла и Парижская коммуна"⁴.

В выступлениях оппозиции фиксировалось внимание и на том, что существующие партийные нравы и отношения отчуждают значительную часть беспартийных рабочих от партии. "Стоит послушать, что говорят в ячейках, - замечал Сапронов, - все выступления прежде всего сосредотачиваются на том, что при современном состоянии в партии беспартийный рабочий, безусловно нам сочувствующий и вполне сознательный, который мог бы резко увеличить в составе партии группу рабочих от станка, не хочет идти в партию, боясь превратиться в партийного чиновника. Партийная масса правильно видит здесь главную опасность, правильно оценивает рабочую демократию, как радикальное средство против начинающегося искусственного разрыва между партией и

¹ Правда. 1924. 15 января.

² Там же.

³ Правда. 1923. 18 декабря.

⁴ Правда. 1924. 18 января.

пролетариатом и боится, как бы дело не испортилось"¹.

Выступление оппозиции 1923 года представляло первый этап борьбы значительной части старой партийной гвардии за ленинские принципы партийной жизни, против узурпации власти партии и рабочего класса аппаратной бюрократией и узкой группой партийных олигархов. Оппозицией была развёрнута широкая программа политической реформы, развивавшая идеи, которые содержались в последних письмах и статьях Ленина. Не удивительно поэтому, что в Москве, где дискуссия проходила наиболее демократическим образом, многие партийные ячейки выносили резолюции, поддерживающие лозунги оппозиции.

В дискуссии 1923 года вопросы партийной жизни оттеснили на задний план вопросы социально-экономической политики. Тем не менее и по ним полемика носила достаточно острый характер. Оппозиция упрекала ЦК в том, что он не придерживался курса XII съезда на усиление плановых начал в руководстве народным хозяйством. В результате бесплановости, бессистемности экономической политики намечалось более быстрое увеличение нэповских накоплений по сравнению с государственными.

Это нашло отражение в психологии рабочего класса. "Он, - говорил Преображенский, - чувствует силу врага, которого мы видим в витринах магазинов, врага, который находится в одном городе с нами. Какой из этого выход? Если будут нарастать эти противоречия, и мы не дадим выхода им в форме государственной и партийной, то это приведёт к стихийной борьбе, к раскалыванию и к прочим эксцессам"².

Оппозиция предлагала усилить борьбу с частным капиталом в торговле, обладавшим тогда в этой сфере преобладающими позициями, с нэповским непроизводственным накоплением и роскошью. Эту борьбу предлагалось вести не путём ликвидации рыночных отношений, а через усиление налогового обложения капиталистических элементов города, которое призвано было служить одним из источников развития государственной промышленности.

Оппозиция предлагала также реорганизовать торговую кооперацию, усилив контроль за ней сверху и снизу, и осуществить "товарную интервенцию", т. е. ввоз из-за границы товаров широкого потребления с целью лучшего регулирования обмена на внутреннем рынке и ослабления товарного голода, от которого выигрывают спекулянты, а проигрывает государство.

¹ Правда. 1923. 16 декабря.

² Правда. 1924. 13 января.

По законам аппаратной механики

Сегодня, в свете всего последующего исторического опыта, идеи, выдвинутые оппозицией 1923 года, во всяком случае идеи борьбы за демократизацию партийной жизни, не могут не представляться бесспорными всякому непредубежденному человеку. Они и в то время находили активный отклик среди коммунистов, воспитанных на ленинских традициях партии, и среди партийной молодежи. Хотя результаты голосования по итогам дискуссии никогда официально не объявлялись, современные историки считают, что за платформу оппозиции голосовало более 10 процентов членов партии - 40-50 тыс. человек - больше, чем в любой из последующих дискуссий.

Это число могло быть намного больше, если бы не приёмы, использовавшиеся в борьбе с оппозицией большинством ЦК и поддерживающей его партийной бюрократией, которая уже ощутила вкус бесконтрольной власти, командно-административных методов руководства и поэтому увидела в идеях оппозиции и вытекающих из них практических выводах угрозу своему монопольному положению в партии. В своём консервативном сопротивлении новому курсу триумвиры и поддерживавшие их аппаратчики с самого начала дискуссии прибегали к никогда ранее не применявшемуся методу внутрипартийной борьбы: оценке разногласий внутри партии как борьбы между большевиками и элементами, чуждыми большевизму, ленинизму.

В дискуссии 1923 года впервые были опробованы приёмы, успешно использованные Сталиным и его сторонниками во всех последующих дискуссиях: объявление любой возникающей в партии идейной группировки - фракционной и раскольнической, а всякой критики в адрес большинства ЦК или Политбюро - покушением на единство партийных рядов; изображение самих внутрипартийных дискуссий как "навязанных" оппозиционерами, как помехи социалистическому строительству, отвлекающей коммунистов от практической работы; напоминание оппонентам об их участии в прошлых оппозициях и фракциях и попытки связать бывшие разногласия с текущими.

Деятели оппозиции неоднократно подчёркивали, что при Ленине в партийных дискуссиях никогда не наблюдалось такого озлобленного тона по отношению к оппозиции, никогда не выдвигались такого рода обвинения, как теперь. Во время дискуссии о профсоюзах, напоминал Преображенский, мы не обвиняли друг друга в том, в чём в настоящий момент обвиняют оппозицию представители ЦК. "Почему? Потому что, несмотря на то, что положение тогда было в тысячу раз тяжелее - мы переходили с военной работы на мирную при значительном колебании среди крестьянства - большинство не позволило себе того, что было позволено теперь. Теперь ЦК впал в панику и открывает по нас такой артиллерийский огонь, который имел бы смысл, если бы нас во главе с т. Троцким нужно было исключить из партии. Но если этого нет, то это всё есть продукт паники, продукт того, что ЦК чрезвычайно опасался, в част-

ности, потерять Москву и наделал в результате этого крупнейшие ошибки"¹.

Таким образом, хотя в то время мысль об отсечении от партии инакомыслящих ещё никому не приходила в голову, большинством ЦК были пущены в ход такие "идейные" приёмы борьбы с инакомыслием, которые в последующие годы привели сначала к партийным, а потом - и к прямым полицейским репрессиям.

Упрекая большинство ЦК в том, что оно с самого начала дискуссии взяло в "Правде" такой тон, который "привёл в ужас провинцию и обрадовал белогвардейщину - а не пахнет ли здесь расколом", Преображенский говорил: "...Вы не проявили того хладнокровия, которое т. Ленин проявлял всегда, когда партия проверяла какие-нибудь вопросы. Тов. Ленин никогда не позволял себе хаять тех товарищей, которые выдвинули решения, часть которых вы уже приняли и провели; он никогда не брал такого раскольнического тона по отношению к оппозиции... Нельзя таким образом обращаться к серьёзнейшему течению партии. Вы не даёте спокойно разобраться в тех вопросах, которые назрели... Эта дискуссия значительно напугала партию, которая думает, что если дальше обсуждать вопросы, то единство партии может пострадать, и таким образом, больше боится за единство партии, чем за что бы то ни было другое"². Стремясь напугать партию опасностью раскола, большинство ЦК противопоставляло потребности партии в демократии её потребность в единстве, вместо того, чтобы сочетать эти два равно необходимых требования здоровой партийной жизни.

В стремлении доказать главный тезис ЦК - о недопустимости идейных группировок и фракционных образований в партии - Бухарин в разгар дискуссии сделал неожиданное признание, которое впоследствии обошлось ему очень дорого. На собрании коммунистов Краснопресненского района он решил поделиться собственным "фракционным" опытом. Бухарин сообщил, что в наиболее острый период борьбы по поводу Брестского мира к нему как к лидеру фракции "левых коммунистов" обратился лидер левых эсеров Камков с предложением арестовать Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным и образовать новое правительство во главе с Пятаковым, более того - что это предложение обсуждалось в кругах "левых коммунистов".

Сообщение Бухарина было немедленно подхвачено Зиновьевым, который расценил его как "факт гигантского исторического значения... Фракционная борьба внутри нашей партии была доведена до того, что левые эсеры, эти взбесившиеся мелкие буржуа, могли с известной надеждой на успех обращаться к части нашей партии с такими предложениями... Наши товарищи "левые" коммунисты, как рассказывает тов. Бухарин, отвергли предложение левых эсеров с негодованием. Однако своему Центральному Комитету товарищи "левые" коммунисты об этом тогда не сообщили, и партия узнаёт об этом немаловажном факте только теперь, шесть лет спустя"³.

Хотя Бухарин в дальнейшем уточнил, что речь шла лишь о "мимолетном разговоре", его заявление вызвало резкий протест группы бывших "левых

¹ Правда. 1924. 13 января.

² Там же.

³ Правда. 1923. 16 декабря.

коммунистов", опубликовавших в "Правде" письмо, в котором говорилось, что им никогда не было известно о сообщённом Бухариным факте. Тем не менее и после этого Зиновьев и Сталин продолжали использовать сообщение Бухарина в качестве аргумента против образования в партии фракций и группировок. Потом этот эпизод был "забыт" вплоть до 1929 года, когда в разгар борьбы с Бухариным Сталин вспомнил его, намекнув, что Бухарин не до конца рассказал о своих переговорах с левыми эсерами. Этот "пробел" был восполнен на процессе "антисоветского право-троцкистского блока", когда бывших лидеров "левых коммунистов" и левых эсеров, выступавших в качестве свидетелей, вынудили заявить, что Бухарин с ведома остальных лидеров "левых коммунистов" сговаривался с левыми эсерами не только об аресте, но и об убийстве Ленина, Сталина и Свердлова.

Последовательно разрушая в ходе дискуссии ленинскую концепцию партийного единства, предполагавшую свободу выражения различных мнений внутри партии, триумвиры и их сторонники заменили её концепцией "монolithicности партии", согласно которой высказывание её членами любых взглядов, расходящихся с позицией большинства ЦК и Политбюро, рассматривалось как выражение фракционности и враждебных партии умыслов.

Поведение лидеров большинства в дискуссии 1923 года, как и на всех дальнейших этапах внутрипартийной борьбы, наглядно показало, что блокирование со Сталиным неизменно оскопляло их интеллектуальную силу и вело к нравственной деградации. Сопоставляя направленные против оппозиций выступления Зиновьева и Каменева в 1923-1924 годах, Бухарина, Томского и Рыкова в 1925-1927 годах с выступлениями Сталина тех лет, мы обнаруживаем и поразительную схожесть аргументов, и одинаковую подмену принципиальных доводов грубыми политическими наветами и инсинуациями.

В ходе дискуссии между триумвирами наметилось своеобразное разделение труда. В то время, как Зиновьев и Каменев, выступавшие с пространными докладами, возглавляли пропагандистскую кампанию, Сталин через Секретариат осуществлял организационные меры, которые оппозиция расценивала как "исключительно механическое подавление общественного мнения известной части партии". Уже в ходе дискуссии некоторые оппозиционеры были сняты с руководящих постов. Особенно острый характер приобрел эпизод со снятием Антонова-Овсеенко с поста начальника Политуправления Красной Армии.

27 декабря 1923 года Антонов-Овсеенко обратился в Политбюро и Президиум ЦКК с письмом, в котором он приводил многочисленные факты, свидетельствующие о том, что "весь аппарат партии приведён в определённое движение", направленное на подавление всякой критики большинства ЦК и изображение Троцкого в качестве знамени всего "не ленинского" в рядах партии. "Эти бесшабашные и безыдейные нападки на того, кто в глазах самых широких масс является бесспорно вождем - организатором и вдохновителем побед революции - создают болезненную тревогу, разброд и неуверенность... Партию и всю страну, вместо серьёзного разбора серьёзных вопросов, кормят личными нападками, заподозрениями, желчной клеветой, и этот метод возводят в си-

стему..."¹

"Знаю, что этот мой предостерегающий голос, - писал в заключение письма Антонов-Овсеенко, - на тех, кто застыл в сознании своей непогрешимости историей отобранных вождей, не произведёт ни малейшего впечатления.

Но знайте - этот голос симптоматичен. Он выражает возмущение тех, кто всей своей жизнью доказал свою беззаветную преданность интересам партии в целом, интересам коммунистической революции. Эти партийные молчаливники возвышают свой голос только тогда, когда сознают явную опасность для всей партии. Они никогда не будут "молчаливыми", царедворцами партийных иерархов. И их голос когда-нибудь призовет к порядку зарвавшихся "вождей" так, что они его услышат, даже несмотря на свою крайнюю фракционную глухоту"².

Спустя несколько дней Оргбюро ЦК вынесло порицание Антонову как начальнику ПУРа за то, что он якобы не согласовал с ЦК приказ о проведении партийной конференции военных вузов. В письме Сталину от 2 января 1924 года Антонов-Овсеенко подчёркивал, что Сталин в разговоре с ним назвал этот надуманный предлог "пустяком" и прямо указывал подлинную причину нападок на него: "Вам представляется нетерпимым, что во главе одного из ответственных отделов ЦК (ПУР работал на правах отдела ЦК. - В. Р.) стоит настолько самостоятельно мыслящий партиец, что осмеливается высказывать (хотя бы и во время разрешённой предсъездовской дискуссии) своё недовольство внутривнутрипартийной политикой большинства Политбюро... Вам нужен на руководящих постах подбор абсолютно "законопослушных" людей. Я к такому не принадлежу"³.

12 января Оргбюро ЦК признало невозможной дальнейшую работу Антонова-Овсеенко на посту начальника ПУРа на том основании, что он совершил "неслыханный выпад", обратившись с угрозой в адрес "зарвавшихся вождей". Выступая на пленуме ЦК 15 января, Антонов-Овсеенко говорил: "Настаиваю на совершенной ясности в постановке вопроса обо мне. Речь идёт об отстранении с поста начальника Политуправления члена партии, осмелившегося выступить в партийном порядке против линии большинства ЦК, вредной для единства партии и моральной сплочённости армии... Считаю неоспоримым правом члена партии указывать членам ЦК на ту или иную опасность партийного положения... никакой угрозы не заключается в моем письме от 27 декабря, кроме - воздействовать в партийном порядке (через конференцию или съезд) на фракционно настроенных вождей со стороны партийно-мыслящих товарищей... Я отнюдь не заблуждаюсь, что этой широко ведущейся кампании дан определённый тон и не кем другим, как товарищем Сталиным"⁴.

Результатом этого выступления стало направление Антонова-Овсеенко за рубеж с дипломатическим поручением. Это был очередной (после Раковского и Мдивани) случай широко практиковавшегося в последующие годы "перво-

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 207, 208.

² Там же.

³ Знамя. 1990. № 3. С. 140.

⁴ Вопросы истории. 1989. № 2. С. 92.

начального" наказания оппозиционеров путём "дипломатической ссылки".

На январском (1924 года) пленуме ЦК с особенно оскорбительными замечаниями в адрес лидеров оппозиции выступил Зиновьев, задавший тон дальнейшей их травле аппаратчиками. Пленум, как говорилось в информационном сообщении о его работе, "подвел итоги партийной дискуссии, причём ряд выступавших членов ЦК, работающих на местах, в резкой и категорической форме осудили линию оппозиции (Троцкого, Радека, Пятакова и др.) о легализации в партии фракций и группировок, о противопоставлении аппарата партии и т. п."¹. Таким образом, ещё до партийной конференции, которая должна была подвести итоги дискуссии, три члена ЦК, в том числе один член Политбюро, были публично обвинены в антипартийных взглядах.

¹ КПСС в резолюциях и решениях. М, 1984. Т. 3. С. 143.

XXI

Победа или поражение?

Подготовка к конференции была проведена Сталиным по всем требованиям аппаратной механики. Уже на Московской губернской конференции лидеры оппозиции обращали внимание на то, что на районных конференциях за резолюции, предложенные ЦК, голосовало (в целом по Москве) 1708 человек, а за оппозицию - 878, т. е. 34 процента. На городской конференции набралось лишь 25 процентов сторонников оппозиции, "потому, что чем выше, тем больше действует аппарат". Московский же комитет партии был выбран целиком "однородным", т. е. состоящим из одних сторонников ЦК, что было грубым нарушением традиций большевизма. Подобная "однородность" ещё в большей степени характеризовала состав XIII конференции РКП (б) (январь 1924 года), на которую не был избран с решающим голосом ни один из коммунистов-оппозиционеров.

В речи Преображенского на конференции указывалось, что "вся провинция (т. е. местные партийные организации. - В. Р.) была запугана насчёт единства партии, насчёт раскола, который на самом деле грозит партии больше со стороны большинства ЦК, чем со стороны кого бы то ни было другого"¹.

Обращаясь к большинству ЦК, Радек заявил: "Вы ставите вопрос о снятии т. т. из оппозиции с постов. Этот пример, данный партией наверху, пойдет по всей партии до низовых её ячеек. И вы доиграетесь... до лицемерия в партии, когда люди будут прятать мысли для того, чтобы избегнуть таких последствий"².

В предложенном Преображенским проекте резолюции выдвигалось требование "очищения дискуссии от личных моментов, вносящих в неё отраву и наносящих ущерб авторитету партии в глазах непартийных масс"³. Напоминая, что "тов. Ленин в письме (почему-то до сих пор неизвестном партии) относительно нац. вопроса сказал, что озлобление в политике является самым последним делом", Преображенский говорил: "Я считаю основной ошибкой, допущенной Политбюро персонально по отношению к т. Троцкому, то, что ЦК в нашей большевистской среде третирует т. Троцкого как чужака. При таком отношении невозможна совместная работа... Здесь мы видим в гораздо большей степени стихию чувств и воспоминаний, чем политический расчёт вождей партии, которые должны знать, что они в этом вопросе должны ставить на первый план политический интерес"⁴.

Однако все эти голоса предостережения, против методов внутрипартийной борьбы, которые через несколько лет своим остриём обрушатся против многих представителей тогдашнего большинства, не были услышаны конференцией.

¹ XIII конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. М., 1924. С. 111.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же. С. 110.

Не было услышано и предостережение И. Я. Врачёва по поводу провокационной вылазки Сталина, который в своём докладе и заключительном слове заявил, будто оппозиция имеет своё бюро, что свидетельствует о её превращении во фракцию. Врачёв предложил тщательно проверить это двукратное заявление Сталина, чтобы в случае его подтверждения привлечь к стражайшей партийной ответственности виновных в организации фракции. Это предложение, грозящее разоблачением сталинской провокации, было конференцией отклонено.

Отклонённой оказалась и предложенная Преображенским резолюция об итогах дискуссии, где указывалось, что "чрезвычайное запоздание с необходимой переменной внутрипартийного курса придало самому повороту резко административный характер, что облегчило консервативным элементам партии возможность, признавая новый курс на словах, повести против него упорную борьбу на деле. Главным орудием этой борьбы явилось обвинение во фракционности всех тех, кто выступал с критикой деятельности руководящих учреждений и за фактическое обновление партийного аппарата.

Критика старого, ещё не изжитого бюрократического курса, как и критика бессистемной хозяйственной политики, были объявлены попыткой подорвать авторитет и значение ЦК партии. Совершенно очевидно, что такая явно бюрократическая и в корне ложная точка зрения на деле означала бы - при строго централистическом характере партийного руководства во всех вопросах - ликвидацию всякой дискуссии и всякой демократии. Всё прошлое нашей партии, в частности, история всех предсъездовских дискуссий свидетельствует, что внутрипартийная критика, в том числе и критика политики ЦК, вполне совместима с действенным единодушием и твёрдой дисциплиной"¹.

В проекте резолюции, предложенном Преображенским, содержался прогноз дальнейшего развития событий в том случае, если консервативное сопротивление аппарата идеям резолюции от 5 декабря не будет преодолено. "Если бы бюрократические тенденции снова одержали хотя бы временную победу, т. е. фактически помешали бы в ближайшее время применению партийной демократии, - это привело бы неизбежно к чрезвычайному усилению недовольства широких партийных масс и, как следствие этого, к усугублению механических мер партийного руководства на суженном базисе, что в близком будущем привело бы к новому более острому кризису и в партии"².

Это печальный прогноз целиком подтвердился в ходе всей последующей внутрипартийной борьбы.

В решениях конференции платформа оппозиции, представлявшая попытку осуществить политическую реформу, была оценена как "явно выраженный *мелкобуржуазный уклон*". Подобные политические ярлыки будут в последующем увенчивать судьбу каждой новой оппозиции.

Как вспоминает Врачёв, после конференции Каменев сказал одному из видных оппозиционеров М. С. Богуславскому: "А здорово мы вас разбили? Вы же провалились. Партия за нами пошла". Богуславский ответил: "История разберётся", на что Каменев тут же отреагировал циничными словами:

¹ Там же. С. 181-184.

² Там же.

"...Запомните раз и навсегда, это будет зависеть от того, кто и как будет писать историю"¹.

О том, с помощью каких методов была достигнута победа большинства ЦК над оппозицией, недвусмысленно говорилось в письме Бухарина к Зиновьеву. "Очень боюсь, - подчёркивал Бухарин, - что Вы увлечетесь победой, тем, что удалось "свалить сверхчеловека" (т. е. Троцкого. - В. Р.), тащащего на неправильные рельсы и т. д. В особенности может затуманить мысль то обстоятельство, что удалась штука, которая не удавалась даже Ильичу. Прошу Вас не переоценивать ни размеров, ни характера, ни прочности победы. Мы сражались по существу только в Москве. Мы имели в руках весь аппарат. Мы имели печать и т. д. Наконец, мы имели - что очень важно - в своих руках идею единства и преемственности партийной традиции, персонально воплощённую. И всё же оппозиция в Москве оказалась довольно значительной, чтобы не сказать больше"².

Особую активность в борьбе с оппозицией как до, так и на самой конференции проявляло руководство ленинградской партийной организации во главе с Зиновьевым. Только оказавшись "загнанными" Сталиным и его новыми союзниками в следующую оппозицию, Зиновьев и Каменев поняли, к каким последствиям для них самих привела позиция, занятая ими в дискуссии 1923 года. Спустя два с половиной года Зиновьев говорил об этой дискуссии как о "печальном времени". "Вместо того, чтобы нам - двум группам настоящих пролетарских революционеров - объединиться вместе против сползающих Сталина и его друзей, мы, в силу ряда неясностей в положении вещей в партии, в течение пары лет били друг друга по головам... Мы говорим, что сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что *основное ядро оппозиции 1923 г.*, как это выявила эволюция руководящей ныне фракции, *правильно предупредило об опасностях* сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима... Да, *в вопросе о сползании и в вопросе об аппаратно-бюрократическом зажиме Троцкий оказался прав против вас*"³.

В декларации объединённой оппозиции, представленной на июльский пленум 1926 года и подписанной в числе других оппозиционеров Зиновьевым и Каменевым, говорилось, что "десятки и сотни руководителей оппозиции 1923 г., в том числе многие старые рабочие-большевики, закалённые в борьбе, чуждые карьеризма и угодливости, несмотря на всю проявленную ими выдержку и дисциплину, остаются по сей день отстранёнными от партийной работы"⁴.

Эти запоздалые признания не могли отменить, однако, тот факт, что именно Зиновьев и Каменев в равной мере разделяли со Сталиным ответственность за установление в партии бюрократического аппаратного режима и за репрессии по отношению к коммунистам, сигнализировавшим об опасности этого процесса.

Историческая вина Зиновьева и Каменева состояла и в том, что они, подоб-

¹ Аргументы и факты. 1989. № 28.

² Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 61, 62.

³ Партия и оппозиция по документам. М., 1927. Вып. 1. С. 23, 24.

⁴ Коммунистическая оппозиция в СССР. М., 1990. Т. 2. С. 21.

но Сталину, фарисейски прикрывали свой антиленинский курс 1923-1924 годов лицемерными ссылками на Ленина. В заключительном слове на XIII конференции, обозначившей начало раскола партии её правящей олигархией, Каменев заявил о "всеобщей уверенности" в том, что, "когда Владимир Ильич вернётся к руководству нашей партией, он одобрит ту трудную работу, то решение задач, которые партия, верная заветам Владимира Ильича, проделала за время его отсутствия. Владимир Ильич поправляется. В момент, когда т. Ленин вернётся к своему посту, наша партия, наш ЦК станут во сто раз сильнее, чем сейчас; но и сейчас уже мы сильны достаточно, чтобы заявить врагу, что их надежды на раскол, на разлад и на расшатывание нашей партии лживы, что они здесь обманутся, как обманывались не раз"¹.

Трагическая ирония истории состояла в данном случае не только в том, что эти слова были опровергнуты всем последующим развитием событий, но и в том, что они были сказаны за два дня до смерти Ленина.

¹ XIII конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). С. 189.

XXII

"Психологическое убийство"

Несмотря на обозначившуюся с первых дней дискуссии формальную поддержку позиции Центрального Комитета большинством партии и закреплённую на XIII конференции его победу над оппозицией, в дискуссии до последних дней присутствовал важнейший неопределённый момент: сможет ли Ленин выздороветь и вернуться к руководству партией, как он в этом случае отреагирует на результаты дискуссии и на произошедшие в партии перемены вообще. Даже на траурных митингах января 1924 года докладчикам часто задавались вопросы: "Знал ли Ленин о последней дискуссии, какие у него были взаимоотношения с Троцким?"

Эти же вопросы вставали и встают перед любым исследователем, обращающимся к драматическим событиям конца 1923 - начала 1924 года. На первый взгляд, сколько-нибудь достоверно ответить на эти вопросы невозможно, учитывая трагическое положение Ленина в то время: при полной ясности сознания он не был способен ни говорить (из-за потери речи), ни записать свои мысли (из-за паралича правой руки). "Он был буквально в положении человека, - писал Л. Красин, - на глазах у которого происходят понятные ему события, надвигается какое-нибудь несчастье, и он видит это всё и знает, как этому помочь или как это предотвратить, но у него нет способа общаться с людьми, он не может им ни написать, ни крикнуть о том, что видит и знает"¹.

Однако картина, нарисованная Красиным, не посвящённым в интимную жизнь Горького, хотя и правильна в основном, но нуждается в серьёзном уточнении. Автор наиболее серьёзного исследования о последних месяцах жизни Ленина Н. Петренко^{2*} на основе тщательного анализа и сопоставления множества мемуарных свидетельств (в том числе опубликованных в разные годы в советской центральной и периферийной печати и затем не переиздававшихся) даёт значительно более тонкую и отвечающую действительности интерпретацию коммуникативных возможностей Ленина.

Несмотря на то, что Ленин был лишён речи и письма как способов передачи информации, он владел достаточно богатым арсеналом информационных приёмов, к которым относились "речевые остатки, сопровождавшиеся разнообразной интонацией, голосовые модуляции, выразительная, по наблюдению современников, мимика, получившая ещё большее развитие в болезни, жестикация, поведение. В одних случаях этот язык был предельно прост и понятен для его партнеров, в других - так и оставался закрытым или расшифрованным задним числом"³.

Наибольшее понимание мыслей Ленина проявляла Крупская - в силу того, что она лучше других знала его характер и образ мышления, и в силу того, что

¹ Цит. по: Кремнев Б. Красин М., 1968. С. 230.

² Исследование Н. Петренко "Ленин в Горках - болезнь и смерть (источниковедческие заметки)" было впервые опубликовано в 1986 году в Париже.

³ Сб. Минувшее. Исторический альманах. М., 1990. Т. 2. С. 174, 175.

она больше других общалась с ним во время болезни. Знакомство Ленина с информацией общественного характера осуществлялось в основном через газеты, которые читала ему Крупская, причём Владимир Ильич, предварительно просматривавший газеты, обычно указывал ей на материалы, которые ему следует читать целиком.

При чтении газет соответствующая реакция Ленина "сигнализовала о его отношении к тексту. Характер интереса демонстрировал не только факт восприятия текста, но и сущность его идейной оценки"¹. Как подчёркивает Петренко, при желании Крупская могла выяснить отношение Ленина к любому вопросу, в том числе к партийной дискуссии, к её итогам и её конкретным участникам. "В силу разного рода обстоятельств Крупская или не выявляла отношение Ленина к этим вопросам, или не решалась письменно зафиксировать фрагменты ленинского политического мировоззрения последних месяцев жизни"². (Нам представляется более достоверным второе предположение).

В воспоминаниях о Ленине (в том числе в мемуарах, полностью опубликованных лишь в последние годы), Крупская достаточно полно продемонстрировала приёмы своего интеллектуального общения с Лениным, благодаря которым у них сложилась "своеобразная возможность разговаривать"³. С учётом этого можно правильно понять некоторые, на первый взгляд, странные замечания в воспоминаниях Крупской, например, о том, что при чтении ею резолюции XIII партийной конференции Ленин "слушал... очень внимательно, задавая иногда вопросы"⁴.

Петренко полагает, что "кратковременное участие жены Ленина в "новой оппозиции" отчасти может пролить свет на итоги предсмертных размышлений самого Ленина..."⁵. Соглашаясь с этим выводом, добавим, что наибольшее отражение эти ленинские размышления получили, на наш взгляд, в речах Крупской на XIII и XIV съездах партии, которые будут прокомментированы в следующих разделах нашей работы.

Крупская вспоминала, что с самого начала дискуссии Ленин просил читать её основные документы, а после начала XIII конференции - весь отчёт подряд. Надежда Константиновна выполняла эти ленинские просьбы, несмотря на то, что опасалась неблагоприятного влияния этого чтения на здоровье Ленина.

Помимо воспоминаний Крупской существуют и многие другие мемуарные свидетельства о напряжённом интересе, который Ленин проявлял к дискуссии. Степень достоверности этих свидетельств (особенно, когда они касаются оценок Лениным материалов дискуссии) зависит от времени их публикации. Так, в воспоминаниях Д. И. Ульянова и Г. Л. Лозгачева-Елизарова (приёмного сына А. И. Ульяновой), опубликованных в сталинские годы, подчёркивается особое внимание Ленина к дискуссии, но при этом, разумеется, указывается на его возмущение статьями "предателя" Троцкого.

Свидетельства более раннего или более позднего времени не включают

¹ Там же.

² Там же.

³ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 588.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 173.

⁵ Сб. Минувшее. Т. 2. С. 175.

упоминаний о подобных ленинских оценках, но неизменно говорят о желании Ленина получить как можно более полную информацию о содержании и ходе дискуссии. "Газеты тогда были полны статьями, докладами и речами о дискуссии с Троцким. Чтение их было сопряжено для В. И. с волнением. А всякое волнение было для него опасно. Однажды попробовали как-то заменить газеты "Безбожником", надеясь, что В. И. удовлетворится им. Но эти расчёты не оправдались"¹.

Помимо газет, в Горки присылались в то время вновь выходявшие книги. Ленин просматривал приходившие пачки книг и отбирал из них те, которые его интересовали. Среди отобранных книг Крупская в своих воспоминаниях называла сочинения Троцкого и литературу, связанную с партийной дискуссией. В одном из мемуарных свидетельств (санитара А. Рукавишникова, ухаживавшего за Лениным), опубликованном в 1924 году, упоминалось, что во время поездки в Москву 18-19 ноября 1923 года Ленин отобрал в своём кремлёвском кабинете ряд книг, среди которых были сочинения Троцкого. Наконец, в одной из первых корреспонденции о последних днях жизни Ленина сообщалось, что за день до смерти Ленину читали "Новый курс" Троцкого (брошюра "Новый курс" вышла в свет только 16 января).

Об отношении Ленина в последние месяцы его жизни к Троцкому свидетельствует письмо, написанное Крупской Троцкому 28 января 1924 года под непосредственным впечатлением от смерти Ленина:

"Дорогой Лев Давыдович.

Я пишу, чтобы рассказать вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где вы даёте характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечесть ему это место, слушал внимательно, потом ещё раз просматривал сам.

И вот ещё что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у В. И. к вам тогда, когда вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти.

Я желаю вам, Лев Давыдович, сил и здоровья и крепко обнимаю.

Н. Крупская"²

В свете всего сказанного, а также с учётом поведения Ленина в конце 1922 - начале 1923 года, можно реконструировать внутреннее состояние Ленина во время его знакомства с материалами дискуссии. Ленин не мог не понимать, что в ходе всё обостряющейся дискуссии раскол партии становится фактом; что представители большинства недопустимо злоупотребляют его именем; что развитие дискуссии и её итоги укрепляют позиции "тройки" и прежде всего Сталина; что остракизму подвергается та часть партии, которая отстаивает идеи, близкие к его концепции политической реформы. Иными словами, происходит такой поворот событий, против которого он предостерегал партию в своих последних статьях и письмах, наиболее важные из которых оставались неизвестными партии. Очевидно, именно в эти дни он передал Крупской свою твёрдую волю, чтобы "Завещание", в случае его смерти, было непременно доведено до сведения очередного съезда партии.

¹ Там же. С. 167, 168.

² Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 484.

В воспоминаниях о последних месяцах жизни Ленина, на которые пришла партийная дискуссия, говорилось о существенном ухудшении его настроения. Входившая в состав персонала, обслуживающего Ленина, А. Кузнецова писала, что в эти "печальные дни... Ленин загрустил. Он перестал смеяться, шутить, погрузился в какие-то думы"¹. Другая обитательница Горок прямо высказывала предположение о том, что "роковой поворот в ходе болезни Владимира Ильича произошёл потому, что его взволновали неприятные известия, опубликованные в газетах. В то время нашей партии приходилось бороться против троцкистов"².

Наиболее объективное подтверждение этих свидетельств мы находим в недавно опубликованном письме Крупской и М. И. Ульяновой в ЦК РКП (б), где говорилось: "Ввиду того, что дискуссия в газете волнует В. И., что может ухудшить его состояние, а не давать газет ему нельзя, - просим о перенесении дискуссионных статей в Дискуссионный Листок"³.

На следующий день Политбюро приняло по этому заявлению следующее постановление:

а) Предрешить перевод дискуссии со страниц "Правды" на страницы Дискуссионного Листка.

б) Срок перехода передать на разрешение Пленума ЦК.

в) Впредь до этого перехода ещё раз подтвердить необходимость вести дискуссию в наиболее спокойных и объективных тонах, исключаящих какое бы то ни было обострение.

г) Сообщить эту резолюцию редакции "Правды" и других парторганов, на страницах которых ведётся дискуссия"⁴.

Однако пленум ЦК, который должен был определить "срок перехода", состоялся лишь 14-15 января 1924 года, а дискуссия продолжала вестись большинством в ещё более обострённых и предвзятых тонах. С 28 декабря "Правда" начала публиковать серию редакционных статей "Долой фракционность (ответ редакции ЦО т. Троцкому)", написанных Бухариным и содержащих особенно грубые и нелояльные выпады против Троцкого.

Новые волнения не могло не принести Ленину опубликованное 8 января 1924 года в "Правде" сообщение о состоянии здоровья Троцкого, где указывалось, что он 5 ноября заболел инфлуэнцией и что ввиду лихорадочного состояния и затяжного характера болезни, могущей принести более резкую форму, ему предоставляется отпуск с полным освобождением от всех обязанностей на срок не менее двух месяцев для специального климатического лечения. Это означало, что вслед за Лениным на длительное время отходит от активной политической жизни второй по значению лидер партии.

О том, что Троцкий был действительно болен, знали сравнительно немногие лица из его ближайшего окружения и из руководства партии. Люди же, далекие от жизни Кремля, подозревали, что это сообщение, появившееся в момент ожесточённой травли Троцкого в печати и отчётливо намечавшейся по-

¹ Сб. Минувшее. Т. 2. С. 170.

² Там же.

³ Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 204.

⁴ Там же.

беды его противников в дискуссии, маскирует фактическую ссылку. О том, какое впечатление произвело сообщение "Правды", например, на писателя М. Булгакова, свидетельствует его дневниковая запись от того же дня: "Комментарии к этому историческому бюллетеню излишни. Итак, 8 января 1924 г. Троцкого выставили. Что будет с Россией, знает один Бог. Пусть он ей поможет"¹.

Сходные подозрения (о том, что Троцкого "выставили") могли появиться и у Ленина, на собственном опыте убедившегося, на какие интриги способны триумвиры, и привыкшего к тому, что подлинная информация скрывается от него или же доходит до него в искажённом виде.

Следующим психологическим ударом по Ленину явились сообщения о ходе и итогах XIII конференции, окончательно подтвердившие поражение оппозиции.

На близость во времени двух факторов - знакомства Ленина с резолюциями конференции и наступившей на следующий день смерти - обращают внимание наиболее серьёзные зарубежные историки, посвятившие специальные работы загадке ленинской смерти. Выдвигая две версии возможного преступления Сталина - "медицинское убийство" (об этой версии пойдет речь в следующей главе нашей работы) и "психологическое убийство," - они в конечном счете склоняются в пользу второй версии.

В подтверждение её А. Авторханов напоминает, что задолго до смерти Ленина, "твёрдо знающий свою цель и своё дело, Сталин... отменил медицинский режим для Ленина, снял информационный карантин (кроме секретных материалов самого ЦК), разрешил визиты друзей Ленина, но строго следил за тем, чтобы Ленин не приезжал в Москву (за одну такую поездку Ленина в Кремль и на Сельхозвыставку в октябре 1923 г. Сталин пригрозил ему дисциплинарным взысканием Политбюро), а также не встречался с Троцким... Троцкий был единственным из членов Политбюро, который ни разу не посетил Ленина во время его болезни"².

Сталин не мог не понимать, что Ленин, получивший доступ к официальной информации (текущим газетам и журналам, стенографическому отчёту XII съезда и т. д.), неизбежно будет испытывать страдания и волнения по поводу того, что внутренняя жизнь партии развивается в том направлении, которое он считал наиболее опасным для её судеб.

Нельзя не согласиться с Авторхановым и в том, что величайший психологический удар огромной взрывчатой силы Сталин нанёс Ленину своими по форме антитроцкистскими, а по существу антиленинскими речами на XIII партконференции и её резолюцией от 19 января 1924 года, согласно которой Троцкий и оппозиция в целом осуждались за якобы антиленинский "мелкобуржуазный уклон". "Ленин - опытный читатель своей и чужой прессы - увидел из "Правды", что то, чего он боялся, уже совершилось: Сталин фактически захватил власть над ЦК и начал ею злоупотреблять. Если 20 января Ленин только "волновался" (при чтении ему резолюций партконференции- В. Р.), то 21 января в 18 часов 50 минут с ним случился последний - смертельный

¹ Огонёк. 1989. № 51. С. 17.

² Даугава. 1990. № 9. С. 68, 69.

удар"¹.

Авторханов ссылается на Стефана Поссоли, который в фундаментальной биографии Ленина, вышедшей в ФРГ в 1965 году, также склонялся к выводу о том, что скорее всего Сталин приблизил смерть Ленина наиболее бесшумным методом "психологического убийства". В подтверждение этого своего предположения Поссоли писал: "Три раза у Ленина был медицинский кризис, каждый раз в результате сильнейшего психического давления, предпринимаемого умело и с определённым намерением Сталина... Конец Ленина был ускорен психическим воздействием на него - это тоже можно ясно доказать. Волнения, которые Сталин регулярно провоцирует у Ленина, повышают его кровяное давление и служат тем самым заменителем противопоказанных лекарств"².

¹ Там же.

² Там же.

XXIII

"Сверхборджиа в Кремле"

Наряду с версией "психологического убийства" существует ещё одна версия смерти Ленина, впервые изложенная Троцким в статье "Сверхборджиа в Кремле", которая была опубликована в американской газете "Либерти" 10 августа 1940 года. В пользу этой версии, наряду с упоминавшимся нами ранее сообщением о заседании Политбюро в начале 1923 года, Троцкий выдвигал ряд важных аргументов. Во-первых, неуклонное улучшение здоровья Ленина с июля 1923 года сменилось 20 января 1924 года резким и непонятным врачам переломом к худшему, приведшему спустя день к скоростижной смерти. Во-вторых, этот перелом наступил сразу после отъезда Троцкого на Кавказ, откуда он не имел возможности возвратиться ко дню похорон и тем более - ко дню вскрытия тела. В-третьих, Сталин, хорошо знавший о положительных сдвигах в здоровье Ленина, в январе 1924 года был более чем когда-либо заинтересован в его смерти.

В подтверждение первого аргумента Троцкий ссылался на свои неоднократные разговоры с врачом Ф. А. Гетье, лечившим его и Ленина: "Неужели же, Федор Александрович, это конец? - спрашивали мы с женой его не раз.

- Никак нельзя этого сказать; Владимир Ильич может снова подняться, - организм мощный.

- А умственные способности?

- В основном останутся незатронуты. Не всякая нота будет, может быть, иметь прежнюю чистоту, но виртуоз останется виртуозом"¹.

К этому можно прибавить, что из всех врачей, лечивших Ленина, Гетье имел наилучшие возможности наблюдать за его здоровьем. По свидетельству другого лечащего врача С. М. Доброгаева, у Ленина обычно устанавливалось отрицательное отношение ко всем лечившим его врачам, и им поэтому приходилось производить свои наблюдения в известной мере скрытно, наблюдая больного из соседней комнаты либо расспрашивая о его состоянии Надежду Константиновну, Марию Ильиничну и ухаживавших за Лениным медсестер и санитаров. "Только один из врачей - Ф. А. Гетье не вызывал против себя этой отрицательной реакции больного, и это делало возможным осуществление более непосредственного, систематического врачебного наблюдения за больным"²

Троцкий писал, что, почувствовав после марта 1923 года прилив уверенности, "Сталин действовал так, как если б Ленин был уже мертв. Но больной обманул его ожидания. Могучий организм, поддерживаемый непреклонной волей, взял своё. К зиме Ленин начал медленно поправляться... Врачи давали всё более обнадеживающие заключения"³.

Эти слова подтверждаются данными, опубликованными в 12-м томе Био-

¹ Троцкий Л. Д. Портреты. С. 46.

² Сб. Минувшее. Т. 2. С. 185.

³ Троцкий Л. Д. Портреты. С. 56.

хроники Ленина. С середины июля 1923 года началось медленное, но неуклонное улучшение его здоровья. Уже в середине августа оно улучшилось настолько, что были отменены постоянные дежурства у постели больного врачей, а в сентябре - и медсестер. С 10 августа по настойчивой просьбе Ленина врачи разрешили ему чтение газет. С этого и до последнего дня своей жизни он просматривал "Правду" и другие газеты, журналы, книги, смотрел кинофильмы и был, таким образом, в курсе всех основных событий политической жизни. В ноябре он выезжал в Москву, принимал делегацию рабочих Глуховской мануфактуры, встречался с товарищами по партии (Преображенским, Пятницким, Веронским, Крестинским, Скворцовым-Степановым), рассказывавшими ему о внутриполитических и международных событиях. (Особое внимание и даже воодушевление Ленина вызвали рассказы его товарищей по партии о назревании революционной ситуации в Германии). В конце ноября приглашённый на консультацию профессор Бехтерев нашёл, что с весны 1923 года, когда он впервые осматривал Ленина, его здоровье значительно улучшилось.

Об устойчивом улучшении здоровья Ленина свидетельствуют и письма Крупской, обращённые к близким ей людям. "То, что достигнуто за последний месяц, обычно достигается месяцами. Настроение у него очень хорошее, теперь и он видит уж, что выздоравливает..." (2 сентября). "...Как далеко пойдёт поправка, - никто сказать не может, может и полное восстановление быть" (13 сентября). "Доктора надеются на полное выздоровление Владимира Ильича, сейчас он почти совершенно поправился, физически чувствует себя неплохо, внимательно следит за газетами и вновь выходящей литературой, нашей и белогвардейской, но работать ещё не может". (4 января 1924 года)¹.

Внезапный перелом в состоянии здоровья Ленина (в сторону резкого ухудшения) произошёл 20 января. В этот день его посетил профессор Авербах, который в ходе осмотра не нашёл болезненных изменений. С 16 часов у постели Ленина непрерывно шли консультации лечащих врачей. Последняя консультация произошла за 15 минут до резкого перехода Ленина в бессознательное состояние. Ещё спустя час 20 минут наступила смерть.

Рассмотрим теперь другие аргументы Троцкого в пользу версии об отравлении Ленина.

Сообщения из Горок в начале 1924 года говорили о том, что перспективу выздоровления Ленина и хотя бы его частичного возвращения к политической жизни нельзя исключать. Сталин не мог не понимать, что в этом случае ленинское вмешательство в ход событий почти наверняка ударит прежде всего по нему, Сталину.

В эти, как впрочем и в последующие годы, Сталин без стеснения раскрывал в разговорах со своими ближайшими союзниками свои отталкивающие черты и вероломные замыслы. После разрыва со Сталиным Каменев рассказал Троцкому о "задушевной беседе" Сталина с ним и Дзержинским в 1923 году. Сталин сказал, что "высшее наслаждение в жизни - это зорко наметить врага, тщательно всё подготовить, беспощадно отомстить, а затем пойти спать"².

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 181-184.

² Троцкий Л. Д. Портреты. С. 49, 50.

О том, что эта "задушевная беседа" стала известной и другим партийным руководителям, свидетельствуют воспоминания Г. Серебряковой о том, что примерно в тех же словах ей описывал данный эпизод её муж Г. Я. Сокольников.

В начале 1924 года главную опасность для Сталина представлял не Троцкий, чье влияние в партии было ослаблено за предшествующий год, а Ленин, разумеется, в том случае, если бы он сумел победить свою болезнь и вмешаться в партийные дела. Авторитет Ленина ещё более вырос за время партийной дискуссии: к его имени апеллировали, на него ссылались обе противоборствующие стороны. Тогда же в широкий партийный обиход впервые вошло понятие "ленинизм". Позиция Ленина по отношению к Сталину, как это было ясно посвящённым уже в начале 1923 года, стала однозначно непримиримой. Ленинский голос мог бы свести на нет все "победы", одержанные "тройкой" и прежде всего Сталиным за время отключения Ленина от руководства партией.

Версия, изложенная в статье "Сверхборджиа в Кремле", неоднократно обсуждалась в исторической литературе. Обращая внимание на то, что эта статья появилась в печати за десять дней до убийства Троцкого, Авторханов высказывал предположение о том, что Сталин приказал ускорить это убийство, чтобы предупредить дальнейшие разоблачения со стороны Троцкого. Это предположение представляется вполне правдоподобным, поскольку до Сталина не могли не доходить сообщения зарубежной печати, что Троцкий работает над книгой "Сталин" и собирается вскоре выпустить её.

Комментируя содержащийся в статье "Сверхборджиа в Кремле" рассказ об обсуждении по инициативе Сталина на заседании Политбюро в феврале 1923 года ленинской просьбы о яде, Авторханов писал: "Трудно найти в истории политиков, которые, планируя преступление, умели бы создавать себе наперёд столь абсолютное алиби, как это умел делать Сталин. Можно быть уверенным, что Сталин никакого яда Ленину не дал, но Сталин откровенно предупредил Политбюро: смотрите в оба, я, конечно, Ленину яда не дал бы, а вот сам Ленин ищет яд, а кто ищет, тот и находит! В семье ли, среди ли друзей- посетителей (несмотря на "медицинский карантин", Ленина посещали почти все, кроме Троцкого) может найтись человек, который даст яд из со- страдания. Если же при вскрытии тела установят отравление, Сталин скажет: "Вот видите, что я вам говорил!" Сталин был не мелкотравчатый ловкачом и жуликом, а тем, кем его называли при жизни - корифеем. Но корифеем - науки преступления и искусства его маскировки. К тому же Сталин жил не в эпоху Римской империи, когда его духовный предтеча, Нерон, почти не скрывал, что убил собственную мать. И не в средневековье, когда тираны прибегали к ядам довольно по-дилетантски. Сталин жил в эпоху, когда яды были усовершенствованы, а их применение так скрупулезно дозировано, что человек может умирать неделями, а если нужно - то и годами"¹.

Авторханову, кстати отличающемуся патологическим антикоммунизмом, нельзя отказать в психологической точности анализа характера и поведения Сталина. Как можно судить по приведённой цитате, Авторханов считал, что

¹ Даугава. 1990. № 9. С. 65.

Сталин не передал Ленину яда, но тайно использовал яд для медленного умерщвления Ленина. Авторханов ссылаясь также на известные ему разговоры 20-х годов в высших партийных кругах Грузии о том, что Ленин был либо отравлен Сталиным, либо покончил жизнь самоубийством, приняв яд, переданный ему Сталиным.

Версию о "медицинском убийстве" не отвергал полностью и Поссопи, выдвигая в её пользу два наиболее серьёзных аргумента: первый - здоровье Ленина особенно ухудшалось тогда, когда это нужно было Сталину в политических целях; второй - Сталин не разрешил произвести полного вскрытия тела Ленина. Поссопи считает весьма вероятным, что "конец Ленина был ускорен шприцем морфия".

К версии о "медицинском убийстве" возвратился в середине 70-х годов диссидент из третьей волны русской эмиграции В. Соловьев в романе "Операция "Мавзолей". Соловьев считает эту версию полностью доказанной и в подтверждение этого приводит много дополнительных свидетельств очевидцев. Многие из них явно недостоверны или почерпнуты из сомнительных источников^{1*}. Однако некоторые факты, подтверждаемые объективными источниками, представляют безусловный интерес^{2*}.

В своём романе Соловьев уделяет большое внимание статье "Сверхборджиа в Кремле" и выдвигает существенный вопрос: почему за шестнадцать лет после эпизода на заседании Политбюро Троцкий не обмолвился о нём ни словом и даже отгонял от себя возникающие в связи с этим подозрения. Ответ на этот вопрос Соловьев видит в том, что Троцкий был "слишком объективен к Сталину", поскольку он полагал "судьбу революции превыше своих личных мнений", "стремился к объективности, даже когда та прямо противоречила его вкусам, принципам и проницательности"³.

В этих словах много справедливого. Все разоблачения Сталина Троцким базировались на скрупулезном анализе фактов и документов, а не на интуитивных предложениях или подозрениях. К выводу о том, что Ленин мог быть отравлен Сталиным, Троцкий пришёл лишь после тщательного анализа стенографического отчёта о процессе "право-троцкистского блока" (1938 год). Этот анализ привёл его к убеждению, что "основные элементы сталинских подлогов не извлечены из чистой фантазии, а взяты из действительности, большей частью из дел или замыслов самого мастера острых блюд"⁴. Сопоставляя ставший известным на процессе факт, что Ягода, пользовавшийся особым расположением Сталина, имел шкаф ядов и даже специальную токсикологическую

¹ Так Соловьев склонен принимать на веру опубликованное в 1955 году в Нью-Йорке сообщение Е. Лермолу о том, что она встречалась в 30-е годы в Челябинском изоляторе со старым большевиком Г. Волковым, готовившим пищу для Ленина, и Волков якобы рассказал ей, что 21 января Ленин передал ему свою собственноручную записку (!): "Гаврилушка, меня отравили". Петренко, а также некоторые зарубежные исследователи считают книгу Лермолу "образцом скомбинированных слухов".

² Мы имеем в виду прежде всего ссылку Соловьева на то, что Гетье отказался подписать протокол о вскрытии тела Ленина. Действительно, Гетье не указан среди подписавших "Акт патолого-анатомического вскрытия тела В. И. Ульянова-Ленина", хотя его имя значится в составе комиссии, производившей эту процедуру.

³ Совершенно секретно. 1990. № 9.

⁴ Троцкий Л. Д. Портреты. С. 55-59.

лабораторию, с разговором о яде на совещании в Политбюро, Троцкий счёл правдоподобной гипотезу об отравлении Ленина.

За последние годы вывод Троцкого о том, что многие подлоги московских процессов представляют трансформацию дел или замыслов самого Сталина, получил дополнительные подтверждения^{1*}.

"Передал ли Сталин Ленину яд, намекнув, что врачи не оставляют надежды на выздоровление, или же прибегнул к более прямым мерам, этого я не знаю, - писал Троцкий. - Но я твёрдо знаю, что Сталин не мог пассивно выжидать, когда судьба его висела на волоске, а решение зависело от маленького, совсем маленького движения его руки"².

Немаловажным аргументом в пользу версии об отравлении Ленина Троцкий считал и свои телеграфные переговоры со Сталиным на следующий день после ленинской смерти. Шифрованная телеграмма, извещавшая о смерти Ленина, застала Троцкого на вокзале в Тбилиси. Он тотчас же послал в Кремль телеграмму: "Считаю нужным вернуться в Москву. Когда похороны?" Ответ прибыл примерно через час: "Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть вовремя. Политбюро считает, что Вам, по состоянию здоровья, необходимо ехать в Сухум. Сталин"³.

Только через несколько дней Троцкий узнал, что в действительности похороны были назначены на воскресенье. Размышляя над причиной его обмана Сталиным, Троцкий связывал его не только с нежеланием "тройки" допустить его к участию в похоронах Ленина, но и с более серьёзными причинами. Сталин "мог бояться, - писал он, - что я свяжу смерть Ленина с прошлогодней беседой о яде, поставлю перед врачами вопрос, не было ли отравления; потребую специального анализа. Во всех отношениях было поэтому безопаснее удержать меня подальше до того дня, когда оболочка тела будет бальзамирована, внутренности сожжены и никакая экспертиза не будет возможна"⁴.

"Когда я спрашивал врачей в Москве о непосредственных причинах смерти, которой они не ждали"^{5*}, - вспоминал далее Троцкий, - они неопределённо разводили руками. Вскрытие тела, разумеется, было произведено с соблюдением всех необходимых обрядностей: об этом Сталин в качестве генерального секретаря позаботился прежде всего! Но яду врачи не искали, даже если более проницательные допускали возможность самоубийства... Они понимали, что политика стоит над медициной... С Зиновьевым и Каменевым я возобновил личные отношения только через два года, когда они порвали со Сталиным. Они явно избегали разговоров об обстоятельствах смерти Ленина, отвечали односложно, отводя глаза в сторону. Знали ли они что-нибудь или только подозревали? Во всяком случае, они были слишком тесно связаны со Сталиным в

¹ Например, истинность многих обнародованных на процессе "право-троцкистского блока" фактов, относящихся к убийству Кирова, была доказана комиссиями Политбюро ЦК КПСС, расследовавшими материалы, связанные с этим убийством.

² Троцкий Л. Д. Портреты. С. 55-59.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Крупская в письме к И. Арманд от 28 января 1924 года писала: "Доктора совсем не ожидали смерти и ещё не верили, когда началась уже агония". (Воспоминания о В. И. Ленине. В 5 т. М., 1979. т. 4. С. 339).

предшествующие три года и не могли не опасаться, что тень подозрения ляжет и на них. Точно свинцовая туча окутывала историю смерти Ленина. Все избегали разговоров о ней, как если бы боялись прислушаться к собственной тревоге. Только экспансивный и разговорчивый Бухарин делал иногда с глазу на глаз неожиданные и странные намёки.

- О, вы не знаете Кобы, - говорил он со своей испуганной улыбкой, - Коба на всё способен"¹.

К этим свидетельствам можно добавить некоторые факты из воспоминаний Бажанова. В первые минуты после смерти Ленина Сталин "у себя в кабинете и в присутствии секретарей... в прекрасном настроении, сияет. На собраниях и заседаниях он делает трагически скорбное лицемерное лицо, говорит лживые речи, клянется с пафосом верности Ленину. Глядя на него, я поневоле думаю: "Какой же ты подлец"...

Я видел насквозь фальшивого Сталина, клявшегося на всех публичных выступлениях в верности гениальному учителю, а на самом деле искренне Ленина ненавидевшего, потому что Ленин стал для него главным препятствием к достижению власти. В своём секретариате Сталин не стеснялся, и из отдельных его фраз, словечек и интонаций я ясно видел, как он на самом деле относится к Ленину"².

В заключение обзора версий о причинах смерти Ленина подчеркнём, что в советской историографии сведения о последних месяцах и днях жизни Ленина до сих пор даются в крайне усечённом виде. Ещё не опубликованы многие архивные документы, в том числе история болезни Ленина, которая в 1969 году изучалась по поручению ЦК КПСС специальной медицинской комиссией, состоявшей из крупных научных авторитетов, в связи с муссировавшимися в зарубежной печати слухами о причинах ленинской болезни и смерти. Очевидно, настало время предать гласности все хранящиеся в советских архивах документы о последнем годе жизни Ленина, которые позволят тщательно взвесить все аргументы "за" и "против" гипотезы, выдвинутые Троцким в конце 30-х годов. Кроме того, заслуживает внимания и сообщение В. Соловьева о возможности объективной проверки этой гипотезы путём применения открытого за последние десятилетия нового биологического метода -нахождения яда в корнях волос покойного.

¹ Троцкий Л. Д. Портреты. С. 55-59.

² Знание -сила. 1989. № 7. С. 82.

XXIV

"Семёрка"

Смерть Ленина усилила надежды внешних и внутренних врагов большевизма на ослабление и раскол партии. Острота выявившихся к этому моменту внутривнутрипартийных разногласий всячески муссировалась эмигрантской печатью. Газета "Руль", например, в опубликованной 24 января 1924 года статье под названием "Без вождя" писала: "...Судьба ...убрала Ленина в самый критический момент, когда после тяжёлых хозяйственных неудач оппозиция вырвалась бурно наружу и заменившей Ленина гнусной тройке громко заявлено и брошено в лицо, что она никаким авторитетом не пользуется, что она обманывает партию и всем жертвует для удержания власти в своих грязных руках. Вот почему смерть Ленина... превращается в событие огромной исторической важности".

Казалось бы, после смерти Ленина руководство партии должно было позаботиться прежде всего о консолидации старой партийной гвардии. На самом же деле произошло прямо противоположное. Во время прощания с Лениным, как вспоминает Врачёв, "все чувствовали себя как бы осиротевшими. На время были забыты и недавние распри, довольно остро сказавшиеся на XIII Всероссийской партийной конференции... Однако после того, как подобные настроения дошли до Сталина, примиренческие разговоры прекратились - они не нравились Генеральному секретарю"².

Сразу же после смерти Ленина "тройка" пошла по пути расширения своей раскольнической деятельности. Она создала внутри Центрального Комитета глубоко законспирированную фракцию, нанёсшую намного больший ущерб единству партии, чем все предыдущие группировки. Как заявил несколько лет спустя Зиновьев, эта фракция образовалась в начале 1924 года и получила своё окончательное организационное оформление во время августовского (1924 года) пленума ЦК на конспиративном совещании большинства членов Центрального Комитета. Это большинство (Зиновьев, Каменев, Сталин, Бухарин, Рыков, Томский, Калинин, Куйбышев, Ворошилов, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Рудзутак, Петровский, Микоян, Угланов и другие) постановило считать себя "руководящим коллективом" партии и выбрало из своей среды тайное Политбюро - "семёрку", в состав которой вошли все члены официального Политбюро, кроме Троцкого (Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский), и председатель Центральной Контрольной Комиссии Куйбышев. Кандидатами в этот внеуставный фракционный орган стали Дзержинский, Калинин, Молотов, Угланов и Фрунзе.

Совещание выработало особый документ (своего рода устав), регламентирующий деятельность "руководящего коллектива" или "группы цекистов-ленинцев", как называла себя нелегальная правящая фракция. В этом документе "семёрка" объявлялась подотчётной только пленуму "параллельного ЦК",

¹ Цит. по: Родина. 1990. № 4. С. 17.

² Вечерняя Москва. 1990. 22 января.

созываемому перед очередным официальным пленумом ЦК. "Семёрка" заседала ежедневно, обсуждая предварительно вопросы, выносимые на заседания Политбюро.

Таким образом, возникли два нелегальных внеуставных внутрипартийных образования, которые вырабатывали фракционные решения, а затем разыгрывали фарс заседаний уставных партийных руководящих органов, где эти решения неизменно принимались большинством голосов. "Семёрка" предreshала постановления не только Политбюро, но и Центральной Контрольной Комиссии. Тем самым оказалась заблокированной важнейшая функция ЦКК, о которой писал Ленин в своих последних статьях, - предотвращение конфликтов, возникающих внутри Центрального Комитета. "Семёркой" предreshались также решения организационных вопросов и кадровые перемещения.

Объясняя причины образования этой фракции, Зиновьев говорил своим единомышленникам в ЦК: "Мы должны иметь хоть какое-нибудь место, где в своей среде старых ленинцев мы могли бы по важнейшим вопросам, по которым возможны разногласия с Троцким и его сторонниками, *иметь право колебаться, ошибаться, друг друга поправлять, совместно коллективно проработать тот или иной вопрос*. Перед Троцким мы лишены этой возможности" (Курсив мой. - В. Р.)¹.

Нетрудно убедиться, что здесь речь шла о неотъемлемых уставных правах всех членов партии, реализация которых достигается на путях внутрипартийной демократии. Обвинив оппозицию 1923 года во фракционности за отстаивание именно этих прав всех коммунистов, большинство ЦК и Политбюро, по существу, признало эти права лишь за собой, отняв их у остальных коммунистов, т. е. фактически узурпировало права, принадлежащие всей партии.

В резолюции X съезда РКП (б) "О единстве партии" признаком фракционности называлось "возникновение групп с особыми платформами и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину"². В деятельности "руководящего коллектива" и "семёрки" отсутствовал только один из этих моментов - наличие особой идейной платформы. Члены этих тайных образований сознательно шли на затушёвывание существовавших между ними теоретических и политических разногласий ради того, чтобы противопоставлять свою единую позицию Троцкому. Особым секретным постановлением они приняли на себя обязательство не полемизировать между собой открыто и выступать на официальных заседаниях ЦК и Политбюро по всем обсуждаемым вопросам - внутриполитическим, хозяйственным, дипломатическим и коминтерновским - против Троцкого. Остальные же признаки фракционности - замкнутость и наличие групповой дисциплины - были выражены в их деятельности в самой грубой и беспринципной форме.

На июльском объединённом пленуме ЦК и ЦКК 1926 года Зиновьев представил папку официальных документов "семёрки", в которых прямо говорилось о существовании "фракции пленума ЦК". "Семёрка" придерживалась строжайшей групповой дисциплины, которая ставилась её членами выше соблюдения общепартийной дисциплины. Она создала подобные тайные центры

¹ Сб. Трудные вопросы истории. М., 1991. С. 67.

² X съезд Российской Коммунистической партии (большевиков) С. 571.

в местных организациях. Для связи между руководящим коллективом и местными фракционными центрами был выработан особый шифр. Таким образом, была создана стройная нелегальная организация внутри партии. (Опираясь именно на этот реальный опыт, Сталин в последующем, по его образу и подобию, фабриковал "дела" о несуществовавших нелегальных "троцкистских центрах").

Подобными организационными приёмами пользовалась и каждая следующая правящая фракция, группировавшаяся вокруг Сталина. При этом, подобно "семёрке", каждый новый верхушечный блок, формировавшийся путём закулисных комбинаций, которые тщательно скрывались от партии, неизменно обвинял противостоящую ему оппозицию во фракционно-раскольнической деятельности за выработку идейных платформ, критикующих линию Центрального Комитета.

Важно подчеркнуть, что "семёрка" в известной степени дистанцировалась даже от членов ЦК, входящих в "руководящий коллектив". Сталин неизменно добивался сокрытия от пленума ЦК нараставших разногласий внутри Политбюро вплоть до того момента, когда их обнаружение становилось ему выгодным.

Микоян в последние годы своей жизни вспоминал, что члены ЦК, работавшие на местах, лишь догадывались, что внутри Политбюро идёт борьба. При этом они считали, что ЦК всегда сможет держать под контролем ситуацию в партии. Лишь постепенно становилось ясно, что сохранение баланса в руководстве, который поддерживался при Ленине, даётся всё труднее. Но и тогда они, по словам Микояна, не думали об "отсечении" кого-либо от руководства партией.

К этому можно прибавить, что при обостряющихся конфликтах Сталин изображал себя решительным противником такого "отсечения" и обвинял других членов Политбюро в том, что они "хотят крови" своих противников. Зачастую, как свидетельствует Микоян, Сталин при обострении борьбы в ЦК предъявлял ультиматум - либо вопрос будет решён в его пользу, либо он подаст в отставку. Причём этот ультиматум выдвигался им непременно в тот момент, когда большинству ЦК казалось, что его уход приведёт к расколу.

Нетрудно убедиться, что создание "троек" и "семёрок" обуславливалось идейной слабостью входящих в них лиц, всецело озабоченных сохранением и укреплением своей неограниченной власти над партией, их неспособностью противопоставить аргументам оппозиции столь же веские идейные аргументы. Не случайно поэтому руководители правящих фракций направляли все свои усилия на персональную дискредитацию лидеров оппозиций, их изоляцию внутри Центрального Комитета, а затем - на использование механической силы большинства для организационного подавления оппозиций, отсечения их членов от партийного руководства и в последующем - от партии.

Одной из первых акций "семёрки" было установление так необходимого ей контроля над всеми ленинскими документами. Этому благоприятствовало то, что Каменев возглавлял Институт В. И. Ленина, официально признанный "единственным государственным хранилищем всех рукописей Владимира Ильича Ульянова (Ленина) и всех оригинальных документов, имеющих непо-

средственное отношение к его деятельности"¹. В октябре 1924 года Секретариат ЦК создал специальную комиссию для "разработки плана и порядка сдачи отдельными товарищами документов в Истпарт". По предложению этой комиссии было принято постановление ЦК, которое обязывало всех членов партии сдать в архив ЦК все имеющиеся у них документы, относящиеся к истории партии, и прежде всего - написанные рукой Ленина. Заведование архивом ЦК было поручено одному из главных сотрудников личного секретариата Сталина - Товстухе.

Проявив и на этот раз максимальную партийную лояльность, Троцкий передал в 1924 году имевшиеся у него подлинные ленинские письма в Институт В. И. Ленина, получив взамен фотокопии. Однако подобные качества отнюдь не желала проявлять сама правящая фракция. Так, в марте 1924 года, очевидно, по поручению "руководящего ядра", Ярославский дал указание запечатать в пакет с надписью: "Вскрыть не раньше 1929 года" и передать в архив обнаруженное ленинское письмо 1917 года "Ко всем членам партии", в котором содержались отрицательные характеристики Зиновьева и Каменева.

"Семёрка" продолжала осуществлять важные кадровые перемещения, направленные на ограничение роли своих противников, и в первую очередь, влияния Троцкого в Красной Армии. Вслед за введением в 1923 году в состав Реввоенсовета Ворошилова и Лашевича, в начале 1924 года был снят с поста первого заместителя наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета бессменный помощник Троцкого с первых дней гражданской войны Э. М. Склянский. На его место был назначен Фрунзе. В мае 1924 года была произведена ещё одна "перетасовка": командующим Московским военным округом вместо Муралова - героя гражданской войны, единомышленника и личного друга Троцкого, был назначен Ворошилов. Муралов же был перемещён на менее значительный пост командующего Северо-Кавказским военным округом, который до этого занимал Ворошилов.

Оказавшись перед лицом заговора теперь уже со стороны "семёрки" и "фракции пленума ЦК", Троцкий вновь не предпринял никаких шагов для сплочения вокруг себя своих единомышленников. "И после того, как глубокие политические разногласия определились, отнесив далеко назад личную интригу, - писал он в 1929 году, - я пытался удерживать споры в рамках принципиального обсуждения и противодействовал форсированию борьбы, чтоб дать возможность на фактах проверить противоречивые оценки и прогнозы. Наоборот, Зиновьев, Каменев и Сталин, который осторожно укрывался на первых порах за первыми двумя, форсировали борьбу изо всех сил. Они как раз и не хотели дать партии время обдумать и проверить разногласия на основе опыта"².

Все попытки Троцкого убедить в правоте своих взглядов большинство Политбюро и ЦК неизменно наталкивались на заранее предпрешённое противодействие, всё более приобретающее не только личный, но и социально-политический характер. "Я стоял перед этими людьми, как перед глухой стеной. Но не это было, конечно, главное. За невежеством, ограниченностью,

¹ Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 53.

² Троцкий Л. Д. Что и как произошло? С. 35.

упрямством, враждебностью отдельных лиц можно было пальцами нащупать социальные черты привилегированной касты, весьма чуткой, весьма пронизательной, весьма инициативной во всём, что касалось её собственных интересов¹.

Разумеется, далеко не все участники правящей фракции осознавали в то время, что объективно они выступают выразителями социальных интересов всё более консолидирующегося нового слоя - аппаратной бюрократии. Но независимо от субъективных мотиваций тех или иных: членов большинства ЦК и Политбюро, все они объективно поддерживали курс на упрочение позиций этого слоя и превращение ленинской самостоятельной партии в сталинскую, находящуюся под пятой бесконтрольной бюрократии.

Деятельность "тройки" и "семёрки" в 1923-1925 годах по существу предопределила исход дальнейшей внутрипартийной борьбы - ликвидацию партии как жизнедеятельного организма, и объективно расчистила путь к утверждению сталинизма, узурпации Сталиным власти партии и рабочего класса.

Большинство членов ЦК и Политбюро не выдержали испытания властью. В периоды своего блокирования со Сталиным они вели себя столь же беспринципно, как и он, скатываясь всё дальше и дальше по пути политического перерождения. Утратив качества принципиальных и честных политиков во время своего пребывания у власти, те из них, кто впоследствии размежёвывался со Сталиным, оказывались неспособны надолго сохранять твёрдость и верность своей позиции. Этим объясняется их сравнительно быстрая капитуляция перед Сталиным и сталинистами, неизбежно повлекшая за собой ложные самообвинения и лживую лесть "вождю", достигшие апогея на московских процессах 1936-1938 годов.

Во всём этом содержатся не только нравственные, но и политические уроки огромного исторического значения: концентрация всей полноты власти в руках узкой партийной олигархии в условиях отсутствия внутрипартийной демократии неизбежно ведёт, как показал и весь последующий опыт налаживания "коллективного руководства" внутри Политбюро, к сравнительно скорой смене господства олигархии режимом личной власти.

¹ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 111.

Когда решалась судьба Сталина

Сконцентрировав все рычаги управления в своих руках, "семёрка" приступила к подготовке XIII съезда партии, открывшегося в мае 1924 года. Важным этапом на этом пути стала "проверка и чистка" непроизводительных (т. е. военных, вузовских, учрежденческих) партийных ячеек, в которых была особенно велика доля коммунистов, сочувствовавших оппозиции. В ходе этой кампании Центральной Контрольной Комиссией и контрольными комиссиями на местах было "проверено" 230 тыс. коммунистов, т. е. 23 процента от общего числа членов и кандидатов в члены партии. "Вычищено" из партии было 5763 человека, или 2,7 процента от общего числа проверенных.

В речи на XIII съезде РКП (б) Преображенский обращал внимание на то, что чистка коснулась в основном тех организаций, которые выносили оппозиционные резолюции, и превратилась в способ изгнания оппозиционеров из партии. При этом комиссии, проводившие чистку, обвиняли исключённых не за их участие в оппозиции, а за всякого рода моральные изъяны. "...В настоящее время, - говорил Преображенский, - мы видим, что те комиссии, которые проводят эту чистку, обязанные по постановлению ЦКК не чистить за оппозицию... вынуждены формально исключать товарищей из партии не за то, в чём они действительно виноваты... В результате ошибок чистильных комиссий уходят из партии с волчьим билетом люди, которых терять нам смысла нет"¹.

Состав XIII съезда был сформирован с помощью апробированных методов аппаратной механики. В числе делегатов с решающим голосом не оказалось ни одного сторонника оппозиции. Даже Троцкий, Радек, Раковский и Пятаков как члены ЦК были допущены на съезд лишь с совещательным голосом.

Тщательно подобранные делегаты съезда единодушно клеймили оппозицию и требовали от неё - с "подачи" Зиновьева, выступившего с политическим отчётом ЦК, отречения от своих взглядов. Два выступления лидеров оппозиции - Троцкого и Преображенского, обративших внимание на то, что подобное требование выдвигается в партии впервые, вызвали лишь новую волну агрессивных "отповедей". Единственным диссонансом в этом хоре прозвучало выступление Крупской, которая призвала делегатов обсуждать прежде всего новые задачи, стоящие перед партией, а не дублировать уже прошедшую дискуссию, не требовать безоговорочного отказа оппозиции от своих взглядов, что "психологически невозможно" и лишь "вносит излишнюю остроту в отношения между бывшей оппозицией и между ядром партии"².

Однако этот призыв Крупской не был воспринят съездом. Настойчивость, с которой члены "семёрки" и прежде всего Зиновьев, Каменев и Сталин в своих пространственных выступлениях вновь и вновь возвращались к критике оппозиции, объяснялась тем, что перед ними на съезде встала непредвиденная задача: дезавуировать в глазах делегатов значение ленинского "Завещания" и прежде все-

¹ XIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). С. 192, 193.

² Там же. С. 225.

го содержащегося в нём совета о перемещении Сталина с поста генсека"

На протяжении трёх с половиной месяцев шли переговоры между Политбюро и Крупской относительно оглашения "Завещания" на съезде. Все члены Политбюро (кроме Троцкого) категорически выступали против этого. Лишь 18 мая, за пять дней до открытия съезда, Крупская передала "Письмо к съезду" членам комиссии по приёму ленинских бумаг, состоявшей всё из тех же триумвиров. В протоколе о передаче этого письма были зафиксированы её слова о том, что Ленин выражал твёрдое желание, чтобы после его смерти оно было доведено до сведения очередного партийного съезда.

Первое официальное оглашение "Завещания" произошло 21 мая 1924 года, за день до открытия съезда на заседании Совета старейшин, состоявшего из членов ЦК и руководителей местных партийных организаций. Именно на этом заседании оппозиционные члены ЦК, в том числе и Троцкий, по-видимому, впервые услышали полный текст "Письма к съезду".

Б. Бажанов, который вёл секретарскую запись на этом заседании, так описывает его ход. За председательским столом были Каменев и Зиновьев. Члены ЦК сидели на стульях лицом к эстраде. Троцкий - рядом с Пятаковым и Радеком. Сталин сел на борт эстрады, лицом к ней. Поэтому члены ЦК не видели его лица, а Бажанов, находившийся на эстраде, мог очень хорошо его наблюдать.

Каменев открыл заседание и прочитал ленинское письмо. Воцарилась тишина. Лицо Сталина стало мрачным и напряжённым. В этот момент, как вспоминал впоследствии Троцкий, Радек обратился к нему со словами:

"- Теперь они не посмеют идти против вас.

Он имел в виду два места письма: одно, которое характеризовало Троцкого как "самого способного человека в настоящем ЦК", и другое, которое требовало смещения Сталина, ввиду его грубости, недостатка лояльности и склонности злоупотреблять властью. Я ответил Радеку:

- Наоборот, теперь им придётся идти до конца, и притом как можно скорее"¹.

Прогноз Троцкого не замедлил оправдаться. Согласно заранее выработанному сценарию, слово тотчас же взял Зиновьев, смысл речи которого Бажанов передаёт следующим образом:

"Товарищи, вы все знаете, что посмертная воля Ильича, каждое слово Ильича для нас закон... Но есть один пункт, по которому мы счастливы констатировать, что опасения Ильича не оправдались. Все мы были свидетелями нашей общей работы в течение последних месяцев, и, как и я, вы могли с удовлетворением видеть, что то, чего опасался Ильич, не произошло. Я говорю о нашем генеральном секретаре и об опасностях раскола в ЦК"².

Разумеется, все члены ЦК не могли не понимать, что вторая часть "счастливого" сообщения Зиновьева была ни чем иным, как фарисейством: раскол в ЦК уже произошёл. Сложнее было с вопросом о генсеке. Ещё в предоктябрьский период многие старые большевики, непосредственно соприкасавшиеся со Сталиным, знали о его негативных чертах. В письмах Свердлова жене из

¹ Троцкий Л. Д. Портреты. С. 45.

² Знание - сила. 1989. № 7. С. 82.

ссылки, где он жил вместе со Сталиным, мы встречаем немало неприязненных высказываний о нём. "Ты же знаешь, родная, - писал Свердлов 16 ноября 1914 года, - в каких гнусных условиях я был в Курейке. Тов[арищ], с которым мы были там, оказался в личных отношениях таким, что мы не разговаривали и не видались"¹.

А вот ещё один факт. В марте 1917 года Бюро Центрального Комитета партии, после обсуждения вопроса о расширении его состава, приняло следующее решение: "Относительно Сталина было доложено, что он состоял агентом ЦК в 1912 году и потому являлся бы желательным в составе Бюро ЦК, но ввиду некоторых личных черт, присущих ему, Бюро ЦК высказалось в том смысле, чтобы пригласить его с совещательным голосом"². В истории партии случай, когда при выборах в руководящие органы отвод делался из-за "личных черт", являлся, пожалуй, уникальным.

Но к 1924 году Свердлов и многие другие руководители партии времен подполья и Февральской революции либо умерли, либо уже не состояли в составе ЦК. Поэтому ленинская критика в адрес Сталина явилась неожиданной для многих членов ЦК, особенно для молодых, некоторые из которых к тому же были обязаны Сталину своим выдвижением. В этом плане особый интерес представляют воспоминания Микояна: "Говоря о себе, могу сказать, что знал "двух Сталиных". Одного, которого очень ценил и уважал как старшего товарища... и совсем другого - в последующий период... Орджоникидзе и Киров, с которыми я был очень близок и знал их настроения, оказались, думаю, в такой же роли обманутых "первым" обликом Сталина"³.

Вплоть до завершения политической расправы со всеми членами ленинского Политбюро "первый облик" Сталина был неизменно обращён к его союзникам по ЦК и Политбюро, а второй - к тем, кого он искусно "загонял" в оппозицию. Лишь после 1929 года, когда образование легальных оппозиций и открытые дискуссии стали невозможными даже внутри ЦК и Политбюро, всем партийным лидерам пришлось ощутить на себе "второй" облик Сталина.

Кроме того, нельзя забывать, что большинство членов ЦК к маю 1924 года были уже повязаны групповой фракционной дисциплиной, обязывающей безоговорочно воспринимать все команды, идущие от "семёрки". Поэтому предложение Зиновьева, а затем и Каменева вновь избрать Сталина генеральным секретарём не встретило возражений. Все молчали. "Троцкий тоже молчал, но изображал энергичной мимикой своё крайнее презрение ко всей этой комедии... Сталин по-прежнему смотрел в окно со сжатыми челюстями и напряжённым лицом: решалась его судьба"⁴.

Как вспоминал Троцкий, Сталин на этом заседании впервые предложил подать в отставку, повторяя: "Что ж, я действительно груб... Ильич предлагает вам найти другого, который отличался бы от меня только большей вежливостью. Что же, попробуйте найти". - "Ничего, - отвечал с места голос одного из тогдашних друзей Сталина (А. П. Смирнова, пришедшего к мысли о необхо-

¹ Свердлов Я. М. Избранные произведения. М., 1957. Т. 1. С. 298; см. также С. 268, 276, 277.

² Вопросы истории КПСС. 1962. № 3. С. 143.

³ Огонёк. 1987. № 50. С. 6.

⁴ Знание - сила. 1989. № 7. С. 82.

димости выполнить ленинский совет только в 1932 году и за это изгнанного в начале 1933 года из состава ЦК. - В. Р.), - нас грубостью не испугаешь, вся наша партия грубая, пролетарская". Как отмечал Троцкий, "косвенно здесь Ленину приписывалось салонное понимание вежливости. Об обвинении в недостатке лояльности ни Сталин, ни его друзья не упоминали"¹.

Каменев предложил решить вопрос голосованием. Голосовали простым поднятием рук. Бажанов ходил по рядам и считал голоса, сообщая Каменеву только общий результат. Большинство голосовало за оставление Сталина на посту генсека, против голосовала только небольшая группа Троцкого. Было и несколько воздержавшихся. (Бажанов впоследствии сожалел, что, занятый подсчётом рук, не заметил, кто именно воздержался).

Продолжая свою игру, лидеры правящей фракции, к тому времени уже уверенно манипулировавшие аппаратной бюрократией, внесли через одного из подставных лиц предложения, заранее согласованные с руководителями местных организаций: документ должен быть оглашён на закрытых заседаниях отдельных делегаций; при его зачитании никто не имеет права делать записи; на пленарных заседаниях съезда на "Завещание" ссылаться нельзя. "Со свойственной ей мягкой настойчивостью Крупская доказывала, - вспоминал Троцкий, - что это есть прямое нарушение воли Ленина, которому нельзя отказать в праве довести свой последний совет до сведения партии. Но связанные фракционной дисциплиной члены Совета старейшин оставались непреклонны: подавляющим большинством прошло предложение тройки"². В результате в опубликованных материалах съезда не содержалось даже упоминания о существовании "Письма к съезду". Члены партии были обречены на то, чтобы лишь в частном порядке, сугубо конфиденциально говорить друг с другом об этом документе.

На закрытых заседаниях делегаций после оглашения "Письма к съезду" Зиновьев и Каменев обычно выступали с комментариями, из которых следовало, что с момента написания ленинского документа положение в партии серьёзно изменилось и что теперь главной опасностью для неё является не грубость и нелояльность Сталина, а деятельность Троцкого и его сторонников, которым снятие Сталина с поста генсека оказалось бы на руку. Далее Зиновьев и Каменев убеждали делегатов в том, что Сталин учтёт ленинскую критику его недостатков, в чём Сталин тут же давал заверения. В ряде случаев Сталин лицемерно просил делегатов, так же, как и последовавший за съездом пленум ЦК, освободить его от поста генсека, после чего эта просьба отклонялась^{3*}.

В целом, на делегатов съезда был оказан грубый нажим: они были поставлены перед уже принятым решением, согласно которому ленинское письмо должно было лишь оглашаться, но не обсуждаться. В то время, как столь важный документ требовал глубокого осмысления и обмена мнениями, его содержание воспринималось делегатами лишь на слух. Как вспоминал Троцкий, "уже оглашение документа по земляческим делегациям, куда не пускали "по-

¹ Троцкий Л. Д. Завещание Ленина. - Горизонт. 1900. № 6. С. 38-41.

² Там же.

³ Существуют, однако, свидетельства о бурном обсуждении "Завещания" на заседаниях некоторых делегаций. (Правда. 1964. 26 мая).

сторонних", превращено было в прямую борьбу против меня. Старейшины делегаций проглатывали при чтении одни слова, напирали на другие и давали комментарии в том смысле, что письмо написано тяжело и больно, под влиянием происков и интриг. Аппарат уже господствовал безраздельно. Один тот факт, что тройка могла решиться попрасть волю Ленина, отказав в оглашении письма на съезде, достаточно характеризует состав съезда и его атмосферу. Завещание не приостановило и не смягчило внутреннюю борьбу, наоборот, придало ей катастрофические темпы¹.

В результате маневров правящей фракции единственное персональное предложение Ленина было отклонено. Более того, на XIII съезде была осуществлена внеуставная процедура решения вопроса о генеральном секретаре. Сначала сохранение на этом посту Сталина было одобрено формальным решением делегаций съезда, а затем пленум ЦК "оформил" это фактически предрешённое решение. В результате этой процедуры Сталин как бы получил мандат генсека непосредственно от съезда, о чем впоследствии он неоднократно напоминал. Таким образом, вместо ограничения власти Сталина, на чём настаивал Ленин, произошло увеличение его влияния.

После оглашения "Завещания" триумвиры не решились поставить вопрос о выводе Троцкого из Политбюро и снятии его с руководящих постов, хотя такого рода угрозы раздавались в ходе дискуссии 1923 года. Однако Троцкий, избранный вновь в Политбюро, оказался в ещё большей изоляции, чем раньше: из его сторонников XIII съезд оставил в составе ЦК только Пятакова и Раковского.

На Пленуме ЦК, состоявшемся после съезда, помимо Сталина секретарями ЦК были избраны Молотов (в четвёртый раз), Андреев, Каганович и Зеленский (все трое впервые). Осенью 1924 года Сталин перевёл Зеленского, которого он имел основания подозревать в поддержке Зиновьева и Каменева, на пост секретаря Среднеазиатского бюро ЦК. Таким образом, он получил Секретариат, состоявший из его безоговорочных приверженцев.

Принятая на съезде процедура ознакомления с "Завещанием" привела ещё и к тому, что из-за вопроса о Сталине оказались отодвинутыми на задний план другие содержащиеся в этом документе советы и предложения. Ленинский план политической реформы даже не обсуждался на XIII съезде, а также и на последующих партийных форумах. Фактическое игнорирование важнейших идей Ленина о политической реформе явилось одной из главных причин того, что его прогноз о возможном расколе в рядах партии и ЦК (что Ленин считал самой неблагоприятной исторической альтернативой) осуществился в таких формах и масштабах, которых не могла предвидеть даже гениальная ленинская проницательность.

Историческая ответственность за упущенную последнюю возможность переломить течение событий в пользу возрождения партийной демократии лежит прежде всего на Зиновьеве и Каменеве. Во всех их действиях, вплоть до окончательного размежевания со Сталиным, поражает не только роднящая с последним беспринципность, но и крайняя политическая недалёковидность,

¹ Троцкий Л. Д. Завещание Ленина. - Горизонт. 1900. № 6. С. 38-41.

облегчившая Сталину на следующих этапах внутрипартийной борьбы относительно лёгкую победу над ними. Спустя полтора года, когда Сталин фактически отстранил их от власти, Зиновьев, напомнив генсеку о том, что именно он и Каменев спасли его от политического падения, спросил с горечью: "Знаете ли, товарищ Сталин, что такое благодарность?" Сталин ответил на это вполне искренне, показав, насколько наивным было ожидать от него подобного чувства: "Ну, как же, знаю, очень хорошо знаю, это такая собачья болезнь"¹.

Едва оправившись от тревоги, связанной с оглашением "Завещания", Сталин спустя всего две недели после завершения XIII съезда осуществил первую открытую вылазку против своих союзников по триумvirату. Для этого он выбрал третьестепенный по своему значению форум - курсы секретарей укомов при ЦК РКП (б). Выступая здесь с докладом об итогах XIII съезда РКП (б), он как бы походя обвинил Каменева и Зиновьева в "обычной беззаботности насчёт вопросов теории, насчёт точных теоретических определений". В качестве подтверждения он заявил, что "читал в газете доклад одного из товарищей о XIII съезде (кажется, Каменева), где чёрным по белому написано, что очередным лозунгом нашей партии является будто бы превращение "России нэпмановской" в Россию социалистическую. Причём, - что ещё хуже, - этот странный лозунг приписывается не кому иному, как самому Ленину"².

Сталин использовал ошибку стенографа, записавшего слово "нэпмановская" вместо "нэповская". Через несколько дней об этой причине "искажения" ленинской формулы было сообщено в "Правде". Разумеется, Сталин понимал, что в данном случае может идти речь лишь о явном редакторском недосмотре. Тем не менее он заявил, что Каменев "выпалил" этот странный лозунг, который якобы может породить в партии кучу недоразумений" и создать впечатление, что во главе Советской России стоят нэпманы.

В том же докладе Сталин обвинил Зиновьева (не называя его) в "несообразности", которая "способна породить в партии путаницу и неразбериху", за выдвинутый им на XII съезде и подтверждённый в резолюции съезда тезис о "диктатуре партии". Здесь речь шла уже о более принципиальном вопросе. Но надо заметить, что Сталин ранее не ставил под сомнение этот тезис и вместе с другими голосовал за него на XII съезде. Теперь же для его дезавуирования он вспомнил идею Ленина о необходимости "размежевания партийных и советских органов", которую он вместе с другими триумвирами фактически отвергал в недавней полемике с Троцким.

Без обсуждения на Политбюро Сталин опубликовал 20 июня в "Правде" часть доклада, серьёзно затрагивавшую амбиции Зиновьева и Каменева, которые считали себя ведущими теоретиками партии. Поскольку в то время было принято избегать даже косвенной полемики между членами "семёрки", они расценили этот поступок Сталина как самое решительное выступление против "ядра", призванное разложить его.

По этому поводу Зиновьев и Каменев созвали совещание 15-17 "руководящих товарищей", где Сталин прямо заявил, что своим выступлением он преследовал цель "расширить ядро, ибо оно стало узким". Совещание признало

¹ Знание -сила. 1989. № 7. С. 82.

² Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 257.

выступление Сталина ошибочным и приняло решение о том, чтобы впредь все высшие руководители партии согласовывали друг с другом свои выступления. В ответ на это Сталин в очередной раз заявил об отставке, которая и в данном случае не была принята. Таким образом, попытка Зиновьева и Каменева мобилизовать против Сталина "параллельный ЦК" окончилась провалом.

Как видим, сразу после XIII съезда Сталин приступил к постепенной подготовке нового раскола внутри Политбюро и к созданию в этих целях нового верхушечного блока: на этот раз - с "молодыми" членами Политбюро, вошедшими в его состав в 1922-1924 годах, - Бухариным, Рыковым и Томским. Однако оформление этого блока, направленного против Зиновьева и Каменева, задержалось, поскольку последние ещё были нужны Сталину для дальнейшей борьбы против их общих тогдашних врагов - Троцкого и его единомышленников.

XXVI

Тактика единого фронта

А борьба эта всё обострялась, захватывая самый широкий круг теоретических и практических вопросов. Французский коммунист Б. Суварин, находившийся в Москве в период XIII съезда, вскоре написал, что в СССР наблюдается конфликт "между живым, критическим революционным духом, постоянно обновляющимся и обогащающимся", представленным Троцким и его идейными союзниками, и "псевдореволюционным, консервативным духом", царящим на официальных партийных форумах. Коренное противоречие внутрипартийной жизни Суварин видел в том, что "подавляющее большинство рабочего класса - троцкистское, как свидетельствуют грандиозные демонстрации, происходящие везде, где ни выступит Троцкий. А на съезде всё это выражается пресловутым 100-процентным большинством за Центральный Комитет". И после съезда, как свидетельствовал Суварин, "популярность Троцкого росла, его длинные речи перед различными слушателями приводили всех в восторг. Часто говорили, что только он высказывает новые мысли, что только он чему-то учится..."¹

Троцкий активно продолжал свою теоретическую деятельность. Одним из пунктов, на котором столкнулись противоборствующие стороны, были проблемы мирового развития и международного коммунистического движения. В 1924 году Троцкий опубликовал книги "Восток и Запад" и "На путях европейской революции", объединившие статьи, печатавшиеся до этого в "Правде". Некоторые идеи этих работ были подвергнуты критике членами "руководящего коллектива".

Наиболее остро разногласия развивались вокруг идеи единого рабочего фронта, т. е. союза с социал-демократией. В 1921 -1922 годах при активном участии Ленина была выработана линия Коминтерна на "единый фронт всех рабочих и коалицию всех рабочих партий в экономической и политической области для борьбы с буржуазной властью и для её окончательного свержения"².

Эта линия стала разрушаться триумvirатом с конца 1923 года. Зиновьев говорил: "Нужно раз и навсегда понять, что для Коминтерна тактика единого фронта была и остаётся только стратегическим маневром в борьбе с контрреволюционными вождями социал-демократии, методом агитации среди рабочих, доверяющих социал-демократии. И только. Надо раз навсегда распрощаться с мыслью о том, что тактика единого фронта есть нечто большее"³.

Ряд деятелей коммунистического движения указывали на ошибочность и левосектантский характер такой установки. В ответ на это в январе 1924 года Зиновьев на заседании Президиума ИККИ объявил социал-демократию "крылом фашизма" и главным врагом коммунистов. Сталин, вторя Зиновьеву,

¹ ЭКО. 1989. № 11. С. 163, 164.

² В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. М., 1970, С. 466.

³ Политическое образование. 1989. № 1. С. 79.

утверждал, что в Германии "за последнее время произошла передвижка сил, передвижка мелкобуржуазных социал-демократических сил в сторону контрреволюции, в лагерь фашизма. Вывод: не коалиция с социал-демократией, а смертельный бой с ней как с опорой нынешней фашизированной власти"¹. Эти положения, нашедшие отражение в решениях Исполкома Коминтерна, были глубоко ошибочными: лидеры социал-демократии были резко настроены против фашизма, за ними шла большая часть рабочего класса, "смертельный бой" означал бы неминуемое взаимное ослабление социал-демократов и коммунистов и тем самым - рабочего движения в целом.

Эта грубая ошибка стала одной из причин поражения немецкого пролетариата в условиях революционной ситуации. Однако Зиновьев и Сталин сделали из этого поражения иной вывод: главным виновником была немецкая социал-демократия, якобы перешедшая на сторону фашизма, а также часть руководства КПП, стремившаяся к союзу с ней. На январском пленуме ЦК 1924 года Зиновьев сделал доклад о международном положении, открывший обсуждение причин поражения германской революции. Позиция триумvirата по данному вопросу была оспорена Радеком, незадолго до этого вернувшимся из Германии, который считал главным врагом фашизм и выступал за коалицию с социал-демократической партией. Продолжая оставаться выразителем взглядов оппозиции и основным оппонентом триумvirата по этому вопросу, Радек на V конгрессе Коминтерна (июнь-июль 1924 года) выступал за последовательное осуществление тактики единого рабочего фронта. По его мнению, она должна была заключаться в том, чтобы "мы честно и открыто готовы были пройти часть пути с рабочими партиями, которые захотят бороться - ту часть пути, которую они в состоянии будут пройти с нами... Только таким путём... мы можем рассчитывать на успехи в применении тактики единого фронта"².

Эта позиция нашла поддержку со стороны ряда руководителей зарубежных компартий. Лидер болгарских коммунистов В. Коларов заявил: "Я должен сказать вам, что самый источник ошибок, совершённых нашей партией, заключается в неприменении тактики единого фронта во всём её объёме"³. Критика левосектантских положений Зиновьева и его единомышленников содержалась и в выступлениях К. Цеткин. Однако на конгрессе победила позиция Зиновьева. В результате его сектантская установка вошла в резолюцию конгресса: "...Тактика единого фронта есть только метод агитации и революционной мобилизации масс для целого периода. Всякие попытки истолковать эту тактику, как политическую коалицию с контрреволюционной социал-демократией, являются оппортунизмом, отвергаемым Коммунистическим Интернационалом"⁴.

В резолюции конгресса о фашизме подчёркивалось, что "при всё прогрессирующем распаде буржуазного общества все буржуазные партии и особенно социал-демократия принимают более или менее фашистский характер, прибегая к фашистским методам борьбы с пролетариатом... Фашизм и социал-демократия составляют два острия одного и того же оружия диктатуры круп-

¹ Вопросы истории КПСС. 1987. № 10. С. 123.

² Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. М., 1925. Ч. I. С. 153-155.

³ Там же. С. 277, 278.

⁴ Коммунистический Интернационал в документах, М., 1933. С. 407.

ного капитала. Социал-демократия поэтому никогда не может быть надёжной союзницей в борьбе пролетариата с фашизмом"¹.

После V конгресса Коминтерна Сталин и Зиновьев продолжали вести ошибочную линию на фактическую ликвидацию тактики единого фронта и тем самым - на раскол рабочего движения. Они последовательно ориентировали коммунистические партии капиталистических стран на нанесение главного удара по социал-демократии вообще и по её левому крылу в особенности. В статье "К международному положению" (сентябрь 1924 года) Сталин писал: "Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма. Нет основания предположить, что боевая организация буржуазии (фашизм. - В. Р.) может добиться решающих успехов в боях или в управлении страной без активной поддержки социал-демократии... Эти организации не отрицают, а дополняют друг друга. Это не антиподы, а близнецы. Фашизм есть неоформленный политический блок этих двух основных организаций..."²

Под влиянием Зиновьева и Сталина уже в первой половине 20-х годов в Коминтерне утвердилась идея о "социал-фашизме" как главном противнике коммунистов. Решением расширенного пленума ИККИ, состоявшегося в марте - апреле 1925 года, было признано считать недопустимым участие Радека, выступавшего против этой установки, в коминтерновской работе. В резолюции XIV конференции РКП (б) (апрель 1925 года) о задачах Коминтерна осуждалась поддержка Троцким, Радеком и их единомышленниками группы немецких коммунистов, "пытавшейся истолковать тактику единого фронта как тактику коалиции с социал-демократами". В таком истолковании усматривалось "действительное расхождение ленинской линии Исполкома Коминтерна с троцкизмом"³.

Другой "новацией" Зиновьева и Сталина в вопросах международного коммунистического движения было выдвижение и усиленное внедрение в жизнь с 1924 года линии на "большевизацию" всех остальных коммунистических партий. Эта "большевизация" понималась как построение структуры и организации этих партий по образу и подобию того партийного режима, который сложился в РКП (б): жесточайший централизм, безусловное подчинение всех коммунистов директивам, идущим от центра, в данном случае - от руководства Коминтерна, полностью подчинённого к тому времени кремлёвской олигархии. Таким образом, ещё до выдвижения теории о победе социализма в одной стране, приведшей к изображению Советского Союза идеальной моделью для коммунистов всего мира, такой моделью стала коммунистическая партия в СССР.

Руководствуясь фракционными и амбициозными соображениями, руководство Коминтерна во главе с Зиновьевым и Сталиным уже с конца 1923 года развернуло борьбу с теми лидерами, партиями и группами в международном коммунистическом движении, которые в какой-либо форме указывали на ошибки Исполкома Коминтерна и солидаризировались с русской оппозицией. В этом отношении показательна серия ударов, нанесённых в 1923-1924 годах

¹ Там же. С. 448.

² Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 282.

³ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 3. С. 393.

по компартии Польши.

Поводом послужило письмо ЦК польской компартии в Президиум ИККИ и в ЦК РКП (б), в котором говорилось об ответственности Исполкома Коминтерна за поражение революционного движения в Германии, критиковалась сектантская формула "единого фронта снизу", выражалось беспокойство методами ведения внутрипартийной борьбы в РКП (б) и предлагалось в повестку ближайшего пленума ИККИ ввести вопрос "о кризисе в РКП". В письме подчёркивалось: "Мы не допускаем возможности того, чтобы тов. Троцкий оказался вне рядов вождей РКП"¹. В ответе Политбюро ЦК РКП (б) от 4 февраля 1924 года, подписанном Сталиным, утверждалось, что письмо ЦК компартии Польши "объективно может стать поддержкой той небольшой оппортунистической фракции в РКП, политика которой отвергнута громадным большинством нашей партии"². На V конгрессе Коминтерна Сталин, возглавлявший работу польской комиссии, определил ЦК компартии Польши как "польское отделение оппортунистической оппозиции в РКП (б)"³.

О характере того давления, которое было оказано на польских коммунистов, свидетельствуют слова члена ЦК компартии Польши В. Костшевой в речи на заседании комиссии конгресса: "...Тов. Зиновьев нам уже давно сказал: Мы вам кости переломаем, если попробуете выступить против нас"⁴. На конгрессе было осуществлено грубое и бесцеремонное вмешательство во внутренние дела польской компартии. Её делегация, по настоянию Сталина, не имея на то полномочий от своей партии, переизбрала бюро своего ЦК. От руководства партией была отстранена группа её лидеров и ведущих теоретиков: Барский, Костшева, Валецкий, Прухняк. Организационная расправа в 1924 году над компартией Польши предопределила последующую её трагедию: роспуск в 1938 году и истребление в сталинских застенках сотен лучших её членов.

Осуществляя фракционные маневры против инакомыслящих в международном коммунистическом движении, руководство Исполкома Коминтерна оставило в тени подлинную задачу большевизации зарубежных компартий - усвоение уроков борьбы за победу Октябрьской революции. Между тем для выбора этими партиями правильной стратегии и тактики требовалось обобщение опыта Октября (равно как и поражений революций 1918-1923 годов в Европе) на таком уровне, который мог быть сопоставим с обобщением опыта Парижской Коммуны в работе К. Маркса "Гражданская война во Франции". Эту задачу поставил перед собой Троцкий в работе "Уроки Октября", открывшей новый этап внутрипартийной борьбы.

¹ Сб. История и сталинизм. М., 1991. С. 136, 137.

² Там же.

³ Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 266.

⁴ Вопросы истории. 1989. № 8. С. 6.

XXVII

"Уроки Октября"

Осенью 1924 года Троцкий выпустил третий том собрания своих сочинений, включавший речи и статьи 1917 года, которому было предпослано авторское предисловие под названием "Уроки Октября". Эта работа представляла собой развитие идей, которые разрабатывались Троцким в 1923-1924 годах, прежде всего в процессе осмысления уроков революционной ситуации 1923 года в Германии и поражения германской революции.

Отправным пунктом анализа Троцкого была идея о том, что на исходе мировой войны европейской буржуазии грозила смертельная опасность. Однако социалистическая революция победила только в России, ибо в других странах не оказалось партий, способных повести массы на революцию и удержать власть.

Новый прилив революционной волны наступил во второй половине 1923 года, когда германская революция надвигалась со дня на день. Но германская компартия не сумела использовать революционную ситуацию: революция в Германии потерпела поражение, причём его непосредственная причина состояла в неправильном, нерешительном руководстве партии. В Германии были все материальные, политические и психологические предпосылки революции, кроме одной - большевистской партии и вождя, которого она имела в октябре 1917 года в лице Ленина.

В этой связи Троцкий замечал, что если бы в октябре 1917 года в Центральном Комитете большевистской партии победили противники восстания, "нетрудно себе представить, как писали бы историю... Официозные историки стали бы, конечно, изображать дело так, что восстание в октябре 1917 г. явилось бы чистейшим безумием, и давали бы читателю сногшибательные статистические подсчёты юнкеров, казаков, ударников, артиллерии, расположенной всером, и корпусов, двигавшихся с фронта. Непроверенные в огне восстания, эти силы представлялись бы несравненно грознее, чем оказалось на деле. Вот урок, который нужно выиграть в сознании каждого революционера!"¹.

Проводя параллель между позицией германской компартии в 1923 году и "выжидательным фатализмом", характерным для позиции Каменева и Зиновьева в октябре 1917 года, Троцкий писал, что под таким фатализмом обычно "скрывается нерешительность и даже неспособность к действию, но она маскируется утешительным прогнозом: мы становимся, мол, всё влиятельнее, чем дальше, тем больше наша сила будет возрастать. Грубейшее заблуждение! Сила революционной партии возрастает только до известного момента, после чего процесс может перейти в свою противоположность: надежды масс, вследствие пассивности партии, сменяются разочарованием, а враг тем временем оправляется от паники и пользуется разочарованием масс. Такого рода решающий перелом мы наблюдали в Германии в октябре 1923 г. Мы были не так

¹ Троцкий Л. Д. К истории русской революции, С. 273-275.

далеки от подобного же поворота событий в России осенью 1917 г. Для этого достаточно было, может быть, упустить ещё несколько недель. Ленин был прав: теперь или никогда¹.

Приводя убедительные факты и давая им столь же убедительную оценку, Троцкий доказывал, что принятие партией курса, предлагавшегося Зиновьевым и Каменевым, неминуемо привело бы к тому, что движение рабочих, солдатских и крестьянских масс пошло бы без большевистского руководства и породило бы новые июльские дни гигантского масштаба, т. е. подавление народной революции.

Лапидарно, но крайне чётко Троцкий воссоздал историю борьбы внутри большевистской партии в феврале - октябре 1917 года: соглашательскую и "оборонческую" позицию "Правды" до приезда Ленина в Петроград, критику некоторыми "старыми большевиками" Апрельских тезисов Ленина, выступление Зиновьева и Каменева против восстания, свою позицию по вопросу о сроках восстания и т. д. Ссылаясь на статьи Каменева и Сталина в "Правде" в феврале - марте 1917 года, выдержанные в духе "революционного оборончества" и, по существу, близкие к тогдашней позиции меньшевиков, Троцкий показывал их противоположность ленинской позиции.

Приведённые Троцким факты били не только по "тройке", но и по многим партийным деятелям из их ближайшего окружения - Орджоникидзе, Рыкову, Ярославскому, Ногину, Кирову и другим, занимавшим в то время сходную, полуменьшевистскую позицию. Понимая, что обнародование впервые некоторых документов, раскрывающих характер внутрипартийных разногласий в 1917 году, может вызвать недовольство части "старых большевиков", допустивших в то время серьёзные политические ошибки, Троцкий специально оговаривался в начале своей работы: "Разумеется, разногласия 1917 г. были очень глубоки и отнюдь не случайны. Но было бы слишком мизерно пытаться делать из них теперь, спустя несколько лет, орудие борьбы против тех, кто тогда ошибался. Ещё недопустимее, однако, было бы из-за третьестепенных соображений персонального характера молчать о важнейших проблемах Октябрьского переворота, имеющих международное значение"².

Тем не менее, не прошло и месяца после выхода книги Троцкого, как против него была поднята беспринципная и нечистоплотная кампания, названная её инициаторами "литературной дискуссией с троцкизмом". Формально она была открыта редакционной статьёй "Правды", написанной Бухариным, "Как не нужно писать историю Октября (по поводу выхода книги т. Троцкого "1917")". Спустя короткое время в "Правде" были опубликованы три обширные работы чрезвычайно схожие не только своим содержанием, но и своим названием: доклад Каменева "Ленинизм или троцкизм?", прочитанный на собрании членов МК и московского партийного актива, а затем повторённый на собрании комфракции ВЦСПС и на совещании военных работников; речь Сталина "Троцкизм или ленинизм?" на пленуме комфракции ВЦСПС и статья Зиновьева "Большевизм или троцкизм?". Эти работы вместе со статьями Сокольникова, Молотова и других руководителей партии вошли в спешно напечатан-

¹ Там же.

² Там же. С. 248.

ный сборник "За ленинизм", изданный в Москве и других городах. В начале 1925 года был выпущен сборник "Ленин о Троцком и троцкизме. Из истории ВКП (б)".

Не обладая аргументами, которые можно было бы противопоставить анализу Троцкого, Каменев, Зиновьев и Сталин встали на путь откровенной фальсификации и клеветы, переключения внимания партии на совершенно иные вопросы (дореволюционные разногласия Ленина с Троцким) ради создания легенды о "троцкизме" как извечном враге большевизма.

Одной из наиболее грязных провокаций, пущенных в ход в "литературной дискуссии", была публикация в "Правде" двух писем Троцкого 1913 и 1921 годов - к Чхеидзе и Ольминскому. Первое письмо отражало раздражение Троцкого тем фактом, что большевики взяли для своей газеты название "Правда", под которым он издавал в то время свою газету в Вене. Во втором письме Троцкий высказывал Ольминскому - в то время директору Института истории партии - мнение о нецелесообразности публикации письма к Чхеидзе, содержащего резкие выпады против Ленина, поскольку оно было написано под влиянием минутного настроения и может посеять неправильные толкования о перманентной вражде между ним и Лениным.

Используя оба письма именно с этой провокационной целью, Каменев в предисловии к публикации писал, что она должна переубедить тех членов партии, "у которых остались ещё сомнения в правильности позиции партии по отношению к последним выступлениям тов. Троцкого. Пусть эти сомневающиеся и колеблющиеся ещё и ещё перечитают письмо тов. Троцкого. Мы уверены, что оно окончательно освободит их от сомнений и колебаний"¹.

В конце 1924 года в "Правде" и в местной партийной печати были опубликованы сотни резолюций партийных комитетов, скроенные по образу и подобию резолюции МК, принятой по докладу Каменева. В этой резолюции "Уроки Октября" были названы "грубым извращением истории большевизма и истории Октябрьской революции", "попыткой подменить ленинизм троцкизмом", который "является ни чем иным, как одним из видов меньшевизма". Сам факт опубликования "Уроков Октября" был объявлен "нарушением со стороны т. Троцкого обещаний, данных им XIII съезду", "подрывом единства партии". "Своим выступлением т. Троцкий вновь ставит партию перед опасностью дискуссии"². Так возродилась трактовка всякой внутрипартийной дискуссии как "опасности", грозящей единству партии.

В "литературной дискуссии", так же как и в дискуссии 1923 года, содержание выступлений Сталина существенно не отличалось от выступлений других представителей большинства ЦК. Подобно остальным оппонентам Троцкого, Сталин в этой односторонней дискуссии изображал октябрьскую ошибку Зиновьева и Каменева как незначительный и случайный эпизод. Отрицая, что "в лице Каменева и Зиновьева мы имели в Октябре правое крыло нашей партии", он подчёркивал, что "несмотря на разногласия, мы имели в лице этих товарищей старых большевиков, стоящих на общей почве большевизма"³. Пройдёт

¹ Правда. 1924. 10 декабря.

² Правда. 1924. 19 ноября.

³ Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 326, 327.

немногим более года и октябрьская позиция Каменева и Зиновьева станет интерпретироваться Сталиным и его союзниками как "капитулянтство" и "пораженчество". Обвинения в их адрес по этому поводу будут становиться всё более зловещими, вплоть до трактовки в "Кратком курсе" их поведения в 1917 году как действий "презренных изменников" и "предателей".

"Литературная дискуссия" принесла Сталину немалую пользу. Он оказался в ней в более выгодной позиции по сравнению с Зиновьевым и Каменевым, поскольку им приходилось защищать самих себя, а Сталин защищал их, выступая как бы в роли беспристрастного арбитра в споре. Кроме того, за октябрьской ошибкой Каменева и Зиновьева многочисленные ошибки самого Сталина в 1917 году остались как бы в тени. Воспользовавшись всем этим, он впервые пустил в ход некоторые фальсификаторские версии предоктябрьской истории, впоследствии широко раздутые сталинистской пропагандой.

Сталин заявил, что он хочет ограничиться "разоблачением некоторых легенд, распространяемых Троцким и его единомышленниками". К их числу он относил прежде всего легенду "об особой роли Троцкого в Октябрьском восстании"¹.

Для "разоблачения" этой "легенды" Сталин объявил практически всю историческую литературу об Октябрьском восстании "арабскими сказками". С особой издёвкой он говорил о книге Джона Рида "Десять дней, которые потрясли мир", рекомендованной Лениным для чтения рабочим всех стран. Злобные выпады Сталина в адрес Рида были вызваны тем, что на многих страницах его книги раскрывался вклад Троцкого в победу Октябрьской революции. Сталин запретил переиздавать книгу Рида, которая вновь вышла в свет только после XX съезда КПСС.

"Разоблачая" "легенду" о роли Троцкого, Сталин умолчал о собственной оценке этой роли, содержащейся в статье "Октябрьский переворот", которую он опубликовал в первую годовщину Октября. "Вся работа по практической организации восстания происходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого - говорилось в этой статье. - Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-Революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому"².

Теперь же Сталин утверждал, что "никакой особой роли в Октябрьском восстании Троцкий не играл и играть не мог, что, будучи председателем Петроградского Совета, он выполнял лишь волю соответствующих партийных инстанций, руководивших каждым шагом Троцкого"³. Для подтверждения этого тезиса Сталин впервые обнародовал и ложно интерпретировал протокол заседания ЦК от 16(29) октября 1917 года, в котором говорилось о создании практического центра по организационному руководству восстанием в составе Свердлова, Сталина, Дзержинского, Бубнова и Урицкого. "Задачи практического центра: руководить всеми практическими органами восстания..."⁴ Из

¹ Там же. С. 327.

² Правда. 1918. 6 ноября.

³ Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 328.

⁴ Там же.

этого как бы вытекало, что руководство восстанием осуществлялось "практическим центром", без участия Троцкого.

Впоследствии эта версия переросла в миф о Сталине как руководителе "центра" Октябрьского восстания. В соответствии с ней в 30-е годы было создано немало художественных произведений, в которых Свердлов, Дзержинский, Урицкий, Бубнов (а после ареста Бубнова - только первые трое) изображались сидящими или стоящими вокруг Сталина и восторженно внимавшими его словам.

Называя версию о существовании "практического центра" первым, ещё осторожным шагом на пути создания сталинистского мифа, Троцкий в 1939 году писал: "На исторической дистанции восстание в Октябре представляется гораздо более планомерным и монолитным, чем оно развёртывалось в действительности. На самом деле не было недостатка ни в шатаниях, ни в поисках побочных путей, ни в случайных инициативах, не получивших дальнейшего развития. Так, на импровизированном ночном заседании Центрального Комитета 16 октября, в отсутствие важнейших работников Петроградского Совета, постановлено было пополнить советский штаб восстания вспомогательным партийным "центром" в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского. В эти самые часы на заседании Петроградского Совета был создан Военно-революционный комитет, который с момента своего возникновения развил такую решительную работу по подготовке восстания, что о вчера проектированном "центре" забыли решительно все, в том числе и его участники. Немало подобных импровизаций потонуло в водовороте того времени! Сталин никогда не входил в Военно-революционный комитет, не появлялся в Смольном, т. е. в штабе революции, не имел никакого отношения к практической подготовке восстания, а сидел в редакции "Правды" и писал серые статьи, которые мало кто читал. Никто в течение ближайших лет ни разу не упоминал "о практическом центре". В мемуарных очерках участников восстания - а в таких очерках недостатка нет, - имя Сталина ни разу не названо. Сам Сталин, в юбилейной статье по поводу Октябрьского переворота, в "Правде" от 7 ноября 1918 г., перечисляя все учреждения и лица, причастные к перевороту, ни словом не упоминает о "практическом центре". Тем не менее старая протокольная запись, случайно открытая в 1924 году и фальшиво истолкованная, послужила основой для бюрократической легенды. Во всех справочниках, биографических указателях, даже в школьных учебниках последнего издания фигурирует революционный "центр" со Сталиным во главе. Никто, при этом не попытался, хотя бы из приличия, разъяснить, где и когда этот центр заседал, кому и какие отдавал распоряжения, вёл ли протоколы и где они? Мы имеем здесь все элементы московских процессов"¹.

В дальнейшем на сталинистский миф о "практическом центре" наворачивались всё новые и новые мифы, приведшие в конечном счете к утверждению о том, что Ленин и Сталин - два вождя Октябрьской революции. Как справедливо заметил старый большевик А. В. Снегов, принимавший активное участие в первой волне разоблачений сталинизма, столь цинично исказить историю пар-

¹ Бюллетень оппозиции. 1939, № 77-78, С. 7, 8.

тии можно было "только через реки крови честных коммунистов"¹.

Сегодня нетрудно убедиться, что анализ основных этапов развития русской революции от февраля до октября 1917 года, содержащийся в "Уроках Октября" Троцкого, всецело подтверждается известными ныне историческими документами. Характерно, что как бы "по следам" этого анализа шли все честные исследователи истории Октябрьской революции, стремившиеся очистить эту историю от бесчисленных сталинских фальсификаций.

Сразу же после XX съезда КПСС появились первые статьи, правдиво раскрывавшие историю внутрипартийной борьбы в марте - апреле 1917 года. Но не прошло и года, как последовало специальное постановление ЦК КПСС, которым был приостановлен процесс восстановления исторической правды об Октябрьской революции. После XXII съезда КПСС, открывшего новую волну "антикультовых" разоблачений, появились статьи В. Евграфова и других исследователей, дававшие объективное освещение внутрипартийной борьбы в 1917 году и роли в ней Сталина. Тогда же были впервые опубликованы полностью некоторые документы, на которые ссылался Троцкий в "Уроках Октября", в первую очередь - протоколы и резолюции Всероссийского совещания партийных работников (март 1917 года).

¹ Всесоюзное совещание историков. М., 1964, С. 268.

XXVIII

Рождение мифа о "троцкизме"

В 1924 году оппонентов Троцкого меньше всего интересовало содержание идей, изложенных в "Уроках Октября". Их реакция на эту работу оказалась всецело предопределённой амбициозными соображениями, яростью по поводу того, что Троцкий позволил себе напомнить о былых принципиальных ошибках, допущенных людьми, захватившими к тому времени основные рычаги власти в партии и Коминтерне. В соответствии с замыслом её организаторов дискуссия вышла далеко за пределы полемики по вопросам истории Октябрьской революции. Главным её итогом стало оповещение партии (и всего мира) о том, что на протяжении всей истории партии основным врагом ленинизма был и остаётся "троцкизм".

В этой связи следует напомнить, что после вступления Троцкого в большевистскую партию сам Ленин ни разу не употребил понятие "троцкизм". Полемику с Троцким по конкретным вопросам, выдвигавшимся жизнью после Октября, он ни разу не обронил даже намёка на то, что эта полемика представляет продолжение или рецидив дооктябрьских разногласий.

Уже в период острых споров в партии непосредственно после Октябрьской революции, те "старые большевики" (Зиновьев, Каменев, Рыков и другие), которые склонны были принять предложение соглашательских партий о формировании "коалиционного правительства" без участия в нём Ленина и Троцкого, пользовались в числе прочих и тем аргументом, что Троцкий раньше не был большевиком. В связи с этим 14 ноября 1917 года Ленин на заседании Петроградского комитета партии подчёркивал, что Троцкий давно понял невозможность объединения с меньшевиками, "и с тех пор не было лучшего большевика"¹. Во время дискуссии о профсоюзах Сталин и Зиновьев снова пытались пустить в ход ссылку на небольшое большевистское прошлое Троцкого. В ответ некоторые ораторы из числа сторонников Троцкого напоминали Зиновьеву о его поведении в период Октябрьского переворота.

Очевидно, опасаясь повторения такой личной полемики после своей смерти, Ленин и дал свой известный совет партии в "Завещании": "Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в виду лично, как меньшевизм Троцкому"². Непредвзятое чтение этого фрагмента ленинского письма выявляет существенный нюанс: Ленин предостерегал от использования в качестве довода в полемике напоминаний о прошлых ошибках всех трёх упомянутых им лидеров партии, но лишь в отношении Зиновьева и Каменева он пре-

¹ Данное место в речи Ленина было преднамеренно выброшено при публикации книги "Первый легальный П. К. большевик в 1917 г." (М.-Л., 1927). Фотоснимок корректурного оттиска данного издания с надписью "в разбор" против этих слов Ленина Троцкий опубликовал в книге "Сталинская школа фальсификаций". В советской историографии указанный протокол не вошёл в научный оборот вплоть до публикации репринтного издания этой книги Троцкого в 1990 году (см.: Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. М., 1990. С. 114-115, 313).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

дупреждал, что их ошибка не являлась случайностью, т. е. что она может дать рецидивы.

С 1917 по 1923 год в партии о "троцкизме" не было и речи. Даже в дискуссии 1923 года представители большинства, многократно возвращаясь к напомниманиям о дореволюционных разногласиях Троцкого с Лениным, как правило, избегали этого одиозного термина. Понятие "троцкизм" не встречается в "классической" работе Сталина "Об основах ленинизма", впервые опубликованной в "Правде" в апреле - мае 1924 года. Ни разу не использовали его триумвиры и на XIII съезде, многословно критикуя Троцкого за его позицию в недавней дискуссии.

Впервые в послеоктябрьской истории этот термин был гальванизирован в "литературной дискуссии" 1924 года, определив её основное содержание и направленность. Теперь дело представлялось таким образом, будто на протяжении всей истории партии наблюдалось резкое противостояние ленинизма и "троцкизма" по всем основным вопросам революции, оценки её классовых сил и прежде всего - по вопросу об отношении к крестьянству.

Главная роль в создании "теории первородного греха", как иронически называл версию о "троцкизме" сам Троцкий, принадлежала Каменеву и Зиновьеву. Уже в конце 1924 года Зиновьев объявил "Уроки Октября" попыткой "ревизии - или даже прямой ликвидации - основ ленинизма"¹. Распространяя эту формулу на весь "троцкизм", на всю совокупность идей и работ Троцкого, он говорил об "эволюции Троцкого от небольшевика к антибольшевнику, т. е. эволюции человека, который хотел (хотя и не всегда умел) быть большевиком, но теперь постепенно становится противником большевизма... Действительно, то, что мы имеем в лице троцкизма, это есть идейное восстание против большевизма... Кто хочет строить партию в союзе с Троцким, в сотрудничестве с тем троцкизмом, который откровенно выступает против большевизма, тот отступает от основ ленинизма"².

В "литературной дискуссии с троцкизмом" Зиновьев и Каменев вновь избрали наихудший образ действий, с точки зрения последствий не только для судеб партии, но и для своей собственной судьбы. Они внесли наиболее злобный и рьяный вклад в персональную дискредитацию Троцкого. Идя рука об руку со Сталиным, они посеяли - на радость всей внешней и "внутренней" эмиграции - версию о наличии внутри руководства партии непримиримых разногласий по основным вопросам революции и социалистического строительства. Наконец, они вложили в руки Сталина отравленное идеологическое оружие в виде мифа о "троцкизме", который он в дальнейшем повернул прежде всего против них самих, а затем против всякого инакомыслия в партии и международном коммунистическом движении.

При помощи этого оружия Сталину удалось уже спустя несколько лет добиться абсолютной власти в партии и стране, а затем истребить почти всю старую партийную гвардию и вслед за ней - сотни тысяч советских и зарубежных коммунистов. Если в ходе дискуссии 1923 года впервые был пущен в ход жупел "фракционности", то в дискуссии 1924 года был впервые опробован вто-

¹ За ленинизм. М. - Л., 1925. С. 120.

² Правда. 1925. 5 февраля.

рой, ещё более грозный жупел - "троцкизм". Использованный Сталиным и его ближайшим окружением в борьбе со всеми последующими оппозициями, он с течением времени приобретал всё более зловещее звучание, превращаясь из синонима "антиленинизма" и "антипартийности" в синоним "антисоветской контрреволюционной деятельности".

Перенесение дискуссии 1924 года в плоскость "борьбы с троцкизмом" имело далеко идущие цели и далеко идущие последствия. Отныне любой член РКП (б), равно как и других секций Коминтерна, соглашавшийся с позицией Троцкого по любому конкретному вопросу, был обречён на обвинение в "троцкизме". Под флагом "борьбы с троцкизмом" Сталин и его ближайшее окружение проводили все "чистки" и репрессивные кампании.

Десятки и сотни тысяч членов нашей и других компартий, большинство из которых не принимали участия ни в одной из оппозиций и не разделяли оппозиционных взглядов, ушли на смерть или в концентрационные лагеря с самым страшным клеймом "троцкист". Трагизм положения этих коммунистов, всерьёз поверивших в существование "теории первородного греха", усугублялся тем, что им приходилось непрерывно доказывать товарищам по партии (а затем, с начала 30-х годов - следователям и судьям) свою полную непричастность и враждебность "троцкизму". Этот продукт коллективной мифологии так настойчиво внедрялся в массовое сознание, что даже Ф. Раскольников - единственный крупный большевик, решившийся на гребне репрессий 30-х годов порвать со Сталиным и публично направить в его адрес такие обвинения, на которые не отважился ни один настоящий "троцкист", т. е. участник возглавлявшейся Троцким в 20-е годы левой оппозиции, - счёл необходимым в "Открытом письме Сталину" (1939 год) сделать знаменательную оговорку: "Как вам известно, я никогда не был троцкистом. Напротив, я идейно боролся со всеми оппозициями в печати и на широких собраниях"¹. "Троцкистской вылазкой" считалось любое сколько-нибудь благоприятное (даже в частном разговоре) упоминание о Троцком, хранение его работ или знакомство с ними, любое несогласие с той или иной акцией сталинского руководства.

Атмосфера политической истерии, сопутствовавшая всем последующим чисткам и массовым репрессиям, отчётливо проявилась уже в "литературной дискуссии" 1924 года. В декабре этого года Суварин писал из Москвы, что кампания по обезличиванию и дискредитации Троцкого достигла "невероятной степени ярости, бесстыдства и ненависти". "Страна буквально наводнена так называемой "антитроцкистской литературой". Все издания соревнуются между собой в низкопоклонстве"². Суварин осуждал заявления о раскаянии, подобные заявлению одного из "красных профессоров", принимавшего участие в подготовке третьего тома собрания сочинений Троцкого. По мнению Суварина, молчание Троцкого и участников оппозиции 1923 года в ответ на бесчисленные грубые и нелояльные нападки и инсинуации в адрес "троцкизма" привели к тому, что "симпатии к Троцкому растворяются в незнании и страхе, но никто... не понимает цели этой кампании"³.

¹ Неделя. 1988. № 26.

² ЭКО. 1989. № 11. С. 168.

³ Там же.

"Литературная дискуссия с троцкизмом" может быть названа дискуссией лишь в кавычках. На деле никакого диалога не было, а была тщательно скоординированная односторонняя идеологическая кампания, на службе которой стоял весь партийный аппарат, все органы партийной печати. Сторонники Троцкого не выступили ни с одной ответной статьёй. Очевидно, это произошло под влиянием самого Троцкого, который ни разу публично не ответил на поток направленной в его адрес откровенной клеветы.

Правда, уже в ноябре 1924 года он написал статью "Наши разногласия", в которой подвергал обстоятельному разбору обвинения в свой адрес и опровергал все подлоги, передержки и фальсификации, пущенные в ход его противниками. Но эта статья не увидела света и впервые была извлечена из архива Троцкого и опубликована за рубежом лишь в конце 80-х годов.

В статье "Наши разногласия" Троцкий подчёркивал: "Если бы я считал, что мои объяснения могут подлить масла в огонь дискуссии, - или если бы мне это прямо и открыто сказали товарищи, от которых зависит напечатание этой работы, - я бы отказался от её напечатания, как ни тяжело оставаться под обвинением в ликвидации ленинизма"¹. Здесь вновь проявилась уже знакомая нам нерешительность Троцкого, даже замешательство перед лицом беспринципного заговора, инспирированного "руководящим коллективом". Нежелание Троцкого "подлить масла в огонь дискуссии" объяснялось ещё и тем, что основные аргументы по поводу версии о "троцкизме" уже были высказаны им в брошюре "Новый курс", но полностью проигнорированы его оппонентами. К тому же в той накалённой атмосфере, которая была создана в конце 1924 года "руководящим коллективом", любое ответное выступление Троцкого не только неминуемо дало бы повод к новым неистовым нападкам, но и вызвало бы немедленные новые обвинения во фракционности и создании "троцкистской оппозиции". (Именно это и произошло спустя полтора года, после первого выступления объединённого оппозиционного блока).

Некоторые ближайшие соратники и единомышленники Троцкого считали, что публикация им "Уроков Октября" была тактической ошибкой, поскольку дала повод его противникам развязать новую кампанию против "троцкизма". Этому обвинению Троцкий придавал столь серьёзное значение, что после образования объединённого оппозиционного блока в 1926 году он обратился к Зиновьеву на одном из фракционных совещаний с вопросом:

"- Скажите, пожалуйста, если бы я не опубликовал "Уроков Октября", имела бы место так называемая литературная дискуссия против "троцкизма" или нет?

Зиновьев без колебаний ответил:

- Разумеется. "Уроки Октября" были только предлогом. Без этого повод дискуссии был бы другой, формы дискуссии несколько другие, но и только"².

Другой момент, который Троцкий считал нужным прояснить, касался сознательного обмана Зиновьевым и Каменевым своих сторонников, особенно в Ленинграде, не посвящённых в заговоры и провокационные намерения "тройки" и "семёрки". По этому поводу Зиновьев не раз говорил Троцкому после

¹ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 11.

² Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. М., 1990. С. 102-109.

сближения с ним: "В Питере мы это (миф о "троцкизме". - В. Р.) вколотили глубже, чем где бы то ни было. Так поэтому труднее всего переучивать"¹.

В 1926 году Троцкий был свидетелем разговора Зиновьева и Лашевича с двумя ленинградскими рабочими-оппозиционерами, которые специально прибыли в Москву для того, чтобы их "вожди" разъяснили им вопрос о "троцкизме". И Зиновьев разъяснил: "Ведь надо же понять то, что было. А была борьба за власть. Всё искусство состояло в том, чтобы связать старые разногласия с новыми вопросами. Для этого и был выдвинут "троцкизм"². А Лашевич так охарактеризовал смысл провокационной политической кампании 1923-1924 годов, принявшей особо значительные масштабы в Ленинграде: "Да чего вы валите с больной головы на здоровую? Ведь мы же с вами выдумали этот "троцкизм" во время борьбы против Троцкого. Как же вы этого не хотите понять и только помогаете Сталину?"³

Чтобы уточнить содержание этих разговоров, Троцкий в конце 1927 года разослал своим ближайшим соратникам письмо с просьбой сообщить, слышали ли они от Зиновьева и Каменева подобные объяснения причин возникновения мифа о "троцкизме". Непосредственным поводом для рассылки этого письма явилось согласие Зиновьева и Каменева, сдавшихся на милость победившему Сталину, выполнить его первое условие восстановления их в партии - реанимировать легенду о "троцкизме".

В ответ на просьбу Троцкого Радек дал следующее письменное свидетельство, фотокопия которого была воспроизведена в книге "Сталинская школа фальсификаций": "...Присутствовал при разговоре с Каменевым о том, что Л. Б. (Каменев) расскажет на пленуме ЦК, как они (т. е. Каменев и Зиновьев) совместно со Сталиным решили использовать старые разногласия Л. Д. (Троцкого) с Лениным, чтобы не допустить после смерти Ленина т. Троцкого к руководству партией. Кроме того, много раз слышал из уст и Зиновьева и Каменева о том, как они "изобретали" троцкизм, как актуальный лозунг"⁴.

Пятаков резюмировал услышанное им заявление Зиновьева в следующих словах "...Троцкизм" был выдуман для того, чтобы подменить действительные разногласия мнимыми, т. е. разногласиями, взятыми из прошлого, не имеющими никакого значения теперь, но искусственно гальванизированными в вышеуказанных целях"⁵.

В условиях, когда перед партией, всего несколько месяцев назад лишившейся Ленина, стояло множество сложнейших внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем, требовавших неотложного обсуждения и решения, она оказалась втянутой в разбор цитат многолетней давности, характеризовавших былые разногласия Троцкого с Лениным. С самых первых дней дискуссии вся партийная пропаганда и учеба была переориентирована на "изучение борьбы с троцкизмом". Особое рвение в этом деле проявил Каганович, ставший к тому времени одним из самых верных и рьяных выдвиненцев и клеветников Сталина.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Будучи председателем комиссии ЦК по воспитанию ленинского призыва, Каганович уже в ноябре 1924 года на заседании этой комиссии потребовал за счёт сокращения теоретической части программы партийной учебы значительно расширить и дополнить её разделы, касающиеся "борьбы с троцкизмом". Кагановичу возражали заведующий агитпропотделом ЦК Сырцов, заявивший, что программа не должна быть сконцентрирована на тактических разногласиях сегодняшнего дня, и Крупская, подчёркивавшая, что нельзя весь ленинизм сводить к борьбе против "троцкизма". Однако большинство комиссии поддержало Кагановича, а Сырцов вскоре оказался смещённым со своего поста.

Анализируя логику внутрипартийной борьбы, Троцкий писал в 1928 году: "В 24-м году призрак троцкизма - после тщательной закулисной подготовки - выпускается на сцену. Вдохновителями кампании являются Зиновьев и Каменев. Они стоят во главе - по тогдашнему - "старой большевистской гвардии". По другую сторону - "троцкизм". Но группа "старой гвардии" раскалывается в 25-м году. Зиновьев и Каменев уже через несколько месяцев оказываются вынуждены признать, что основное ядро оппозиции 23-го года, так называемые "троцкисты", в коренных вопросах разногласий оказались правы. Это признание является жесточайшей карой за злоупотребления в области партийной теории. Более того: Зиновьев и Каменев вскоре сами оказались зачисленными в число "троцкистов". Трудно придумать иронию судьбы, более беспощадную!"¹ "Когда Зиновьев и Каменев отделились от Сталина, - добавлял Троцкий несколько позднее, - последний автоматически использовал против них самих ту неистовую инерцию травли против "троцкизма", которую они в течение трёх лет развивали вместе с ним"².

¹ Там же.

² Троцкий Л. Д. Что и как произошло? С. 35.

XXIX

Новые маневры Сталина

Несмотря на "монолитность" "руководящего в коллектива", сконцентрировавшегося на неистовой травле Троцкого, авторитет последнего в партийных массах и среди коммунистической молодежи и на этот раз не был до конца подорван. В дневниковой записи Подвойского, относящейся к 1924 году, с тревогой констатировалось: "Троцкизм опасно быстро растёт... Им питается комсомол и несоюзное юношество, пионеры, начальные школы, фабзавучи, рабфаки и вузы"¹.

Этим объяснялось то, что большинство ЦК, настойчиво убеждавшее партию в несовместимости "троцкизма" с ленинизмом, не решалось сделать, казалось бы, следующий логичный организационный шаг: исключить Троцкого из партии или, по крайней мере, из ЦК либо из Политбюро. На таком шаге настаивали лишь ослеплённые фракционной ненавистью к Троцкому Зиновьев и Каменев. В находившейся под их влиянием ленинградской прессе печатались сотни резолюций партийных собраний, называвших Зиновьева и Каменева "любимыми вождями питерских рабочих" и требовавших исключения Троцкого из партии.

Что же касается Сталина, то он в этот период в публичных выступлениях занял излюбленную им "центристскую", "миротворческую" позицию, изображая себя сторонником смягчения внутрипартийной борьбы. Свою речь "Троцкизм или ленинизм?" он закончил словами: "Говорят о репрессиях против оппозиции и о возможности раскола. Это пустяки, товарищи. Наша партия крепка и могуча. Она не допустит никаких расколов. Что касается репрессий, то я решительно против них. Нам нужны теперь не репрессии, а развёрнутая идейная борьба против возрождающегося троцкизма"².

Об истинных же замыслах Сталина, страшившегося непредсказуемых последствий, к которым могли бы привести открытые репрессивные меры против Троцкого (ведь партийная демократия в то время ещё не была окончательно задвлена и такие меры могли вызвать протест со стороны значительной части партии), свидетельствует факт, впервые обнародованный Троцким в секретном письме, направленном в 1932 году в Политбюро ЦК и Президиум ЦКК. После перехода в оппозицию Каменев и Зиновьев сообщили Троцкому о том, что в кульминационный момент борьбы против "троцкизма" (в конце 1924 или начале 1925 года) Сталин созвал узкое совещание, на котором поставил вопрос об осуществлении террористического акта против Троцкого. "Доводы за были ясны и очевидны. Главный довод против был таков: слишком много есть молодых самоотверженных троцкистов, которые могут ответить контртеррористическими актами"³.

В феврале 1935 года Троцкий в дневнике более подробно описал свои бе-

¹ Комсомольская правда. 1988. 22 октября.

² Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 357.

³ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 41.

седы по этому поводу с Зиновьевым и Каменевым.

"- Вы думаете, Сталин размышляет сейчас над тем, как возразить Вам? - говорил, примерно, Каменев... - Вы ошибаетесь. Он думает о том, как вас уничтожить.

- ?

- Морально, а если возможно, то и физически. Оклеветать, подкинуть военный заговор, а затем, когда почва будет подготовлена, подстроить террористический акт. Сталин ведёт войну в другой плоскости, чем Вы. Ваше оружие против него недействительно"¹.

Возвращаясь к этой теме, Каменев сказал: "Я его (Сталина) слишком хорошо знаю по старой работе, по совместной ссылке, по сотрудничеству в "тройке". Как только мы порвали со Сталиным, мы составили с Зиновьевым нечто вроде завещания, где предупреждаем, что в случае нашей "нечаянной" гибели виновным в ней надлежит считать Сталина. Документ этот хранится в надёжном месте. Советую Вам сделать то же самое"².

Зиновьев же говорил не без смущения: "Вы думаете, что Сталин не обсуждал вопроса о вашем физическом устранении? Обдумывал и обсуждал. Его останавливала одна и та же мысль: молодежь возложит ответственность лично на него и ответит террористическими актами. Он считал поэтому необходимым рассеять кадры оппозиционной молодежи. Но что отложено, то не потеряно... Примите необходимые меры"³.

Из этих фактов следует несколько немаловажных выводов. Во-первых, в разгар "идейной" борьбы против "троцкизма" Зиновьев и Каменев имели достаточные свидетельства преступного облика Сталина, но, руководствуясь соображениями о сохранении своей власти, не брезговали обсуждать с ним его самые злодейские замыслы. Следовательно, применительно к тому времени можно говорить с полным основанием не об их трагической вине (искреннее и роковое заблуждение), а о вине прямо уголовной (готовность к "разрешению" внутрипартийной борьбы террористическим актом). Лишь после того, как они пришли к выводу, что опасность стать жертвой подобного заговора угрожает им самим, они рассказали Троцкому об обсуждении сталинского террористического плана. Приняв предложенные Сталиным условия коварной политической игры в то время, когда они разделяли с ним всю полноту власти, Зиновьев и Каменев последовательно принимали условия сталинской игры и тогда, когда они оказались её жертвами.

Во-вторых, приведённые факты проясняют причины патологического страха Сталина перед ответными террористическими актами в период, когда он перешёл к прямым полицейским репрессиям, а затем - к физическому уничтожению своих действительных и потенциальных противников в партии. Сталин логично мог ожидать, что какая-то часть оппозиционеров, особенно из числа молодежи, ответит на инспирированный им государственный террор террористическими актами, направленными непосредственно против него. Поэтому, если до захвата абсолютной власти он прибегал к замаскированным или тай-

¹ Там же. С. 72, 73.

² Там же.

³ Там же.

ным убийствам (одним из примеров этого служит смерть Фрунзе во время хирургической операции, проведённой по приказу Сталина), то после обретения всей полноты власти он предпочёл уничтожение своих противников с помощью сфальсифицированных судебных процессов, на которых обвиняемые должны были "сознаваться" в якобы имевшихся у них террористических и прочих злодейских замыслах. Так выросла самая страшная и самая успешная из сталинских провокаций: система обвинений и "признаний" в несуществующих преступлениях.

Если бы в такой атмосфере кто-либо из оппозиционеров решился на убийство Сталина, то репрессивная машина заработала бы с ещё более страшной силой. Кроме того, после этого едва ли когда-нибудь можно было бы убедить общественное мнение в том, что признания бывших лидеров оппозиции в создании террористических организаций были ложными. Сокровенный смысл московских процессов в том и состоял, чтобы подкинуть собственные замыслы Сталина его идейным противникам.

Во время "литературной дискуссии" такое развитие событий не могло ещё представляться вероятным кому-либо из большевиков, не исключая, по видимому, и самого Сталина. Однако уже в этот период машина политических провокаций и идеологических подлогов была запущена на полный ход. Эти подлоги тиражировались в огромном количестве книг, брошюр и статей.

Кульминацией данной пропагандистско-политической кампании стал пленум ЦК и ЦКК, состоявшийся 17-20 января 1925 года. На нём должны были быть подведены итоги "литературной дискуссии" и сделаны организационные выводы по отношению к Троцкому. Сам Троцкий, будучи в то время тяжело больным, не присутствовал на пленуме, но в преддверии его направил в ЦК письмо, освещавшее его отношение к "дискуссии". "Я считал и считаю, что мог бы привести в дискуссии достаточно веские принципиальные и фактические возражения против выдвинутого обвинения меня в том, будто я преследую цели "ревизии ленинизма" и "умаления" (!) роли Ленина. Я отказался, однако, от объяснения на данной почве не только по болезни, но и потому, что в условиях нынешней дискуссии всякое моё выступление на эти темы, независимо от содержания, характера и тона, послужило бы только толчком к углублению полемики, к превращению её в двухстороннюю из односторонней, к приданию ей ещё более острого характера.

И сейчас, оценивая весь ход дискуссии, я, несмотря на то, что в течение её против меня было выдвинуто множество неверных и прямо чудовищных обвинений, думаю, что моё молчание было правильно с точки зрения общих интересов партии"¹.

Отказываясь принять обвинения в защите им особой идеологии ("троцкизма"), Троцкий писал, что "совершенно неожиданно для меня самое слово это всплыло лишь во время дискуссии по поводу моей книги о 1917 г."

Касаясь многократно повторённых в дискуссии заявлений о том, будто он посягает на "особое положение в партии", не подчиняется дисциплине и т. д., Троцкий писал: "...Не вдаваясь в оценку этих утверждений, со всей категорич-

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 183-185.

ностью заявляю: я готов выполнять любую работу по поручению ЦК на любом посту и вне всякого поста и, само собою разумеется, в условиях любого партийного контроля.

Незачем, в частности, доказывать, что, после последней дискуссии, интересы дела требуют скорейшего освобождения меня от обязанностей председателя Революционного Военного Совета".¹

Обладая этим свидетельством максимальной партийной лояльности Троцкого, январский пленум принял резолюцию о выступлении Троцкого, в которой были сконцентрированы все обвинения и наветы, пущенные в ход во время "литературной дискуссии". Пленум оценил "совокупность выступлений т. Троцкого против партии" как "попытку подменить ленинизм троцкизмом" и объявил "дискуссию" законченной, потребовав, однако, "продолжить и развить работу партии по разъяснению снизу доверху антибольшевистского характера троцкизма"². Такая "работа" отныне должна была проводиться не только в партийных организациях, но и среди беспартийных. Как отмечал с удовлетворением Зиновьев, "ЦК единодушно постановил, что перед нами - задача разъяснения за пределами партии, рабочим и крестьянам, путей Троцкого, которые ведут к разрыву союза рабочих и крестьян"³.

Решения январского пленума имели важные практические последствия для рядовых членов партии. "Уже нельзя стало занять пост директора завода, секретаря цеховой ячейки, председателя волостного исполкома, бухгалтера, переписчицы, не зарекомендовав себя "антитроцкизмом"⁴. Даже многие из тех, кто понимал всю лживость "антитроцкистской" кампании, под страхом исключения из партии и лишения работы вынужденно заявляли о своей враждебности "троцкизму". Аналогичная политическая кампания, начатая уже в конце 1923 года, стала с ещё большей интенсивностью проводиться во всех партиях Коминтерна. Одни лидеры снимались со своих постов, другие назначались на их место исключительно в зависимости от того, как они относились к Троцкому.

На январском пленуме разногласия вызвал лишь вопрос об организационных мерах, которые следовало применить к Троцкому. Ещё задолго до пленума "Правда" начала публиковать резолюции местных партийных организаций по итогам "дискуссии с троцкизмом". Поразительно единодушные в идейно-политической оценке "троцкизма", эти резолюции делились на три группы в зависимости от предлагаемых в них организационных выводов по отношению к Троцкому. В первой группе резолюций, принятых, как правило, организациями, подчинёнными ленинградскому губкому, выдвигалось требование об исключении Троцкого из партии. Вторая группа предлагала "ограничиться" выводом Троцкого из Политбюро и снятием с поста председателя Реввоенсовета. Третья группа резолюций (в том числе от наиболее крупных республиканских и губернских организаций, за исключением ленинградской) предлагала условно оставить Троцкого в Политбюро, сместив его с постов наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета.

¹ Там же.

² КПСС в резолюциях и решениях. Т. 3. С. 323, 324, 330.

³ Правда. 1925. 5 февраля.

⁴ Троцкий Л. Д. Что и как произошло? С. 34.

Внутри ЦК первое и второе предложения поддерживались лишь Зиновьевым, другими руководителями ленинградской организации и Каменевым. В этих условиях Сталин опять предпочёл выступить в роли наиболее "умеренного" (подобный приём он практиковал на первых этапах борьбы и со всеми последующими оппозициями). Эта роль понадобилась ему в данном случае прежде всего для того, чтобы начать "загонять в оппозицию" ещё одну часть партии.

В дальнейшем Сталин датировал возникновение "новой" или "ленинградской оппозиции" именно с январского пленума ЦК 1925 года. Излагая в декабре того же года на XIV съезде ВКП (б) свою версию нового раскола внутри Центрального Комитета, он назвал "началом нашей размолвки" момент, когда "мы, т. е. большинство ЦК ... имели некоторую борьбу с ленинградцами и убедили их выбросить из своей резолюции пункт об исключении (Троцкого из партии. - В. Р.). Спустя некоторое время после этого, когда собрался у нас пленум ЦК и ленинградцы вместе с тов. Каменевым потребовали немедленно исключения тов. Троцкого из Политбюро, мы не согласились и с этим предложением оппозиции (уже "оппозиции"! - В. Р.), получили большинство в ЦК и ограничились снятием тов. Троцкого с поста наркомвоена. Мы не согласились с Зиновьевым и Каменевым потому, что знали, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, что метод отсечения, метод пускания крови - а они требовали крови - опасен, заразителен: сегодня одного отсеки, завтра другого, послезавтра третьего, - что же у нас останется в партии?"¹. Обратим внимание на то, что здесь под "требованием крови" Сталин подразумевал предложение об исключении Троцкого из Политбюро.

Немного позже, на июльском пленуме ЦК и ЦКК 1926 года, на котором по требованию "оппозиционного блока" обсуждался вопрос о публикации ленинского "Завещания", Сталин по-иному объяснял мотивы своей "миротворческой" позиции в январе 1925 года: "...Я старался учесть указания, данные Лениным мне в отношении Троцкого, и я принимал всевозможные меры к тому, чтобы умерить пыл Каменева и Зиновьева, требовавших исключения Троцкого из Политбюро"².

Естественно, в обоих случаях Сталин умолчал о том, что перед январским пленумом на собрании "руководящего коллектива" он заявил, что вывод Троцкого из Политбюро следует осторожно готовить: "...Ещё не наступил момент для исключения Троцкого. В партии и стране такой шаг... будет неверно понят..."³.

В результате бурных дебатов на пленуме большинство членов ЦК (при двух против) и все члены ЦКК (при одном воздержавшемся) проголосовали за снятие Троцкого с поста предреввоенсовета и оставление его в составе Политбюро. Вопрос о дальнейшей его работе в ЦК было решено отложить до очередного партийного съезда, предупредив Троцкого, что "в случае новой попытки... нарушения или неисполнения партийных решений, ЦК будет вынужден, не дожидаясь съезда, признать невозможным дальнейшее пребывание

¹ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 502.

² Сб. Трудные вопросы истории. С. 71.

³ Андреев А. А. Воспоминания, письма. М., 1985. С. 155.

Троцкого в составе Политбюро и поставить вопрос перед объединённым заседанием ЦК и ЦКК об его устранении от работы в ЦК¹.

На протяжении нескольких месяцев после пленума Троцкий оставался без какой-либо практической работы. Лишь в мае он получил сразу три назначения - на второстепенные посты председателя Главного концессионного комитета, начальника электротехнического управления и председателя научно-технического отдела ВСНХ.

Как заявил Зиновьев вскоре после январского пленума, его решения "в практической части содержат минимум того, что надо было принять. ЦК и ЦКК сочли, что будет более целесообразным для партии, чтобы окончательно решающее слово о работе Троцкого в ЦК сказал партийный съезд, который представляет полнее всего всю партию"². На деле очередной партийный съезд поставил под угрозу положение самого Зиновьева, Каменева и их союзников, планомерную атаку на которых Сталин начал вскоре после январского пленума.

К моменту январского пленума Зиновьев и Каменев, видимо, уже остро ощущали беспокойство по поводу чрезмерного усиления власти Сталина. Этим, очевидно, объяснялось выдвинутое Каменевым на пленуме предложение заменить Троцкого на посту председателя Реввоенсовета Сталиным. Этот маневр, однако, был тут же пресечён Сталиным, который добился отклонения этого предложения и тем самым - сохранения за собой поста генсека. Сталин отлично понимал, что при сложившейся структуре власти решающие рычаги руководства страной сконцентрированы не в управлении армией, а в управлении партийным аппаратом.

На пост наркома по военным и морским делам и председателя РВС был назначен Фрунзе, а его заместителем стал Ворошилов, сохранивший также пост командующего Московским военным округом. В декабре 1925 года Фрунзе погиб во время хирургической операции, история которой складывалась следующим образом. Фрунзе страдал язвой желудка, но доктора не рекомендовали ему операции из-за слабого сердца, которое может не вынести наркоза. По поручению Сталина был созван специально подобранный консилиум, который рекомендовал хирургическое вмешательство. Политбюро утвердило это решение. Фрунзе пришлось подчиниться и пойти навстречу своей гибели.

Главной причиной акции Сталина Троцкий считал то обстоятельство, что за немногие месяцы пребывания на посту руководителя вооружённых сил Фрунзе "проявил слишком большую независимость, охраняя армию от опеки ГПУ... Оппозиция нового главы военного ведомства создавала для Сталина огромные опасности; ограниченный и покорный Ворошилов представлялся ему гораздо более надёжным инструментом"³. Кроме того, как сообщили Троцкому Зиновьев и Каменев, Фрунзе при расколе "руководящего коллектива" в 1925 году "был настроен в их пользу против Сталина"⁴. В воспоминаниях

¹ КПСС в резолюциях и решениях Т. 3. С. 330.

² Правда. 1925. 5 февраля.

³ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. С. 258.

⁴ Там же.

А. М. Лариной приводится свидетельство матери Фрунзе, согласно которому Сталин убрал Фрунзе потому, что тот "до последнего времени признавал авторитет Троцкого и с большим уважением относился к нему"¹. После смерти Фрунзе пост предреввоенсовета перешёл к Ворошилову, зарекомендовавшему себя в качестве одного из наиболее преданных Сталину членов "руководящего коллектива".

Своего рода завершением "литературной дискуссии" явился эпизод конца 1925 года, в котором Троцкий пошёл ещё на один "гнилой компромисс" с большинством Политбюро. Этот эпизод был вызван выходом за рубежом книги американского журналиста Макса Истмена "После смерти Ленина", в которой описывались борьба за власть в Кремле и методы, использованные в борьбе с "троцкизмом". В этой книге Истмен опубликовал отрывки из ленинского "Завещания" и письмо Крупской Троцкому от 28 января 1924 года.

Прочитав эту книгу, Сталин направил записку членам Политбюро, где обвинял Троцкого в разглашении секретных документов, в политической нечистоплотности и в стремлении внести раскол в ЦК. Троцкий же считал, что "Завещание" Ленина не является государственной или партийной тайной. Опубликование его не есть преступление. Наоборот, преступлением является сокрытие его . от партии и рабочего класса. Тем не менее он подписал для опубликования в "Большевике" навязанное ему большинством Политбюро и отредактированное последним заявление, где он "отмежевывался" от Истмена. В этом заявлении подтверждалась, по существу, лживая сталинская версия о "Завещании" и его судьбе.

Объясняя причины своего очередного "гнилого компромисса" соображениями ложно понимаемой партийной лояльности, Троцкий писал: "Поскольку вся руководящая группа оппозиции считала в то время нецелесообразным поднимать открытую политическую борьбу и шла на ряд уступок, она естественно не могла поднимать и разворачивать борьбу из-за частного вопроса об Истмене... Вот почему, по решению руководящей группы оппозиции, я подписал заявление о Максе Истмене, навязанное мне большинством Политбюро, под угрозой ультиматума: либо подписать заявление, как оно есть, либо вступить по этому поводу в открытую борьбу... Во всяком случае моё тогдашнее заявление об Истмене может быть понято только, как составная часть тогдашней нашей линии на соглашение и на умиротворение"².

Однако это стремление к "соглашению и умиротворению" на путях потворства лжи и фальсификации неизбежно обернулось новым укреплением позиций сталинской фракции и облегчило сокрытие от партии "Завещания" и в дальнейшем. На объединённом пленуме ЦК и ЦКК в октябре 1927 года, где в последний раз обсуждался вопрос о публикации "Завещания", Сталин, зачитав выдержку из статьи Троцкого в "Большевике", цинично заявил: "Кажется, ясно? Это пишет Троцкий, а не кто-либо другой. На каком же основании теперь Троцкий, Зиновьев и Каменев блудят языком, утверждая, что партия и её ЦК "скрывают" "завещание" Ленина?"³

¹ Знамя. 1988. № 12. С. 101.

² Бюллетень оппозиции. 1931. № 19. С. 38, 39.

³ Сталин И. В. Соч. Т. 10. С. 175.

Заявление Троцкого было дополнено публикацией в "Большевике" письма Крупской, также навязанного ей большинством Политбюро. В этом письме она назвала сообщение Истмена о сокрытии "Завещания" клеветой и вынуждена была публично едва ли не оправдываться в том, что "под влиянием ... настроения" написала тёплое личное письмо Троцкому после смерти Ленина.

Публикация писем Троцкого и Крупской в "Большевике" как бы увенчала серию побед, которую Сталин одержал в ходе "литературной дискуссии с троцкизмом". Во-первых, Сталин получил идеологическое оружие, которое в дальнейшем было использовано им для устранения с политической арены и последующего физического уничтожения всех своих соперников и оппонентов в партии. Во-вторых, его наиболее серьёзный и принципиальный противник оказался оттеснённым на второстепенные посты в руководстве партией и страной. В-третьих, Сталин начал "загонять в оппозицию" ещё одну влиятельную группу в партии, возглавляемую Зиновьевым и Каменевым.

"Любимец партии" в дуумвирате

Вскоре после "литературной дискуссии" в эпицентр внутрипартийных разногласий встали уже не только "политические комбинации" и "полемика, построенная на воспоминаниях", но и принципиальные разногласия о путях дальнейшего социально-экономического развития страны.

Ленин отошёл от партийного и государственного руководства как раз в тот момент, когда международное положение Советской России заметно улучшилось (в 1923 и 1924 годах началась полоса признаний СССР капиталистическими государствами), а наиболее страшные проявления послевоенной разрухи и массовый голод остались позади. Это означало, что коллективная мысль партии могла сосредоточиться на решении проблем социалистического строительства в мирных условиях, хотя ожидаемой помощи в виде победоносной пролетарской революции в развитых капиталистических странах и не последовало.

Из-за беспринципной борьбы за власть, развязанной триумвиратом, два наиболее благоприятных для выработки и корректировки новой экономической стратегии и тактики года (1923 и 1924) были упущены. Большинство Политбюро, по существу, отвергло ту линию на развитие нэпа, которая была принята XII съездом в резолюции по докладу Троцкого о промышленности: усиление планового начала в руководстве народным хозяйством, ускорение индустриализации страны, сужение в результате этого "ножниц" между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары и действительное укрепление на данной основе "смычки" между городом и деревней.

В полемике с оппозицией на XIII съезде РКП (б) Каменев заявил: "На вопрос о том, где же наш план, я отвечаю: наш план... воплощён в двух словах: в денежной реформе"¹. Конечно, денежная реформа, результатом которой стало установление твёрдой денежной единицы - червонца, явилась важнейшим завоеванием нэпа и вместе с тем орудием его проведения. Однако отождествление денежной реформы с планированием отражало крайне суженное понимание самой идеи планового руководства народным хозяйством.

Вместе с тем, большинство ЦК, на словах отвергнув экономическую платформу оппозиции 1923 года, на деле частично осуществило её предложения об ограничении рыночной стихии и неконтролируемого развития частного капитала в сфере торговли. "Партия усилила контроль над капиталистическими элементами в области товарооборота. Права местных руководящих органов по нормированию цен были расширены. Государство вводило обязательные для частников цены на отдельные товары в розничной торговле"².

Однако к 1925 году выдвинулись новые задачи, связанные с развитием мелкотоварного производства в сельском хозяйстве и усилением в результате этого дифференциации в советской деревне. Пути решения этих задач стали

¹ XIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). С. 209.

² История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 4. Кн. 1. С. 296.

одной из стержневых проблем новой дискуссии, в ходе которой произошёл распад "семёрки" и образование нового верхушечного блока. Место прежнего триумvirата - "руководящего ядра" распавшейся "семёрки" - занял дуумvirат, состоявший из Сталина и Бухарина.

Одной из причин образования этого блока было стремление оттеснить от руководства партией зиновьевскую группу. Другая причина состояла в стремлении к проведению новой политической линии, определившейся, как мы увидим далее, на XIV партийной конференции. Между членами дуумvirата наметилось чёткое разделение функций. Сталин по-прежнему концентрировал в своих руках всю партийно-организационную работу, возглавляя Оргбюро и Секретариат. Бухарин, бывший с 1918 года главным редактором "Правды", руководил политико-идеологической работой, а после снятия в 1926 году Зиновьева с поста председателя ИККИ осуществлял руководство Коминтерном.

Кроме Бухарина союзниками Сталина в борьбе против Зиновьева и Каменева стали Томский, с 1919 года занимавший пост председателя ВЦСПС, и Рыков, занявший после смерти Ленина пост председателя Совнаркома, а в 1926 году заменивший Каменева на втором высшем государственном посту - председателя Совета Труда и Оборона. Ведущее место среди членов будущей "бухаринской тройки" принадлежало Бухарину, который в отличие от других участников нового блока, не имевших значительных теоретических работ, выступал в те годы в качестве главного теоретика и идеолога партии.

Вплоть до 1928 года официальная популярность и влияние Бухарина фактически не уступали популярности и влиянию Сталина. В 1927 году в Большой Советской Энциклопедии появилась статья о Бухарине, написанная его учеником Марецким. В этой статье, занимавшей 14 страниц, Бухарин именовался "одним из вождей ВКП (б) и Коммунистического Интернационала... выдающимся теоретиком коммунизма"¹.

Что же собой представлял Бухарин как политик и теоретик? Ленин в своём "Завещании" так охарактеризовал его: "...Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нём есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)"².

В первые годы революции Бухарин неизменно занимал самые "левые" позиции в партии. Будучи лидером фракции "левых коммунистов", он в 1918 году выступал за "революционную войну" как средство ускорения международной революции, в которой видел единственную возможность спасения русской революции. После подписания Брестского мира Бухарин вместе с некоторыми другими "левыми коммунистами" перенёс свои разногласия с Лениным в область экономической политики. Он настаивал на том, что разработанная Лениным концепция государственного капитализма, представлявшая, как это обнаружилось впоследствии, первый набросок концепции нэпа, является выражением "гибельной мелкобуржуазной политики".

В дискуссии о профсоюзах Бухарин выступал с "буферной" платформой,

¹ Большая Советская Энциклопедия. М., 1927. Т. 8. С. 271.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

близкой к позиции Троцкого. Однако уже на III конгрессе Коминтерна в 1921 году он обвинил Троцкого в правом уклоне, заявив, что никакой стабилизации капитализма нет и быть не может и что до победы социализма во всём мире предстоит непрерывная полоса капиталистических кризисов и революций.

Годом ранее Бухарин издал книгу "Экономика переходного периода", где наряду с рядом верных и оригинальных положений содержалось обоснование "военного коммунизма" как политики, рассчитанной на весь переходный период от капитализма к коммунизму. "...Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, - писал он, - является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи"¹. Обосновывая полное "огосударствление" экономики, Бухарин объявлял категории стоимости, денег, заработной платы, цены утрачивающими своё значение уже в переходный период и тем более непригодными для социалистического общества.

После перехода к нэпу Бухарин отказался от этих ошибочных положений, разделявшихся, впрочем, в годы "военного коммунизма" и многими другими лидерами партии, и осуществил крутой поворот в своих взглядах, выступая за свободный рынок и отмену монополий внешней торговли, в связи с чем Ленин в одном из своих последних писем подчёркивал, что "на практике Бухарин становится на защиту спекулянта, мелкого буржуа и верхушек крестьянства против промышленного пролетариата"².

Окончательно встав на сторону триумvirата в конце 1923 года, Бухарин внёс свой вклад в "литературную дискуссию" статьёй "Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок (к вопросу об экономическом обосновании троцкизма)". В этой статье всё внимание было сосредоточено на критике недавнего соавтора Бухарина по книге "Азбука коммунизма" Преображенского. Играя важную роль в оппозиции 1923 года, последний был крупным самостоятельным теоретиком-экономистом и разрабатывал идеи, не во всём совпадавшие с идеями Троцкого.

Повод для полемики был дан статьёй Преображенского "Основной закон социалистического накопления", в которой рассматривались возможные пути социально-экономического развития после победы социалистической революции в странах с разным уровнем развития экономики. В несколько тяжёлых формулировках Преображенский высказывал следующую мысль: в отличие от передовых капиталистических стран с высокоразвитой индустрией и высокотоварным земледелием, где будет легче осуществить социалистические преобразования в сельском хозяйстве и достигнуть эквивалентного обмена между промышленностью и земледелием, в такой отсталой стране, как Россия, на протяжении определённого периода будет сохраняться неэквивалентность такого обмена (в виде "ножниц цен"), необходимая для осуществления индустриализации (этот неэквивалентный обмен Преображенский называл "эксплуатацией" досоциалистических форм хозяйства).

Аналогичные мысли, но в более чёткой и конкретной форме высказывал и

¹ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 168.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 336.

Троцкий, который доказывал, что экспроприация помещичьего земледелия вместе с налоговыми облегчениями освободили крестьянство от уплаты суммы в 500-600 млн. рублей. Это явное и неоспоримое завоевание, которое принесла крестьянству отнюдь не Февральская, а Октябрьская революция. "Но наряду с этим огромным плюсом крестьянин столь же отчётливо различает и минус, который принесла ему та же Октябрьская революция. Этот минус состоит в чрезмерном удорожании промышленных продуктов по сравнению с довоенными... нигде эти ножницы (между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары. - В. Р.) не раздвинулись так, как в Советском Союзе. Большие потери крестьянства на ценах имеют временный характер, отражая период "первоначального накопления" государственной промышленности. Пролетарское государство как бы берет у крестьянина займы, чтобы вернуть ему затем сторицей"¹.

Бухарин, опираясь на не всегда удачную терминологию Преображенского ("эксплуатация", "колонии"), истолковал его мысли таким образом, будто Преображенский признает наличие в советском обществе двух классов - эксплуататорского (пролетариат) и эксплуатируемого (класс мелких производителей). Другим объектом критики Бухарин избрал его прогноз о том, что в ходе развития социалистической экономики часть мелких производителей будет объединяться "на основах какой-то новой кооперации, представляющей из себя особый тип перехода мелкого производства к социализму не через капитализм и не через простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством. Эта новая форма кооперации при диктатуре пролетариата, одним из ручейков которой являются, по-видимому, крестьянские коммуны и артели, ещё должна только развиваться. Мы не можем поэтому давать теоретический анализ того, что ещё не существует, а только должно возникнуть"².

Прогноз Преображенского был достаточно осторожным, предполагавшим добровольность и постепенность процесса производственного кооперирования, прежде всего в сельском хозяйстве. Бухарин же, выступая против такого варианта, предложил свой: "...Мы придём к социализму... через процесс образования, а не непосредственно через процесс производства..."³ Кооперация мыслится им прежде всего как сбытовая, снабженческая, кредитная, но не как производственная; кооперация противопоставлялась колхозам и другим сельскохозяйственным производственным объединениям. В сноске к приведённому выше положению Бухарин специально подчёркивал, что "здесь указан лишь основной процесс; само собой разумеется, что и сельхозкоммуны, и артели, и другие производственные объединения тоже будут делать своё дело"⁴.

Мысль Бухарина о том, что колхозы не являются "столбовой дорогой" к социализму, в 1925-1927 годах стала руководящей идеей теории и политики новой правящей фракции.

Следующий шаг в развитии своих идей Бухарин сделал в докладе "О новой экономической политике и наших задачах" (апрель 1925 года), где он впервые

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 14. С. 25.

² Вестник Коммунистической академии. 1924. № 8. С. 100, 101.

³ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 94. 11-13.

⁴ Там же.

заявил о том, что у Ленина было два стратегических плана нэпа. Первый, разработанный в 1921 году, состоял в том, чтобы преодолеть мелкобуржуазную стихию с помощью иностранного капитала и кооперации как важнейших звеньев госкапитализма. Второй план, относящийся к 1923 году, трактовался Бухариным в духе мирного вращивания капиталистических элементов, прежде всего кулачества, в социализм. Далее Бухарин заявлял, что преграды на пути капиталистического накопления вызывают недовольство не только кулачества, но и деревенской бедноты: "Зажиточный крестьянин недоволен тем, что мы ему мешаем накапливать, нанимать работников; с другой стороны, деревенская беднота, которая страдает от перенаселения, в свою очередь, ворчит на нас иногда за то, что мы мешаем ей наниматься к этому самому крепкому крестьянину"¹.

Центральная идея доклада Бухарина суммировалась в лозунге: "В общем и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте своё хозяйство"². Правда, Бухарин отмечал и "другую сторону этой проблемы" - рост капиталистических элементов в деревне, который должен быть компенсирован "для нашего середняцкого крестьянства, бедняков и батрачества". Эта компенсация мыслилась им в следующей форме: "Мы предпочитаем разрешить буржуазному крестьянину развивать его хозяйство, но брать с него будем гораздо больше, чем берем с середняка. Получаемые от него средства мы будем давать в форме кредитования середняцким организациям или в какой-нибудь другой форме бедноте и батракам"³.

В ответ на это выступление Бухарина Крупская написала статью "Было ли у Ильича два стратегических плана: один в 1921-м году, другой в 1923-м?". В этой статье, представленной в "Правду", она выступала против утверждения Бухарина о том, что в ленинской статье "О кооперации" излагался принципиально новый стратегический план по сравнению с концепцией нэпа, разработанной в 1921 году. Крупская писала, что кооперативная политика, по мысли Ленина, призвана была облегчить переход крестьянства к крупному производству на началах добровольного объединения мелкого товарного хозяйства. Написание статьи "О кооперации", как она подчёркивала, было вызвано опасением Ленина, что отдельные товарищи, "увлекшись содействием мелкому производству, потеряют перспективу, перегнут палку в сторону капитализма"⁴.

Бухарин написал ответную статью. Политбюро запретило публикацию обеих статей ради "интересов единства партии". Свои возражения по этому вопросу Крупская смогла высказать только на XIV съезде.

Занимая уже проверенную позицию, направленную на ослабление обеих противоборствующих сторон, Сталин добился от Бухарина, чтобы он признал ошибочность лозунга "обогащайтесь". Кроме того, Сталин вместе с Молотовым и Андреевым направил в редакцию "Комсомольской правды" письмо, где "призвал к порядку" редакцию за публикацию статьи ученика Бухарина А. Стецкого, в которой обосновался этот бухаринский лозунг. Спустя несколь-

¹ Там же. С. 135-137.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Вопросы истории КПСС. 1990. № 10. С. 51, 52.

ко дней, "при полном согласии Бухарина", Оргбюро за публикацию этой статьи сняло с поста редактора "Комсомольской правды" другого ученика Бухарина - А. Слепкова. Эти факты Сталин привёл на XIV съезде ВКП (б) в качестве доказательства того, что Центральный Комитет отверг лозунг "обогащайтесь", поскольку этот лозунг "не наш... он вызывает целый ряд сомнений и недоразумений"¹ и может породить представления о том, будто партия ставит своей задачей развитие частного накопления.

¹ Цит. по: Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 384.

XXXI

Поворот в политике

Все эти идеологические и организационные маневры Сталина не помешали тому, что взгляды Бухарина были переведены в практическую плоскость на XIV конференции РКП (б), состоявшейся 27-29 апреля 1925 года. В докладе Рыкова "О кооперации" и в принятом по нему постановлении¹ была провозглашена по существу принципиально новая политика в деревне. В качестве основных элементов этой политики были определены следующие меры: снижение на 40 процентов общей суммы сельскохозяйственного налога, вложение дополнительных государственных средств в систему хозяйственного кредита крестьянам, разрешение найма рабочей силы и сдачи земли в аренду. Право участия в различных формах кооперации было предоставлено всем слоям населения, занимающимся сельским хозяйством.

Заявив, что эти меры призваны способствовать развитию производительных сил и экономическому росту деревни, Рыков одновременно отмечал, что определяемый ими поворот в аграрной политике неизбежно будет сопровождаться увеличением батрачества и развитием буржуазных отношений на селе. Он заявил, что разделение верхушки деревни на кулака и "зажиточного, богатого крестьянина", "хозяйственного мужика" неправомерно, что такую грань провести невозможно. Рыков объединил всё зажиточное крестьянство понятием "буржуазный слой" и призвал "признать неизбежность при современном восстановительном процессе роста в деревне отношений буржуазного типа". На этом основании он предложил установить чёткую политическую линию по отношению к "буржуазному крестьянскому слою", которое "должно строиться по аналогии с отношением к частному капиталу в городе, в торгово-промышленной сфере... Взаимоотношения между государством и частным капиталом складываются на основе экономического соревнования, конкуренции"².

Вокруг этой отправной установки доклада Рыкова на конференции развернулась полемика между Бухариным и Ю. Лариным. Оба они отмечали, что провозглашённый на конференции новый курс означает перенос в деревню "нэповских отношений", которые до этого развивались только в городе (частная торговля и промышленность). "Я считаю... - говорил Бухарин, - что мы идём на развитие нэпа в деревне, которого до сих пор почти не было"³. "Докладом т. Рыкова, - говорил Ларин, - знаменуетя крупнейший, важнейший шаг, который мы делаем с 1921 г. Как в 1921 г. мы объявили новую экономическую политику для города, так теперь, в 1925 г., мы впервые открыто при-

¹ Принципиальные части принятых конференцией резолюций были написаны Бухариным, который об этом прямо заявил на XIV съезде. (См.: XIV съезд ВКП (б). Стенографический отчёт. М., 1926. С. 149).

² XIV конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. М. - Л., 1925. С. 84; 85.

³ Там же. С. 182.

знаём развитие нэповских отношений в деревне, в деревенском производстве"¹.

Эти высказывания Бухарина и Ларина не были оспорены никем из участников конференции. Таким образом, по мнению представителей всех оттенков партийной мысли того времени, подлинное развитие нэпа в деревне следовало датировать не с 1921 и не с 1923, а с 1925 года.

Никто из делегатов конференции не оспаривал и вошедшее в её резолюцию положение о том, что "начавшееся с переходом к новой экономической политике расслоение деревни найдет своё выражение в ближайшем будущем в дальнейшем увеличении и усилении на известное время новой крестьянской буржуазии, вырастающей из зажиточных слоёв крестьянства, с одной стороны, и пролетаризации его бедняцких элементов - с другой"².

Разногласия же между Лариным и Бухариным касались прежде всего оценки последствий намеченного конференцией крупного политического поворота. Ларин отмечал противоречие в позиции Бухарина, который, предвидя обострение классовой борьбы в деревне, говорил: я не за него. "Что это обозначает?" - спрашивал Ларин. - Я утверждаю, что в тот момент, когда мы признаём в деревенском производстве экономический нэп, совершенно было бы неправильно вести в то же время линию на приглушение классовой борьбы в деревне"³. На это Бухарин ответил: "Если у нас нарушение равновесия классовых сил приведёт к такому соотношению, что верхушечные слои, усиливаясь, будут против нас идти и такая опасность будет нам грозить, то мы против них выставляем все батареи, которые у нас есть"⁴.

Далее Ларин критиковал Бухарина за то, что он "требует от нас признания, что мы никогда, т. е. ни через 15, ни через 20 лет, не конфискуем, не экспроприуем кулаков, полупомещиков, буржуазные верхи, которые начинают в деревне образовываться и образуются, у которых насчитывается 4-5-10 и больше рабочих... Такую присягу дать мы можем так же мало, как мы можем дать её и частному капиталисту в городе. Мы разрешили фабриканту иметь фабрику, но и мы, и он великолепно знаем, что со временем будет социалистический строй до конца и мы его фабрику конфискуем"⁵.

Эти положения Ларина вызвали критику со стороны Рыкова, который заявил: "Если стремиться к максимально быстрому развитию производительных сил сельского хозяйства, производя существенные изменения в положении современной деревни и обещать при этом реквизицию через 10 лет по отношению к сельскохозяйственной буржуазии, то... вообще никто не будет накапливать в деревне"⁶.

Существенный аспект дискуссии был связан с призывом Ларина к созданию в деревне социалистических форм, до колхозов включительно. "Колхоз - это есть могущественная штука, но не это столбовая дорога к социализму"⁷, -

¹ Там же. С. 135.

² КПСС в резолюциях и решениях. Т. 3. С. 368, 369.

³ XIV конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). С. 139.

⁴ Там же. С. 188.

⁵ Там же. С. 141-143.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 186-188.

отвечал ему Бухарин. Он выдвинул свою схему, согласно которой каждый слой крестьянства будет развиваться изолированно от других и охватываться "своей" формой кооперации. Беднота будет объединяться в производственную кооперацию - колхозы; середняцкая кооперация получит развитие в области сбыта, закупок, кредита; кулацкая кооперация, вероятно, будет иметь опорой кредитные товарищества. "В общем у нас получится то, что если кулак будет вращаться в общую систему, это будет элемент государственного капитализма; если бедняк и середняк - это будет та самая социалистическая кооперация, о которой говорил Владимир Ильич"¹.

Характеризуя взаимное положение различных социальных слоёв крестьянства, Бухарин выдвинул весьма схоластическую формулу: "Даже батрак, который работает у кулака и им эксплуатируется, он, находясь под кулаком, как член правящего класса, до известной степени, стоит над кулаком"². Конкретизируя эту формулу в брошюре "Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз", Бухарин писал, что "всё законодательство нашей страны направлено своим остриём против эксплуататоров и каждым своим параграфом защищает интересы рабочих..."³ Подобные формулы будут в дальнейшем широко использоваться Бухариным, а затем и Сталиным при характеристике взаимного положения рабочих и хозяйственных руководителей, рядовых членов партии и аппаратчиков, управляемых и управляющих.

Очевидные противоречия в обосновании Бухариным новой политической линии в деревне повлекли различные её толкования как на самой конференции, так и в дискуссии, которая проходила на протяжении нескольких последующих месяцев на страницах центральной печати.

Ф. Голощёкин в своём выступлении на конференции чётко обозначал два практических момента, с которыми придётся столкнуться при проведении новой политики. "Каждый крестьянин ставит нам вопрос: "Вы говорите, что я должен развиваться, а могу ли я богатеть?" - Можешь. А затем каждый деревенский коммунист немедленно ставит вопросы: "А до какого размера он имеет право богатеть? В каком случае он будет называться середняком, и когда его будут считать кулаком или буржуазией?"⁴. Голощёкин предлагал отказаться от выдвинутого Рыковым понятия "буржуазный крестьянский слой", поскольку его использование может препятствовать развитию рыночных отношений на селе.

Ещё более последовательно эта мысль проводилась в печати Калининым, Осинским, Квиригом и некоторыми другими авторами. Калинин, например, писал, что "расслоение деревни не только не мешает росту коллективного хозяйства, а, наоборот, увеличивает производительность и товарность в сельском хозяйстве и, следовательно, подготавливает элементы к коллективизму и как бы это ни казалось парадоксальным, расчищает почву для советской деревни"⁵. В соответствии с такой установкой отстаивался курс на "крепкое трудовое кре-

¹ Там же.

² Там же.

³ Бухарин Н. И. Избранные произведения. С. 192.

⁴ XIV конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). С. 109, 110.

⁵ Известия. 1925. 22 марта.

стьянство", "старательного крестьянина", "культурного сельского хозяина", которому следует "оказывать всяческую помощь".

Критика такого рода утверждений содержалась в этот период в основном в выступлениях Ларина. Однако Ларин был не той политической фигурой, по которой Сталин решил открыть огонь в связи с зарождающимися в партии новыми политическими разногласиями. Что же касается существа взглядов, защищавшихся в то время Сталиным, то оно вполне совпадало с концепцией Бухарина. В докладе "К итогам работ XIV конференции РКП (б)" Сталин критиковал не названных по имени "некоторых товарищей", которые якобы "исходя из факта дифференциации деревни, приходят к тому выводу, что основная задача партии - это разжечь классовую борьбу в деревне. Это неверно. Это - пустая болтовня"¹.

"Умиротворителем" деревни Сталин проявил себя, и выступая в Свердловском университете в июне 1925 года, где он заявил, что срывать "спекулянтские махинации кулачества" можно следующим образом: "...Держать в распоряжении государства достаточные продовольственные запасы, необходимые для того, чтобы давить на продовольственный рынок, вмешиваться в дело, когда это необходимо, поддерживать цены на приемлемом для трудящихся масс уровне..."².

Однако уже спустя несколько месяцев после этого заявления разразилась первая "хлебная стачка", выразившаяся в отказе зажиточных слоёв крестьянства продавать государству хлеб по твёрдым ценам. В результате план хлебозаготовок был провален. За октябрь - декабрь 1925 года государство заготовило менее половины запланированного хлеба. Это привело к срыву экспортных, а следовательно, и импортных поставок, существенному сокращению планов промышленного производства и капитального строительства.

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 123.

² Там же. С. 179.

XXXII

Новый раскол

Новый раскол в Политбюро и ЦК уже явно обозначился в октябре 1925 года, когда Зиновьев, Каменев, Сокольников и Крупская представили в ЦК документ, отражавший серьёзные противоречия во взглядах новой формирующейся оппозиционной группировки. В этом документе, который в дальнейшем именовался "Платформой 4-х", критиковалось стремление большинства ЦК затушевать классовую борьбу в деревне, говорилось о необходимости расширения внутрипартийной демократии и усиления коллегиальности в руководстве партией, о "национальной ограниченности" в постановке XIV конференцией вопроса о победе социализма в одной стране. (Этому вопросу мы посвятим отдельную главу.) Все эти идеи объективно представляли приближение к взглядам Троцкого. Однако, находясь во власти прежних фракционных настроений, авторы "Платформы 4-х" одновременно протестовали против активизации теоретико-идеологической деятельности Троцкого и предлагали применить к нему самые жёсткие меры партийных санкций, вплоть до исключения из партии.

Сталин, как всегда концентрировавший своё внимание не на идеях, а на маневрах, в данном случае необходимых ему для ослабления роли двух своих недавних союзников по триумvirату, добился запрещения как публикации этого документа, так и открытия дискуссии вокруг содержащихся в нём идей. "Платформа 4-х" стала известна делегатам XIV съезда лишь на самом съезде, где ленинградская делегация стала её распространять.

Впоследствии Зиновьев признал за собой часть ответственности за то, что разногласия, долгое время существовавшие внутри ЦК, свалились на партию внезапно, что в течение долгого времени о них не было известно не только широким слоям партии, но и некоторым членам ЦК. Это произошло, по словам Зиновьева, потому, что он и его единомышленники, будучи связаны фракционной дисциплиной и подчиняясь решениям "семёрки", не выносили разногласия на широкое обсуждение.

Обострение разногласий между большинством ЦК и "новой оппозицией" (так её вскоре стали называть) выявилось на октябрьском (1925 года) пленуме ЦК, где доклады Зиновьева и Каменева были не одобрены, как обычно это происходило на пленумах, а лишь приняты к сведению.

Несмотря на запрещение октябрьским пленумом предсъездовской дискуссии, мотивировавшееся отсутствием серьёзных разногласий в партии, за несколько недель до съезда началась острая полемика между Московской и Ленинградской партийными организациями. Тон этой полемике был задан из Москвы, где на партийных собраниях всё чаще стали раздаваться прямые и косвенные обвинения в адрес Ленинградской организации во главе с Зиновьевым в "капитулянтстве" и "пораженчестве" (за отрицание возможности победы социализма в одной стране и преувеличение силы сопротивления капиталистических элементов социалистическому строительству). Поскольку эти обви-

нения почти не проникали в печать, партия впервые узнала о существовании течения "пораженцев и ликвидаторов" только на съезде.

В то время как Сталин завершил создание нового верхушечного блока, направленного на этот раз против Каменева и Зиновьева, последние не нашли ничего лучшего, как пустить в ход обвинение в том, что большинство ЦК во главе со Сталиным состоит из "полутроцкистов". Всерьёз поверив в безошибочность этого приёма, Зиновьев уже после январского пленума стал готовить Ленинградскую организацию к тому, чтобы дать отпор этим "полутроцкистам", которые якобы не только не ведут должной борьбы с Троцким, но даже смыкаются с ним.

О поразительной слепоте Зиновьева и его ближайших союзников свидетельствует обнародованное на XIV съезде заявление секретаря одного из райкомов Ленинграда: "О Троцком разногласия идут в такой плоскости: т. т. Зиновьев, Каменев, Крупская и вся ленинградская организация стремятся к тому, чтобы окончательно добить троцкизм. Т. т. Сталин, Молотов, Бухарин, Калинин и прочие хотят ввести (на XIV съезде. - В. Р.) Троцкого не только членом ЦК партии, но даже намечают его вновь в Политбюро ЦК. Печатаются все его речи и статьи, без всяких примечаний, помещаются различные его доклады, всюду распространяются его книги и брошюры, одним словом, вновь при таком послаблении дают жить троцкизму"¹. На Ленинградской губернской партконференции, непосредственно предшествовавшей XIV съезду, Зиновьев, зачитывая положения резолюции Московской губпартконференции о возникших в партии "капитулянтских" и "пораженческих" настроениях, несколько раз говорил: "В кого, вы думаете, здесь стреляют? В Троцкого? Ничего подобного"².

В духе этих заявлений была выдержана и принятая на Ленинградской конференции декларация, в которой говорилось: "На Московской Губпартконференции раздавались речи о том, что Ленинградская организация и её руководство страдают неверием в силы рабочего класса, заражены хныканьем и т. д. и т. п. ...До сих пор мы наблюдали враждебное отношение к нашей организации лишь со стороны врагов ленинизма, особенно в период двух последних дискуссий с троцкистской оппозицией"³. Такого рода настроения, активно выражавшиеся в Ленинградской организации в ходе подготовки к съезду, дали повод Сталину вновь проявить себя "миролюбцем" и в "качестве члена президиума конференции", направить в её адрес письмо, в котором выражалась забота о "единстве ленинцев". "...Особенно тревожными, - заявлял он в этом "миротворческом" письме, - кажутся мне выступления некоторых товарищей в последние дни на вашей конференции с речами, призывающими к открытой борьбе на партийном съезде"⁴.

По-прежнему находясь в изоляции внутри Политбюро, лишённый каких-либо личных контактов с лидерами обеих формирующихся фракций, Троцкий перед XIV съездом в своих дневниковых записях отмечал ненормальный характер предсъездовской дискуссии, обусловленный сложившимся аппаратным

¹ Цит. по: Ярославский Е. Против оппозиции. М., 1928. С. 190. 191.

² Там же.

³ Резолюция XXII конференции Ленинградской губернской организации РКП (б). Л., 1925. С. 47.

⁴ Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 257, 258.

режимом в партии. "Чрезвычайная трудность, по крайней мере на данной стадии, определить реальное классовое существо разногласий, порождается совершенно небывалой ролью партийного аппарата, далеко оставляющего в этом отношении позади даже то, что было год тому назад, - писал он за неделю до открытия съезда. - Достаточно только продумать значение того факта, что в Ленинграде была принята единогласно или почти единогласно резолюция, направленная против ЦК, в то время, как московской организацией единогласно, без единого воздержавшегося, принята резолюция, направленная против Ленинграда"¹. Совершенно очевидно, что решающую роль в этом поразительном факте играли местные обстоятельства, коренящиеся в составе и в работе партийно-секретарского аппарата, а не в жизни самих масс. Известные массовые настроения, лишённые возможности сколько-нибудь правильно преломляться через массовые организации, профессиональные союзы, партию, доходят глухими и обходными путями или путями потрясений (стачки) до партийных верхов, дают те или иные толчки мысли и закрепляются затем уже по воле правящего в данной области аппарата"².

В своих заметках Троцкий различал две стороны в деятельности "ленинградской верхушки". С одной стороны, он считал справедливым накопившееся в партии чрезвычайное недовольство этой верхушкой за её агитаторскую крикливость, комиссарский тон по отношению ко всей партии, установленный в Ленинграде бюрократически-нажимный режим, вышвырнувший из города и рассеявший по всей стране многие сотни работников. С другой стороны, за демагогией, поисками популярных лозунгов, приёмами аппаратной обороны "ленинградских верхов" он видел извращённое выражение "политической тревоги наиболее передовой части пролетариата за судьбу нашего хозяйственного развития в целом и за диктатуру пролетариата"³.

Между тем, аппаратная подготовка съезда продолжалась. Характерно, что Сталин отверг предложение своих союзников послать на Ленинградскую губпартконференцию несколько членов ЦК, чтобы сообщить коммунистам точку зрения большинства ЦК. Будучи уверенным, что ленинградская делегация окажется на съезде в полной изоляции, Сталин был заинтересован в её единодушном выступлении и последующей столь же единодушной негативной реакции большинства съезда на это выступление.

Недальновидность Зиновьева и его сторонников проявилась и в том, что они посчитали, будто для их победы на съезде будет достаточно "монолитного единства" делегации коммунистов Ленинграда, поскольку по традиции Ленинградская организация считалась в партии самой пролетарской, самой передовой, наименее подверженной мелкобуржуазным влияниям. Используя привычные аппаратные методы подготовки съезда, они оставили на этот счёт некоторые компрометирующие документы, которые в столь же привычном аппаратном порядке дошли до Секретариата ЦК, в результате чего Молотов с

¹ Московская партийная организация, бывшая главным оплотом оппозиции 1923 года, после её частичной чистки в начале 1924 года стала послушным орудием в руках большинства Центрального Комитета.

² Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 153, 154.

³ Там же.

торжеством зачитал их съезду в качестве доказательства антидемократизма ленинградских руководителей. При этом Молотов, разумеется, умолчал о том, что при подготовке съезда ещё более грубые махинации использовались Секретариатом ЦК в других организациях.

О закулисной стороне съезда содержатся крайне интересные свидетельства в воспоминаниях Хрущёва (хотя Хрущёв, не пользовавшийся при диктовке воспоминаний документами, а полагавшийся исключительно на свою память, ошибочно назвал этот съезд "пятнадцатым").

Готовясь обвинить "новую оппозицию" в столь привычной уже "фракционности", новая правящая группа за кулисами съезда сама развернула усиленную фракционную деятельность. От её имени на собрание украинской делегации, возглавлявшейся Кагановичем, пришёл Яковлев. "Это было собрание, на которое мы никого не допускали, кроме членов украинской делегации... - вспоминал Хрущёв. - Яковлев рассказал, по каким вопросам имеются разногласия с зиновьевцами и что проблема стоит очень остро. Таким образом, нас уже как бы подготовили. В этом смысле то было фракционное собрание, но оно велось с согласия Сталина и, я думаю, по его поручению. Мне неизвестно, кто знал об этом из других членов Политбюро ЦК ВКП (б)"¹.

В результате "однородность" и "монолитность" ленинградской делегации столкнулись с такой же "однородностью" и "монолитностью" всех остальных делегаций съезда. В искусстве аппаратной механики Зиновьев и Каменев не могли тягаться со Сталиным.

Единственная неудача, которая постигла Сталина в период подготовки XIV съезда, была связана с поведением Крупской. Понимая, насколько велик моральный авторитет Крупской в партии, и зная, что она разделяет взгляды "ленинградской оппозиции", Сталин переборол своё недоброжелательное отношение к ней и долго уговаривал перейти на свою сторону, обещая в этом случае сделать её членом Политбюро. Однако Крупская на это заявила, что не может менять свои убеждения. После этого случая Сталин ни разу не принял Крупскую и не разговаривал с ней.

¹ Вопросы истории. 1990. № 2. С. 88.

XXXIII

Лозунг "Обогащайтесь"

По постановлению XIII съезда РКП (б), следующий партийный съезд должен был проходить в Ленинграде. Но в 1925 году Центральный Комитет принял решение открыть съезд в Москве, а затем провести в Ленинграде лишь часть его заседаний. Таким образом, у оппозиции всё же оставалась надежда, что ленинградские рабочие смогут оказать влияние на съезд. Однако при открытии съезда 14 декабря 1925 года Рыков от имени ЦК внёс предложение, тут же принятое большинством голосов, чтобы вся работа съезда проходила в Москве.

Атмосфера XIV съезда была напряжённой, нервной. "Помню, когда мы приехали на съезд, - рассказывал Хрущёв, - уже, как говорится, воробьи обо всём чирикали, и довольно громко был слышен в народе глас, даже и для обывателей, что в партии наметился глубокий раскол"¹. Разногласия в ходе обсуждения на съезде, как и в ходе дискуссии 1923 года, были сразу же перенесены большинством Политбюро в плоскость борьбы двух "линий" - Центрального Комитета и противостоящей ему оппозиции. "Сталин, Бухарин и Рыков выступали за линию ЦК, то есть за линию Сталина. Это грубовато, но так говорили - вот линия ЦК, а там - линия оппозиции"², - вспоминал Хрущёв.

Зиновьев, выступивший с содокладом, построил его в достаточно мирных тонах и с самого начала попытался обратить внимание делегатов на причины, которые "загнали в оппозицию" ленинградцев. "Если серьёзные разногласия загнать внутрь, - говорил он, - если слишком долго пытаться их изживать в узком кругу, то может возникнуть положение, подобное тому, которое создалось у нас сейчас... для партийного съезда, для всей партии было бы лучше, если бы разногласия, намечавшиеся среди основного ядра большевиков-ленинцев вот уже около полутора лет, если бы они в соответствующей форме были поставлены вовремя"³.

Каменев также говорил о том, что на октябрьском пленуме большинство ЦК запретило открыть предсъездовскую дискуссию и вынести разногласия, имевшиеся в ЦК, на широкое обсуждение партийных организаций, в результате чего партия узнала о них только на съезде. Это противоречит традициям партии, где "идейные споры решаются после борьбы, а не до борьбы. Так, по крайней мере, было всегда"⁴.

XIV съезд был по существу первым и последним после смерти Ленина партийным съездом, на котором развернулась дискуссия по принципиальным вопросам.

Основное направление съездовской дискуссии было связано с вопросами политики партии в деревне. Здесь инициативу перехватил Сталин, который

¹ Вопросы истории. 1990. № 2. С. 88, 89.

² Там же.

³ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 97.

⁴ Там же. С. 248.

уже в своём политическом отчёте резко сместил акценты, содержащиеся в решениях октябрьского пленума ЦК. В резолюции пленума говорилось о возникшей опасности искажения политики, намеченной XIV конференцией, "в двух направлениях: в направлении недооценки отрицательных сторон нэпа и в направлении непонимания значения нэпа, как необходимого этапа к социализму". При этом в решениях пленума отмечалось, что недооценка отрицательных сторон нэпа в условиях "неизбежного для ближайшего времени усиления процессов социального расслоения (дифференциации) крестьянства" "ведёт к забвению интересов деревенской бедноты и недооценке кулацкой опасности"¹.

На съезде же Сталин заявил, что партия "должна сосредоточить огонь" на уклоне, состоящем в переоценке кулацкой опасности, в раздувании роли кулака и вообще капиталистических элементов в деревне. "...Этот уклон ведёт к разжиганию классовой борьбы в деревне, к возврату к комбедовской политике раскулачивания, к провозглашению, стало быть, гражданской войны в нашей стране..."² "Странное дело! - заявил по этому поводу Сталин. - Люди вводили нэп, зная, что нэп есть оживление капитализма, оживление кулака, что кулак обязательно подымет голову. И вот стоило показаться кулаку, как стали кричать "караул", потеряли голову"³. Эти безадресные намёки в докладе Сталина были расшифрованы в выступлении Бухарина, который прямо обвинил "ленинградскую оппозицию" в желании сорвать нэп и восстановить отношения "военного коммунизма".

Вместе с тем Сталин, как всегда, умело лавируя, отрицательно отозвался о статье В. Богусhevского "О деревенском кулаке или о роли традиций в терминологии", в которой точка зрения сторонников курса на "старательного крестьянина" доводилась до логического конца. "Говорить о кулаках, как об общественном слое, - писал Богусhevский, - сейчас можно только в том случае, если считать, что всякий сельскохозяйственный предприниматель есть кулак или же если вообще по инерции от эпохи военного коммунизма всякого исправного крестьянина считать кулаком"⁴. На съезде Сталин сказал об этой статье Богусhevского, что в ней проявился "уклон в сторону недооценки кулацкой опасности", который "осуждён, как известно, решением Центрального Комитета партии"⁵.

В начале работы съезда могло создаться впечатление, что спор между Зиновьевым (и стоявшей за ним ленинградской делегацией) и Бухариным касается лишь отдельных нюансов в понимании смысла и значения нэпа и в истолковании некоторых цитат Ленина. Ведь сам Бухарин, вроде бы соглашаясь с некоторыми доводами оппозиции, в своей речи подчеркнул: "...Я, грешный, в каждом выступлении подчёркиваю и говорю о том, что у нас будет на первых порах обострение классовой борьбы в деревне"⁶.

Однако на самом деле разногласия проявлялись всё резче, атмосфера съез-

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 3. С. 414.

² Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 335, 336.

³ Там же.

⁴ Большевик. 1925. № 9-10. С. 63.

⁵ Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 335.

⁶ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 151.

да накалялась. Уже на первом заседании съезда активное недовольство большинства делегатов вызвало предложение ленинградской делегации выдвинуть своего содокладчика по политическому отчёту ЦК. Во время содоклада Зиновьева было шумно, раздавались выкрики с мест. Начавшаяся на заседаниях съезда дискуссия "продолжалась затем по группам и индивидуально, при личных схватках и во время перерывов между заседаниями съезда, в Георгиевском зале и в коридорах. Одним словом, везде, где встречались двое, уже шла дискуссия, если эти люди принадлежали к разным лагерям"¹, - вспоминал Хрущёв. Эта борьба "разных лагерей" была столь ожесточённой, что на съезде Хрущёву "пришлось встретиться не как с другом, а как с врагом", с его хорошим товарищем, которого он очень уважал. Этим "врагом" оказался коммунист Абрамсон, работавший ранее вместе с ним в Юзовке, а в период съезда возглавлявший один из райкомов партии в Ленинграде и, как все ленинградцы, принадлежавший к "зиновьевцами".

Агрессивный тон, взятый первыми же выступающими в прениях, показал, что дискуссия с самого начала выносится большинством за рамки принятой при Ленине товарищеской полемики на партийных съездах. Именно это вызвало тревогу у Крупской, призвавшей делегатов "как-то иначе вырабатывать коллективное мнение партии. Большинство товарищей работает в очень разных условиях и разных областях работы, и поэтому они видят действительность с несколько разных точек зрения. Надо как-то дать возможность этим точкам зрения выявиться. Это необходимо не только для отдельных членов партии, это необходимо для правильного нащупывания партийной линии"².

Крупская призвала не подменять принципиальное обсуждение актуальных вопросов организационной складкой, "не покрывать те или другие наши взгляды кличкой ленинизма, а ... по существу дела рассматривать тот или иной вопрос"³.

Только на съезде Крупская получила возможность сказать о причинах, по которым она считала бухаринский лозунг "обогащайтесь" ошибочным. Она говорила о тревоге, возникшей у многих партийных работников после провозглашения этого лозунга в связи с тем, что содержание лозунга "обогащайтесь", "накапливайте" было таким, что по существу дела он мог быть обращён не к сельскохозяйственным рабочим, не к беднякам, не к значительной части середнячества, которым не до накоплений, а к зажиточному крестьянину и кулаку. Крупская напоминала: "Владимир Ильич в письме к тов. Преображенскому в своё время, когда только что начал налаживаться нэп, писал: "Мы должны уметь перегибать эксплуататорские стремления зажиточного и кулака"⁴*. Это уже писалось в эпоху нэпа, когда нэп был решён, как партийная линия. А ло-

¹ Вопросы истории. 1990. № 2. С. 89.

² XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 158-161.

³ Там же.

⁴ Крупская имела в виду следующие положения из письма Ленина в Политбюро ЦК РКП (б) о тезисах Преображенского "Основные принципы политики РКП в современной деревне" (16 марта 1922 года): "...В данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена главным образом на ограничение его эксплуататорских стремлений..." (Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 45, С. 44).

зунг тов. Бухарина представлял от этого отступление"¹.

Далее Крупская указывала на практические последствия, которые повлекло выдвижение этого лозунга: в некоторых районах сельхозналог стал распределяться так, что льготами по нему воспользовались зажиточные крестьяне, а налоговые тяготы пали на бедняков. Некоторые партийные работники стали ослаблять защиту прав батрачества и бедноты из-за стремления не обидеть богатого мужика, не помешать развитию производительных сил в деревне. В результате "обнаглед кулак".

Из лозунга "обогащайтесь", говорила Крупская, вытекала неправильная, расширительная трактовка нэпа. "Владимир Ильич определил нэп, как капиталистические отношения, которые мы допускаем в нашу хозяйственную жизнь на известных условиях... Нэп является в сущности капитализмом, который держит на цепи пролетарское государство. Такое понимание нэпа всегда было у партийных товарищей. Но вот после лозунга т. Бухарина началось другое толкование нэпа. Я совершенно согласна, когда говорят, что надо расширить нэп на деревню... Но надо расширять на деревню именно нэп, т. е. капиталистические отношения, которые ограничиваются и нашим законодательством, и определённой организацией и которые держатся на цепи. А когда у нас толкуют таким образом расширение нэпа на деревню, что нельзя отстаивать интересы батрака, то это называется не нэп, а капиталистические отношения, ничем не ограниченные"². Крупская упрекала Бухарина в преувеличении социальности "нэповского" общества, в "подтягивании" нэпа к социализму.

Развивая вслед за Крупской идеи доклада Зиновьева, Каменев говорил, что в партии нет течения, которое мечтало бы о срыве нэпа, восстановлении отношений "военного коммунизма", о разжигании войны в деревне и раскулачивании. В решениях XIV конференции, по его словам, была сделана совершенно правильная уступка верхушечной части деревни, "уступка кулацким элементам деревни, которая расширяла неизбежно их значение и их мощь"³. Однако именно поэтому нельзя трактовать эти решения в духе лозунга "обогащайтесь", закрывать глаза на рост капиталистических отношений, рост кулачества в деревне и нэпманства в городе. Дальнейшая дифференциация деревни, как подчёркивал Каменев, неизбежно приведёт к "хлебным стачкам" зажиточных слоёв крестьянства. "Что же, - спрашивал он делегатов съезда, - вы хотите, чтобы мы дожили до того, когда совершенно ясно выкристаллизуется психология, идеология того крестьянства, которое не хочет давать нам хлеб в том размере, который нам нужен для развития социализма, не хочет давать хлеб по той цене, по которой нам, как рабочему государству, было бы выгодно, да и им в конце концов было выгодно, только в конце концов, в конечном счете?"⁴.

Считая, что расширение нэпа есть оживление капиталистических элементов, Каменев заявлял: "Тот, кто говорит, что облегчение аренды земли, льготные условия найма рабочей силы есть уступка середняку, тот скрывает действительность и извращает перспективы, потому что на деле мы сделали

¹ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 158-161.

² Там же.

³ Там же. С. 254-257.

⁴ Там же.

уступку кулаку"¹.

Усматривая именно эту идеологическую тенденцию в последних работах Бухарина, Каменев говорил в адрес Сталина: "...Ты твёрдый человек, но ты не даёшь партии твёрдо отвергнуть эту линию, которую большинство партии считает неправильной. Я говорил тов. Сталину: если лозунг "обогащайтесь" мог гулять в течение полугодия по нашей партии, то кто в этом виноват? Виноват т. Сталин. Теперь я вижу, товарищи, что т. Сталин целиком попал в плен этой неправильной политической линии (смех), творцом и подлинным представителем которой является т. Бухарин"².

Каменев считал, что выразителем определённого идеологического течения, которое смазывает трудности, вытекающие из тех капиталистических ростков, которые имеются в нэпе, являлась так называемая "бухаринская школа". Речь шла о "школе", которая с 1924 года стала формироваться вокруг Бухарина из числа молодых "красных профессоров", занявших ключевые посты в важнейших партийных изданиях. Судьба этой "школы", состоявшей примерно из пятнадцати человек, оказалась весьма драматичной. На XIV съезде партии лидеры "ленинградской оппозиции" заявляли, что "школа" Бухарина получила фактическую монополию на "политическо-литературное представительство партии", что в её руках находится вся партийная печать и вся политико-просветительная работа. Они утверждали, что эта "школа" или это течение делает больше ошибок, чем Бухарин, проповедует неправильные взгляды о мирном вращении кулака в социализм, придумывает третий - не капиталистический и не социалистический путь развития деревни, приукрашивает те элементы капитализма, которые есть в нэпе, и представляет дело так, будто бы вопрос "кто - кого" уже решён.

В противовес этому Молотов говорил о "бухаринской школе" как о "той молодежи, которая вокруг партии и вокруг её руководящих органов начинает подрастать, которая приносит нашей партии громадную пользу, которая в общем превосходно работает в центральных органах нашей печати... Они делают ошибки? Да, ошибки делают, но эти ошибки можно поправить, и за исправление этих, как и всяких других ошибок Центральный Комитет стоял и будет безусловно стоять, но он будет против всякого политического раздувания ошибок, против искусственных попыток сделать из них особую линию, особый уклон в нашей партии"³.

Вскоре после съезда один из самых рьяных сталинских идеологов Е. Ярославский говорил о том, что представители "новой оппозиции" "пытаются ошельмовать группу молодых товарищей, которую именуют "школой Бухарина". Мы думаем, что у т. Бухарина нет никакой *особой* школы; школа Бухарина есть *ленинская* школа"⁴. Пройдёт всего несколько лет, и вслед за политическим и идеологическим развенчанием Бухарина те же Молотов, Ярославский и другие сталинцы обрушат на "бухаринскую молодежь" обвинения в политическом обосновании правого уклона. "Школа Бухарина" станет

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 472.

⁴ Ярославский Е. Против оппозиции. С. 254.

квалифицироваться как "агентура кулачества в партии" и уже в начале 30-х годов вслед за "троцкистами" пополнит тюрьмы и политизоляторы.

Помимо вопросов о трактовке нэпа и социальной дифференциации деревни "новая оппозиция" поставила, правда, в недостаточно развитой и разработанной форме ряд вопросов, имевших несомненную важность для правильной оценки перспектив социалистического строительства.

Крупская подчёркивала необходимость направить возросшую активность рабочего класса на то, чтобы "сделать нашу госпромышленность до конца социалистической" и критиковала Молотова и Бухарина за выдвинутое ими положение о том, что государственный аппарат уже является широкой организацией рабочего класса. Зиновьев доказывал, что отношения, сложившиеся на государственных предприятиях, нельзя считать последовательно социалистическими, поскольку там сохраняется наёмный труд, жёсткое деление на управляющих и управляемых и т. д. Главный довод, выдвинутый Бухариным и другими представителями большинства против этого тезиса, сводился к тому, что трудовой энтузиазм рабочих ослабнет, если им будут говорить, что государственные предприятия - не вполне социалистические. Отстаивание идеологами правящей фракции тезиса о последовательно социалистическом характере отношений, складывающихся на государственных предприятиях, представляло важный шаг к сталинскому тезису о построенном в СССР социализме.

"Вот где объединилась партия"

Ещё один акцент внутрипартийных разногласий, прошедший на съезде как бы вторым планом, но оказавший в последующем огромное влияние на исход внутрипартийной борьбы, был связан с вопросом о равенстве. В содокладе на съезде Зиновьев повторил выдвинутое им ранее в статье "Философия эпохи" положение о том, что стремление к равенству доминирует в рабочей среде. В ответ Сталин в заключительном слове утверждал, что Зиновьев "толкует о каком-то неопределённом народническом равенстве без указания классовой подоплёки равенства"¹. И далее он раскрыл свой взгляд на этот вопрос: "Лозунг о равенстве в данный момент есть эсеровская демагогия. Никакого равенства не может быть, пока есть классы и пока есть труд квалифицированный и неквалифицированный (см. "Государство и революция" Ленина)"².

Ретроспективно рассматривая историю внутрипартийной борьбы в книге "Сталин", Троцкий писал, что статья "Философия эпохи" послужила яблоком раздора в среде правящей тогда бюрократической группы. "Теснейшая братия Сталина" объявила, что положение Зиновьева в корне противоречит марксизму, поскольку при социалистическом строе, по учению Маркса и Ленина, полного равенства быть не может: здесь ещё господствует принцип "каждый получает в зависимости от выполненного им труда". Зиновьев вовсе и не думал оспаривать этот тезис, необходимость дифференцированной заработной платы для разных категорий труда была ясна ему. Он считал, что крайние полюса этой таблицы должны быть ближе. Его осторожная критика направлялась в первую очередь против привилегированного положения и излишеств бюрократии. "Чего, конечно, ни Маркс, ни Ленин не предусмотрели, - писал Троцкий, - (это то) что бюрократия прятала свои материальные интересы за интересы прилежного крестьянина и квалифицированного рабочего. Она изобразила дело так, будто левая оппозиция покушается на лучшую оплату квалифицированного труда... Надо признать, что это был мастерский маневр. Сталин опирался здесь на аппетиты очень широкого и всё более привилегированного слоя чиновников, которые впервые со всей ясностью увидели в нём своего признанного вождя. Снова равенство было объявлено, как это ни чудовищно, мелкобуржуазным предрассудком. Было объявлено, что оппозиция покушается на марксизм, на заветы Ленина, на заработок более прилежного квалифицированного рабочего, на скромные доходы усердного крестьянина, на марксизм, на наши дачи, на наши автомобили, на наши приобретенные права. Остальные разногласия, проблемы, вопросы организации сразу отступили на десятый план. Каждый бюрократ знал из-за чего идёт борьба и тянул за собою свою канцелярию, ибо все, несмотря на резкую иерархию, поднимались над массой"³.

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 375, 376.

² Там же.

³ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. С. 237, 238.

Этим обстоятельством в значительной степени объяснялось, на наш взгляд, грубое и нелояльное отношение съезда ко всем выступлениям участников "новой оппозиции". В речах представителей большинства говорилось о том, что сам факт выступления оппозиции на съезде означает покушение на партийную дисциплину. Отвечая на эти обвинения, Каменев говорил: "Мы - на съезде, идёт борьба мнений, момент чрезвычайно тяжёлый, решений ещё нет, и поэтому в момент борьбы мнений, в момент, когда сопоставляются различные точки зрения, кричать о дисциплине - это значит пытаться заткнуть рот тому, с кем вы не согласны"¹.

Почувствовав, что на стороне правящей фракции находится абсолютное большинство съезда, Бухарин выступил с беспрецедентным заявлением о том, что "какие бы решения наш партийный съезд ни принял, мы все, как один человек... признаем решения партийного съезда единственным окончательным истолкованием ленинской партийной линии"². Такое заявление объективно представляло собой новый шаг к сталинистской концепции единства и "монolithicности" партии, согласно которой любые решения высших органов партии (а затем - её "вождя", полностью подчинившего себе эти органы) объявлялись истиной в последней инстанции, правильность которой обязаны безоговорочно признавать вся партия и каждый её член.

Крайне встревоженная этим заявлением Бухарина Крупская пыталась убедить съезд в том, что "нельзя успокаивать себя тем, что большинство всегда право. В истории нашей партии бывали съезды, где большинство было неправо. Вспомним, например, стокгольмский съезд. (*Шум. Голоса*: "Это тонкий намёк на толстые обстоятельства".) Большинство не должно упиваться тем, что оно - большинство, а беспристрастно искать верное решение. Если оно будет верным... (*Голос*: "Лев Давидович, у вас новые соратники"), оно направит нашу партию на верный путь. Нам надо сообща искать правильную линию. Громадное значение съезда в том и состоит, что этот съезд даёт выражение коллективной мысли"³.

Однако такая трактовка вопроса о путях разрешения внутрипартийных разногласий у большинства делегатов, уже прошедших "школу" дискуссии 1923 года, вызвала резкое раздражение. По адресу Крупской посыпались многочисленные упреки в том, что она позволила себе сравнить XIV съезд с IV съездом РСДРП, на котором большинство оказалось у меньшевиков.

Что же касается ссылок на Троцкого, то участникам "новой оппозиции" ещё не раз пришлось услышать их от большинства съезда. Зиновьев и его приверженцы не только ни разу не прибегли в своих выступлениях на съезде к излюбленному ими жупелу "троцкизма", но оказались вынужденными фактически признать то, что поставленные ими вопросы о ненормальности партийного режима по существу повторяют критику со стороны "троцкистов". На это обстоятельство не преминули обратить внимание представители большинства, назойливо напоминая ленинградцам, что они излагают те взгляды, против которых ещё недавно сами выступали в дискуссиях с "троцкистами". Когда

¹ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевики). С. 245.

² Там же. С. 153.

³ Там же. С. 165, 166.

Зиновьев в заключительном слове предложил, не допуская фракций, оставаясь в вопросе о фракциях на старых позициях, вместе с тем поручить Центральному Комитету привлечь к работе все силы всех бывших групп в партии, в зале возникли шум и возгласы: "С кем вы заигрываете?"¹.

В особенно сложном положении оказался Лашевич, который на XIII парконференции высмеивал Преображенского и других оппозиционеров за их слова о том, что "они не хотели группировок, а ЦК, - все эти Сталины, Зиновьевы, Каменевы, - силой загнал их туда"². Теперь же Лашевич вынужден был фактически повторить идеи оппозиции 1923 года. Говоря о подавлении свободы мнений внутри партии, он связывал его с тем, что в последние годы в ЦК настоящего коллективного руководства не было. "Вместо коллективного руководства, мы имели целый ряд политических, что ли, если так можно выразиться, комбинаций"³, - говорил Лашевич. От имени ленинградской делегации он требовал, чтобы по всем спорным вопросам меньшинству была дана возможность высказывать свою точку зрения и защищать её. "Мы хотим, чтобы меньшинству не затыкали рот", - говорил он. Лашевич вынужден был признать, что Троцкий по ряду вопросов, в том числе об аппарате, "говорил не только неверные, но и верные вещи"⁴.

Говоря о необходимости восстановления внутривнутрипартийной демократии, коллективного руководства, борьбы мнений в партии, о предоставлении прав меньшинству, деятели оппозиции подчёркивали, что серьёзной помехой утверждению демократических начал партийной жизни стала непомерно возросшая власть Секретариата ЦК, фактически возвысившегося над Политбюро. В силу этого свободное выражение мнений даже внутри ЦК и Политбюро становилось невозможным, что в свою очередь выступало источником фракционности в руководящих органах партии. Если бы Секретариат был в самом деле исполнительным органом Политбюро и Оргбюро, говорил Сокольников, "мы выиграли бы то, что внутри Политбюро был бы в самом деле возможен совершенно свободный обмен мнений... и было исключено образование твёрдо сплочённых групп в Политбюро и Центральном Комитете"⁵.

Если в содокладе Зиновьева ещё не был назван по имени главный виновник фактического раскола в центральных органах партии, а вопрос о необходимости коллективного руководства ставился в самой общей форме, то в последующих выступлениях лидеров оппозиции и в заключительном слове Зиновьева был поставлен вопрос о фактическом подавлении Сталиным коллективного руководства. Сокольников и Каменев прямо говорили о необходимости снять Сталина с поста генсека. "Я не могу согласиться с тем, что если в Политбюро, или в ЦК, или на съезде встаёт вопрос о том, как должен быть организован Секретариат, и должен ли тот или другой товарищ быть в составе Секретариата, то это обстоятельство мы должны рассматривать, как попытку внутривнутрипартийного переворота, - говорил Сокольников. - С этим я не согласен. Товарищи,

¹ Там же. С. 467.

² XIII конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). С. 137.

³ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 181-186.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 334-336.

я лично убежден в следующем: я думаю, что влияние и авторитет тов. Сталина, если бы даже он не был генеральным секретарём нашей партии... (*Шум и крики*). Товарищи, неужели мы в самом деле на съезде партии не можем обсуждать вопрос, который в любой губернской организации можно обсуждать, - кто будет её секретарём... Я думаю, что мы напрасно делаем из вопроса о том, кто должен быть генеральным секретарём нашей партии, и нужен ли вообще пост генерального секретаря, вопрос, который мог бы нас раскалывать... Да, у нас был тов. Ленин. Ленин не был ни председателем Политбюро, ни генеральным секретарём и тов. Ленин, тем не менее, имел у нас в партии решающее политическое слово. И если мы против него спорили, то спорили, трижды подумав. Вот я и говорю: если тов. Сталин хочет завоевать такое доверие, как т. Ленин, пусть он и завоюет это доверие"¹.

Ещё более чётко и резко вопрос о Сталине был поставлен в заключительной части речи Каменева, где назывались пути выхода партии из кризиса, созданного злоупотреблением Сталиным захваченной им необъятной властью. "Мы против того, чтобы создавать теорию "вождя", мы против того, чтобы делать "вождя", - говорил Каменев. - Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и политику и организацию, стоял над политическим органом. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полновластное Политбюро, объединяющее всех политиков нашей партии, и вместе с тем, чтобы был подчинённый ему и технически выполняющий его постановления Секретариат... (*Шум*). ...Именно потому, что я неоднократно говорил это т. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришёл к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба"².

После этих слов Каменева накалённость атмосферы съезда достигла предела. Слова Евдокимова "Да здравствует Российская Коммунистическая Партия! Ура! Ура! Да здравствует ЦК нашей партии! Ура! Партия выше всего!" заглушались криками с мест: "Неверно!", "Чепуха!", "Вот оно в чем дело!", "Раскрыли карты!", "Мы не дадим вам командных высот!", "Сталина! Сталина!"... "Да здравствует тов. Сталин!!!" Большинство делегатов встало и под крики "Вот где объединилась партия" устроило Сталину овацию³.

В этой накалённой атмосфере взял слово Ворошилов, который впервые в истории партии назвал Сталина "главным членом Политбюро" и произнес льстивый панегирик в его адрес. Дав съезду едва ли не мистическое объяснение особой роли Сталина, Ворошилов одновременно невзначай выболтал истинную причину его силы. "Тов. Сталину, очевидно, уже природой или роком суждено формулировать вопросы несколько более удачно, чем какому-либо другому члену Политбюро (*Смех*)... в разрешении вопросов он принимает наиболее активное участие, и его предложения чаще проходят, чем чьи-либо другие (*смех, аплодисменты*) ... Ещё раз спрашиваю: в чем же тут дело? А дело заключается в том, что у тов. Сталина... имеется в руках аппарат, и он мо-

¹ Там же.

² Там же. С. 274, 275.

³ Там же.

жет им действовать, двигать, передвигать и проч.¹.

После этого большинство съезда встретило в штыки речь Крупской при обсуждении отчёта ЦКК, где она напомнила о том, что Ленин в своих последних работах, в том числе "в специальных заметках, которые известны делегатам, бывшим на прошлом партийном съезде", подчёркивал роль ЦКК в предотвращении раскола, который может неожиданно возникнуть. Обращая внимание делегатов на то, что после смерти Ленина концентрация власти в исполнительно-организационных органах партии усилилась, Крупская говорила: "Один из вопросов, который должен быть продуман съездом, вытекает из того, что в силу нашего устава у нас есть Оргбюро и Секретариат с громадной властью, дающей им право перемещать людей, снимать их с работы. Это даёт нашему Оргбюро, нашему Секретариату действительно необъятную власть. Я думаю, что когда будут обсуждаться пункты устава, надо с большей внимательностью, чем делалось это до сих пор, посмотреть, как разумно ограничить эти перемещения, эти снятия с работы, которые создают в партии часто невозможность откровенно, открыто высказываться... Вы знаете, что и в период предыдущей дискуссии у нас идейная борьба вырождалась в борьбу организационную. Я думаю, что ЦКК не должна была этого допускать... Она поставлена на то, чтобы в вопросах охраны единства партии она сохраняла определённую независимость и объективность мысли. (*Голос с места*: "Независимость от чего?") Независимость от того, чтобы какой-нибудь отдельный член партии мог повлиять на её мнение... Я думаю, что дело ЦКК, например, было следить за тем, чтобы полемика не принимала нетоварищеских форм. ЦКК должна следить за тем, чтобы в печати не было такого обливания грязью, какое мы видим сейчас"². Если всё это допускать, говорила Крупская, "то все наши благие пожелания о внутрипартийной демократии останутся на бумаге"³.

Думается, что в выступлениях Крупской на съезде мы вправе видеть отголоски ленинских мыслей - не только потому, что Крупская была, по выражению К. Цеткин, "живой совестью Ленина"⁴, его ближайшим и самым верным соратником, но и потому, что она была единственным человеком, с которым Ленин мог делиться мыслями в последний год своей жизни.

Сразу же после Крупской выступил член ЦКК Янсон, который заявил: "...Каждый раз, когда какая-либо группа членов партии начинает атаку на ЦК партии, она ищет в Центральной Контрольной Комиссии какой-то особой беспристрастности". И далее: "О какой независимости здесь говорят? Если здесь говорят о такой независимости, которую проявила в данном деле Надежда Константиновна (Крупская) сама и её нам рекомендует, то я бы не советовал Центральной Контрольной Комиссии применять такие методы в работе"⁵.

Как тут не вспомнить слова Куйбышева ещё на XIII съезде партии, который по существу отверг ленинское понимание роли ЦКК как независимого и равноправного с Центральным Комитетом органа, призванного оберегать пар-

¹ Там же. С. 397, 398.

² Там же. С. 572, 573.

³ Там же.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 203.

⁵ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 575, 576.

тию от раскола. "...От нас добивались какой-то самостоятельной линии, какого-то нейтралитета, который бы дал возможность нам "со стороны" подойти к происходящей борьбе и беспристрастно, спокойно расценивать всех дерущихся, хваля и ругая каждого по заслугам, - говорил Куйбышев. - Нам льстили, говорили: "вы орган, выбранный съездом, вы равноправны с Центральным Комитетом, вы отвечаете только перед съездом за свою политику, и поэтому вам нужно иметь свою собственную линию, нужно быть как можно больше независимыми от Центрального Комитета"... Нас убеждали, что мы должны быть беспристрастны, что мы должны быть инстанцией, стоящей над происходящей борьбой. Эта соблазнительная позиция... не соблазнила Центральную Контрольную Комиссию... Мы сразу почували, что ЦК в этой борьбе на 100 % прав... И мы безоговорочно и без всякого раздумья пошли вместе с ЦК..."¹

Такую же тенденцию к отходу от ленинского понимания роли ЦКК в обеспечении единства партии содержало и его теперешнее выступление. В заключительном слове по отчёту Центральной Контрольной Комиссии её председатель Куйбышев заявил, что "существующее руководство партией является одним из лучших в истории нашей партии", что именно Сталин "является тем лицом, которое, сумело вместе с большинством Центрального Комитета и при его поддержке сплотить вокруг себя все лучшие силы партии и привлечь их к работе"². Таким образом, уже на XIV съезде впервые прозвучали типично культовые формулировки, которые впоследствии будут неимоверно раздуты сталинистской пропагандой.

При обсуждении отчёта ЦКК возникла острая дискуссия, связанная с постановкой оппозицией вопроса об ухудшении партийных нравов. Признаком этого деятели оппозиции считали обнародованные ими данные о том, что некоторые ленинградские коммунисты сообщали в ЦК и ЦКК о своих личных разговорах с оппозиционерами. По этому поводу выступил председатель Ленинградской контрольной комиссии И. Бакаев: "Я не могу равнодушно отнестись и к тем нездоровым нравам, которые пытаются укоренить в нашей партии. Я имею в виду доносительство... если это доносительство принимает такие формы, такой характер, когда друг своему другу задушевной мысли сказать не может, на что это похоже?... Товарищи, я меньше всего склонен к преувеличениям, я здесь говорю, что эти нравы нетерпимы в нашей партии, что партия должна по рукам дать тем товарищам, которые пытаются культивировать такие нравы"³.

Эти слова Бакаева были оспорены членом Президиума ЦКК М. Шкирятовым, который сказал, что доносы в высшие партийные органы о желании отдельных членов партии создать какие-нибудь группировки - это "обязанность каждого члена партии"⁴. Такая постановка вопроса была полностью поддержана Куйбышевым. Ещё дальше пошёл С. Гусев, который назвал выступление Бакаева "припадком мещанской морали": "Фальшивишь ты, Бакаич, фальшивишь, - поверь мне... Я не предлагаю ввести у нас ЧК в партии. У нас есть

¹ XIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). С. 263, 264.

² XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 627, 628.

³ Там же. С. 566.

⁴ Там же. С. 570.

ЦКК, у нас есть ЦК, но я думаю, что каждый член партии должен доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доноительства, а от недоноительства¹.

Подобные выступления вызвали резкий протест оппозиционеров. Всю несостоятельность сравнения партийных органов с ЧК показала в своём выступлении К. Николаева: "Товарищи, что такое чекист? Чекист - это есть то орудие, которое направлено против врага... Против классового нашего врага... Доносы на партийных товарищей, доносы на тех, кто будет обмениваться по-товарищески мнением с тем или иным товарищем, это будет только разлагать нашу партию, и не членам Центральной Контрольной Комиссии выступать за такие доносы и делать подобного рода сравнения. Такая система в партии будет наносить ущерб, она будет затушёвывать истинное недовольство, ряд недоумённых вопросов, которые возникают у каждого мыслящего коммуниста, задумывающегося над теми явлениями, которые встают перед ним в современной трудной, сложной обстановке. Не такой системой надо бороться. Надо бороться системой правильной постановки внутрипартийной демократии². Характерно, что эти слова Николаевой вызвали смех в зале.

Перед голосованием резолюции по отчёту ЦКК С. Минин выступил от имени ленинградской делегации, заявив, что она воздержится при голосовании. Он зачитал заявление, в котором, в частности, говорилось: "Развившаяся за последнее время система писем, использования частных разговоров, личных сообщений, когда всем этим пользуются без всякой проверки, и все эти сообщения объявляются сразу вполне достойными веры, причём авторы подобных сообщений и писем берутся тут же под особое покровительство... не может не привить в партии самые нездоровые и до сих пор немыслимые обычаи. Всё это, вместе взятое, стоит в прямом и резком противоречии как с основами внутрипартийной демократии, так и со всем строем и характером нашей большевистской ленинской партии"³. Председательствующий Петровский под аплодисменты и крики "Правильно!" объявил это заявление не относящимся к резолюции по отчёту ЦКК и отказался провести по нему голосование.

Съезд отверг и другие предложения и поправки оппозиции. При поимённом голосовании резолюция большинства ЦК собрала 559 голосов, резолюция "новой оппозиции" - 65 голосов.

В дискуссии на съезде лидеры ЦК, ещё недавно защищавшие Зиновьева и Каменева от критики со стороны Троцкого, не преминули заявить, что их нынешняя "капитулянтская" позиция является рецидивом их ошибок в октябре 1917 года. Впервые этот приём был использован в речи Бухарина. В заключительном слове Сталин, защищая Бухарина от "разнузданной травли" со стороны оппозиции, заявил: "Я знаю ошибки некоторых товарищей, например, в октябре 1917 года, в сравнении с которыми ошибка Бухарина (имелся в виду его лозунг "обогащайтесь" - В. Р.) не стоит даже внимания"⁴.

В атмосфере озлобленности по отношению к оппозиции, утвердившейся на

¹ Там же. С. 600, 601.

² Там же. С. 612, 613.

³ Там же. С. 631.

⁴ Сталин И. В. Соч. Т. 7, С. 384.

съезде, Зиновьеву и Каменеву было предъявлено обвинение, которое они сами недавно предъявляли Троцкому - в том, что они хотят "поставить партию на колени". "Я бы хотел, - заявил Рыков, - чтобы установилось полное сознание оппозиции, так же как и у всех членов партии, что... никогда и ни перед кем, ни перед Сталиным, ни перед Каменевым, ни перед кем-либо другим партия на коленях не стояла и не станет. (*Аплодисменты. Голоса: "Правильно!". Голоса, направленные к ленинградской делегации: "Позор!"*)¹

Вместе с тем, Рыков утверждал, что "общий интерес партии заключается в том, чтобы Сталина, Зиновьева, Рыкова, Каменева и всех нас запрячь в одну запряжку..."². Аналогичные суждения высказал Томский. Отвечая на высказывания Каменева о недопустимости "культы вождя", он говорил: "...Мы всё время против этого боролись; система единоличных вождей не может существовать и её не будет, да, не будет"³.

Ещё более энергично, чем Рыков, Томский отверг самую мысль о том, что итогом съезда могут быть какие-либо организационные выводы в отношении Каменева и Зиновьева. "Что, у нас людей много? Что, мы с ума сошли? Каменева и Зиновьева отстранить? Зачем? С какой стати? Что это такое? Оставьте вы эти разговорчики..."⁴ Опасение ленинградцев, что съезд может завершиться организационными репрессиями против их лидеров, не менее решительно отверг и А. Андреев: "... Мы все ценим достаточно высоко и т. Каменева, и т. Зиновьева. Напрасно т. Лашевич убеждал нас в том, что мы стоим за то, чтобы сжить т. Каменева и т. Зиновьева со свету. Мы не мыслим себе даже, чтобы т. т. Каменев и Зиновьев не были в руководящем органе ЦК - Политбюро"⁵.

Существенные изменения в эту, казалось бы, единодушную позицию большинства внёс в заключительном слове Сталин, бросивший недвусмысленную угрозу лидерам оппозиции. Перед ритуальными словами о необходимости сохранения единства партии и коллегиального руководства, Сталин заявил: "Мы против политики отсеечения. Это не значит, что вождям позволено будет безнаказанно ломаться и садиться на голову. Нет, уж извините. Поклонов в отношении вождей не будет. (*Возгласы: "Правильно!" Аплодисменты*)... Партия хочет единства, и она добьется его вместе с т. т. Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, без них - если они этого не захотят. (*Возгласы: "Правильно!" Аплодисменты*)"⁶.

Изображая себя в качестве поборника партийного единства, а своих оппонентов - в качестве сторонников отсеечения от руководства других лидеров партии, Сталин обвинил Каменева и Зиновьева в том, что они требуют жёстких мер не только против Троцкого, но и против Бухарина. "Чего, собственно, хотят от Бухарина? Они требуют крови тов. Бухарина... Крови Бухарина требуете? Не дадим вам его крови, так и знайте"⁷.

¹ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 418.

² Там же.

³ Там же. С. 288-291.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 298.

⁶ Там же. С. 508.

⁷ Там же. С. 504, 505.

Вовлечённый с самого начала и до конца во всё обостряющуюся полемику, принимавшую всё более личный характер, съезд не сумел сколько-нибудь серьёзно обсудить коренные вопросы социально-экономической стратегии партии.

Впоследствии в "Кратком курсе истории ВКП (б)" был выдвинут тезис о том, что XIV съезд принял "сталинский план социалистической индустриализации". На протяжении многих лет этот съезд именовался в историко-партийной литературе "съездом индустриализации". Однако идея индустриализации формулировалась в решениях съезда лишь в самой общей, декларативной форме. Не была конкретизирована и формула о "всемерном обеспечении победы социалистических форм над частным капиталом", не были рассмотрены вопросы об источниках индустриализации, о темпах развития промышленности и т. д. Более того, в политическом отчёте ЦК Сталин выступил против увеличения капиталовложений в развитие промышленности.

Осудив взгляды "новой оппозиции", съезд тем не менее ввёл пять её представителей в состав ЦК, который в свою очередь оставил в составе Политбюро Зиновьева, а Каменева перевёл в кандидаты в члены Политбюро. Хотя в составе Политбюро, избранного после XIV съезда, остался и Троцкий, Сталину было обеспечено теперь прочное и безусловное большинство, поскольку в Политбюро вошли три новых члена (Молотов, Калинин и Ворошилов), которые безоговорочно будут в дальнейшем поддерживать все его самые зловещие акции.

Уже во время работы съезда в Ленинград были направлены несколько членов ЦК для воздействия на низовые партийные организации, полностью поддержавшие перед съездом своих лидеров. Сразу же после съезда на "чрезвычайных конференциях" Ленинградский губком и все бюро райкомов партии и комсомола в Ленинграде были переизбраны. Несколько сот партийных руководителей были сняты со своих постов. Во главе Ленинградской организации стал верный сторонник Сталина Киров. Зиновьев и бывший первый секретарь Ленинградского губкома Евдокимов были отозваны в Москву, причём последний - под предлогом того, что он был избран секретарём ЦК. Однако уже в начале 1926 года в верхушечных кругах партии развернулись инспирируемые Сталиным и его ближайшими союзниками разговоры о необходимости реорганизовать избранные после XIV съезда руководящие органы, т. е. вывести из них лидеров оппозиции и заменить их "новыми кадрами". Первым шагом в этом направлении был вывод на апрельском пленуме ЦК 1926 года из Секретариата ЦК Евдокимова и замена его послушным сталинцем Швейником.

"Объединённая оппозиция"

На XIV съезде ни Троцкий, ни один из других деятелей оппозиции 1923 года не выступали. Однако Троцкий тщательно анализировал не вполне ясный для него вначале смысл борьбы между двумя фракциями, раскрывшийся только в ходе работы съезда. Некоторые результаты этого анализа нашли отражение в его письме Бухарину, направленном спустя несколько дней после завершения съезда. Ещё ожидая от последнего принципиальной партийной позиции, Троцкий подчёркивал, что "в Ленинграде только более ярко и уродливо нашли себе выражение те отрицательные черты, какие свойственны партии в целом"¹. Вместе с тем Троцкий предупреждал Бухарина, что "аппаратным подавлением аппаратного ленинградского режима" можно лишь усугубить бюрократические тенденции. Основываясь на уроках борьбы между сталинско-бухаринской и зиновьевской группировками, он вновь подтверждал свою позицию, нацеленную на переход "от нынешнего партийного режима к более здоровому - без потрясений, без новых дискуссий, без борьбы за власть, без "троек", "четвёрок" и "девяток" - путём нормальной и полноценной работы всех парторганизаций, начиная с самого верха, с Политбюро"².

Отношение Троцкого к "новой оппозиции" было двойным: с одной стороны, как к "сановной фронде Зиновьева", с другой - как к выражению настроений рабочих масс. Впоследствии он так расценивал причины возникновения "новой оппозиции" и сближения её с оппозицией 1923 года: "От оппозиции 1923 г. ленинградские коммунисты были ограждены тяжёлой крышкой зиновьевского аппарата. Но теперь (в 1925 году. - В. Р.) очередь дошла и до них. Ленинградских рабочих взволновал курс на кулака и на социализм в одной стране. Классовый протест рабочих совпал с сановной фрондой Зиновьева. Так возникла новая оппозиция... К великому удивлению для всех и прежде всего для себя самих, Зиновьев и Каменев оказались вынуждены повторять по частям критику оппозиции и вскоре были зачислены в лагерь "троцкистов". Немудрено, если в нашей среде сближение с Зиновьевым и Каменевым казалось, по меньшей мере, парадоксом"³.

Пропасть, вырытая в предшествующий период зиновьевской группой между собой и "троцкистами", оказалась так велика, что понадобилось почти полгода после XIV съезда, чтобы произошло объединение этих групп, осознавших, кто представляет главную угрозу для партии и всего дела социалистического строительства.

Многие бывшие оппозиционеры, близкие к Троцкому, выступали против блока с зиновьевцами. Были среди них даже такие - правда их было немного - которые выступали за блок со Сталиным против Каменева и Зиновьева. Последних они считали, исходя из опыта предшествующей внутрипартийной

¹ Вопросы истории. 1990. № 5. С. 84.

² Там же.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 494, 495.

борьбы, наиболее рьяными "антитроцкистами". Один из близких друзей Троцкого Мрачковский высказался против блока и с той и с другой фракцией, заявив: "Сталин обманет, а Зиновьев убежит".

"Но в конце концов такого рода вопросы, - писал Троцкий, - решаются не психологическими, а политическими оценками. Зиновьев и Каменев открыто признали, что "троцкисты" были правы в борьбе против них с 1923 г. Они приняли основы нашей платформы. Нельзя было при таких условиях не заключить с ними блока, тем более, что за их спиной стояли тысячи ленинградских рабочих-революционеров"¹.

Троцкий не встречался с Каменевым вне официальных заседаний с памятной мартовской ночи 1923 года, когда между ними состоялся разговор о последних письмах Ленина. При первом же личном свидании с Троцким в начале 1926 года Каменев ещё раз проявил свою политическую недалёковидность, заявив: "Стоит вам с Зиновьевым появиться на одной трибуне, и партия найдет свой настоящий центральный комитет". "Я мог только посмеяться над этим бюрократическим оптимизмом, - вспоминал Троцкий. - Каменев явно недооценивал ту работу по разложению партии, которую "тройка" производила в течение трёх лет"².

Каменева и Зиновьева подталкивала на сближение с Троцким быстрота, с которой сталинская фракция лишала их руководящих постов. В 1926 году Зиновьев был снят с поста председателя ИККИ, сам этот пост был ликвидирован, а фактически руководителем Коминтерна стал Бухарин. Каменев был снят с постов председателя Моссовета, заместителя председателя Совнаркома и председателя СТО, на короткое время был назначен наркомом внутренней и внешней торговли, а затем направлен послом в Италию.

Сближение Троцкого и "новой оппозиции" впервые обнаружилось на апрельском (1926 года) пленуме ЦК при обсуждении доклада Рыкова о хозяйственной политике. К тому времени правящая фракция не обладала сколько-нибудь ясным планом социалистических преобразований в экономике, чёткими взглядами на соотношение между развитием промышленности и сельского хозяйства.

На XIV съезде Сталин говорил, что сельское хозяйство "может двигаться семимильными шагами вперёд", тогда как темпы развития промышленности после завершения её восстановления резко снизятся. При редактировании своего доклада для публикации Сталин заменил тезис о "семимильных шагах" более эластичной формулировкой о том, что "сельское хозяйство, в отличие от промышленности, может двигаться на известное время быстрым темпом и при нынешней технической базе"³. Бухарин, в свою очередь, заявил, "что мы можем строить социализм даже на этой нищенской технической базе..."⁴.

Крайне нечёткое представление правящей фракции о конкретных путях, методах, перспективах социалистического строительства отразилось и в докладе Рыкова на апрельском пленуме. Указав на сложности предстоящей ин-

¹ Там же.

² Там же.

³ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 36.

⁴ Там же. С. 135.

дустриализации в "наиболее аграрной и отсталой стране в Европе", Рыков, исходя из расчётов Госплана, прогнозировал снижение прироста валовой продукции в промышленности с 23 процентов в 1926/27 хозяйственном году до 14,7 - в 1929/30 году.

Троцкий сделал на апрельском пленуме по существу содоклад, в котором он кригиковал недооценку большинством Политбюро задачи более быстрого развития промышленности. Он предложил разработать планы более интенсивной индустриализации страны, предусматривающие увеличение в ближайшее пятилетие объёма капитального строительства до таких размеров, которые позволили бы уменьшить отставание промышленности от сельского хозяйства и тем самым ликвидировать "ножницы" между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары. В этом случае примерно к 1931 году "могло установиться относительное равновесие между спросом и предложением на промышленные изделия при условии неуклонного продолжения политики снижения цен"¹. Троцкий ставил вопрос о переходе от годовых планов к планированию "крупнейших сооружений и работ, рассчитанных на ряд лет... Годовой план должен рассматриваться в качестве определённой части пятилетнего перспективного плана"².

Поправки Троцкого к резолюции Политбюро по вопросам хозяйственного строительства были поддержаны на апрельском пленуме Пятаковым, Каменевым и Зиновьевым. Большинство ЦК отвергло эти поправки. Сталин заявил, что "тов. Троцкий думает подхлестывать наши центральные учреждения расширенными планами, преувеличенными планами промышленного строительства". В противовес "преувеличенным планам" Сталин в своей речи несколько раз возвращался к мысли о "предельно минимальном темпе развития индустрии, который необходим для победы социалистического строительства"³. Из такой установки выросли последующие обвинения Сталиным, Бухариным и их союзниками Троцкого в "сверхиндустриализаторстве", "нетерпении", "сверхчеловеческих прыжках" и т. д.

Окончательное оформление "объединённой", или левой оппозиции произошло на следующем, июльском пленуме ЦК и ЦКК 1926 года. Оппозиционный блок объединил значительную часть старой партийной гвардии. В его составе находилось 7 из 12 членов ЦК, избранных на VII съезде партии, 10 из 18 членов ЦК - на VIII съезде, 9 из 16 членов ЦК - на IX съезде (не считая умерших к 1926 году).

Но "сложение сил" обернулось их реальным ослаблением. Сталин и его союзники, искусно обыгрывая прежние междоусобные распри двух объединившихся течений партии, представляли дело таким образом, что образование их блока произошло в результате перехода ленинградской группы на позиции "троцкизма", с одной стороны, и "амнистии" Троцким "капитулянтской" позиции Зиновьева и Каменева, с другой. Постоянно напоминая о прошлых филиппиках зиновьевской группы в адрес Троцкого и "троцкизма", Сталин и сталинисты успешно подрывали авторитет обоих течений в глазах членов партии.

¹ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 218-221.

² Там же.

³ Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 221, 222.

Особенно активно этот процесс разворачивался в Ленинграде. Позже, на XV съезде в декабре 1927 года Киров так объяснял отход от оппозиции значительной части ленинградской партийной организации, которая в 1925 году безраздельно поддерживала своих лидеров: "...Один из моментов, который в своё время помог этой работе, заключался в том, что нигде троцкизм не был так разбит... как в Ленинграде,.. потом вдруг неожиданно состоялось знаменитое братание между Зиновьевым и Троцким. Этот шаг показался ленинградской организации чем-то совершенно волшебным..."¹

В статье "Ответ на запросы товарищей об оппозиции" (сентябрь 1926 года) Троцкий отмечал, что сталинская фракция строит свою политику раскола партии на противопоставлении "троцкизма" ленинизму и на утверждении, будто ленинградская оппозиция перешла с позиции ленинизма на позицию "троцкизма". Между тем всякому мыслящему члену партии совершенно ясно, что целью такой агитации является отвлечение внимания от действительных разногласий, вызванных явным сползанием сталинской фракции с классовой линии. Объясняя причину объединения двух оппозиционных групп, Троцкий писал: "С 1923 г. партия накопила гигантский опыт, и на этом опыте не учились только те элементы, которые автоматически сползают в мелкобуржуазное болото... Мы объединились на защиту ленинизма против его искажителей, на безусловном признании всех указаний, сделанных в завещании Ленина насчёт каждого из нас, ибо глубокий смысл этих указаний подтвердился на опыте целиком, на безусловном проведении в жизнь завещания, смысл которого заключается не только в смещении Сталина с поста Генсека, но в сохранении всего руководящего ядра, сложившегося при Ленине, и предотвращении перерождения партийного руководства из ленинского в сталинское"².

На июльском пленуме лидеры оппозиции поставили вопрос о публикации ленинского "Завещания" и выполнении содержащегося в нём совета относительно Сталина. Этот вопрос имел некоторую предысторию. Продолжая использовать во фракционной борьбе имя и авторитет Ленина, Сталин в начале 1926 года повёл кампанию за публикацию ленинских писем 1917 года с критикой Каменева и Зиновьева. Им было инспирировано заявление, внесённое на апрельский (1926 года) пленум ЦК его десятью членами (Кагановичем, Кировым, Антиповым, Зеленским и другими) с требованием о рассылке членам ЦК и ЦКК письма Ленина от 18 октября 1917 года, где он характеризовал статью Каменева в газете "Новая жизнь" как поступок "изменический" и "штрейкбрехерский". По предложению Рыкова это заявление было направлено пленумом ЦК для рассмотрения в Политбюро.

Сразу после этого в Политбюро поступили три заявления. В заявлении Троцкого подчёркивалась неправильность сепаратного использования некоторых неопубликованных писем Ленина при умалчивании о других. В изменившихся политических условиях выборочная публикация отдельных неопубликованных документов Ленина, по мнению Троцкого, могла возбудить подозрение в сознательной политике компрометации. Чтобы никто не мог исполь-

¹ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1962. Т. 1. С. 268.

² Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 82, 83.

зовать превратно ту или иную часть ленинского политического наследия, Троцкий предлагал собрать все неизвестные или недостаточно известные письма Ленина и передать их всем членам ЦК.

В заявлении Зиновьева и Каменева отмечалось, что предложение о рассылке письма Ленина 1917 года представляет попытку пустить его в ход как оружие внутрипартийной борьбы. В этой связи они ставили вопрос и о других письмах Ленина, в частности о письмах по национальному вопросу и "Письме к съезду", с которыми были ознакомлены только делегаты XII и XIII съездов, да и то лишь на слух. Поэтому эти ленинские работы некоторым членам и кандидатам нынешнего ЦК не известны в подлинном виде. Зиновьев и Каменев особо подчёркивали, что Ленин не сумел провести своего предложения относительно Сталина в жизнь только потому, что он не мог уже быть ни на XII, ни на XIII съездах партии.

Наконец, в заявлении Крупской отмечалось, что понятен интерес к письмам Ленина, особенно у некоторых вновь избранных членов ЦК и ЦКК, мало знавших его лично и совершенно не знакомых с его оценкой ряда товарищей. Некоторые члены ЦК и ЦКК не знают, может быть, даже о существовании целого ряда неопубликованных писем Ленина. Поэтому, если рассылать их, то все целиком, "иначе рассылка будет носить характер, который весьма возмутил бы Владимира Ильича"¹. Крупская подчёркивала также, что совершенно необходимо опубликовать "Завещание".

На эти заявления Сталин и Рыков откликнулись "Замечаниями", направленными членам ЦК 24 и 27 апреля. Сталин писал, что на XIII съезде воля Ленина была выполнена, поскольку съезд обсудил "Завещание" по делегациям (хотя на деле такого обсуждения не было), что в "Завещании" Ленин поставил октябрьские ошибки Зиновьева и Каменева "на одну доску с ошибками Троцкого" (хотя упоминание о Троцком рядом с замечанием о "не случайности" "октябрьского эпизода" Зиновьева и Каменева было сделано Лениным лишь в связи с его требованием не "ставить в вину лично" Троцкому его "небольшевизм"). Вместе с тем Сталин заявил, что если Крупская предлагает опубликовать "Завещание", то он может "лишь поддержать требование Крупской об опубликовании документа"².

Ко времени июльского пленума в партии, особенно в среде оппозиционеров, уже довольно широко распространялись копии "Завещания" и писем Ленина по национальному вопросу. Партийный аппарат также желал прояснить для себя, что же на самом деле сказал Ленин в своих последних письмах ("Оппозиция знает, а мы не знаем"). После длительного сопротивления Сталин был вынужден огласить эти запретные документы на заседании пленума ЦК и они попали в секретную стенограмму, которая печаталась для верхушки партийного аппарата.

Июльский пленум принял решение просить XV съезд отменить постановление XIII съезда о запрещении публикации "Письма к съезду" и затем опубликовать его в Ленинском сборнике. Таким образом, Сталин получил санкцию на сокрытие, хотя бы и временное, до XV съезда, "Завещания" от партии, что

¹ Вопросы истории КПСС. 1990. № 2. С. 105-107.

² Там же.

было крайне необходимо ему в период обострения внутрипартийной борьбы.

На июльском пленуме тринадцать оппозиционных членов ЦК и ЦКК (Троцкий, Каменев, Зиновьев, Крупская, Пятаков, Евдокимов, Лашевич, Муралов и другие) представили "Заявление", в котором подчёркивалось, что "ближайшая причина всё обостряющихся кризисов в партии - в бюрократизме, который чудовищно вырос в период после смерти Ленина и продолжает расти"¹. В развитие этого положения в документе указывалось на "очевидное и несомненное последствие господства курса, при котором говорят только сверху, а снизу слушают и думают про себя, врозь, под спудом. Недовольные, несогласные или сомневающиеся боятся поднять голос на партийных собраниях. Партийная масса слышит только речь партийного начальства по одной и той же шпаргалке. Взаимная связь и доверие к руководству ослабевают. На собраниях царит казённая и неизбежно с нею связанное безразличие. К моменту голосования остаётся нередко ничтожное меньшинство: участники собрания торопятся уйти, чтобы не быть вынужденными голосовать за решения, продиктованные заранее. Все резолюции везде и всюду принимаются не иначе, как "единогласно". Всё это только отражается на внутренней жизни партийных организаций. Члены партии боятся открыто высказывать свои наиболее заветные мысли, желания и требования"².

В "Заявлении 13-ти" обращалось внимание и на то, что ленинская идея о ЦКК как органе, способствующем борьбе с бюрократизмом и защите права коммунистов свободно высказывать своё суждение, оказалась грубо нарушенной: "...Центральная Контрольная Комиссия сама стала чисто административным органом, который помогает зажиму со стороны других бюрократических органов, выполняя для них наиболее карательную часть работы, преследуя всякую самостоятельную мысль в партии, всякий голос критики, всякое вслух выраженное беспокойство за судьбы партии, всяческое критическое замечание об определённых руководителях партии"³.

Раскрывая связь между ростом бюрократизации партийного, государственного и хозяйственного аппарата и растущим социальным расслоением в городе и деревне, "Заявление" отмечало, что "государственный аппарат по своему составу и уровню жизни в огромной степени является буржуазным и мелкобуржуазным и тянет в сторону от пролетариата и деревенской бедноты, с одной стороны - навстречу устройшемуся интеллигенту, а с другой - навстречу арендатору, кулаку, новому буржуа... Неумелая и неряшливая тарифно-нормировочная работа, жестоко бьющая по рабочему, является в девяти случаях из десяти прямым результатом чиновничьего невнимания к элементарнейшим интересам рабочих и самого производства... Вопрос о так называемых излишествах верхов целиком связан с зажимом критики"⁴.

Ещё один узел разногласий, приобретших крайнюю остроту на июльском пленуме, был связан с обвинением лидеров оппозиции в "попытках создания фракционной организации". Поводом для этого был избран факт организации

¹ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 11-22

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

собрания в подмосковном лесу, на котором с докладом, подвергавшим критике руководство ЦК, выступил Лашевич. Июльский пленум одобрил решение Президиума ЦКК о суровых мерах к участникам этого собрания. Зиновьев был исключён из состава Политбюро за "фактическое руководство фракционной борьбой оппозиции". Лашевич был исключён из состава ЦК (первый случай применения 7 пункта резолюции X съезда "О единстве партии"), снят с поста зампреда Реввоенсовета и лишён на два года права вести ответственную партийную работу. В 1928 году Лашевич покончил жизнь самоубийством.

В ответ на обвинения во "фракционности" оппозиция, напомнив о существовании в течение двух лет фракционной "семёрки", указала, что подобная фракционная верхушка существует и после XIV съезда. В Москве, Ленинграде, Харькове и других крупных центрах происходят секретные фракционные собрания, организованные большинством Центрального Комитета, несмотря на то, что весь официальный аппарат находится в руках этого большинства. "Утверждение, будто "большинство" не может быть фракцией, явно бессмысленно, - говорилось в "Заявлении" оппозиции. - Истолкование и применение решений съезда должно совершаться в рамках нормальных партийных органов, а не путём предрешения всех вопросов правящей фракцией за кулисами нормальных учреждений... Эта система неизбежно сужает руководящую верхушку, понижает авторитет руководства и тем вынуждает к замене идейного авторитета двойным и тройным зажимом"¹.

Развивая эти положения в письме, обращённом к товарищам по оппозиции, Троцкий в сентябре 1926 года писал, что разгром, устранение и отсечение "объединённой оппозиции" приведёт к последующему отстранению от руководства "более авторитетных и влиятельных представителей ныне правящей фракции"². В этом своём прогнозе Троцкий исходил из того, что Бухарин, Рыков и Томский не могут и не способны играть ту роль безоговорочных исполнителей воли Сталина, какую охотно выполняют лица типа Кагановича, не обладающие весомым революционным прошлым и высоким авторитетом в партии. Поэтому "отсечение нынешней оппозиции означало бы неизбежное фактическое превращение в оппозицию остатков старой группы в ЦК. На очередь встала бы новая дискуссия, в которой Каганович обличал бы Рыкова, Угланов - Томского, а Слепковы, Стэны и К° развенчивали бы Бухарина"³.

Этот прогноз в основном оправдался уже в ближайшие годы. Единственное, в чем ошибся Троцкий, так это в именах "обличителей" следующей оппозиции. В действительности Угланов, Слепков, Стэн и другие сторонники Бухарина разделили его участь, а ряды "обличителей" пополнили новые стопроцентные сталинцы типа Мехлиса, Поспелова и Митина.

Июльский пленум 1926 года открыл продолжавшуюся ещё полтора года кампанию травли и преследований левой оппозиции.

¹ Там же.

² Там же. С. 80.

³ Там же.

Что осталось от "атмосферы горных высот"

С точки зрения зажиточного сельского жителя и городского обывателя 1926 и 1927 - последние годы нэпа - были годами наибольшего спокойствия и гражданского мира в стране. Но отнюдь не такими они были для партии, в которой шла ожесточённая внутренняя война при применении верхушечным блоком самых отравленных идеологических и политических средств, а затем - прямых полицейских репрессий против инакомыслящих.

Обострение внутрипартийной борьбы объективно снижало авторитет партии в глазах беспартийных масс. Более того - становящаяся всё более односторонней гласность, сопровождавшая эту борьбу, публичное "обливание грязью" правящей фракцией своих противников оживляли надежды мелкобуржуазных и промежуточных слоёв (начиная от нэпмановских и кулацких элементов и кончая . той частью интеллигенции, которая с самого начала не приняла Октябрьскую революцию) на ослабление партии и падение Советской власти.

Вместе с тем "правая", "либеральная" политика Сталина в социально-экономической области позволила ему обеспечить прочный тыл в стране для осуществления его главной цели на этом этапе - организационного разгрома левой оппозиции и как следствие этого - окончательного подавления свободы партийного мнения. Выступая сторонником "гражданского мира" в стране, Сталин проявлял всё большую жёсткость в гонениях на оппозицию и в дальнейшем подавлении внутрипартийной демократии. Поставив под свой полный контроль все участки и сферы партийной жизни, он шёл всё дальше и дальше в нарушении уставных требований выборности, подотчётности аппарата выборным органам и партийным организациям, гласности, информации сверху вниз, в замене демократического централизма бюрократическим централизмом. Всё более растягивались сроки созыва партийных съездов и пленумов ЦК, а сами эти форумы превращались в бесплодную и циничную травлю оппозиции, за которой следовали всё более жестокие организационные выводы. Грубость и нелояльность переставали быть только личными качествами Сталина, а становились определяющими чертами партийного руководства.

Сравнительная лёгкость "идейного разгрома" последней из оппозиций объяснялась и тем, что Сталин на всём протяжении периода внутрипартийной борьбы проводил форсированные массовые кампании по приёму в партию, вопреки предостережениям Ленина об опасности чрезмерного возрастания её численности.

Если к XII съезду партии в её рядах состояло 386 тыс. человек, то к XIII съезду - 736 тыс., к XIV съезду 1089 тыс., а к XV съезду - 1,2 млн. человек. При этом происходило изменение социального состава партии. Между XIV и XV съездами доля рабочих по социальному происхождению сократилась с 58,1 до 56,3 процентов, доля рабочих от станка - с 40,8 до 37,5 процентов. Десятая часть рабочих с производства, принятых в партию в 1924-1926 годах, к XV съезду выбыла из партии, в том числе по причине ис-

ключения.

Понятно, что в среде новых членов партии, вступивших в неё в разгар ожесточённых партийных дискуссий и бешеной травли оппозиции, происходило размывание старых партийных традиций. Резко изменился и состав низового партийного актива. К XV съезду 90 процентов секретарей и членов бюро первичных партийных ячеек на производстве составляли те, кто вступил в партию после 1924 года. Прилив в партию множества новых людей, имевших минимальный политический опыт и слабо разбиравшихся в её теории и истории, приводил к тому, что несколько тысяч коммунистов, отважившихся выступать на стороне оппозиции, подписывать её документы и голосовать за них, выглядели незначительной величиной. В то время, когда раскол старой партийной гвардии достиг своей кульминации, Сталин продолжал упорно твердить, что никакой речи о расколе партии быть не может, поскольку подавляющее большинство её членов голосует за "линию ЦК".

Всю полноту ответственности за использование в те годы бесчестных, провокационных приёмов в борьбе с оппозицией разделяло со Сталиным большинство Политбюро, двигавшееся всё дальше по пути политического и нравственного перерождения. Вспоминая о том, что при Ленине в партии и её руководстве царила "атмосфера горных высот", Троцкий писал: "Ленин выбыл из ЦК, и в Политбюро все сплотились против одного. Люди перестраивались. Известные лучшие черты уходили куда-то назад. На первый план выдвигались те черты, которые тщательно скрывались или не получили развития. Всё же пока личный состав Политбюро оставался прежний, воспоминания вчерашнего дня связывали людей и ограничивали их действия друг против друга.

Блок с Зиновьевым и Каменевым сдерживал Сталина. Как-никак они прошли длительную школу Ленина, они ценили идею, программу и хотя позволяли себе под видом военных хитростей чудовищные отступления от программы, нарушения идейной линии, всё это всё же в известных пределах. Раскол тройки снял со Сталина идейные ограничения. В Политбюро члены совершенно перестали стесняться невежества. Аргумент потерял силу...

После раскола тройки Политбюро пополнилось людьми случайными, отмеченными только готовностью поддерживать Сталина против других. В Политбюро ворвались совсем чуждые настроения, новые пришельцы соперничали друг с другом в обнаружении своей враждебности к оппозиции, в готовности поддержать каждый шаг "вождя", стремлении превзойти друг друга в грубости. Людям как Ворошилов, Рудзутак, Микоян, которые ранее с благоговением относились к ЦК и Политбюро, теперь показалось, что всё это был миф, раз они сами могут чувствовать себя господами Политбюро. От атмосферы горных высот не осталось ничего"¹.

Сталинские методы борьбы с оппозицией взяли на вооружение и члены ленинского Политбюро - Рыков, Томский и Бухарин. Их речи и статьи 1926-1927 годов демонстрировали всё большую утрату ими всяких моральных сдержек. В этом отношении характерна речь Бухарина на XV конференции ВКП (б) в ноябре 1926 года, которую Сталин многократно прерывал поощрительными

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. С. 248-250.

репликами. Особое одобрение Сталина и его приверженцев вызвал следующий пассаж этой речи: "Тов. Зиновьев говорил... как хорошо Ильич поступил с оппозицией, не выключая всех тогда, когда он имел только два голоса из всех на профессиональном собрании. Ильич дело понимал: ну-ка, исключи всех, когда имеешь два голоса (*Смех*). А вот тогда, когда имеешь всех, и против себя имеешь два голоса, а эти два голоса кричат о термидоре, - тогда можно и подумать. (*Возгласы "Правильно". Аплодисменты, смех. Сталин с места: "Здорово, Бухарин, здорово. Не говорит, а режет"*)"¹.

Томский и Рыков даже с большей определенностью, чем Сталин, высказывались за прямые политические репрессии по отношению к оппозиции. В ноябре 1927 года Томский говорил: "Оппозиция очень широко распространяет слухи о репрессиях, об ожидаемых тюрьмах, о Соловках (в то время - единственный концентрационный лагерь в стране для политических заключенных. - В. Р.) и т. д. Мы на это скажем нервным людям: "Если вы и теперь не успокоитесь, когда мы вас вывели из партии, то теперь мы говорим: нишкните, мы просто вежливо попросим вас присесть, ибо вам стоять неудобно. Если вы попытаетесь выйти теперь на фабрики и заводы, то мы скажем "присядьте, пожалуйста" (*Бурные аплодисменты*), ибо, товарищи, в обстановке диктатуры пролетариата может быть и две и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные в тюрьме. (*Аплодисменты*)"².

Своего рода кульминацией травли оппозиции стало заявление Рыкова на XV съезде ВКП(б): "Я не отделяю себя от тех революционеров, которые некоторых сторонников оппозиции за их антипартийные и антисоветские действия посадили в тюрьму. (*Бурные, продолжительные аплодисменты. Крики "Ура". Делегаты встают*). Тов. Каменев... должен был бы не жаловаться, что несколько человек при острейшей открытой борьбе оппозиции против партии посажены в тюрьму, а признать, что по "обстановке", которую оппозиция пыталась создать, сидят очень мало. Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придется в ближайшее время несколько увеличить"³.

Для того, чтобы такое толкование "идейной борьбы" в партии встретило на партийных форумах столь восторженное одобрение, нужна была, разумеется, тщательная идеологическая подготовка. В речи на заседании ЦКК в июне 1927 года Троцкий говорил: "...По всем ячейкам идет в настоящее время подготовка дальнейших и дальнейших выводов, подготовка по той именно линии, которую, вы, т. Орджоникидзе (в то время - председатель ЦКК. - В. Р.), так легко и бюрократически отводите: т. е. по линии отсечений и репрессий... На всех ячейках докладчики, специально дрессированные, ставят вопрос об оппозиции так, что поднимается рабочий, чаще всего по наряду, и говорит: "чего же вы возитесь с ними, не пора ли их расстрелять?" Тогда докладчик со скромно-лицемерной миной возражает: "товарищи, не нужно спешить". Это уже вошло в обиход партии. Вопрос ставится всегда за спиной оппозиционеров, с инсину-

¹ XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1927. С. 601.

² Первая Ленинградская областная конференция ВКП(б). 15-19 ноября 1927 года. Стенографический отчет. Л., 1927. С. 27, 28.

³ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Т. 1. С. 285, 286, 290, 291.

ациями, с грязными намёками, с грубыми, бесчестными, чисто сталинскими искажениями оппозиционной платформы и революционной биографии оппозиционеров, с изображением их, как врагов революции, как врагов партии, - всё это для того, чтобы вызвать у обманутых слушателей, у сырых молодых партийцев, которыми вы искусственно заполняете партийные ряды, бешеную реакцию, и чтобы потом иметь возможность сказать: "смотрите, мы готовы бы терпеть, но массы требуют". Это определённая сталинская стратегия, вы сами являетесь в большей или меньшей мере организаторами этой кампании, а потом получаете волну её на себя и говорите: "партия требует, ничего не могу сделать..."¹.

Троцкий предупреждал лидеров сталинской фракции, что инспирируемые Сталиным и поддерживаемые ими провокационные методы "идейной борьбы" завтра неизбежно обратятся против многих из них: "Через что проверяется ваше многоверие? Через голосование на 100 %. Кто в таком подневольном голосовании не хочет участвовать, тот старается иной раз ускользнуть через дверь. Секретарь не пускает, - ты должен голосовать, и именно так, как приказывают, - а уклоняющихся от голосования берет на учёт... Я спрашиваю вас: с кем шутки шутите? Вы шутите плохие шутки с собой, с революцией и с партией! Кто голосует всегда на 100 % с вами, кто вчера по приказу "крыл" Троцкого, сегодня Зиновьева, завтра будет крыть Бухарина и Рыкова, тот никогда не будет стойким солдатом в трудный час революции"².

В этих словах содержалось объяснение будущего поведения определённой части партии в "трудный час революции". Этим "трудным часом" (растянувшимся на долгие годы) оказались не только Отечественная война 1941 - 1945 годов, первые месяцы которой показали действительную степень "стойкости" Сталина и его ближайших приспешников, но в не меньшей мере - насильственная коллективизация и сталинский террор, которым очищенная от "левой" оппозиции партия оказалась неспособной противостоять.

¹ Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. С. 159.

² Там же. С. 143.

XXXVII

Методы борьбы с оппозицией

Новое большинство Политбюро во главе со Сталиным всё шире использовало приёмы, применявшиеся с 1923 года. С ещё большей силой была запущена на полный ход мощная пропагандистская машина, выбрасывавшая тысячи газетных и журнальных статей, сотни брошюр, сборников, книг. В грубо тенденциозном или даже прямо искажённом свете они трактовали выступления лидеров оппозиции, её документы, которым была закрыта дорога в официальную печать. Таким образом, большинство коммунистов было вынуждено знакомиться с этими выступлениями и документами по вырванным из контекста и тщательно препарированным обрывкам, сопровождаемым соответствующими комментариями. Даже в изданном Агитпропом ЦК к XV съезду сборнике "Партия и оппозиция по документам" (под грифами "Совершенно секретно". "Только для членов ВКП (б)". "Перепечатка воспрещается") выдержки из документов оппозиции и речей её лидеров давались в крайне усечённом виде.

В официальной пропаганде любые конкретные предложения оппозиции о путях и методах решения тех или иных социально-экономических проблем неизменно изображались как ревизия ленинизма и выражение пресловутого "троцкизма". Всё это не могло не создавать обстановку нервозности и крайней враждебности между спорящими сторонами, чего, собственно, и добивался Сталин, ибо такая обстановка позволяла накалять озлобление партийных масс и в особенности партийных функционеров против непокорного меньшинства.

Отказ от использования творческого потенциала дискуссий облегчался и тем, что Сталин и его союзники с особым усердием разжигали споры вокруг вопросов, носивших второстепенный или схоластический характер: толкование отдельных цитат, назойливое возвращение к ошибкам оппозиционных лидеров в дореволюционные годы и т. д. При этом дело изображалось таким образом, что даже трактовка сугубо теоретических вопросов в официальных документах должна восприниматься как политическое решение, которому следует подчиняться в порядке партийной дисциплины. Так, на августовском (1927 года) пленуме ЦК Сталин ссылаясь на принятое XV конференцией ВКП (б) и VII пленумом ИККИ *"решение"* о возможности победы социализма в СССР и требовал от оппозиции, чтобы она *"признала правильность этих решений высших инстанций нашей партии и Коминтерна..."*¹ (Курсив мой. - В. Р.)

Сразу же после XIV съезда Зиновьеву и его приверженцам пришлось ощутить на себе острие того жупела "фракционности", в создание которого они внесли активный вклад в предыдущей дискуссии. На основе использования этого жупела "новой", а потом и "объединённой оппозиции" запрещалось публиковать свои документы, выступать в партийных ячейках и т. д.

Уже на пленуме ЦК в январе 1926 года Орджоникидзе выступил с требованием к "ленинградской оппозиции" отречься от своих идей. Это требование,

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 10. С. 71.

ставшее после XIII съезда почти общепринятым в партии, было несколько смягчено Дзержинским, который тем не менее заявил: "Трудно требовать, чтобы Зиновьев сам выступил и сказал: у меня есть такие-то и такие уклоны и т. д., как предлагал сделать т. Орджоникидзе. Этого можно и не требовать, но партия достаточно сильна, чтобы потребовать от вас, Зиновьев и Каменев, что вы по этому поводу должны молчать. Вы должны это сделать, если остаётесь в её рядах"¹. И так, допустимой мерой насилия по отношению к оппозиции Дзержинский считал требование молчать, прекратить защищать свои взгляды.

С этого времени Зиновьев и Каменев попадают сами под зубья аппарата, построенного ими против Троцкого.

С июля 1926 года, когда разногласия между правящей фракцией и левой оппозицией обнажились со всей остротой, Троцкий окончательно и навсегда отказался от политики "гнилых компромиссов". В речах на пленумах ЦК и ЦКК и в письмах, обращённых в эти органы, он называл по имени главного врага партии и революции и давал крайне резкие характеристики его ближайшему окружению. В 1927 году Троцкий прямо обвинил правящую фракцию во главе со Сталиным в узурпации власти партии.

Эти разоблачения Троцкого по большей части оказывались известными партии не в первоизданном виде (ибо большинство работ Троцкого того времени Политбюро запрещало публиковать), а в сопровождении тенденциозных комментариев идеологов правящей фракции. Так, на XV конференции ВКП (б) Ярославский, ссылаясь на слова Троцкого о том, что "нет Центрального Комитета, а есть сталинская фракция", связывал это высказывание с тем, что на XIV съезде вопрос о Сталине представлял "центральный пункт всей атаки". Ярославский с возмущением прибавлял, что "тов. Троцкий очень часто любил говорить в последнее время по адресу ЦК: "вы заменяете идейное убожество аппаратным всемогуществом"².

Угланов с не меньшим возмущением называл "порушением партийного руководства" заявление Троцкого на одном из заседаний Политбюро о том, что "Сталин выставляет свою кандидатуру в могильщики нашей партии и революции"³. Ссылаясь на это же высказывание Троцкого, Бухарин с негодованием заявлял: "Сказано ли было или нет, что мы переживаем бюрократическое перерождение наверху, где создалась каста оторвавшихся от масс... Тов. Троцкий читал с этой трибуны, что партийный аппарат и руководящие круги партии схватили всю партию за горло"⁴.

Осенью 1926 года оппозиция сделала первую попытку открытого выступления с изложением своих взглядов на собраниях партийных ячеек. "Аппарат дал бешеный отпор. Идеальная борьба заменилась административной механикой: телефонными вызовами партийной бюрократии на собрания рабочих ячеек, бешеным скоплением автомобилей, рёвом гудков, хорошо организованным свистом и рёвом при появлении оппозиционеров на трибуне. Правящая фракция давила механической концентрацией своих сил, угрозой репрессий. Преж-

¹ Коммунист. 1989. № 8. С. 81.

² XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 495, 496, 503.

³ Там же. С. 633.

⁴ Там же. С. 578, 579.

де чем партийная масса успела что-нибудь услышать, понять и сказать, она испугалась раскола и катастрофы"¹.

В этих условиях оппозиция выступила с заявлением от 16 октября, подписанным Зиновьевым, Каменевым, Пятаковым, Сокольниковым, Троцким и Евдокимовым. Смысл заявления состоял в том, что лидеры оппозиции, считая свои взгляды правильными и сохраняя за собой право бороться за них в рамках партии, отказываются от фракционных методов защиты своих взглядов и призывают к тому же всех своих товарищей, разделяющих эти взгляды. В то же время в заявлении отмечалось, что "в течение последних месяцев ряд товарищей был исключён из партии за те или другие нарушения партийной дисциплины и применение фракционных методов в борьбе за взгляды оппозиции.. Выражаем твёрдую надежду на то, что фактическое прекращение со стороны оппозиции фракционной борьбы откроет возможность исключённым товарищам, признавшим свои ошибки в деле нарушения партдисциплины и интересов единства партии, вернуться в ряды партии"².

Невзирая на этот важный шаг со стороны оппозиции, октябрьский пленум ЦК и ЦКК 1926 года "ввиду нарушения партдисциплины" поставил на вид членам ЦК Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Пятакову, Евдокимову, Сокольникову, Смильге и кандидату в члены ЦК Николаевой, а "ввиду руководящей фракционной деятельности" освободил Троцкого от обязанностей члена Политбюро, Каменева - от обязанностей кандидата в члены Политбюро.

На XV конференции ВКП (б) Зиновьев вновь обратил внимание на то, что целый ряд оппозиционеров оказался исключённым из партии, чего не было даже в период крайнего обострения фракционной борьбы в 1918 году. Он констатировал также, что в последнее время большинство ЦК впервые в истории партии выдвинуло лозунг - "добивай оппозицию".

После заявления от 16 октября оппозиция на некоторое время прекратила фракционную деятельность. Тем временем аппарат продолжал исключать оппозиционеров из партии и усиленно добиваться от других оппозиционеров заявлений об отходе от оппозиции. Наиболее серьёзным из таких отходов явился отказ Крупской от участия в оппозиции. В опубликованном по этому поводу письме Крупской в редакцию "Правды" говорилось, что "широкая крестьянская и рабочая масса поняла выступление оппозиции как выступление против основных принципов коммунистической партии и советской власти. Конечно, такое представление было в корне ошибочно. Однако, данный факт красноречиво говорит о необходимости более сдержанных и товарищеских форм полемики. Я считаю чрезвычайно важной самокритику партии, но я думаю, что эта самокритика не должна переходить в обвинение друг друга во всех смертных грехах. Нужно деловое, трезвое обсуждение вопросов"³.

В письмах Троцкому и Зиновьеву Крупская объясняла свой поступок тем, что "мы прямым путём катимся при таких методах работы в другую партию" и что "сейчас и внутреннее и международное положение таково, что должно

¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 502.

² О внутрипартийном положении. Три документа. М. - Л., 1927. С. 10, 11.

³ Правда. 1927. 20 мая.

быть полное единство действий..."¹ В ответе Крупской Зиновьев замечал: "Независимо от Ваших желаний, которые, конечно, хороши, на деле Вы можете Сталину, который ведёт дело (теперь уже в лихорадочном темпе) на раскол, на исключение из партии тех, кто защищает дело Ильича... Не сомневаюсь, что Вы в этом убедитесь довольно скоро. Но Сталин тем временем своё дело сделает..."

Не пройдёт и несколько недель, и Вы увидите до конца намерения Сталина. До боли жаль, что Вы на деле облегчите ему выполнить то, чего так боялся В. И. и против чего он предупреждал"².

Кроме Крупской, никто из ведущих деятелей оппозиции не заявил до XV съезда о своём отходе. Отчётливо представляя, что Сталин готовит организационный разгром оппозиции, её основная группа шла навстречу этой развязке с открытыми глазами. "Ядро оппозиции составляла группа старых революционеров. Но мы были уже не одни. Вокруг нас группировались сотни и тысячи революционеров нового поколения, которое впервые было пробуждено к политической жизни Октябрьской революцией, проделало гражданскую войну, искренне держало руки по швам перед гигантским авторитетом ленинского Центрального Комитета и только начиная с 23-го года стало самостоятельно мыслить, критиковать, применять методы марксизма к новым поворотам развития и, что ещё труднее, училось брать на свои плечи ответственность революционной инициативы"³.

Исключённый из Политбюро Троцкий, продолжая на пленумах ЦК и ИККИ открыто развенчивать теоретические "открытия" и бесчестную тактику Сталина, вынуждал последнего нередко занимать оборонительную позицию и даже выступать с уничижительными для себя заявлениями. Так, на VII расширенном пленуме ИККИ (22 ноября - 16 декабря 1926 года) Сталин заявил, что он никогда "не претендовал на что-либо новое в теории..."⁴

Необходимость публично полемизировать с Троцким и другими оппозиционерами делала для Сталина всё более настоятельной задачей: изгнать лидеров оппозиции из ЦК и руководства Коминтерна, полностью лишить их возможности всяких публичных выступлений. Для решения этой задачи сталинская фракция усиленно продолжала применять свои излюбленные приёмы: переносить внимание с действительных разногласий на якобы дискредитирующие оппозиционных лидеров факты их биографий. Так, на том же пленуме ИККИ Сталин в ответ на критику Каменевым ошибок правящей фракции привёл порочившую Каменева сплетню, фигурировавшую в 1917 году в буржуазных газетах и тогда же опровергнутую "Правдой". "Дело происходило в городе Ачинске в 1917 году, после Февральской революции, где я был ссыльным вместе с тов. Каменевым, - заявил Сталин. - Был банкет или митинг, я не помню хорошо, и вот на этом собрании несколько граждан вместе с тов. Каменевым послали на имя Михаила Романова... (Каменев с места: "Признайся, что лжёшь, признайся, что лжёшь!"). Молчите, Каменев. (Каменев: "Признаёшь,

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 205-207.

² Там же.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 504.

⁴ Сталин И. В. Соч. Т. 9. С. 116.

что лжешь?"). Каменев, молчите, а то будет хуже. (*Председательствующий Тельман призывает к порядку Каменева*). Телеграмма на имя Романова, как первого гражданина России, была послана несколькими купцами и тов. Каменевым. Я узнал на другой день об этом от самого т. Каменева, который зашёл ко мне и сказал, что допустил глупость (*Каменев с места*: "Врёшь, никогда тебе ничего подобного не говорил"). Так как тов. Каменев здесь пыгается уже слабее опровергать то, что является фактом, вы мне разрешите собрать подписи участников апрельской конференции, тех, кто настаивал на исключении тов. Каменева из ЦК из-за этой телеграммы (*Троцкий с места*: "Только не хватает подписи Ленина"). Тов. Троцкий, молчали бы вы! (*Троцкий*: "Не пугайте, не пугайте...") Вы идете против правды, а правды вы должны бояться (*Троцкий*: "Это сталинская правда, это грубость и нелояльность")"¹.

Подписи участников апрельской конференции были собраны, однако, не Сталиным, а Каменевым. 13 делегатов конференции категорически опровергли как сообщение Сталина, так и его заявление о том, что опровержение "Правды" было помещено потому, что "это было единственное средство спасти Каменева и уберечь партию от ударов со стороны врагов"², и что только Ленину с помощью его, Сталина, удалось с трудом отстоять кандидатуру Каменева при выборах в ЦК. Члены ЦК, избранного на апрельской конференции - Зиновьев, Смилга и Федоров писали, что "вся версия Сталина... лжива от начала до конца"³. В заявлении Крупской указывалось, что она "никогда не слышала от Владимира Ильича - хотя он не раз говорил со мной о Каменеве - о телеграмме, якобы посланной Каменевым Михаилу Романову. Знаю, что Владимир Ильич никогда не стал бы покрывать такую вещь; не стали бы этого делать, конечно, и другие члены ЦК"⁴.

Однако все эти документы, разоблачающие сталинскую инсинуацию, было запрещено публиковать. 5 января 1927 года Секретариат ЦК вынес постановление: не рассматривать заявление Каменева и не удовлетворять его просьбу о публикации представленных им документов.

Ведя последовательную линию на раскол с левой оппозицией в ВКП (б) и поддерживавшими её группами в других коммунистических партиях, правящая фракция игнорировала все предупреждения зарубежных коммунистов о том, что такой раскол явится ударом по коммунистическим партиям и послужит интересам реакционных сил на Западе.

Именно такие предупреждения содержались в письме Центральному Комитету ВКП (б), направленном Антонио Грамши от имени Политбюро компартии Италии в октябре 1926 года. Считая лидеров левой оппозиции в первую очередь ответственными за раскол работавшей с Лениным руководящей группы ВКП (б) и Коминтерна, Грамши одновременно обращался с просьбой к большинству ЦК ВКП (б), чтобы оно не стремилось злоупотреблять победой в борьбе и проявило готовность избежать крайних мер. Отмечая, что "товарищи Зиновьев, Троцкий, Каменев в большой мере способствовали нашему форми-

¹ Октябрь. 1988. № 10. С. 15.

² Вопросы истории КПСС. 1990. № 4. С. 100, 101.

³ Там же.

⁴ Там же.

рованию в революционном духе, порою весьма энергично и сурово поправляли нас, были нашими учителями" и что руководство большевистской партии было "организующим и стимулирующим фактором для революционных сил всех стран", Грамши писал советским руководителям: "Но сегодня вы разрушаете плоды своих деяний, вы деградируете и рискуете уничтожить руководящую роль, которую Коммунистическая партия СССР завоевала под руководством Ленина..."¹

Однако П. Тольятти, которому Грамши переслал из тюрьмы это письмо, показал его только Бухарину, который посоветовал не отправлять официально это письмо в ЦК ВКП (б), поскольку-де такой шаг ухудшит отношения между компартиями двух стран.

В июне 1927 года сталинская фракция, всё чаще использовавшая Центральную Контрольную Комиссию для организационного подавления оппозиции, вынесла на заседание ЦКК "дело" Зиновьева и Троцкого по обвинению в "дезорганизаторском поведении". Этому предшествовало постановление ЦК, где "выступление тов. Зиновьева на непартийном собрании, посвящённом дню печати (9 мая), с нападением на ЦК ВКП (б) и его решения (а также на "Правду")" объявлялось "неслыханным в рядах ВКП (большевиков) и совершенно недопустимым и нетерпимым, нарушающим все обязательства о соблюдении партийной дисциплины, взятые на себя оппозицией, в том числе и т. Зиновьевым"². Троцкому вменялось в вину аналогичное "преступление": выступление с "фракционными" речами на пленуме Исполкома Коминтерна. Наконец, третьим "преступлением" лидеров оппозиции объявлялось их участие в демонстративных проходах на Ярославском вокзале члена ЦК Смилги, который в наказание за оппозиционность был отправлен Центральным Комитетом на Дальний Восток.

На заседании ЦКК Троцкий выступил с двумя речами, где он напоминал, что ещё в июльской декларации оппозиции 1926 года "все пути вашей борьбы против нас предсказаны нами с полной ясностью и точностью; предсказано, как вы будете пользоваться придирками для того, чтобы осуществить ту программу перестройки партийного руководства, которую ваша фракционная головка задумала давно, ещё до июльского пленума, до XIV съезда"³. От имени оппозиции Троцкий заявил: "Сталинский режим мы будем критиковать до тех пор, пока вы нам механически не закроете рот. До тех пор, пока вы не вгоните нам в рот кляп, мы будем критиковать этот сталинский режим, который иначе подорвет все завоевания Октябрьской революции"⁴.

Превратив свои выступления из орудия обороны, как того хотела сталинская фракция, в орудие наступления, беспощадной критики беспринципных методов, используемых в борьбе с оппозицией, Троцкий говорил: "На собраниях, особенно на рабочих и крестьянских ячейках, говорят уже об оппозиции черт знает что, спрашивают, на какие-де "средства" оппозиция ведёт свою "работу"; рабочие, может быть, тёмные, несознательные, а может быть, подо-

¹ Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 143, 144.

² Правда. 1927. 13 мая.

³ Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. С. 135-138.

⁴ Там же.

сланные вами, задают такие вопросы, подают такие черносотенные записки.. И есть подлецы-докладчики, которые смеют на эти записки уклончиво отвечать. Эту грязную, дрянную, гнусную, чисто сталинскую кампанию против оппозиции вы обязаны были бы прекратить, - если бы вы были ЦКК"¹.

Упоминание о черносотенстве в этом выступлении Троцкого было далеко не случайным. Стараясь публично не выражать собственные антисемитские настроения, Сталин широко использовал эти настроения в борьбе с оппозицией. "Дело зашло так далеко, что Сталин оказался вынужден выступить с печатным заявлением, которое гласило: "Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры и проч." Для всякого политически мыслящего человека было совершенно ясно, что это сознательно двусмысленное заявление, направленное против "эксцессов" антисемитизма, в то же время совершенно преднамеренно питало его. "Не забывайте, что вожди оппозиции - евреи", - таков был смысл заявления Сталина, напечатанного во всех советских газетах"².

О том, насколько глубоко уже в то время пустили корни эти семена, посеянные Сталиным, свидетельствует примечательный эпизод из выступления Ярославского на XV съезде. Заявляя, что оппозиция уделяет антисемитизму более чем болезненное внимание, раздувает его, пытается представить дело так, будто антисемитизм есть метод борьбы с оппозицией, Ярославский был вынужден, однако, привести выдержку из протокола заседания одной крестьянской ячейки. "Там обсуждали вопрос об оппозиции Троцкого и Зиновьева, и один из товарищей указал, что: "Троцкий давно начал вести раскольническую политику, что Троцкий не мог быть коммунистом, что сама его национальность указывает, что ему нужна спекуляция".

Голос. Политическая спекуляция, конечно, есть"³.

Заседание Центральной Контрольной Комиссии в июне 1927 года, перед которым была поставлена задача исключить Троцкого и Зиновьева из партии, не вынесло никакого решения. Вопрос был ещё недостаточно подготовлен.

После заседания ЦКК с новой силой развернулась беспримерная травля оппозиции - на этот раз в связи со сбором подписей под "Заявлением 83-х", названным так по числу лиц, представивших этот документ 25 мая 1927 года в ЦК. За короткий срок "Заявление 83-х", содержащее требование о проведении партийной дискуссии* собрало около трёх тысяч подписей. По поводу этой петиционной кампании в редакционной статье "Правды" "Путь оппозиции" было заявлено о "фабрикации и рассылке (оппозицией) всевозможных "документов", которые трудно отличить от документов врага", о её союзе с "чемберленовскими подручными", о том, что оппозиция эксплуатирует "обострение международного положения"⁴.

Имея в виду подобные обвинения, Троцкий утверждал, в письме к Орджоникидзе от 11 июля 1927 года: "...Если кто скажет, что политическая линия невежественных и бессовестных шпаргалщиков должна быть выметена, как,

¹ Там же.

² Троцкий Л. Д. Сталин. Соч. Т. 2. С. 171.

³ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевик). Т. 1. С. 397.

⁴ Правда. 1927. 22 июня.

мусор, именно в интересах победы рабочего государства, то он от этого никак ещё не становится "пораженцем..."¹ В подтверждение этого он выдвинул историческую аналогию, которая в дальнейшем будет именоваться "тезисом о Клемансо". Троцкий напоминал, что во время первой мировой войны французский политический деятель Клемансо, находившийся в оппозиции к своему правительству, повёл бешеную борьбу против его нерешительности" добился прихода своей группы к власти и своей более последовательной политикой обеспечил победу Франции в войне. "Были ли такие французские газетчики, которые называли группу Клемансо - пораженцами? - писал по этому поводу Троцкий. - Наверно были: глупцы и клеветники тащатся в обозе всех классов"².

Эти положения были обнародованы Сталиным в речи "Международное положение и оборона СССР", с которой он выступил 1 августа 1927 года на объединённом пленуме ЦК и ЦКК. Этот пленум был созван для рассмотрения вопроса об исключении оппозиционеров из высших учреждений партии. Ради достижения этой цели Сталин переплёл вопрос об оппозиции с вопросом о военной опасности, заявив, что "тезис о Клемансо" является выражением намерений оппозиции захватить повстанческим путём власть в случае войны.

В тот же день Троцкий выступил на пленуме с речью "Военная опасность, политика обороны и оппозиция", где заявил: "Ложь об условном оборончестве, о двух партиях - и наиболее гнусную ложь о повстанчестве мы бросаем клеветникам в лицо"³. Приведя вопрос, поставленный Сталиным в его недавней статье в "Правде": "Неужели оппозиция против победы СССР в грядущих боях с империализмом?", Троцкий говорил: "Оставим в стороне наглость вопроса... Возьмём вопрос, как он поставлен, и дадим на него ответ... Оппозиция за победу СССР, она доказала и докажет это делом не хуже других. Но для Сталина дело не в этом. В сущности Сталин имеет в виду другой вопрос, который не решается высказать. Именно: "Неужели оппозиция думает, что руководство Сталина не в состоянии обеспечить победу СССР?" Да, думает...

Молотов. - А партия где?

Троцкий. - Партию вы задушили. Оппозиция думает, что руководство Сталина затрудняет победу... Резюмирую: за социалистическое отечество? Да! За сталинский курс? Нет!"⁴. Сталин же в ответ произнес зловещие слова о том, что "вымести" нынешнее большинство ЦК можно только гражданской войной.

Однако, в конечном счете, и этот пленум, рассмотрев "опрос "О нарушении партийной дисциплины тт. Зиновьевым и Троцким" постановил снять с обсуждения вопрос об исключении Зиновьева и Троцкого из ЦК партии и объявить им строгий выговор с предупреждением. В этом вновь проявилось "главное искусство сталинской стратегии": "осторожное дозирование ударов, наносимых партии"⁵.

Сталин не был бы Сталиным, если бы он, непрерывно нагнетая внутрипар-

¹ Цит. по: Сталин И. В. Соч. Т. 10. С. 52.

² Там же.

³ Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. С. 177-179.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 165.

тийную борьбу, одновременно не маскировал до поры до времени своё намерение беспощадно расправиться с оппозицией. Ещё в ноябре 1926 года он уверял, будто заявление Троцкого о том, что принятие тезисов XV конференции об оппозиционном блоке неминуемо должно привести к исключению лидеров оппозиции из партии, "лишено всякого основания... оно является фальшивым"¹. На августовском пленуме следующего года Сталин "отговаривал" наиболее ретивых членов ЦК от немедленного исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК, за что даже получил от некоторых своих сторонников обвинения в "мягкости".

В сентябре 1927 года 13 оппозиционных членов ЦК и ЦКК внесли в Политбюро ЦК обширный документ "Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиция) к XV съезду ВКП (б). Кризис партии и пути его преодоления"^{2*}. Проект был отпечатан в "нелегальной" типографии в качестве брошюры под грифом "На правах рукописи, только для членов ВКП (большевиков)". Хотя уже в ходе петиционной кампании, лета 1927 года по сбору подписей под "Заявлением 83-х" многие из подписавших этот документ были исключены из партии, под новым документом также начался массовый сбор подписей. В преддверии XV съезда, "несмотря на чудовищный террор, в партии пробудилось стремление услышать оппозицию. Этого нельзя было достигнуть иначе, как на нелегальном пути"³. В Москве и Ленинграде проходили тайные собрания рабочих и студентов (от 20 до 200 человек), желавших выслушать представителей оппозиции. В общем на этих сходках, проходивших обычно на квартирах рабочих, побывало до 20 тысяч человек.

Широкий резонанс вызвало собрание в зале МВТУ, на котором присутствовало свыше двух тысяч человек. Троцкий и Каменев говорили на нём около двух часов. После этого ЦК выпустил воззвание к рабочим о необходимости разгонять силой собрания, организованные оппозиционерами. "Это воззвание было только прикрытием для тщательно подготовленных нападений на оппозицию со стороны боевых дружин под руководством ГПУ. Сталин хотел кровавой развязки. Мы дали сигнал к временному прекращению больших собраний"⁴. Но это произошло уже после массовой демонстрации, которая произошла в октябре 1927 года в Ленинграде в честь заседавшей там в то время сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР.

Троцкий, Зиновьев и другие оппозиционеры объезжали на автомобиле город, чтобы посмотреть размеры и настроение демонстрации. Когда их автомобиль подъехал к грузовикам, на которых были сооружены трибуны для руководителей, приветствовавших демонстрантов, комендант предложил провести их к трибуне. Оппозиционеры заняли последний грузовик, который был ещё пуст. Сразу же после этого демонстрация изменила свой характер. "В толпу

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 8. С. 293.

² "Платформа большевиков-ленинцев" - наиболее развёрнутый программный документ левой оппозиции. ЦК запретил не только обсуждение, но даже распространение этого документа, в результате чего оппозиция распространяла его текст среди членов партии нелегально. Основные положения этого документа были перенесены в "Контртезисы" оппозиции о пятилетнем плане народного хозяйства, опубликованные в "Правде" 17 ноября 1927 года.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 505, 506.

⁴ Там же.

посланы были сотни наиболее верных агентов аппарата. Они пробовали свистеть, но одинокие свистки безнадежно тонули в возгласах сочувствия. Чем дальше, тем более явно положение становилось невыносимым для официальных руководителей демонстрации. В конце концов председатель ВЦИКа (Калинин. - В. Р.) и несколько наиболее видных членов его сошли с первой трибуны, вокруг которой зияла пустота, и взобрались на нашу, занимавшую последнее место и предназначенную для наименее видных гостей. Однако и этот отважный шаг не спас положения: масса упорно выкрикала имена, и это не были имена официальных хозяев положения"¹.

Манифестация в Ленинграде дала повод правящей фракции ускорить расправу над лидерами оппозиции. Для этого 21-23 октября 1927 года был созван объединённый пленум ЦК и ЦКК. Это был последний пленум, на котором Троцкий получил возможность публично выступить. Лидеры оппозиции на пленуме вновь подняли вопрос о публикации "Завещания" и выполнении ленинского совета о снятии Сталина с поста генсека. В ответ на это Сталин вынужден был публично огласить перед широкой аудиторией запретный текст "Завещания"^{2*}.

Вспоминая об этом эпизоде, Троцкий писал: "Сталин редко выходит из себя, редко повышает голос или употребляет жестикуляцию. Только по грубости выражений, по цинизму обвинений, да ещё и по глухому тембру голоса можно подметить душасую его злобу. Таким именно тоном он читал завещание Ленина. В отместку он прочитал некоторые старые документы, которые могли повредить членам оппозиции. Он читал с намеренными искажениями, предназначенными для протокола. Его прерывали, поправляли, уличали. На возгласы с мест он не находил ответа. Полемическая находчивость не свойственна его неповоротливому уму. В конце концов он совершенно потерял равновесие и, приподнявшись на цыпочках, форсируя свой голос, с поднятой вверх рукой стал хрипло кричать бешеные обвинения и угрозы, вызвавшие оторопь во всём зале. Ни раньше, ни позже я не видел его в таком состоянии иступления"³.

Хотя Зиновьев и Каменев признались, что они вместе со Сталиным способствовали сокрытию "Завещания" от XII съезда, Сталин в разделе своего доклада, озаглавленном "Некоторые мелкие вопросы", утверждал: "Было доказано и передоказано, что никто ничего не скрывает, что "завещание" Ленина было адресовано на имя XIII (а не XII! - В. Р.) съезда партии... что съезд решил единогласно не опубликовывать его..."⁴

Далее Сталин дал такую интерпретацию ленинской критики в его адрес, при которой его отрицательные качества, отмеченные Лениным, были представлены как достоинства. "Говорят, что в этом "завещании" тов. Ленин предлагал съезду ввиду "грубости" Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно. Да, я

¹ Там же.

² Более того - в опубликованном тексте речи Сталина на октябрьском пленуме была полностью приведена характеристика Сталина, содержавшаяся в добавлении к "Письму к съезду", продиктованном Лениным 4 января 1923 года (Правда. 1927. 2 ноября).

³ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. С. 184.

⁴ Сталин И. В. Соч. Т. 10. С. 173-176.

груб, товарищи. в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается"¹.

Наконец, Сталин, напомнив о своих многочисленных "просьбах" об освобождении с поста генсека и об отклонении этих просьб, заявил: "Что же я мог сделать? Сбежать с поста? Это не в моем характере, ни с каких постов я никогда не убежал и не имею права убежать, ибо это было бы дезертирством. Человек я, как уже раньше об этом говорил, подневольный, и когда партия обязывает, я должен подчиниться"².

Октябрьский пленум подтвердил решение июльского (1926 года) пленума о том, чтобы испросить разрешения XV съезда на публикацию "Письма к съезду", равно как и ленинских писем 1917 года с предложением об исключении Каменева и Зиновьева из партии. Однако вопреки этому решению два письма Ленина с критикой октябрьских ошибок Каменева и Зиновьева были опубликованы в "Правде" за месяц до съезда в сопровождении редакционной статьи под заголовком "Ленин о штрейкбрехерах: в Октябре 1917 года. Штрейкбрехерство 1917 года и штрейкбрехерство 1927 года". В статье подчеркивалось, что "печатаемые письма Ленина приобретают значение не только чисто исторических документов, но и значение политических характеристик, годных для настоящего времени"³.

Рецидив "штрейкбрехерства" усматривался в том, что "Зиновьев и Каменев, вместе с другими оппозиционными лидерами, способствовали публикации в органах, издававшихся за рубежом группами, близкими к левой оппозиции, "секретных внутрипартийных документов". На основании этих фактов в статье делался вывод о том, что "доказана "неслучайность" ошибок тт. Зиновьева и Каменева в Октябре 1917 года: тем самым доказана несомненная связь этих ошибок с теперешними ошибками этих лидеров оппозиции, тем самым "штрейкбрехерство" 1917 г. становится в тесную связь с штрейкбрехерством 1927 г."⁴.

Что же касается "Письма к съезду", то на XV съезде в заключительном слове по докладу ЦКК - РКК Орджоникидзе просил съезд принять предложение июльского пленума о публикации "последних писем Владимира Ильича, касающихся внутрипартийных разногласий", и отменить постановление XIII съезда о запрете на публикацию "Завещания". Это предложение в полном объеме ("опубликовать не только то письмо, которое называется "завещанием", но и другие неопубликованные письма по внутрипартийным вопросам, а так называемое "завещание" приложить и к стенограмме"⁵) было поддержано Рыковым и затем единогласно принято съездом.

Однако ни одно из скрывавшихся от партии ленинских писем (а точнее - статей) не было опубликовано в СССР вплоть до 1956 года. Лишь отдельные

¹ Там же.

² Там же.

³ Правда. 1927. 1 ноября.

⁴ Там же.

⁵ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Т. 1. С. 623.

части "Письма к съезду" (записи от 24, 25 декабря 1922 года и от 4 января 1923 года) были приложены к секретному Бюллетеню XV съезда № 30, изданному тиражом 13500 экземпляров. Эти документы были доведены до сведения только аппаратной верхушки, а подавляющему большинству членов партии остались неизвестными. Уже в 1927 году при обысках у оппозиционеров текст "Завещания" изымался как часть "антипартийной" литературы.

Тем временем в предсъездовских выступлениях руководители правящей фракции, вынужденные затрагивать вопрос о "Завещании", убеждали коммунистов в том, что Сталин учел совет Ленина и изменил своё поведение. С последней фарисейской просьбой об отставке с поста генсека Сталин обратился к пленуму ЦК ВКП (б), избранному XV съездом. На заседании пленума 19 декабря он заявил: "Я думаю, что до последнего времени были условия, ставящие партию в необходимость иметь меня на этом посту как человека более или менее крутого, представлявшего известное противоядие оппозиции. Сейчас оппозиция не только разбита, но и исключена из партии. А между тем у нас имеется указание Ленина, которое, по-моему, нужно провести в жизнь. Поэтому прошу Пленум освободить меня от поста генерального секретаря. Уверяю вас, товарищи, что партия от этого только выиграет"¹. Разумеется, теперь уже вполне однородный, просталинский Центральный Комитет отверг в очередной раз это "предложение" Сталина.

Сталинская фракция одержала полную победу, подготовив организационный разгром левой оппозиции, завершённый на XV съезде. Сила и срочность этого разгрома определялись тем, что на протяжении всего периода ожесточённой травли левой оппозиции она продолжала вести борьбу против теоретических и политических ошибок большинства ЦК, возглавлявшегося дуумвиратом.

Рассмотрим подробнее основные направления этой борьбы.

¹ Политическое образование. 1988. № 8. С. 44.

XXXVIII

Возможна ли победа социализма в одной стране?

Одним из главных направлений теоретических разногласий в 1926-1927 годах был вопрос о возможности победы социализма "в одной, отдельно взятой стране".

В работах западных исследователей можно встретить мнение, по которому тактической ошибкой левой оппозиции явилось то, что она позволила Сталину втянуть себя в эту дискуссию, носившую якобы "схоластический характер". На первый взгляд такого рода суждения могут показаться резонными. Стоило ли так ожесточённо спорить по, казалось бы, отвлечённому вопросу: что произойдет раньше - построение социализма в СССР или победа социалистических революций в развитых капиталистических странах (принципиальных сомнений в неизбежности таких революций не высказывал в то время ни один из наиболее рьяных защитников "теории построения социализма в одной стране")? Однако дальнейший ход исторических событий показал, что данная дискуссия имела важное не только теоретическое, но и практическое значение и победа в ней сталинской фракции оказала значительное негативное влияние на весь ход мирового революционного процесса.

На протяжении долгих лет позиция в этой дискуссии Троцкого и его единомышленников, отвергавших возможность построения социализма без победы революции в других странах, трактовалась сталинистской пропагандой и историографией как наиболее тяжкий грех "троцкизма", а "правота" и "прозорливость" Сталина обосновывались тем, что социализм в СССР одержал "полную победу" уже в 30-е годы, когда ещё не произошло победоносной социалистической революции ни в одной из капиталистических стран.

Ныне, когда большинство европейских стран, именовавшихся до недавнего времени социалистическими, повернуло к капитализму, а в СССР пришли к власти силы, отвергающие саму идею социалистического выбора, дискуссия 20-х годов о возможности победы социализма в одной стране предстает в новом свете. Целая когорта советских публицистов, называющих себя "демократами", ныне "переписывает" всю послеоктябрьскую историю ради "доказательства" того, что претворение в жизнь марксистской идеи социализма и развитие революционной практики большевизма не могли привести ни к чему иному, чем сталинизм. Вслед за сталинистской пропагандой они утверждают, что в СССР построен социализм, и добавляют, что только такой "социализм" и мог быть построен в результате последовательной реализации марксистско-ленинского учения.

Наилучшим опровержением этого новейшего исторического мифа может служить анализ альтернативы сталинизму, выдвигавшейся левой оппозицией в 20-е и, особенно, в 30-е годы и начисто игнорируемой современными антикоммунистами.

Эта альтернативная сталинизму концепция социализма, развивавшая идеи Маркса и Ленина на опыте успехов и поражений социалистического строи-

тельства, включала следующие динамические характеристики: достижение более высокой, чем в передовых капиталистических странах, производительности труда; неуклонное движение к социальному равенству, т. е. равенству общественного и материального положения всех слоёв населения; отмирание государства, т. е. последовательная замена силы государственного принуждения силой добровольного общественного самоуправления трудящихся; ликвидация следов всякого гегемонизма и неравноправия как между нациями внутри отдельных социалистических стран, так и между странами, образующими социалистическое содружество^{1*}.

Более серьёзные исследователи отвергают вслед за Троцким тезис о построении в СССР социализма в научном, т. е. единственно правильном смысле этого слова. Причины этого они видят не в изолированности Советского Союза (с конца 40-х годов на путь социалистического строительства встали и другие страны, обладавшие разным уровнем экономического и социального развития), а в подмене социалистических принципов сталинистскими и в навязывании сталинистских канонов другим странам, избравшим социалистическую ориентацию.

Исторический опыт, на первый взгляд, опроверг некоторые другие важные положения, выдвинутые Троцким в дискуссии. Мы имеем в виду то неоспоримое обстоятельство, что передовые капиталистические страны после второй мировой войны, вопреки мнению Троцкого, сумели обрести новое динамическое равновесие, вступить в новую полосу подъёма. Такое развитие событий, как считал Троцкий в 20-е годы, означало бы, что капитализм "в европейском и всемирном масштабе своей исторической миссии ещё не исчерпал, что это не империалистический загнивающий капитализм, а развивающийся капитализм, ведущий хозяйство и культуру вперёд"². Поскольку же Троцкий, исходя из анализа тенденций развития капитализма 20-х годов, полагал, что исторических шансов на новый длительный подъём у капитализма нет, то, казалось бы, следует сделать вывод об ошибочности позиции Троцкого в данном вопросе. Однако лежащие на поверхности ответы не всегда оказываются верными. Попытаемся разобраться в этом вопросе более конкретно.

Итак, ошибался ли Троцкий в своей оценке перспектив мирового революционного процесса и социалистического строительства? Для более тщательного рассмотрения этих проблем проследим, во-первых, как возникла и развивалась дискуссия о возможности победы социализма в одной стране, во-вторых, каковы были аргументы обеих сторон в этой дискуссии и, в-третьих, как выглядят эти аргументы в свете всего последующего исторического опыта.

До конца 1924 года вопрос о возможности построения социализма в "одной, отдельно взятой стране", а конкретно говоря - в СССР, никем в партии не поднимался. Мнение о победе социалистической революции в нескольких пе-

¹ Более подробно основные идеи данной альтернативной концепции проанализованы в статьях: Роговин В. Троцкий о социальных отношениях в СССР. - Социологические исследования. 1990. № 5; он же. Троцкий против Сталина. - Экономические науки. 1990. № 9; он же. Незвестный Троцкий. - Аргументы и факты. 1990. № 38; он же. Троцкий и "троцкизм". К истории проблемы. - Литературное обозрение. 1991. № 8.

² XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 532.

редовых странах как необходимым условии победы социализма в Советском Союзе разделялось всеми теоретиками и идеологами партии, в том числе Сталиным.

Ещё в мае 1924 года Сталин в брошюре "Об основах ленинизма" писал: "...Свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране, ещё не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма - организация социалистического производства - остаётся ещё впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране, без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно... Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, - для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран"¹.

Спустя несколько месяцев, в декабре 1924 года, Сталин в одной из первых работ, посвящённых критике "троцкизма" - статье "Октябрьская революция и тактика русских коммунистов" - изменил эту формулировку на прямо противоположную, как того требовала логика борьбы с "троцкизмом". С этого времени он стал обвинять тех, кто отрицал возможность построения социализма в СССР при отсутствии победоносных социалистических революций в других странах, в капитулянтстве и поражённости.

Новая теоретическая и политическая установка на построение социализма в одной стране была закреплена на XIV конференции РКП (б) в апреле 1925 года, которую не кто иной, как Каменев заключил словами: "Правильной политикой усиления социалистических элементов в нашем хозяйстве мы докажем, что и при замедленном темпе мировой революции социализм должен строиться, может строиться и в союзе с крестьянством нашей страны будет строиться и построен будет"².

В резолюции конференции "О задачах Коминтерна и РКП (б) в связи с расширенным Пленумом ИККИ" данный тезис формулировался с ещё большей определённой. Была подвергнута резкой критике идея о невозможности построения "полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия, без "государственной помощи" (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении стран" и в противовес этой идее утверждалось, что партия "должна прилагать все усилия к тому, чтобы строить социалистическое общество в уверенности, что это строительство может быть и наверняка будет победоносным..."³

Однако уже на XIV съезде ВКП (б) "новая оппозиция" во главе с Каменевым и Зиновьевым подвергла критике тезис о возможности победы социализма в СССР как выражение "национальной ограниченности". Эта позиция дала импульс развёртыванию дискуссии по данному вопросу как на самом съезде, так и после него.

Главными теоретиками победы социализма в одной стране явились Сталин и Бухарин. Первый посвятил этой теме главу в брошюре "К вопросам лени-

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 8. С. 61.

² XIV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 267.

³ КПСС в резолюциях. Т. 3. С. 392.

низма", а второй - обширную статью "О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР" (обе работы написаны в 1926 году).

И Сталин, и Бухарин "расчленили" вопрос о победе социализма на две части - на вопрос об окончательной победе социализма в СССР как "полной гарантии от реставрации капиталистических порядков" (что, по их "мнению, не может быть достигнуто без победы социалистической революции в других странах) и вопрос о полной победе социализма, которая, как они заявляли, может быть достигнута и без этого условия.

Для обоснования тезиса о возможности полной победы социализма в СССР они прибегли к ложному истолкованию вырванных из контекста двух цитат из ленинских работ, написанных в 1915 и 1923 годах, игнорируя десятки других его высказываний, прямо противоречащих этому тезису. Столь же единодушно они приводили несколько положений из работ Троцкого разных лет, где говорилось о невозможности победы социализма в одной стране, и на основании сопоставления цитат Ленина и Троцкого построили концепцию о коренной противоположности ленинизма и "троцкизма" в данном вопросе.

Поскольку эта концепция была положена в основу критики "троцкизма", на XV конференции ВКП (б) в ноябре 1926 года Троцкий вынужден был дать подробные разъяснения по данному вопросу. Он обращал внимание прежде всего на то, что в проекте резолюции конференции цитируются его работы, написанные до 1922 года, Сталин же поддерживал "троцкистскую" теорию о невозможности победы социализма в одной стране ещё в 1924 году. Заявив, что Сталин эту точку зрения изменил, на что он, разумеется, имеет право, Троцкий далее указывал на ложный маневр Сталина, представившего перемену своих взглядов как простое видоизменение, исправление формулировки. Сталин уверял, что недостаток его прежней формулировки состоял в том, что она якобы связывала в один вопрос два разных вопроса: "о полной гарантии от реставрации буржуазных порядков и вопрос о возможности построения полного социалистического общества в одной стране"¹.

"Извините, - говорил Троцкий в ответ на это, - в первой цитате (1924 г.) эти два вопроса вовсе не смешаны, там речь идёт не об интервенции, а совершенно ясно говорится о невозможности полной организации социалистического производства одними лишь силами такой крестьянской страны, как Россия"².

Далее Троцкий анализировал основные положения названной выше статьи Бухарина, причём этот саркастический анализ не мог не вызвать смеха по бухаринскому адресу даже среди антитроцкистски настроенных делегатов конференции. Назвав статью "наиболее схоластическим произведением бухаринского пера", Троцкий в подтверждение этого заострил внимание прежде всего на её "основном положении: "Спор идёт о том, сможем ли мы строить социализм и *построить* его, *если мы отвлекаемся от международных дел*, т. е. спор идёт о *характере нашей революции*"³.

"Слышите: "можем ли мы построить социализм в нашей стране, если мы

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 8. С. 62.

² XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 528, 529.

³ Бухарин Н. И. Избранные произведения. С. 308.

"отвлекаемся" от международных дел", - заявил по этому поводу Троцкий. - Если "отвлекаемся", то *можно*. Но отвлекаться-то *нельзя*! В этом вся штука. (*Смех*). Можно в январе месяце нагишом пройти по Москве, если "отвлечься" от погоды и от милиции (*Смех*). Но я боюсь, что ни погода, ни милиция не отвлекутся от вас, если вы этот опыт проделаете. (*Смех*)"¹. И далее: "Характер нашей революции, независимо от международных условий, с какого времени начинается он, этот самодовлеющий характер?.. Весь подход метафизический. Нельзя отвлечься от мирового хозяйства. Что такое экспорт? Внутреннее или международное дело? Внутри надо собрать экспортный продукт - как будто внутреннее дело, а вывезти надо наружу - как будто международное. (*Смех*). А что такое импорт? Импорт как будто международное - надо купить товар за границей, но ввезти надо внутрь - как будто внутреннее. (*Смех*). Так вот, на импорте и на экспорте вся теория т. Бухарина, предлагающая "отвлечься" от международной обстановки, сразу трещит по всем швам. Успех социалистического строительства зависит от темпа, а темп нашего хозяйственного развития сейчас непосредственное и острее всего определяется ввозом сырья и оборудования. Конечно, можно "отвлечься" от недостатка иностранной валюты и заказать большое количество хлопка и машин, но это можно сделать только один раз, второй раз этого "отвлеченья" повторить нельзя. (*Смех*). Всё наше строительство международно обусловлено"².

Бухарин же ещё в феврале 1926 года утверждал, что "наш социализм в его росте, пока он не достигнет полного расцвета, будет до известной степени иметь свои особые черты, я сказал бы, если можно так выразиться, что он будет длительное время своего развития отсталым социализмом... Но всё-таки он будет социализмом..."³ Эта витиеватая формулировка оставляла широкий простор для толкований, какой же "всё-таки социализм", хотя и "отсталый", будет построен в СССР.

Подлинный смысл и социальную подоплёку "теории" о возможности победы социализма в одной стране, которая сама по себе была лишена какой-либо теоретической ценности, Троцкий видел в стремлении советской партийно-государственной бюрократии защитить своё господствующее положение в стране и международном коммунистическом движении и в этих целях "заранее назвать социализмом всё, что происходит и будет происходить внутри Союза, независимо от того, что будет происходить за его пределами"⁴.

Сконцентрировав всё внимание партии на вопросе о возможности победы социализма в СССР, заставляя её заниматься сопоставлением многословных цитат и поисками различий в нюансах тех или иных формулировок, Сталин и Бухарин фактически сняли с обсуждения намного более важный вопрос - о критериях построенного "полного" социализма. Этот решающий вопрос никогда не разбирался сколько-нибудь подробно во внутрипартийных дискуссиях, что облегчило Сталину спустя десять лет, когда ни одно его высказывание уже не могло встретить в партии публичного возражения, выдвижение ещё одной

¹ XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 530, 531.

² Там же.

³ Бухарин Н. И. Избранные произведения. С. 243.

⁴ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 145.

теоретической и политической "новации". В декабре 1936 года, т. е. всего через четыре года после массового голода, в момент, когда жизненный уровень основной массы трудящихся находился на грани нищеты, а в стране нарастал разгул беспощадных и бессмысленных репрессий, Сталин объявил, что социализм в СССР уже построен.

Так завершилась одна из самых крупных идеологических фальсификаций, эксплуатировавшая доверие к Сталину уже не отдельных людей, а всего рабочего класса.

Как писал в 1939 году Раскольников в письме Сталину, "рабочий класс с самоотверженным героизмом нес тягость напряжённого труда и недоедания, голода, скудной заработной платы, жилищной тесноты и отсутствия необходимых товаров. Он верил, что вы ведёте его к социализму, но вы обманули его доверие. Он надеялся, что с победой социализма в нашей стране, когда осуществится мечта светлых умов человечества о великом братстве людей, всем будет житья радостно и легко.

Вы отняли даже эту надежду: вы объявили социализм построенным до конца. И рабочие с недоумением, шепотом спрашивали друг друга: "Если это социализм, то за что боролись, товарищи?"¹.

Разумеется, в 1926 году Троцкий не мог предвидеть всех трагических событий последующего десятилетия. Однако он уже в то время фиксировал внимание партии на том, как далеко СССР отстоит и ещё длительное время будет отстоять от подлинного социализма. Говоря о том, что же можно назвать социалистическим хозяйством в подлинном смысле слова, он замечал: "...В тезисах тов. Рыкова сказано, что мы приблизились к довоенному уровню. Но и это не точно. А население у нас то же? Нет. Больше! А среднее душевое потребление промышленных товаров? Значительно ниже, чем в 1913 году... А что такое уровень 1913 года? Это уровень нищеты, отсталости, варварства. Когда мы говорим о социалистическом хозяйстве и о подлинном подъёме социалистического хозяйства, это значит: противоречия между городом и деревней не должно быть; это значит общее довольство, обеспеченность, культура. ...Мы можем достигнутыми успехами гордиться, но ломать историческую перспективу нельзя. Это не есть ещё подлинный подъём подлинного социалистического хозяйства, это только несколько первых серьёзных шагов по тому длинному мосту, который соединяет капитализм с социализмом"².

Показывая неправомочность сведения международных условий социалистического строительства в СССР только к опасности интервенции со стороны капиталистических государств, Троцкий говорил: "Разве же, товарищи, в самом деле, вопрос сводится к интервенции? Ведь нельзя же себе дело представлять так, что вот мы строим в этом доме социализм, а враги извне нам стекла могут разбить.

Вопрос не так просто стоит... вопрос идёт об экономических взаимоотношениях СССР с капиталистическими странами в полном объёме. Эти взаимоотношения отнюдь не исчерпываются той исключительной формой, которая называется интервенцией. Они имеют гораздо более непрерывный и глубокий

¹ Неделя. 1988. № 26.

² XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 526, 529.

характер"¹.

Кроме военной интервенции, доказывал он, существует интервенция дешёвых цен на товары, производимые за рубежом. Поэтому в ближайшее время задача состоит в том, чтобы приблизить цены и нормы душевого потребления в Советском Союзе к ценам и нормам передовых капиталистических стран и не допускать дальнейшего отставания от последних по этим решающим экономическим показателям.

Вслед за Марксом и Лениным Троцкий исходил из того, что победивший социализм предполагает прежде всего более высокий уровень развития производительных сил, чем в передовых капиталистических странах. Достижение этой цели Советским Союзом в одиночку невозможно, поскольку советская экономика не может развиваться иначе, как в теснейшей взаимосвязи с развитием мирового рынка, а мировое хозяйство "в последней инстанции... контролирует каждую из своих частей, даже если эта часть стоит под пролетарской диктатурой и строит социалистическое хозяйство"².

За такую постановку вопроса сталинско-бухаринская фракция обвиняла оппозицию в неверии в победу социалистического строительства и пессимизме.

Разумеется, всё это не означало, что Троцкий, как долгие годы твердила сталинская и постсталинская пропаганда, выступал против курса на построение социализма в СССР. Напротив, все его практические предложения были направлены на то, чтобы вести социалистическое строительство вперёд с максимально возможной энергией и последовательностью. "Речь идёт, разумеется, не о том, можно ли и должно ли строить социализм в СССР, - прояснял он свою позицию в дискуссии. - ...Наша работа над строительством социализма есть такая же составная часть мировой революционной борьбы, как организация стачки углекопов в Англии или строительство заводских ячеек в Германии"³. Каждый успех хозяйственного развития в СССР - это шаг по длинному мосту, соединяющему капитализм с социализмом. Демонстрируя возможности социализма в развитии экономики и улучшении жизненного уровня трудящихся, он способствует приближению революции в Европе. Поэтому тезис Бухарина о том, что "мы будем плестись черепашьям шагом, но что всё-таки мы социализм строим и что мы его построим"⁴, не выдерживает критики. "Черепашьям шагом, - говорил Троцкий, - мы социализма не построим никогда, ибо нас всё строже контролирует мировой рынок"⁵.

¹ Там же.

² Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум ИККИ. 22 ноября - 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет. М. - Л., 1927. Т. 2. С. 102.

³ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 142.

⁴ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 135.

⁵ XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 530.

Многовариантный прогноз Троцкого

Троцкий обращал внимание на неправильность самой постановки вопроса: у кого больше шансов - у Советского Союза, чтобы довести до конца построение социализма независимо от того, что будет происходить во всём остальном мире, или у мирового пролетариата, чтобы завоевать власть до построения социализма в СССР. (При этом Троцкий рассматривал прежде всего ситуацию в Европе, поскольку он считал, что для Соединенных Штатов Америки перспектива социалистической революции в обозримый период не реальна).

В данной связи он строил многовариантный прогноз на ближайшие 30-50 лет, которые он считал минимальным сроком для построения социализма в СССР при отсутствии социалистической революции на Западе. Если исходить из того, что европейский пролетариат за эти годы власти не завоеует (а только на такой перспективе может строиться теория "победы социализма в одной стране"), то из этой перспективы вытекают несколько вариантов развития событий в Европе.

Первый вариант: "Европа будет, как ныне, качаться вокруг довоенного уровня... Но это "равновесие" потому мы и называем неустойчивым, что оно... неустойчиво"¹. Такое положение не может длиться 20-30-40 лет, оно должно разрешиться в ту или иную сторону. Следовательно, возникает либо *второй* вариант, предполагающий "загнивание" капитализма и победу революций в европейских странах, либо *третий* - "европейский капитализм будет идти вверх в течение ближайших 30-50 лет, которые нам нужны были, чтобы построить социализм"². Но в последнем случае развивающийся капитализм, который будет иметь, помимо всего прочего, соответствующую технику и вообще соответствующие средства, сможет через рабочую аристократию поднять массы на войну против СССР. На такой перспективе нельзя "строить перспективу социализма в нашей стране".

Рассматривая сегодня судьбу многовариантного прогноза Троцкого, следует прежде всего подчеркнуть, что история XX века оказалась "хитрее" всех мыслимых в 20-е годы прогнозов. Троцкий, в последующие годы уточнявший и частично изменявший свой прогноз с учётом изменений в международной обстановке и внутреннем положении СССР, продолжал называть капитализм "загнивающим". Для такой оценки капитализма в 30-е годы были весьма серьёзные основания: мировой экономический кризис и "великая депрессия" в большинстве капиталистических стран, приход к власти фашизма в Германии, вторая мировая война, начавшаяся как война между ведущими капиталистическими державами.

Троцкий не отказывался и от надежд на европейскую революцию, для чего тогда также были весьма серьёзные основания. В 30-е годы большинство стран Европы, прежде всего Германия, Франция и Испания, прошли через полосу

¹ XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 532.

² Там же.

революционного кризиса. Непосредственно-революционная ситуация не решилась в этих странах победой социалистической революции прежде всего в результате чудовищных ошибок Коминтерна, всецело подчинённого сталинистскому руководству, в результате уничтожения Сталиным тысяч и тысяч зарубежных коммунистов, способных возглавить социалистическую революцию в своих странах^{1*}, наконец, в результате ослабления в сознании трудящихся Запада притягательности социалистических идей, скомпрометированных сталинистской практикой в СССР. Всё это привело к тому, что возможности, которыми была чревата революционная ситуация во многих европейских странах, оказались упущенными.

Сталин отнюдь не желал спонтанной победы социалистических революций в Европе, поскольку она неизбежно подорвала бы его господство в мировом коммунистическом движении. Закономерным продолжением "теории победы социализма в одной стране" стал его лозунг о том, что Советский Союз является подлинным отечеством пролетариата и коммунистов всех стран. Практическим претворением этой установки стало подчинение интересов развития мирового революционного процесса и интересов рабочего класса других стран интересам СССР в том виде, как их понимал Сталин^{2*}.

Все указанные выше факторы, способствовавшие ослаблению подлинно революционного руководства движением народных масс, продолжали действовать в конце второй мировой войны и непосредственно после неё, когда во многих странах Европы и Азии развернулись антифашистские и национально-освободительные революции, имевшие реальный шанс перерасти в социалистические. Однако коммунисты пришли к власти в основном в тех странах, которые были освобождены Красной Армией (разумеется, были исключения: в Албании и Индокитае не было советских войск, а в Финляндии, Норвегии и Австрии, где эти войска находились, развитие и дальше пошло по капиталистическому пути). В тех же странах, где оказались англо-американские войска, коммунисты либо не решились поднять народ на завоевание власти (Франция, Италия), либо потерпели поражение в гражданской войне (Греция).

В дальнейшем на мировое развитие оказали влияние два основных фактора. Во-первых, социализм оказался преданным и скомпрометированным сталинистскими силами уже не в масштабах одной страны, а в масштабах всего так называемого социалистического лагеря. Во-вторых, капитализм сумел извлечь уроки из своих огромных исторических поражений и осуществить глобальную социальную перестройку в своих странах, в отношениях между ними, а также

¹ Приведем лишь некоторые данные, обнародованные в последние годы. Из 3 тысяч болгарских эмигрантов, живших и работавших в Советском Союзе в 30-е годы, был репрессирован каждый третий, причём 600 наиболее активных болгарских коммунистов погибли в сталинских тюрьмах и лагерях. Тысячи немецких коммунистов, которые искали в Советском Союзе убежища от нацистского террора, были арестованы, несколько сот из них убиты. Около 4 тысяч немецких коммунистов, которые по приказу партии приехали в Москву или добровольно решили помочь строительству социализма в СССР, были переданы Сталиным в руки гестапо после заключения германо-советского пакта. 19 членов и кандидатов в члены ЦК компартии Германии стали жертвами нацистского террора, 16 - сталинского. Не меньшие потери от сталинских репрессий понесли в 30-е годы венгерская, югославская, польская и другие компартии.

² Трагические последствия этой установки, претворявшейся в жизнь ещё до сговора Сталина с Гитлером, выразительно описаны в романе А. Кестлера "Слепящая тьма".

в отношениях с "третьим миром" (бывшими колониями и полуколониями).

"Если на другой день после Октября не совершилась мировая революция, которую иступленно ждали массы среди гражданской войны и разрухи, то совершилась мировая реформа, и это было побочным результатом неслыханных жертв, принесённых нашим народом для общего дела социализма" (М. Лифшиц)¹.

Уже на рубеже 20-х годов в Западной Европе утвердился 8-часовой рабочий день, который, по признанию крупнейшей французской буржуазной газеты "Тан", явился страховой премией за отказ западноевропейских рабочих (прежде всего их социал-демократических лидеров) последовать примеру Октября. В дальнейшем трудящиеся капиталистических стран добивались крупных социальных завоеваний даже после того, как их революционные действия заканчивались поражениями. Не случайно Черчилль на тегеранской встрече в 1943 году поднял тост за здоровье Рузвельта "как человека, который... несомненно предотвратил революцию в Соединенных Штатах" благодаря своей политике "нового курса", улучшившей положение "слабых и беспомощных"². Объективные исторические законы стали пробивать себе дорогу другими путями.

Разумеется, "мировая реформа", включающая растущую интеграцию передовых капиталистических стран и значительное смягчение противоречий между ними, серьёзные уступки трудящимся со стороны правящих классов этих стран и распад мировой колониальной системы, не изменила в корне природу капитализма и империализма.

Судьбы мировой истории в ближайшие десятилетия будут определяться процессами, происходящими не только в передовых капиталистических странах (США, Западная Европа, Япония, Канада, Австралия), население которых в совокупности составляет примерно 600 млн. человек, но и в так называемых развивающихся или зависимых странах, численность населения которых в несколько раз больше. Этот разрыв в численности населения между передовыми и зависимыми капиталистическими странами будет неуклонно возрастать уже в силу низкой рождаемости в первых и высокой - во вторых.

И для сегодняшнего дня сохраняет всю силу положение Ленина о том, что "весь Восток"^{3*}, составляющий "гигантское большинство населения" Земли и состоящий в основном из "трудящегося эксплуатируемого населения, доведённого до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западноевропейских государств"⁴.

Растущие масштабы неравенства между "Севером" и "Югом", страшной, всё более усугубляющейся бедности в подавляющей части так называемого "третьего мира" отмечаются в докладе Международной комиссии по окружа-

¹ Лифшиц М. Нравственное значение Октябрьской революции. - Коммунист. 1985. № 4. С. 50.

² Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. В 2 т. М. 1958. Т. 2. С. 489.

³ Применительно к современным условиям используется более точное, хотя и также условное, деление мира не на "Восток" и "Запад", а на "Север" и "Юг".

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 403.

ющей среде и развитию, созданной под эгидой ООН: "В абсолютных цифрах голодающих в мире сегодня больше, чем когда-либо раньше, и число их увеличивается. То же и с неуспевающими читать и писать, с теми, кто не обеспечен хорошей водой, достойным жильем. Пропасть между богатыми и бедными государствами не сокращается, а расширяется, и мала надежда на то, что при существующих тенденциях в мировых институциональных структурах этот процесс удастся остановить... В большинстве развивающихся стран реальный доход на душу населения сейчас ниже, чем в начале десятилетия"¹. Таким образом, на значительной части территории Земли продолжается процесс не только относительного, но и абсолютного обнищания населения.

Не более утешительны краткосрочные и долгосрочные прогнозы. По данным американского Института развития ресурсов, в странах третьего мира от голода и отсутствия элементарной медицинской помощи до 2000 года погибнут десятки миллионов детей в возрасте до пяти лет. Экстраполируя такого рода тенденции на первые десятилетия следующего века, директор американского Института по проблемам народонаселения Э. Тоффлер пишет, что в это время "практически весь развивающийся мир будет страдать от безысходной нужды и мучений"².

Вместе с тем положение и в передовых капиталистических странах ныне весьма далеко от социальной гармонии. Наряду с углубляющимся социальным неравенством в этих странах остро даёт о себе знать моральное одичание, выражающееся в росте экономической и общеуголовной преступности, порно- и наркобизнеса, быстром распространении СПИДа и т. д. Гонка всё более мощных вооружений, ослабляющаяся лишь за последние годы, и экологический кризис впервые в мировой истории поставили перед человечеством проблему его выживания.

Всё это говорит о том, что капиталистическая система, рассматриваемая в глобальном масштабе, отнюдь не является "землёй обетованной". Присущие ей внутренние противоречия вновь и вновь будут ставить вопрос о замене её системой, основанной на социальной справедливости, интернациональной солидарности трудящихся и общественной собственности на средства производства, т. е. социализмом.

Такая замена будет наталкиваться, на наш взгляд, не столько на материальные, сколько на идеологические и психологические трудности: ослабление в сознании миллионов людей притягательности социалистического выбора, подорванного многолетними извращениями социалистических принципов и идеалов сталинизмом и его производными: маоизмом, титоизмом и т. д. Поэтому столь важно показать антисоциалистическую сущность всех этих репрессивных режимов, носителями которых выступали "вожди", прошедшие школу неистовой борьбы против "троцкизма". Подмена социальной справедливости привилегиями и коррупцией, социалистического народовластия - господством бюрократических клик, социалистической солидарности - гегемонизмом сталинского или маоистского типа явились главной причиной распада (с начала 60-х годов) так называемого "социалистического содружества".

¹ Коммунист. 1987. № 17. С. 103, 104.

² Литературная газета. 1987. 4 ноября.

Тем самым были упущены наиболее благоприятные возможности для социалистического развития, созданные образованием мировой системы социалистически ориентированных стран, системы, включающей около трети населения Земли. Восстановление во всей полноте исторической правды о судьбе социалистических революций, преданных сталинистскими режимами, призвано уберечь будущие коммунистические силы от хотя бы малейшего повторения ошибок и преступлений, за которые народам, руководимым сталинистами всех мастей, пришлось уплатить неимоверно страшную цену.

Таким образом, ретроспективно оценивая дискуссию 20-х годов о возможности победы социализма в одной стране, можно прийти к следующим выводам:

1. После второй мировой войны социалистические революции одержали победу почти в двух десятках стран Европы, Азии и Америки. Тем самым главное объективное ограничение победы социализма в СССР (и других странах) отпало. Однако образование мировой социалистической системы не привело к победе социализма прежде всего потому, что эта система строилась на основах советского гегемонизма и воспроизводила сталинистские извращения социализма теперь уже в глобальном масштабе.

2. Под влиянием социального вызова стран, строящих социализм, и классовой борьбы трудящихся своих государств развитые капиталистические страны осуществили, начиная с 30-х годов, глобальную социальную перестройку ("мировую реформу"), в результате чего они вышли на путь нового экономического подъёма, развития без крупных экономических и политических кризисов и потрясений.

3. Вместе с тем, развивающийся капитализм 40- 80-х годов не смог ликвидировать своих глобальных противоречий, в результате чего вопрос о борьбе за социализм в интернациональном масштабе по-прежнему не снят с повестки дня. Для нахождения путей к социализму коммунистическим силам во всём мире придётся вновь и вновь возвращаться к идеям "троцкизма" 20-30-х годов и развивать их, опираясь на новый исторический опыт.

XI

Ставка на мировую революцию

В последние годы в советской печати появилось бесчисленное множество статей, в которых проводится мысль об изначальной ошибочности стратегии большевиков, выработанной "исключительно в расчёте на мировую революцию"¹, о переоценке большевиками революционных возможностей в Европе 20-х годов. Иногда эти идеи дополняются утверждением о якобы осуществленном в 1923 году Лениным коренном пересмотре своих взглядов на перспективы мировой революции. Между тем, в самой последней статье Ленина ("Лучше меньше, да лучше") отчётливо сформулирована мысль о том, что "весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию"². Таким образом, Ленин продолжал мыслить категориями мировой революции до конца своей жизни.

В смертельной опасности, которая угрожала в 20-е годы капитализму, отдавали себе отчёт не одни только большевики, но и наиболее серьёзные и проныцательные политики капиталистического мира. В 1919 году премьер-министр Англии Ллойд Джордж писал французскому премьеру Клемансо и президенту США Вильсону: "Вся Европа насыщена духом революции. Глубокое чувство не только недовольства, но гнева и возмущения царит в рабочей среде против условий, существовавших до войны. От одного конца Европы до другого больше не удовлетворяет массы весь современный строй с его политическим, социальным и экономическим укладом"³.

После двух туров европейских революций (в 1918 - 1920 и в 1923 годах), окончившихся их поражением, революционное движение в Европе и Азии отнюдь не угасло. Об этом свидетельствовали два крупнейших события середины 20-х годов: всеобщая стачка в Англии и революция в Китае. Именно вокруг оценки этих событий обнаружились наиболее серьёзные разногласия между правящей фракцией и левой оппозицией по международным (коминтерновским) вопросам.

Оказавшись перед лицом спада революционной волны в Европе после поражения германской революции 1923 года, сталинско-бухаринская группа сделала вывод о вступлении европейского капитализма в период длительной стабилизации. В противовес этому Троцкий, продолжавший внимательно анализировать международные события, пришёл к выводу о неустойчивости этой "стабилизации" в одной из самых "благополучных" капиталистических стран - Великобритании. В 1925 году в книге "Куда идёт Англия" он писал, что даже если Европа, в том числе Англия, достигнет на более или менее длительный период социального равновесия, она не сможет прийти к нему иначе, чем через ряд серьёзнейших классовых столкновений. В книге содержался прогноз о возможности возникновения в ближайшее время всеобщей рабочей стачки в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 1.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, С. 403.

³ Правда. 1989. 3 марта.

Англии. В последующих работах Троцкий выступал против недооценки экономических аспектов и переоценки политических элементов стабилизации капитализма. Он раскрывал противоречивость положения Англии, выражавшуюся в том, что страна разорялась, производство в ней падало, внешняя торговля уменьшалась, рос пассивный внешнеторговый баланс. В этих условиях политическая стабилизация Англии обеспечивалась прежде всего соглашательским руководством британских тред-юнионов.

Перед изданием книги "Куда идёт Англия" Троцкий дал её рукопись на просмотр членам Политбюро, у которых она не вызвала никаких возражений. Книга была издана на русском и английском языках. "Официальные лидеры английского социализма отнеслись к ней, как к фантазии иностранца, который не знает английских условий и мечтает перенести на почву великобританских островов "русскую" всеобщую стачку"¹. Однако спустя несколько месяцев после выхода книги началась стачка шахтеров, переросшая во всеобщую стачку английского рабочего класса.

К этому времени был создан Англо-Русский комитет единства, представлявший блок между руководством советских профсоюзов и генеральным советом британских тред-юнионов. Образование этого блока в 1925 году Сталин, Бухарин, а также Зиновьев (до своего перехода в оппозицию) считали своим крупным достижением. Официальная концепция Политбюро предполагала полевение генсовета британских профсоюзов и постепенное усиление влияния коммунистов в тред-юнионах и лейбористской партии. В соответствии с этой концепцией был пересмотрен Устав советских профсоюзов, из которого был выкинут лозунг профинтерна, т. е. создания коммунистических профсоюзов в Европе, взамен чего была предусмотрена ориентация на альянс с международным объединением профсоюзов, руководимым соглашательскими элементами.

Однако в условиях всеобщей стачки в Англии руководство тред-юнионов сконцентрировало свои усилия на ослаблении революционного напора английского пролетариата. В этой связи Троцкий заявил, что перед лицом рабочих масс, прошедших всеобщую стачку, прямо или косвенно солидаризоваться с руководителями генсовета британских тред-юнионов в корне неправильно и потребовал разрыва Англо-Русского комитета. После некоторых колебаний Зиновьев присоединился к этой позиции.

"Сталин цеплялся за блок, даже за его видимость, изо всех сил. Британские тред-юнионисты выждали конца острого внутреннего кризиса, а затем отпихнули своего щедрого, но бестолкового союзника невежливый движением ноги"². В сентябре 1927 года в связи с разрывом английским правительством дипломатических отношений с СССР, генсовет тред-юнионов, осуществивший резкий поворот вправо, ликвидировал Англо-Русский комитет. Ещё до этого сталинское руководство произвело "пересмотр прошлогодного пересмотра" Устава профсоюзов и вновь ввело в него лозунг профинтерна. Тем не менее оно не признало ошибочности своей прежней тактики и правоты оппозиции в данном вопросе.

В начале 1927 года новая волна разногласий между правящей фракцией и

¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 501.

² Там же.

левой оппозицией вспыхнула в связи с революционными событиями, развернувшимися в Китае. За несколько лет до этого китайская компартия по решению руководства Коминтерна была введена в состав буржуазной партии Гоминьдан и подчинена её военной дисциплине. В свою очередь Гоминьдан вошёл в Коминтерн. Однако, прикрываясь именем и авторитетом Коминтерна, он отнюдь не подчинялся его решениям. Гоминьдан поддерживал милитаристские клики помещиков, стоявшие во главе китайской армии.

На гребне массового революционного движения в Китае в конце 1926 - начале 1927 годов Политбюро давало Коминтерну и китайской компартии директивы минимально вооружать рабочих, чтобы не оттолкнуть буржуазию, помещиков, генералов. В апреле 1927 года Сталин всё ещё защищал политику коалиции с лидером Гоминьдана Чан Кай-ши, призывая доверять ему. Через несколько дней после этого сталинского выступления Чан Кай-ши осуществил контрреволюционный переворот, порвал со своими коммунистическими союзниками и утопил шанхайских рабочих и коммунистическую партию в крови. В мае - июне правые гоминьдановцы провели ещё ряд контрреволюционных переворотов в Восточном, Южном и Центральном Китае.

"Расправа Чан Кай-ши со своими коммунистическими союзниками в Шанхае в апреле 1927 г. застала Бухарина и остальных советских руководителей врасплох. Накануне переворота они рекомендовали китайской компартии спрятать оружие. Всё ещё не желая "спустить флаг Гоминьдана", Бухарин и Сталин приказали поддержать сепаратистский левогоминьдановский режим в Ухани (Ханчжоу). Но в июле он повернул против коммунистов. Наконец осенью, после тщетных попыток объединить инакомыслящие элементы в Гоминьдане вокруг радикальных коммунистов, Бухарин сделал запоздалый вывод: "Гоминьдан со всеми своими группировками уже давно перестал существовать как революционная сила"¹.

Троцкий с 1925 года требовал выхода коммунистов из Гоминьдана. Он протестовал против того, что китайский "пролетариат, составляющий мощную молодую революционную силу, отнюдь не меньшую, чем пролетариат в 1905 году у нас, загоняется под команду Гоминьдана"².

В мае 1927 года, когда ИККИ признал наконец факт перехода Чан Кай-ши в лагерь реакции, но продолжал ещё делать ставку на других китайских милитаристов, Троцкий в письме Исполкому Коминтерна заявлял: "Крушение этой политики абсолютно неизбежно"³. Он предлагал заменить резолюцию Бухарина по китайскому вопросу резолюцией, включавшей требования немедленной экспроприации помещичьей земли, ликвидации реакционной бюрократии, расправы с изменниками-генералами, обеспечения полной самостоятельности китайской компартии, которая должна руководить созданием Советов рабочих и крестьянских депутатов. В августе 1927 года он подчёркивал, что обеспечение полной самостоятельности коммунистической партии, выдвижение лозунга Советов и развёртывание крестьянской войны в деревне привели бы к тому, что "компартия росла бы не по дням, а по часам, и кадры её закалялись бы в

¹ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. М., 1989. С. 322.

² Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. С. 169-173.

³ Там же.

огне революционной борьбы"¹.

Отвержение этих идей сталинско-бухаринским руководством Коминтерна обусловило поражение китайской революции в 1927 году. Навязанная этим руководством китайским коммунистам ошибочная линия привела к тому, что гражданская война в Китае, переплетаясь после агрессии Японии с антияпонской войной, растянулась ещё на 22 года.

Поскольку руководство Коминтерна главным критерием "большевизации" китайской, равно как и других коммунистических партий, считало их готовность "днем и ночью голосовать против "троцкизма"², китайская компартия вплоть до середины 30-х годов подвергалась непрерывным чисткам. Эти чистки, а также гибель множества коммунистов в гражданской войне привели к тому, что с 1935 года в китайской компартии, существенно поредевшей и лишившейся многих своих руководителей, утвердилось руководство маоцзедунской группы. Воспитанное на борьбе с "троцкизмом" и сталинистских извращениях марксистской теории, это руководство, придя к власти, повторило с некоторыми национальными модификациями наиболее чудовищные деформации и эксцессы сталинизма.

Американский историк С. Коэн относит китайскую катастрофу 1927 года к наихудшим событиям в политической деятельности Бухарина как лидера Коминтерна. "Обвинённый (вместе со Сталиным) оппозицией в провале китайской революции, Бухарин стал беспомощно предлагать различные тактические ходы, которые по мере развития событий теряли смысл. Он обвинял китайских коммунистов в "саботаже" инструкций Коминтерна и вообще прибегал к малопривлекательным уверткам, какими обычно пользуются для оправдания политики, первоначально разумной, но под конец обанкротившейся"³. Ещё в большей мере подобное поведение было характерно для Сталина.

После поражения китайской революции, как вспоминал впоследствии Троцкий, "волна возбуждения прошла по партии. Оппозиция подняла голову. Нарушая все правила конспирации - а в это время мы уже вынуждены были в Москве защищать китайских рабочих против Чан-Кай-ши конспиративными методами, - оппозиционеры десятками приходили ко мне в здание главного концессионного комитета (официальное место работы Троцкого в то время. - В. Р.). Многим молодым товарищам казалось, что столь очевидное банкротство сталинской политики должно приблизить победу оппозиции"⁴.

Троцкий же держался противоположного мнения. Он доказывал своим друзьям, что "оппозиция никак не может подняться вверх на поражении китайской революции. Подтверждение нашего прогноза привлечет к нам тысячу, пять тысяч, десять тысяч новых единомышленников. Для миллионов же имеет решающее значение не прогноз, а самый факт разгрома китайского пролетариата. После поражения немецкой революции в 1923 г., после срыва английской всеобщей стачки в 1925 г. новое поражение в Китае может только усилить разочарование масс в отношении международной революции. Между тем это

¹ Там же.

² Там же.

³ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. С. 322.

⁴ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 503.

разочарование и служит ведь основным психологическим источником сталинской политики национал-реформизма"¹.

В следующие годы, размышляя над причинами победы Сталина во внутрипартийной борьбе 20-х годов, Троцкий неоднократно возвращался к мысли о том, что одной из главных причин этой победы явились огромные исторические поражения коммунистов в Германии, Англии и Китае. Эти поражения в свою очередь были обусловлены оппортунистической политикой триумvirата, а затем дуумvirата, осуществлявших руководство Коминтерном, а следовательно - всеми зарубежными коммунистическими партиями. Своими ошибочными установками и решениями тогдашнее руководство Коминтерна по существу упустило огромные революционные возможности и заблокировало пути социалистической революции в Европе и Азии.

¹ Там же.

ХЛІ

"Идиллия" нэпа

Помимо вопросов международного коммунистического движения, разногласия между левой оппозицией и правящей фракцией захватывали весь круг экономических, социальных и политических проблем социалистического строительства в СССР. Для понимания сущности этих разногласий нужно проанализировать основные тенденции развития экономики и социальных отношений периода нэпа.

В последние годы появилось немало работ, в которых приводятся цифры, свидетельствующие о гигантских, на первый взгляд, успехах советской экономики этого периода. Однако в большинстве случаев мы имеем дело со статистическими манипуляциями, основанными на некритическом подходе к данным официальной статистики. Исходя из этих данных, В. Селюнин, например, утверждает, что довоенный уровень экономики был восстановлен к 1925 или 1926 году, а к 1928 году объём промышленного производства увеличился на 32 процента по сравнению с 1913 годом¹.

Между тем один из наиболее серьёзных советских статистиков (и кстати, соавтор Селюнина по некоторым публикациям) Г. Ханин доказывает, что в 1928 году национальный доход был на 12 процентов меньше, чем в 1913 году, а рост его во время нэпа составлял немногим более 2 процентов в год, т. е. темпы этого роста были примерно равны темпам роста населения².

Английский историк Р. У. Дэвис, основываясь на тщательных статистических подсчётах, полагает, что к 1928 году национальный доход достиг довоенного уровня, а объём капиталовложений, осуществлявшихся почти всецело за счёт внутренних источников, приблизительно сравнялся с объёмом капиталовложений в 1913 году, когда значительную их часть составляли инвестиции иностранного капитала. Экспорт и импорт к 1928 году составлял и менее 40 процентов от довоенного уровня³. За годы нэпа увеличился технологический разрыв между капиталистическими странами и СССР, промышленность которого опиралась преимущественно на довоенное оборудование. Но, быть может, иная картина наблюдалась в сельском хозяйстве, которое, как утверждается в работах некоторых современных советских публицистов, в годы нэпа пережило небывалый расцвет? Для подтверждения этого тезиса обычно приводятся данные, согласно которым за эти годы валовая продукция сельского хозяйства увеличилась более чем вдвое. Однако эти цифры оказываются столь впечатляющими потому, что отсчет ведётся от 1921 или 1922 года, когда страна только что вышла из гражданской войны и пережила неслыханный неурожай и массовый голод. Пользуясь подобной методологией, можно было бы сделать вывод о ещё более значительном скачке сельского хозяйства за первые пять лет после Великой Отечественной войны, когда производствен-

¹ См.: Новый мир. 1988. № 5. С. 171.

² См.: Родина. 1989. № 7. С. 80, 81.

³ См.: Коммунист. 1990. № 8. С. 76, 77.

ные отношения на селе были далеки от нэпа. Ведь к 1945 году производство сельскохозяйственной продукции упало почти до уровня 1921 года, а к 1950 году оно достигло уровня 1940 года. Динамичными темпами сельскохозяйственное производство росло от значительно более высокой базы в 1953-1959 и 1965-1970 годах. Более корректное использование статистических данных показывает, что к 1928 году общая посевная площадь не достигла довоенного уровня при сохранении крайне низкой урожайности. В 1927 году страна превзошла 1913 год по валовому производству сельхозпродуктов на 21 процент (примерно на столько же выросла за эти годы и численность населения страны). Однако этот прирост шёл за счёт животноводства и технических культур. Зерновые же культуры ни по посевным площадям, ни по валовому производству не достигли довоенного уровня. При этом в результате дробления крестьянских хозяйств и увеличения потребления хлеба самими производителями товарная часть зернового производства к 1927 году составляла лишь половину довоенного уровня. Производство на душу населения зерна составляло в 1927 году 486 кг, а мяса - 30 кг, что было несколько ниже показателей 1913 года.

Производительность труда в сельском хозяйстве была крайне низкой. Даже в 1928 году свыше 70 процентов площадей яровых культур было засеяно ручным способом, почти половина всех зерновых убрана серпами и косами, более 40 процентов всего урожая обмолочено цепами и валками.

Активно происходило, особенно после 1925 года, социальное расслоение деревни. Называя совершенно неосновательным "идиллически-слащавое изображение деревни" 20-х годов как деревни без кулаков, Ю. Ларин приводил подсчёты, согласно которым в 1927 году было 650 тыс. хозяйств, ставших кулацкими ещё до революции. Современные историки, проделавшие аналогичные подсчёты по другим источникам, приходят к выводу, что "в массе своей кулачество 20-х годов вело свою биографию с дореволюционного времени"¹.

После разрешения в 1925 году аренды земли и найма рабочей силы в деревне всё более расшатывались принципы уравнительного землепользования, всё больше подтверждалась правота ленинских слов о том, что при мелкотоварном производстве "и на земле, принадлежащей всему народу, хозяйство будет вести самостоятельно только тот, у кого есть орудия, скот, машины, запасы семян, денежные средства вообще и т. д."², а тот, у кого ничего нет, кроме рабочих рук, неизбежно пойдёт в кабалу к кулаку.

В 1927 году кулацко-зажиточная верхушка деревни владела почти третьей частью стоимости всех сельскохозяйственных средств производства, тогда как бедняки, составлявшие примерно треть крестьянских хозяйств, располагали всего 5-7 процентами (остальная их часть находилась в руках середняцкой части деревни). Малоимущие крестьяне не могли прокормиться за счёт собственных хозяйств и вынуждены были сдавать свою землю в аренду зажиточным, наниматься к ним в качестве батраков. Кулацко-предпринимательские элементы во всё возрастающей степени концентрировали в своих руках средства производства, землю (арендуя её у бедняков), развёртывали подсобные производства, занимались ростовщичеством, диктовали малоимущим крестья-

¹ Вопросы истории КПСС. 1989. № 7. С. 47.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 96.

нам кабальные условия при временном предоставлении им рабочего скота и инвентаря.

Хотя к концу 20-х годов главными производителями зерна стали середняцкие и бедняцкие хозяйства, дававшие до 4 млрд. пудов зерна (до революции - 2,5 млрд. пудов), однако производство ими товарного зерна составляло лишь 400-440 млн. пудов. Основными производителями товарного зерна были кулацкие хозяйства.

После кризиса сбыта 1923 года советское правительство снизило цены на многие промышленные товары и повысило цены на часть сельскохозяйственной продукции. Поскольку в 1925-1926 годах промышленность развивалась медленно, платежеспособный спрос стал опережать производство промышленных товаров. Кризис сбыта сменился товарным голодом. Между тем правительство продолжало осуществлять меры, направленные на стимулирование накоплений в деревне. В 1926 году общий размер сельскохозяйственного налога был снижен с 313 до 245 млн. рублей. В условиях высокоурожайных 1926 и 1927 годов выгоду от снижения налога получили прежде всего зажиточные крестьяне, у которых увеличилось количество излишков производимой ими продукции.

Одновременно была развёрнута система дешёвого государственного кредита для крестьянских хозяйств. Кредиты и машины (в основном закупаемые государством за границей) использовались прежде всего кулаками и зажиточными слоями деревни, имеющими средства на покупку техники и выплату процентов по кредитам.

Получив крупные политические и экономические уступки, включая предоставление избирательных прав, доступ в Советы и кооперацию, капиталистические элементы деревни всё активнее боролись за дальнейшее усиление своей экономической и политической роли, добивались фактического преобладания в сельскохозяйственно-кредитной кооперации. Всё это неизбежно вело к обострению классовых конфликтов в деревне. По далеко не полным данным, в 1926 году появилось 400, а в 1927 - более тысячи сообщений о кулацком терроре, жертвами которого стали 1150 коммунистов и беспартийных сельских активистов.

В 1924 году снабжение городов и растущего рабочего класса хлебом и приобретение хлеба для экспортных операций было поставлено на рыночные основы (до этого значительная часть хлеба поставлялась государству в виде натурального налога). Поскольку объём денежной массы, которую государство могло направить на закупку зерна, был ограничен, то приходилось прибегать к денежной эмиссии, которая вела к утрате золотого содержания рубля, нарастанию инфляционных процессов, усилению товарного голода и уменьшению экспортно-импортных операций.

Начиная с июльского пленума 1926 года, левая оппозиция обращала внимание на отставание государственной промышленности и на рост тех сил в городе и деревне, которые хотят повернуть развитие страны на капиталистический путь. Она подчёркивала, что положение рабочего класса и деревенской бедноты объективно ослаблялось по мере роста силы кулака, нэпмана и бюрократа. Особую опасность представляло усиление экономической и политиче-

ской роли кулачества в деревне, которое заново и в стремительном темпе продельвало путь первоначального капиталистического накопления. В то же время бедняцкие и частично середняцкие слои в результате разорения и ликвидации их хозяйств попадали в кабалу к кулаку и ежегодно выбрасывали из своей среды два миллиона избыточных рабочих рук. Этот избыток рабочей силы не находил применения и в городах, поскольку развивавшаяся медленным темпом государственная промышленность могла поглотить не более 100 тыс. человек в год. Отставание государственной промышленности, рост безработицы в городах, аграрное перенаселение и социальное расслоение в деревне порождали сеть взаимосвязанных диспропорций, способных привести к серьёзному хозяйственному кризису.

Важно подчеркнуть, что аналогичные тревожные констатации делались в то время и Дзержинским, который в силу своего положения председателя ВСНХ лучше других представлял положение дел в народном хозяйстве. Хотя Дзержинский находился в плену представлений о "гибельности" линии оппозиции, в своей характеристике основных тенденций социально-экономического развития страны он, по существу, подтверждал констатации оппозиции о бесплановости, бессистемности хозяйственного руководства и об усилении частнокапиталистических тенденций в экономике страны.

В письме Куйбышеву от 3 июля 1926 года он писал: "Существующая система - пережиток... У нас сейчас за всё отвечает СТО и П/бюро. Так конкурировать с частником и капитализмом, и с врагами нельзя. У нас не работа, а сплошная мука. Функциональные комиссариаты с их компетенцией - это паралич жизни и жизнь чиновника-бюрократа. И мы из этого паралича не вырвемся без хирургии, без смелости, без молнии. Все ждут этой хирургии. Это будет то слово и дело, которого все ждут... Сейчас мы в болоте. Недовольства и ожидания кругом, всюду"¹.

Дзержинский подчёркивал, что кооперация, о социалистическом характере которой так много говорится, на деле отвергает предлагаемые им меры, направленные на удешевление цен кооператорами и частниками и на борьбу со спекуляцией. В результате частные производители и торговцы всё более растут и накапливают, а кооперация ударяет и по потребителю, и по государственной промышленности. Всё это объясняется тем, что "у нас сейчас нет единой линии и твёрдой власти. Каждый комиссариат, каждый зам и пом и член в наркоматах - своя линия. Нет быстроты, своевременности и правильности решений. Я всем нутром протестую против того, что есть. Я со всеми воюю. Бесплодно"².

Сознавая, что его выступления по всем этим вопросам, объективно означающие признание неспособности правящей фракции эффективно руководить народным хозяйством, укрепляют оппозицию, Дзержинский писал: "Как же мне, однако, быть? У меня полная уверенность, что мы со всеми врагами справимся, если найдём и возьмём правильную линию в управлении на практике страной и хозяйством, если возьмём потерянный темп, ныне отстающий от требований жизни.

¹ Коммунист. 1989. № 8. С. 87, 88.

² Там же.

Если не найдём этой линии и темпа - оппозиция наша будет расти и страна тогда найдет своего диктатора - похоронщика революции, - какие бы красные перья ни были на его костюме. Все почти диктаторы ныне - бывшие красные - Муссолини, Пилсудский¹.

¹ Там же.

XLII

О "сверхиндустриализации", "ограблении крестьянства" и популярных мерах

Обоснование путей и темпов социалистического строительства в условиях нэпа, содержавшееся в документах левой оппозиции, вело начало от доклада Троцкого на XII съезде и его программной экономической работы - брошюры "К социализму или к капитализму?", которая публиковалась первоначально в виде серии статей в "Правде" в 1925 году. В предисловии к этой книге Троцкий подчёркивал, что суждения врагов большевизма о советском хозяйстве идут по двум линиям. "Во-первых, про нас говорят, что, строя социалистическое хозяйство, мы разоряем страну; во-вторых, про нас говорят, что, развивая производительные силы, мы фактически идём к капитализму. Первая линия критики характеризует чисто буржуазную мысль. Вторая линия критики свойственна социал-демократии, т. е. замаскированной буржуазной мысли... Настоящая книга покажет, надеюсь, непредубежденному читателю, что врут и те и другие, т. е. и откровенные крупные буржуа, и мелкие буржуа, прикидывающиеся социалистами... В области промышленности, транспорта, торговли и финансово-кредитной системы роль государственного хозяйства по мере развития производительных сил не уменьшается, а наоборот - возрастает в общей экономике страны. Об этом со всей несомненностью свидетельствуют факты и цифры"¹.

"Гораздо сложнее, - продолжал Троцкий, - обстоит дело в сельском хозяйстве. В этом для марксиста нет ничего неожиданного. Переход от расплывчатого сельского хозяйства к социалистической обработке земли мыслим только через ряд последовательных технических, экономических и культурных ступеней. Основным условием такого перехода является сохранение власти в руках класса, который стремится вести общество к социализму и который во всё большей степени способен воздействовать на крестьянство через государственную промышленность, повышая технику сельского хозяйства и тем самым создавая предпосылки для его коллективизации"².

В этой работе Троцкого (как и во всех последующих документах оппозиции, во всех выступлениях её лидеров) не содержалось и намёка на необходимость проведения политики немедленной сплошной коллективизации и раскулачивания, тем более в тех формах, в каких оно было осуществлено Сталиным спустя несколько лет - лишение кулаков и причисленных к ним всех прав и всего имущества и высылка их вместе с семьями в отдалённые суровые районы страны.

Вопрос о социалистических преобразованиях в деревне Троцкий ставил в

¹ Троцкий Л. Д. К социализму или к капитализму? М. - Л, 1926. С. 10, 11.

² Там же.

тесную связь с другими задачами социалистического строительства в СССР. В работе "К социализму или к капитализму?" он доказывал, что завершение восстановительного периода подводит СССР к старту, с которого начинается его подлинное экономическое соревнование с мировым капитализмом. Поэтому дальнейшие успехи советской экономики следует измерять сравнением их не с 1913 годом, а с количественными и качественными экономическими показателями на европейском и мировом рынке. Для этого необходима выработка системы коэффициентов и показателей, которые позволяли бы сравнить качество и цены советских товаров с мировыми. Считая, что в экономическом соревновании с капитализмом особое значение приобретает проблема темпов, Троцкий подчёркивал, что высокие темпы промышленного роста, достигнутые в восстановительный период (48 процентов в 1924 году), когда промышленность развивалась на унаследованной от царской России технической основе, неизбежно снизятся в последующие годы, когда промышленность исчерпает возможности быстрого роста за счёт ввода в строй старых мощностей и начнется обновление её основных фондов. Тем не менее и в этот период, период начала индустриализации, темпы промышленного развития могут быть значительно выше, чем в довоенной российской индустрии. Возможности ускорения темпов объективно обусловлены преимуществами советского хозяйства перед капиталистическим: отсутствием перепотребления паразитических классов, специализацией и концентрацией производства, применением планового начала. При правильном использовании этих преимуществ в их совокупности можно будет "уже в ближайшие годы поднять коэффициент промышленного роста не только в два, но и в три раза выше довоенных 6 %, а может быть, и более того"¹.

Троцкий доказывал, что динамическое равновесие советского народного хозяйства нельзя рассматривать как равновесие самодовлеющего замкнутого организма. Выступая против изоляции Советского Союза от мирового рынка, он считал действенным инструментом ускорения экономического роста активное включение СССР в международное разделение труда. Напоминая, что до революции две трети технологического оборудования ввозилось в Россию из-за границы, Троцкий писал, что к такому же соотношению надо стремиться и при осуществлении индустриализации в СССР. Чтобы не нарушать необходимых пропорций потребления и накопления, Советский Союз должен в ближайшие годы самостоятельно производить 2/5, максимум половину своих потребностей в машинах. Для развития социалистической индустриализации следует шире использовать государственную монополию внешней торговли, иностранные кредиты, ввоз оборудования и технических знаний (специалистов).

Дальнейшая разработка вопросов, связанных с установлением правильных народнохозяйственных пропорций в условиях нэпа, была продолжена Троцким в сентябре 1926 года на основе анализа перспективного подсчёта соотношения между промышленностью и сельским хозяйством с 1925/26 по 1929/30 хозяйственный год. Эта аналитическая и прогнозная предплановая разработка

¹ Там же. С. 44, 45.

готовилась в течение полутора лет Особым совещанием по восстановлению основного капитала (ОСВОК) с участием лучших советских экономистов, статистиков, хозяйственников и т. д. Троцкий считал результаты этих подсчетов "лишь первым грубым приближением... Но это лучшие, наиболее серьезные, наиболее объективные данные, какими можно в настоящее время располагать"¹.

На основе этих данных Троцкий анализировал возможную динамику промышленного развития, которая, как он считал, должна измеряться прежде всего душевым потреблением промышленных товаров. В 1925/26 хозяйственном году промышленных товаров (включая водку) производилось (в ценах этого года) на 25 рублей на душу населения (против 47 рублей в 1913 году). Согласно прогнозу, разработанному ОСВОК в 1929-1930 годах душевое потребление промышленных товаров должно было составить 44 рубля, т. е. быть ниже, чем в 1913 году, а валовая продукция сельского хозяйства должна была достигнуть 106 процентов от довоенного уровня. Поскольку крестьянство, благодаря Октябрьской революции, выигрывало на земельных платежах и налогах около 500 млн. рублей в год и, следовательно, за пять лет должно было увеличить покупательную способность на 2,5 млрд. рублей, то указанная выше перспектива промышленного развития, по словам Троцкого, являлась перспективой непрерывного и притом обостряющегося товарного голода.

Наряду с нормами душевого потребления не менее важным критерием успехов индустриализации Троцкий считал повышение удельного веса тех отраслей промышленности, которые производят средства производства. Согласно предплановым наметкам ОСВОК, "личное промышленное потребление" (говоря современным языком, группа Б промышленности) должно было составить в 1930 году 54 процента, а "производственное потребление" (группа А) - 46 процентов. Примерно такое же соотношение между двумя основными группами промышленности было в 1913 году. Таким образом, на 1926-1930 годы не намечалось фактического сдвига в сторону индустриализации.

Наконец, третий важный критерий успехов индустриализации, имеющий к тому же огромное политическое значение, Троцкий видел в росте промышленного пролетариата. ОСВОК намечал его рост за пять лет всего лишь на полмиллиона человек, что означало уменьшение удельного веса пролетариата в населении страны. Однако реализация даже этого скромнейшего прогноза не сможет быть обеспечена, как считал Троцкий, при господствовавшем в то время в Политбюро подходе к вопросам промышленного развития.

Троцкий доказывал, что для достижения хотя бы довоенных норм потребления промышленная продукция - с учётом роста населения - должна за пять лет удвоиться. Поскольку унаследованный от буржуазной России основной капитал будет полностью исчерпан уже в 1927 году, удвоение промышленной продукции потребует огромных капитальных вложений, включающих всю прибыль промышленности плюс выделение ежегодно около 500 млн. рублей из бюджета. На деле капитальные вложения должны быть значительно выше этой суммы, поскольку в неё не входят, во-первых, затраты на военную про-

¹ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 60-63.

мышленность, и, во-вторых, затраты на расширение производства в следующем пятилетии, т. е. на строительство новых заводов, шахт, электростанций, которые войдут в строй за пределами 1930 года.

Если предъявить объективно обусловленные всеми этими обстоятельствами требования к бюджету, замечал Троцкий, то правящая фракция поднимет вопли о сверхиндустриализации. Между тем, во всех этих подсчётах предполагается повышение номинальной заработной платы рабочих всего на 5 процентов за пять лет, с чем "ни рабочий класс, ни его государство, ни его партия... не смогут мириться. Но и крестьянин не сможет мириться с тем, что он лишь через двенадцать лет после Октябрьской революции достигнет довоенной душевой нормы промышленных товаров. Таким образом, намеченная ОСВОК при ВСНХ программа пятилетнего развёртывания промышленности является не сверхиндустриалистской, а явно минимальной, по существу дела - мизерной"¹.

Из приведённого анализа Троцкий делал вывод, что центральным вопросом экономической политики является вопрос о правильном перераспределении народнохозяйственных накоплений, с тем чтобы обеспечить систематическое смягчение диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством. Исходя из этих соображений, Троцкий формулировал разногласия левой оппозиции со сталинско-бухаринской фракцией на XV конференции ВКП (б) в ноябре 1926 года - последнем общепартийном форуме, на котором лидеры оппозиции получили возможность выступить.

В выступлении на конференции Троцкий доказывал, что нынешний темп индустриализации недостаточен, в силу чего возникает опасность отставания роста государственной промышленности от народного хозяйства в целом. Он подчёркивал, что медленное развитие индустриализации, обуславливающее сохранение или даже стихийный рост и без того высоких цен на промышленные товары, неблагоприятно сказывается на положении не только рабочего класса, но и крестьянства. "Если у крестьянина, скажем, в его товарной части урожай на 20 % выше прошлогоднего - я условно беру, - но если отпускные цены на хлеб упали на 8 %, а цены на розничные (промышленные. - В. Р.), изделия на 16 % повысились, как это и произошло, то крестьянин может получить худшие результаты, чем при более слабом урожае и при более низких розничных ценах на промышленные товары. Ускорение индустриализации, в частности, путём более высокого обложения кулака, даёт большую товарную массу, которая понизит розничные цены и это выгодно как для рабочих, так и для большинства крестьянства"². Продолжение же выжидательного, хвостистского отношения правящей фракции к развитию промышленности приведёт к возрастанию диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, а следовательно, к быстрому росту дифференциации в деревне и частнокапиталистического накопления в городе.

Выход из создавшегося положения, как подчёркивала оппозиция, состоит прежде всего в мобилизации народных средств на нужды индустриализации. При этом важно выдерживать классовый принцип распределения тягот уско-

¹ Там же.

² XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 514.

ренного развития промышленности: более равномерно распределять тяжесть косвенного (эмиссионного) налога между различными социально-имущественными слоями населения и направить основную тяжесть прямых налогов на буржуазные слои города и деревни (нэпманов и кулаков) при полном отказе от налогового обложения бедняцких слоёв деревни и налоговых облегчениях для "низших" середняков. Такие льготы должны были, по подсчётам оппозиции, коснуться примерно половины крестьянства. Привлечение же через налоги нереализуемых накоплений зажиточной части деревни на нужды промышленности в конечном счете отвечает интересам основной массы крестьянства, поскольку развитие промышленности приведёт к повышению предложения промышленных товаров.

Таким образом, левая оппозиция выступала за сохранение в основном механизмов нэпа, но требовала ослабления стихийных и усиления плановых начал в развитии народного хозяйства, ограничения эксплуататорских тенденций нэпмана и кулака путём более гибкой налоговой политики. Она подчёркивала, что в противном случае стране может угрожать серьёзный хозяйственный кризис в форме товарного голода, невозможность даже при хорошем урожае обеспечивать гарантированное снабжение городов продовольствием.

Первые симптомы такого кризиса обнаружили уже в 1925 году. Быстрый темп накопления капиталов у кулацких элементов деревни и нэпманских элементов города стал задерживать развитие государственного сектора экономики. Поскольку зажиточные слои деревни отказывались продавать государству хлеб по твёрдым ценам, оно не получило запланированного для экспорта количества хлеба и оказалось вынужденным сократить импорт машин и оборудования.

С другой стороны, обострился непокрытый платежеспособный спрос, подрывавший рыночные импульсы в сельском хозяйстве. Основные накопления, которые было невозможно реализовать в условиях товарного голода, концентрировались в деревне, причём они были распределены крайне неравномерно: основная часть находилась в руках зажиточного крестьянства. Растущие товарные излишки, сконцентрированные у верхушечных слоёв деревни, при отсутствии товарных запасов промышленности, становились фактором, дезорганизующим экономику и обостряющим взаимоотношения между городом и деревней.

Для увеличения капитальных вложений в промышленность и обеспечения необходимого импорта машин и оборудования требовалась известная перекачка средств из сельского хозяйства и лёгкой промышленности в тяжёлую индустрию. Как доказывали Троцкий и ряд крупных экономистов-оппозиционеров (Преображенский, Пятаков, В. М. Смирнов), такая перекачка должна быть осуществлена на основе не административных, а экономических мер - более гибкой финансовой политики.

Эти принципиальные установки формулировались в "Заявлении 13-ти" на июльском (1926 года) пленуме ЦК, где говорилось: "Движение к социализму обеспечено только в том случае, если темп развития промышленности не отстает от общего движения хозяйства, а ведёт его за собой, систематически приближая страну к техническому уровню передовых капиталистических

стран... Задача состоит поэтому в том, чтобы при помощи правильной политики налогов, цен, кредита и пр. достигать такого распределения накоплений города и деревни, при котором несоответствие между промышленностью и сельским хозяйством преодолевалось бы с наибольшей быстротой"¹.

Требую более энергичного нажима на кулака, оппозиция подчёркивала, что этот нажим должен осуществляться не только путём усиления его налогового обложения, но и путём изменения политики в области сельскохозяйственно-кредитной кооперации, которая в соответствии с линией правящей фракции в деревне всё более ориентировалась на "производственно-мощного середняка", под каковым именем выступает обычно не кто иной, как кулак"². Суммируя предложения оппозиции по вопросам политики в деревне, Зиновьев говорил: "Бедняк - главная опора пролетариата в деревне. Усиленное внимание организации батрака. Усиленное внимание постепенной коллективизации сельского хозяйства. Каждый трактор должен стать орудием коллективизации. Борьба против кулака не есть борьба против крестьянства. Средняк остаётся главным союзником рабочего класса"³.

В "Платформе большевиков-ленинцев" (сентябрь 1927 года) вопрос о постепенной коллективизации сельского хозяйства ставился следующим образом: "Растущему фермерству деревни должен быть противопоставлен более быстрый рост коллективов. Необходимо систематически, из года в год, производить значительные ассигнования на помощь бедноте, организованной в коллективы... Должны быть вложены гораздо более значительные средства в совхозное и колхозное строительство. Необходимо предоставление максимальных льгот вновь организующимся колхозам и другим формам коллективизации"⁴. При этом оппозиция исходила из того, что реальные возможности коллективизации определяются не административной энергией центральной и местной власти, а прежде всего способностью промышленности снабжать коллективные хозяйства машинами и другим необходимым инвентарем.

На все эти предложения оппозиции правящая фракция отвечала грубыми инсинуациями, стремясь вовлечь в партийные споры широкие слои крестьянства. В обращении "Об успехах и недостатках кампании за режим экономии", подписанном Рыковым, Сталиным и Куйбышевым, говорилось, что один из возможных путей индустриализации состоит в том, чтобы "обобрать максимально крестьян, выжать максимум средств и передать выжатое на нужды индустрии. На этот путь толкают нас некоторые товарищи"⁵. На XV конференции ВКП (б) Зиновьев предупредил, что такого рода утверждения "ещё скажутся очень отрицательно не только на спине и боках наших, но и нашего государства и всей нашей партии"⁶. "Нельзя же живых людей, которые говорят, что нужно установить налоговый нажим на кулака, чтобы помочь бедняку и вместе с ним строить социализм, - говорил Каменев, - нельзя же этих людей

¹ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 14.

² XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 507.

³ Там же. С. 566, 567.

⁴ Коммунистическая оппозиция в СССР. М., 1990. Т. 4. С. 128.

⁵ Правда. 1927. 17 августа.

⁶ XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 563.

обвинить и сжечь на политическом костре по обвинению в том, что они хотят грабить крестьянство"¹.

В период борьбы с "объединённой оппозицией" Сталин выступил главным защитником линии на "умиротворение деревни", обвиняя оппозицию в стремлении ограбить крестьянство, разжечь гражданскую войну в деревне. Его "либерализм" в области социально-экономической политики в те годы диктовался целью - обеспечить себе прочный тыл в стране для политической изоляции тех сил в партии, которые выступали главной преградой на пути достижения им всей полноты власти.

В выступлениях Сталина этого периода не содержалось ни тени тревоги по поводу состояния экономики и социальных отношений. В полемике с оппозицией он, подтасовывая статистические данные, неизменно рисовал крайне благополучную картину положения в стране и не менее благополучные перспективы, открываемые тем вариантом нэпа, который стал осуществляться после XIV партконференции. По поводу дифференциации среди крестьянства он заявлял, что она происходит у нас в совершенно своеобразных формах - "при значительном сужении крайних полюсов", т. е. кулачества и бедноты.

Столь же "умеренную" позицию Сталин занимал и в вопросах индустриализации. Эта позиция нашла отражение в резолюции XV конференции по его докладу: "Индустриализация страны может быть проведена лишь в том случае, если будет опираться на постепенное улучшение материального положения большинства крестьянства"². Вместе с тем на всём протяжении борьбы с левой оппозицией Сталин упорно уклонялся от ответа на вопрос об источниках индустриализации. Единственный его "вклад" в решение этого вопроса состоял в том, что он предложил в качестве конкретного источника вложений в развитие промышленности - наращивание производства государственной водки.

Эта мера была осуществлена правящей фракцией в острой борьбе с Троцким и его единомышленниками, которые считали, что вопрос о государственной продаже водки имеет колоссальное значение, поскольку он "врезается в жизнь широких масс". Критикуя "метод постепенного, незаметного внедрения государственной водки" как вредную и недопустимую меру, Троцкий опровергал суждения о том, что эта мера является средством борьбы с самогонварением. "Одно из двух, либо мы захотим иметь серьёзный доход, то есть производя дорого, захотим ещё дороже продавать, - тогда крестьянин предпочтёт самогон; а если захотим конкурировать с самогоном, тогда побудительный фискальный мотив у нас будет отсутствовать"³.

Троцкий требовал обсуждения вопроса о введении государственной продажи водки на партийном съезде или конференции. Это предложение большинством Политбюро было отвергнуто, вслед за чем государственное производство и продажа водки были окончательно узаконены постановлением ЦК и СНК от 25 августа 1925 года. Так началась беспрецедентная кампания по спаиванию народа.

Уже в конце 1925 года Троцкий назвал "жестокой и глубоко принципиаль-

¹ Там же. С. 486.

² КПСС в резолюциях и решениях. Т. 4. С. 111.

³ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 108, 109.

ной ошибкой введение государственной продажи водки. Как и следовало предвидеть, прежде чем она успела обнаружить свои успехи в деле вытеснения самогона в деревне, она завоевала себе широкое поле в городе. Она подрывает материальный уровень рабочих масс. Она понижает их культурный рост. Она принижает в их глазах авторитет государства. Её фискальные выгоды ни в каком случае не покрывают тех ударов, которые она наносит хозяйству, физиологически и духовно поражая основную силу социалистического строительства - рабочий класс"¹.

Исходя из этих соображений, Троцкий на апрельском пленуме 1926 года среди поправок к проекту резолюции Рыкова о хозяйственном положении СССР отдельным пунктом выделил необходимость пересмотра вопроса о водке "на основании уже имеющегося опыта, который свидетельствует, что государственная продажа водки, играя крайне незначительную роль в деле притока средств из деревни к тяжёлой промышленности (такова была цель), врезывается в то же время серьёзной величиной в заработную плату рабочего"².

"Государственная промышленность теряет от водки не меньше, чем получает от водки бюджет, и в несколько раз больше, чем сама промышленность получает из бюджета. Прекращение государственной продажи водки в кратчайший срок (2-3 года) автоматически повысит материальные и духовные ресурсы индустриализации"³, - говорилось в "Платформе" оппозиции.

В 1929 году председатель Всесоюзного совета противоалкогольных обществ Ларин привёл данные, согласно которым бюджетные поступления от продажи спиртных напитков составили 900 млн. рублей, тогда как полное прекращение их продажи только в промышленных районах должно было дать благодаря росту производительности труда дополнительную продукцию более чем на миллиард рублей. Примерно ещё 100 млн. рублей принесло бы государству уменьшение прогулов по причине пьянства, сокращение выплат страховых сумм за пожары, возникшие по вине пьяниц и т. д. В то же время рациональные расходы рабочих семей увеличились бы на несколько сот миллионов рублей.

Эти идеи нашли развитие в "контртезисах" оппозиции к XV съезду ВКП (б), где подчёркивалось, что в тезисах ЦК говорится о необходимости борьбы против пьянства вообще, но не содержится и намёка на конкретное предложение уменьшить доходные поступления от водки и сократить производственную программу винокуренной промышленности. "Деловые хозяйственные планы, годовые и пятилетние, целиком построены на росте душевого потребления водки"⁴.

О справедливости этих положений свидетельствовали расчёты специалистов того времени, показывавшие, что в 1927-1928 годах в Москве расходы на спиртные напитки в расчёте на душу населения составили 50 рублей, в Ленинграде - 60, в Иваново-Воскресенске - 85 рублей. Кроме того, в 1926-1927 годах на приготовление спиртных напитков было затрачено более 2 млн. тонн хле-

¹ Там же. С. 158.

² Там же. С. 218.

³ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 138.

⁴ Правда. 1927. 17 ноября.

бопродуктов, которых хватило бы на то, чтобы прокормить в течение года 10 млн. человек. В алкогольной промышленности были заняты десятки тысяч рабочих.

Вопрос о государственной водке (которую в народе в то время стали называть по имени председателя Совнаркома Рыкова "рыковкой") стал одним из пунктов разногласий между правящей фракцией и левой оппозицией. В то время, как Сталин лишь обещал отказаться от этого "временного средства необычного свойства", "как только найдутся в нашем народном хозяйстве новые источники для новых доходов на предмет дальнейшего развития нашей промышленности"¹ (а на деле по мере развития индустриализации неуклонно наращивал водочные доходы), оппозиция в своих программных документах подчеркивала, что государственная продажа водки выступает существенным препятствием на пути индустриализации.

"Государственная продажа водки введена была первоначально в виде опыта и с тем, что главная часть дохода от неё пойдет на дело индустриализации, прежде всего, на поднятие металлургии, - говорилось в "Платформе большевиков-ленинцев". - В действительности, дело индустриализации только потеряло от введения государственной продажи водки"². Согласно объективным статистическим подсчётам в 1927/28 году чистый доход от торговли спиртными напитками составил 728 млн. рублей, а потери, понесённые народным хозяйством от потребления алкоголя (в результате нарушения трудовой дисциплины, увеличения брака, порчи машин, роста несчастных случаев, пожаров, драк, увечий как результата пьянства) составили 1270 млн. рублей.

Неуклонно наращивая "пьяный бюджет", правящая фракция, не обладавшая целостной программой в области социально-экономической политики, одновременно осуществляла административные манипуляции в области ценообразования, внешне выглядевшие как "забота об интересах трудящихся", а на деле усугублявшие народнохозяйственные диспропорции. Внешне политика снижения цен выглядела, как продолжение борьбы против "ножниц", начатой в 1923 году по предложению Троцкого, но в совершенно иных экономических условиях, когда главной проблемой стало не заговаривание, а товарный голод. На самом деле снижение в 1926-1927 годах цен на промышленные товары было непосредственно связано с борьбой против левой оппозиции, которая требовала повышения оптовых и розничных цен на промтовары на 20-30 процентов в целях ослабления товарного голода и прекращения спекулятивного обогащения частных торговцев, перепродававших дефицитные товары по высоким ценам. Важной подоплёкой решений о снижении цен было стремление противопоставить в глазах широких народных масс эту популярную меру непопулярным мерам, предлагаемым оппозицией.

Политика административного снижения цен ещё более усугубляла дефицит и увеличивала разрыв между государственными и свободными ценами, приводила к обогащению частных торговцев - посредников, в руках которых находилось 40 процентов розничного товарооборота. В то же время эта политика вела к снижению прибыли промышленных предприятий и тем самым препят-

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 10. С. 232, 233.

² Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 138.

ствовала повышению заработной платы рабочих и расширению индустриального сектора. Между тем, нужда в накоплениях промышленности резко возрастала, так как к 1925/26 хозяйственному году в основном завершилось восстановление старых предприятий и начало разворачиваться новое индустриальное строительство. Возникшие в связи с этим хозяйственные диспропорции внешне погашались с помощью возрастающей государственной эмиссии.

XLIII

Пролетариат "сжимается"

Важной стороной разногласий между правящей фракцией и оппозицией был вопрос о положении рабочего класса, причём он рассматривался в двух основных аспектах: с точки зрения материального и культурного уровня рабочих и с точки зрения осуществления рабочим классом ведущей политической роли в советском обществе.

В документах левой оппозиции отмечалось, что "совершенно недопустимо отодвигание на второй план вопроса об улучшении положения рабочих, пренебрежительно трактуемое подчас, как удовлетворение "цеховых интересов" рабочего класса. Культурный, живущий в человеческих условиях рабочий является столь же необходимым условием пролетарской диктатуры, как и развитие государственной промышленности. Забвение этого влечет за собой противопоставление им себя государству, усиление влияния на него мелкобуржуазного окружения и пассивное отношение к строительству социализма"¹.

Наиболее чёткая характеристика задач политики партии в области повышения материального и культурного уровня рабочего класса была дана в "Платформе большевиков-ленинцев", где подчёркивалось, что "решающими для оценки продвижения нашей страны вперёд по пути социалистического строительства являются рост производительных сил и перевес социалистических элементов над капиталистическими - в тесной связи с улучшением всех условий существования рабочего класса... Стремление отодвинуть насущные интересы рабочих на задний план и под подозрительным именем "цеховщины" противопоставлять их общеисторическим интересам класса, представляется теоретически несостоятельным и политически опасным"².

В "Платформе" отмечалось, что присвоение прибавочной стоимости пролетарским государством в принципе нельзя считать эксплуатацией. "Но, во-первых, у нас рабочее государство с бюрократическими извращениями. Разбухший и привилегированный управленческий аппарат проедает очень значительную часть прибавочной стоимости. Во-вторых, растущая буржуазия через торговлю, через ножниц цен, присваивает себе часть прибавочной стоимости, создаваемой в государственной промышленности"³.

Формулируя задачи политики в области заработной платы, оппозиция исходила из того, что на данной стадии развития промышленности повышение заработной платы, хотя бы и скромное, должно быть предпосылкой повышения производительности труда. При этом оппозиция требовала чётко разграничивать рост производительности труда как результат технического прогресса, рационализаторства, изобретательства и т. д. и рост интенсивности труда как следствие усиления "нажима на мускулы и нервы рабочего". Она доказывала, что правящая фракция ставит повышение заработной платы в зависи-

¹ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 3. С. 158.

² Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 113-121.

³ Там же.

мость от роста именно интенсивности труда, а это приводит к прямому истощению и инвалидности рабочих.

Приводя убедительные статистические данные и расчёты, оппозиция доказывала, что рост зарплаты рабочих отстает от роста производительности труда. Если до осени 1925 года происходило довольно быстрое повышение доходов рабочих, то затем произошло снижение их реальной зарплаты. Прибавив к этому рост безработицы и удары по бюджету рабочей семьи, которые наносило быстро растущее потребление спиртных напитков, можно сделать вывод о явном снижении жизненного уровня рабочего класса.

Рассматривая взаимное положение различных классов и социальных групп, оппозиция отмечала, что "реальная зарплата в 1927 году стоит в лучшем случае на том же уровне, что осенью 1925 года. Между тем, несомненно, что за эти два года страна богатела, общий народный доход повышался, кулацкая верхушка деревни увеличивала свои запасы с громадной быстротой, накопления частного капиталиста, торговца, спекулянта чрезвычайно возросли. Ясно, что доля рабочего класса в общем доходе страны падала, в то время, как доля других классов росла. Это факт важнейший для оценки всего положения"¹.

Рассматривая жилищный вопрос, оппозиция доказывала, что средняя обеспеченность жилой площадью рабочих семей, особенно в крупных городах, значительно ниже, чем у всего городского населения. В подтверждение этого приводились данные обследований о распределении жилой площади по социальным группам: на одного рабочего приходилось 5,6 кв. м жилой площади; на служащего - 6,9; на кустара - 7,6; на лицо свободной профессии - 10,9 кв. м.

В результате медленного темпа индустриализации росла безработица, которая захватывала и коренные кадры промышленного пролетариата. Официальное число зарегистрированных безработных на апрель 1927 года составляло 1478 тыс. человек, действительная же численность безработных приближалась к 2 млн. причём она росла значительно быстрее, чем численность занятых рабочих.

Характеризуя ухудшение внутреннего режима на предприятиях, оппозиция отмечала, что "администрация всё больше стремится к установлению своей неограниченной власти на предприятиях. Приём и увольнение рабочих на деле в руках одной администрации. Между мастерами и рабочими устанавливаются нередко отношения дореволюционного порядка"². В условиях растущей бюрократизации профсоюзов "самодеятельность профессионально-организованных рабочих масс заменяется соглашением секретаря ячейки, директора завода и председателя фабзавкома"³. В составе выборных руководящих органов производственных профсоюзов доля рабочих с производства и беспартийных рабочих-активистов ничтожна мала (12 - 13 процентов). Громадное большинство делегатов профсоюзных съездов - люди, уже оторвавшиеся от производства.

Отмечая, что никогда ещё после Октябрьской революции профсоюзы и рабочие массы не стояли так далеко от управления промышленностью, как теперь, оппозиция указывала, что "недовольство рабочего, не находя выхода в

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

профсоюзах, загоняется вглубь". В подтверждение приводились типичные заявления рабочих: "Нам нельзя быть особенно активными; если хочешь кусок хлеба, то поменьше говори"¹.

Ставя эти факты в связь с ужесточением партийного режима и с подавлением ведущей политической роли рабочего класса, Троцкий в июне 1927 года говорил: "...точно так же как в жилищном вопросе, так и в быту, в литературе, в театре, в политике: нерабочие классы расширяются, раздвигают локти, а пролетариат свёртывается, сжимается... точно так же и в политике: пролетариат в целом сейчас сжимается, а наш *партийный режим усиливает классовое свёртывание пролетариата*"².

В ответ на все заявления оппозиции о безразличии бюрократии к вопросам улучшения повседневной жизни рабочего класса и усиления его политической роли лидеры правящей фракции отвечали демагогическими тезисами о том, что рабочий класс обладает государственной властью, а партия осуществляет власть от имени рабочего класса. Ещё перед XIV съездом Молотов, отвечая на требования "новой оппозиции" приблизить рабочий класс к государству, т. е. повысить его роль в управлении страной, говорил: "Наше государство - рабочее государство... Но вот нам преподносят формулу, что наиболее правильным было бы сказать так: приблизить рабочий класс к нашему государству ещё ближе... как это так? Мы должны поставить перед собой задачу приближать рабочих к нашему государству, а государство-то наше какое, - чье оно? Не рабочих, что ли? Государство не пролетариат разве? Как же можно приблизить к государству, т. е. самих же рабочих приближать к рабочему классу, стоящему у власти и управляющему государством?"³.

Эти схоластически-апологетические рассуждения Молотова Троцкий в 1927 году характеризовал как бюрократический фетишизм, самую тупоумную критику "ленинского понимания данного рабочего государства, которое может стать подлинно и до конца рабочим лишь при гигантской работе критики, исправления, улучшения... Наша критика должна быть направленной на то, чтобы пробудить в сознании пролетариата внимание к надвигающейся опасности, чтобы он не думал, будто власть завоевана раз и навсегда, и при всяких условиях, будто советское государство есть некий абсолют, который является рабочим государством всегда и при всех условиях. Нужно, чтобы пролетариат понял, что в известный исторический период, особенно при ложной политике руководства, советское государство может стать аппаратом, через который власть будет сдвинута с пролетарской базы..."⁴

Заостряя внимание на том, что такой сдвиг в своём логическом завершении может привести к бонапартизму, Троцкий характеризовал ту классовую базу, на которую опирается правящая фракция в проведении своей ложной линии: "Нынешний партийный курс представляет собой главную опасность. Он душил революционный отпор. В чем ваш курс? Вы делаете ставку на крепкого крестьянина, а не на батрака, не на бедняка. Вы держите курс на бюрократа, на

¹ Там же.

² Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. С. 144-146.

³ Там же.

⁴ Там же.

чиновника, а не на массу. Слишком много веры в аппарат. В аппарате - огромная внутренняя поддержка друг другу, взаимная страховка, - вот почему Орджоникидзе (в то время председателю ЦКК - РКИ. - В. Р.) не удаётся даже сокращать штаты. Независимость от массы создаёт систему взаимного укрывательства. И всё это считается главной опорой власти"¹.

Левая оппозиция постоянно напоминала о характеристике Лениным Советского государства как рабочего государства с бюрократическим извращением. Ленин считал необходимым вести борьбу "с бюрократическими извращениями этого государства, с его ошибками и слабостями" и признавал возможность применения "стачечной борьбы в государстве с пролетарской госвластью", которое "может быть объяснено и оправдано исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства"².

Развивая эти положения в свете опыта последующих лет, когда бюрократизация партийного и государственных аппаратов непрерывно нарастала, оппозиция делала вывод о превращении "бюрократического извращения" в систему управления, т. е. о бюрократическом перерождении Советского государства, "Пролетарское государство с бюрократическими извращениями - что это такое значит? - говорил Каменев. - На мой взгляд, это значит, что государственный аппарат... пытается собою заменить и оттеснить непосредственное участие рабочих масс в управлении государством, пытаясь всё больше и больше подчинить самостоятельность этих масс бюрократическому аппарату"³.

Закономерным продолжением оттеснения рабочего класса от управления государством и превращения этого управления в монополию бюрократии выступал, по словам Троцкого, партийный режим, который приглушал, удушал и сковывал партию. В этой связи Троцкий использовал образное выражение: "Вы думаете и впрямь намордник надеть на партию?"⁴.

Констатируя, что "верхи" партийного и государственного аппарата, не чувствуя над собой контроля масс, начинают разлагаться, оппозиция подчёркивала, что "привычки и наклонности, присущие буржуазии, начинают всё более проникать в их среду: карьеризм, протекционизм, интриганство и даже уголовные преступления развиваются с угрожающей быстротой"⁵. В результате создаются "два этажа, два образа жизни, два рода привычек, два рода отношений или, если полными словами сказать, создаются элементы бытового двоевластия, которое при дальнейшем развитии, может превратиться в двоевластие политическое"⁶.

Для преодоления сталинско-бухаринской политики, ведущей к "свёртыванию" рабочего класса, оппозиция предлагала комплекс мер, направленных на повышение его политической роли в управлении страной. "Надо создать такую политическую обстановку, - говорил Троцкий, - при которой буржуазия и бюрократия не могли бы раздвигать и отталкивать локтями рабочих, приговари-

¹ Там же. С. 163.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 344.

³ XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 478, 479.

⁴ Партия и оппозиция по документам. Вып. 1. С. 9, 10.

⁵ Там же.

⁶ Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. С. 154.

вая: "это вам не 18-й год". Надо, чтобы рабочий класс мог сказать: "в 27 году я не только сытее, но и политически являюсь большим хозяином государства, чем в 18-м"¹.

"Платформа большевиков-ленинцев" выдвигала программу улучшения материального положения рабочих, в которой ведущее место занимали следующие требования: "Держать курс на систематическое повышение реальной заработной платы параллельно с ростом производительности труда. Необходимо провести большее сближение в зарплате разных групп рабочих путём систематического поднятия нижеоплачиваемых слоёв, отнюдь не за счёт снижения вышеоплачиваемых групп"². Оппозиция требовала "пересмотреть всю систему статистики труда, которая в нынешнем своём виде даёт неправильное, явно подкрашенное представление об экономическом и бытовом положении рабочего класса и тем самым крайне затрудняет работу в области защиты экономических и бытовых интересов рабочего класса"³.

В сфере производственной демократии и деятельности профсоюзов "Платформа" требовала обеспечить за рабочими, непосредственно занятыми на производстве, большинство на профсоюзных съездах (вплоть до всесоюзных) и во всех выборных профсоюзных органах, вплоть до ВЦСПС; увеличить в этих органах долю беспартийных рабочих не менее чем до 1/3. Она требовала также ввести в Уголовный кодекс статью, карающую "как тяжкое государственное преступление, всякое прямое или косвенное, открытое или замаскированное гонение на рабочего за критику, за самостоятельное предложение, за голосование"⁴.

Оппозиция подчёркивала опасность усиления социального расслоения в советском обществе, в том числе внутри рабочего класса, в результате расширения рыночных механизмов и роста бюрократизма. Она предлагала нейтрализовать эти процессы путём проведения политики увеличения и систематического выравнивания зарплат, ликвидации безработицы в результате ускорения индустриализации, развития производственной демократии, позволяющей установить реальный рабочий контроль над управлением экономикой.

Эти констатации и предложения оппозиции трактовались правящей фракцией таким образом, будто оппозиция призывает перейти от диктатуры пролетариата к буржуазной демократии. Особое рвение в такого рода обвинениях по адресу оппозиции проявлял Бухарин, взгляды которого, как мы знаем, в середине 20-х годов претерпели существенные изменения по сравнению с той позицией, которую он отстаивал в первые годы революции. Если в "Азбуке коммунизма" он говорил об опасности "возрождения бюрократизма внутри советского строя", которую можно преодолеть лишь "постепенным вовлечением в работу по управлению государством всего трудящегося населения поголовно", то когда оппозиция заострила внимание уже не на абстрактной возможности, а на конкретных проявлениях бюрократического перерождения рабочего государства, Бухарин во фракционном ослеплении обвинял её в стремлении низ-

¹ Там же. С. 176.

² Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 122, 124.

³ Там же.

⁴ Там же.

вергнуть Советскую власть. "Мы, в простоте душевной, - заявлял он, - думаем, что наша партия есть пролетарский авангард - оказывается, что это есть совершенно оторвавшаяся от масс бюрократическая клика; мы думаем, что у нас советская власть существует, как форма диктатуры пролетариата, - оказывается, что у нас далеко не пролетарское государство, а руководит им совершенно переродившаяся каста. При логическом продолжении этих вещей необходимо рано или поздно прийти к идее ниспровержения советской власти - ни больше, ни меньше"¹.

Хотя Бухарин спустя год, сам оказавшись в очередной "оппозиции", вернулся к своим взглядам первых послереволюционных лет, его работы 1925 - 1927 годов внесли немалый вклад в утверждение и закрепление апологетического тезиса о якобы уже достигнутой "ведущей роли рабочего класса", маскирующего экономическое и политическое подавление последнего бюрократической кастой.

¹ Партия и оппозиция по документам. Вып. 1. С. 61.

XLIV

1927: кризис грянул

В период, когда борьба правящей фракции против "объединённой оппозиции" достигла своей последней фазы, наглядно обнаружилась уязвимость плюралистической модели нэпа, отвечавшей периодическими кризисами на попытки усилить регулирующее воздействие государства на экономику. Нэп в том виде, в каком он родился, и тем более в той модификации, какую он принял в 1925 году, был рассчитан на период восстановления народного хозяйства, он не мог полностью, без существенных корректив в социально-экономической политике совмещаться с индустриализацией.

Между тем Сталин, подчинивший социально-экономическую линию своей главной политической цели - окончательной дискредитации оппозиции и изгнанию её из партии, - по-прежнему изображал экономическое и политическое положение страны в самых радужных тонах. Как он, так и другие лидеры правящей фракции, прежде всего Бухарин, игнорировали предостережение оппозиции об опасности кризиса и хозяйственных потрясений, которые неизбежно вытекали из укрепления позиций частного капитала в городе и деревне. В целом правящая фракция, настраивавшая верхушечные слои деревни на фермерско-капиталистический лад, объективно подготавливала драматическое, а затем и трагическое развитие событий на рубеже 30-х годов.

Как отмечает С. Коэн, "для Бухарина и правых в Политбюро 1927 год начался как год оптимистической переоценки перспектив, а закончился серией взаимозависимых кризисов, подорвавших их экономическую политику и потрясших их политическое будущее"¹. В этом году резко ухудшилась международная обстановка. Разрыв английским правительством дипломатических отношений с СССР, многочисленные нападения на советских представителей за рубежом ставили в повестку дня, как отмечали лидеры и правящей, и оппозиционной фракций, опасность войны. Эта опасность подчёркивала "ещё сильнее, чем прежде, необходимость существенного расширения сектора производства средств производства, особенно тех отраслей промышленности, от которых зависела безопасность страны, в результате чего лозунг партии "Догнать и перегнать!" стал неотложным и грозным велением времени"². Задача "в относительно минимальный срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран" была впервые выдвинута в резолюции XV конференции. В связи с этим резолюция подчёркивала, что на начальном этапе индустриализации "затраты на капитальное строительство потребуют значительного напряжения народного хозяйства"³. Таким образом, разговоры о "черепашьем шаге" и "предельно-минимальных" темпах индустриального роста сдавались в архив.

Характеризуя эклектические метания правящей фракции на фоне услож-

¹ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. С. 324.

² Там же.

³ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 4. С. 72.

нявшейся социально-экономической обстановки в стране, "Платформа большевиков-ленинцев" указывала, что "известный рост враждебных нам сил кулака, нэпмана, бюрократа - при нэпе неизбежен. Эти силы нельзя уничтожить какими-либо административными распоряжениями или простым экономическим нажимом. Введя нэп и проводя его, мы сами создали известное место для капиталистических отношений в нашей стране и ещё на продолжительный срок должны признать их существование неизбежным"¹. Опасности, вытекающие из роста капиталистических элементов города и деревни и из роста бюрократизма, можно побороть лишь путём правильной, планомерной политики, включающей и маневрирование, и метод частичных уступок мелкобуржуазным слоям, и временные отступления для того, чтобы затем вернее двинуться вперёд. Однако группа Сталина "ссылками на ленинское маневрирование... прикрывает беспринципные метания из стороны в сторону, неожиданные для партии, непонятные ей, разлагающие её... После двух лет, в течение которых группа Сталина фактически определяла политику центральных учреждений партии, можно считать совершенно доказанным, что политика этой группы оказалась бессильной предотвратить: 1) непомерный рост тех сил, которые хотят повернуть развитие нашей страны на капиталистический путь; 2) ослабление положения рабочего класса и беднейшего крестьянства против растущей силы кулака, нэпмана и бюрократа; 3) ослабление общего положения рабочего государства в борьбе с мировым капитализмом, ухудшение международного положения СССР"².

Оппозиция подчёркивала, что относительный и абсолютный рост капитализма в деревне не только увеличивает зависимость государства и его промышленности от сырьевых и экспортных ресурсов зажиточно-кулацких элементов, но и начинает приводить к росту политического самосознания буржуазных элементов СССР. "Платформа большевиков-ленинцев" констатировала, что в стране существуют исключаящие друг друга две основные позиции. Одна из них выражает интересы лагеря новой буржуазии и тех слоёв мелкой буржуазии, которые тянутся за ней. Этот лагерь стремится повернуть развитие страны по капиталистическому пути, "возлагает все свои надежды на частную инициативу и личную заинтересованность товаропроизводителя. Этот лагерь делает ставку на "крепкого крестьянина" с тем, чтобы кооперация, промышленность и внешняя торговля обслуживали именно его. Этот лагерь считает, что социалистическая промышленность не должна рассчитывать на государственный бюджет, что темп её развития не должен нарушать интересов фермерско-капиталистического накопления"³. С этой установкой тесно связана линия на "распыление промышленности, ослабление планового начала, отодвигание на задний план тяжёлой индустрии, то есть опять-таки приспособление к крепкому крестьянину, с близкой перспективой ликвидации монополии внешней торговли... Имя этому пути: капитализм в рассрочку. Это течение, сильное в стране, оказывает влияние и на некоторые круги нашей партии"⁴.

¹ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 113-116.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Вторая позиция опирается на ленинские слова о том, что "победу социализма над капитализмом, упрочение социализма можно считать обеспеченными лишь тогда, когда пролетарская государственная власть... реорганизует всю промышленность на началах крупного коллективного производства и новейшей (на электрификации всего хозяйства основанной) технической базы. Только это даст возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой городом отсталой и распылённой деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда, побуждая тем мелких земледельцев силой примера и ради их собственной выгоды переходить к крупному, коллективному, машинному земледелию"¹. Исходя из этих принципов, подчёркивалось в "Платформе" оппозиции, "должна строиться вся политика партии (бюджет, налоги, промышленность, сельское хозяйство, внутренняя и внешняя торговля и прочее). Такова основная установка оппозиции. *Это путь социализма.*

Между этими двумя позициями - всё ближе к первой - проходит *сталинская линия*, состоящая из коротких зигзагов влево и глубоких - вправо"².

Этими зигзагами была отмечена вся политика правящей фракции в 1927 году. В предыдущем урожайном году государственным и кооперативным органам удавалось конкурировать с частными торговцами зерном и в известной мере преодолевать трудности с хлебозаготовками. В этих условиях сталинское руководство не только заявило о торжестве своей политики "умиротворения" деревни, но даже, как мы уже знаем, о том, что оппозиция хочет "огрбить" крестьянство.

Вовлечённые таким образом во внутривнутрипартийные споры, зажиточные слои деревни всерьёз настроились на фермерско-капиталистический лад, поверили в долгосрочность "либерального" курса партии и пришли к выводу, что они могут диктовать государству свои условия. Уже весной 1926 года почти 60 процентов товарного зерна оказалось в руках 6 процентов крестьянских хозяйств. В этих условиях всё активнее проявлялись стремления (находившие отражение в трудах ряда теоретиков) к "нормализации" рынка, т. е. к снятию ограничений в свободной торговле хлебом и отмене государственной монополии внешней торговли.

В 1927 году у зажиточных слоёв деревни скопилось значительное количество бумажных денег, на которые они не могли приобрести нужные товары. Поэтому они не спешили продавать хлеб государству по установленным им заготовительным ценам. Относительно небольшой сельскохозяйственный налог они могли уплатить за счёт продажи второстепенных продовольственных продуктов и технических культур, отложив продажу зерна до весны, когда цена на него возрастёт.

В этих условиях оппозиция предложила организовать принудительный заём в 150 млн. пудов хлеба у 10 процентов наиболее зажиточных крестьянских хозяйств, аргументируя это тем, что в руках этой части сельского населения сосредоточена основная доля натуральных хлебных запасов, достигших 800-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 179.

² Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 116.

900 млн. пудов. В ответ на это уже августовский пленум ЦК и ЦКК 1927 года объявил, что он отвергает "вздорные, рассчитанные на создание дополнительных трудностей в развитии народного хозяйства демагогические предложения оппозиции о насильственном изъятии натуральных хлебных излишков"¹.

Вместе с тем правящая фракция оказалась вынужденной прибегнуть к мерам, направленным на известную "перекачку" денег из деревни. Ещё апрельский пленум ЦК 1927 года принял решение о повышении налогов на кулацкие хозяйства. Вслед за этим были снижены закупочные цены на зерно, что объективно ударило по всему крестьянству (а не только его зажиточной части) и стало одной из главных предпосылок кризиса хлебозаготовок в 1927-1928 годах.

Осенью 1927 года оправдался прогноз оппозиции, на протяжении двух лет утверждавшей, что продолжение бухаринско-сталинской политики в деревне приведёт к тому, что кулаки станут достаточно сильны для того, чтобы оказывать сопротивление государственным хлебозаготовкам путём придерживания зерна. Накануне XV съезда партии в стране стихийно возникла "хлебная стачка", в результате которой несмотря на высокий урожай к январю 1928 года было заготовлено менее 300 млн. пудов зерна (менее 2/3 прошлогоднего уровня). Возникли серьёзные трудности в снабжении хлебом городов и армии. Последствия "хлебной стачки" проявились в виде серии взаимосвязанных кризисов в народном хозяйстве, усугублявшихся обострением международной обстановки. Выступления Сталина, Бухарина и других партийных лидеров о близкой возможности нападения блока капиталистических государств на СССР и пробная мобилизация, проведённая в этой связи, вызвали панику среди населения. В августе 1927 года в городах началась повальная закупка про запас на случай войны муки, сахара и других товаров первой необходимости. Выросли очереди за продуктами, активизировались чёрный рынок и спекуляция. Товарные запасы зерна, находившегося в руках государства, были исчерпаны. Возрастающие трудности со снабжением привели к тому, что даже в Москве (не говоря уже о провинции) в конце 1927 года в продаже не стало чая, мыла, масла, белого хлеба. Всё это означало, как признавал Микоян на XV съезде, что страна пережила "экономические затруднения кануна войны без того, чтобы иметь войну"².

Разразившийся в конце 1927 года кризис оказался неожиданным для правящей фракции. Более того - её лидеры не придали вначале серьёзного значения неблагоприятным известиям о ходе хлебозаготовок. Лишь спустя некоторое время Рыков и Бухарин вынуждены были признать серьёзные просчеты в проводимой ими в 1926-1927 годах политике. "В момент обнаружения кризиса, - говорил Рыков в 1928 году, - я считал его кратковременным и менее глубоким, чем оказалось в действительности. Такая оценка сказалась в моем докладе на XV съезде партии"³.

Признавая целый ряд ошибок партийного руководства, бессистемные перемены в политике, Бухарин на апрельском пленуме ЦК 1929 года говорил:

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 4. С. 196.

² XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М., 1962. Т. 2. С. 1094.

³ Вопросы истории КПСС. 1988. № 8. С. 19, 20.

"Мы известное количество времени не замечали положения дела с зерном, известное количество времени осуществляли индустриализацию за счёт траты фондов и эмиссионного налога... трудности у нас наиболее ярко стали проявляться тогда, когда те самые источники, на которых мы известное количество времени ехали, иссякли и когда мы все увидели, что дальше так ехать нельзя. Этот момент совпадает с наибольшими трудностями. Но раз получилось таким образом, раз эти трудности стали объективным фактом, то дальше мы попали в первый тур чрезвычайных мер"¹.

Единственным лидером партии, который не признавал свою ответственность за провалы хозяйственной политики 1926-1927 года, был Сталин. Между тем именно он вплоть до XV съезда и на самом съезде поддерживал прежние бухаринские установки, тогда как сам Бухарин ещё до XV съезда стал осуществлять некоторые "подвижки" в сторону пересмотра своей позиции. Этот процесс, по мнению С. Коэна, начался весной 1926 года, когда Бухарин понял, что некоторые его экономические посылки оказались ошибочными или устаревают, и продолжался на протяжении 1927 года, когда он более полно изложил свои новые предложения.

Изменения первоначальной программы Бухарина, объективно представлявшие сближение с программой левой оппозиции (хотя сам Бухарин этого ни разу не признал), выразились в признании неизбежности более быстрых темпов индустриализации, в отказе от идеи "черепашьего шага" и от "безоговорочной опоры на свободные рыночные отношения в пользу большего вмешательства государства в форме плановых инвестиций, увеличения контроля над частным капиталом и перестройки производственных основ сельского хозяйства"².

В этих новых идеях Бухарина исчезла самоуспокоенность, он больше не смягчал остроты стоявших проблем, предлагая для их решения использовать смешанную экономику в различных её формах: максимально расширить "социалистический сектор", но одновременно использовать и частный сектор, сочетать планирование с использованием рыночной экономики там, где она имеет преимущество.

"Для программы Бухарина, основанной на эволюционных методах, умеренных целях и долговременных решениях, - писал С. Коэн, - требовался длительный период без внутренних и внешних кризисов. Однако и те, и другие назревали. Внутренний кризис, острота которого стала очевидна в ноябре-декабре 1927 г., частично был вызван запоздалой реакцией руководства партии на отмеченные экономические проблемы. Внешний кризис, включая угрозу войны, в основном не подчинялся контролю"³.

Вместе с тем Бухарин не пересмотрел свою идею о том, что колхозы не являются столбовой дорогой к социализму. Он продолжал считать, что частные крестьянские хозяйства должны оставаться "становым хребтом" советского хозяйства на несколько десятилетий. Аналогичную позицию вплоть до начала 1928 года занимал и Сталин. В беседе с иностранными рабочими делегациями

¹ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. С. 276, 277.

² Коэн С. Бухарин. Политическая биография. С. 304.

³ Там же. С. 313.

5 ноября 1927 года он ответил на их вопрос о коллективизме в деревне так: "Мы думаем осуществить коллективизм в сельском хозяйстве постепенно, мерами экономического, финансового и культурно-политического порядка..." И далее: "Всеохватывающая коллективизация наступит тогда, когда крестьянские хозяйства будут перестроены на новой технической базе в порядке механизации и электрификации... К этому дело идёт, но к этому дело ещё не пришло и не скоро придёт"¹. В соответствии с этой идеей правящей фракции, созданию колхозов не уделялось серьёзного внимания, на их создание и укрепление вносились незначительные государственные средства. Небольшое число колхозов едва росло, а в 1926-1927 годах произошло даже уменьшение их численности.

Примерно в то же время, т. е. в разгар "хлебной стачки", Сталин заявлял, что партия "добилась умиротворения деревни" и обвинял оппозицию в стремлении "открыть гражданскую войну в деревне". Таким образом, ничто не предвещало того, что главный "умиротворитель" деревни, "защищающий" крестьянство от оппозиции, которая якобы хочет его "огрбить", спустя несколько месяцев начнёт проводить принципиально иную политику, которая будет стоить советской деревне невероятных, чудовищных человеческих и материальных жертв. Сталин превратится в самого жестокого "усмирителя" деревни, причём с помощью таких методов, которые никогда не предлагались левой оппозицией.

В конце 1927 года обнаружилось, что вопреки утверждениям Сталина, Бухарина и их сторонников об "идейном банкротстве" оппозиции, прогнозы и предостережения последней о нарастании кризисных тенденций целиком подтвердилось. Стихийные элементы нэпа начали оказывать деструктивное влияние на экономику в целом. Запоздалое признание этого появилось у Бухарина лишь в сентябре 1928 года, когда он писал: "Стремясь извлечь уроки из нашего собственного прошлого и непрерывно критикуя самих себя, мы должны прийти также к следующему выводу: мы и сами недостаточно осознали ещё всю новизну условий реконструктивного периода. Именно поэтому мы так "запаздывали" ... проблему совхозов и колхозов сдвинули практически с места после хлебозаготовительного кризиса и связанных с ним потрясений и т. д., словом, действовали в значительной мере согласно истинно русской поговорке: "Тром не грянет - мужик не перекрестится"².

В 1927 году социально-экономическая политика правящей фракции всё больше обнаруживала свою уязвимость перед лицом новых задач, связанных с технической реконструкцией народного хозяйства. Требовался планомерный поворот в этой политике, который при нормальных условиях партийной жизни мог бы быть подготовлен идеологически и организационно. Политика партии могла быть скорректирована разумным путём, что предполагало свободное обсуждение сроков, темпов и методов решения новых задач.

Однако такое обсуждение политических альтернатив оказалось уже невозможным, поскольку все силы партии были отвлечены и сконцентрированы на "добивании оппозиции", самодеятельность первичных партийных организаций

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 10. С. 221, 225.

² Бухарин Н. И. Избранные произведения. С. 391, 392.

была задушена, а критика ошибок ЦК стала караться полицейскими репрессиями. Всё это предопределило последующее трагическое развитие событий, в ходе которого была ликвидирована возможность свободной дискуссии даже внутри Политбюро, а его последние члены, способные разговаривать со Сталиным на равных, были подвергнуты ostracismu и устранили с политической арены.

В конце 1927 года под влиянием изменений во внутренней и международной обстановке в Политбюро происходило запоздалое обсуждение новых проблем. Корректировка линии Политбюро в преддверии XV съезда нашла, однако, выражение не в выступлениях Сталина, по-прежнему изображавшего экономическое и политическое положение страны в радужных тонах, а прежде всего в выступлениях Бухарина, который в докладе "Партия и оппозиция на пороге XV партсъезда", прочитанном на собрании актива Ленинградской организации ВКП (б) 26 октября, провозгласил линию "более форсированного наступления на кулака". Это должно было означать, по его мнению, борьбу с куплей, продажей, дарением и завещанием земли, сокращение сроков аренды земли, "уточнение и улучшение постановки прогрессивно-подходного обложения в смысле уловления всех доходов кулака", "строгое соблюдение кодекса законов о труде в деревенском капиталистическом, т. е. в кулацком, хозяйстве"¹ и т. д.

В таком же духе были выдержаны представленные XV съезду тезисы Рыкова о директивах по составлению первого пятилетнего плана и тезисы Молотова о работе в деревне. В них предусматривались уже названные изменения в области аграрной политики, а также требования увеличения капиталовложений в промышленность, усиления планирующей роли государства и контроля над частным капиталом. Всё это означало, по существу, отказ от безоговорочной поддержки свободных рыночных отношений.

При обсуждении тезисов Рыкова и Молотова на октябрьском пленуме ЦК лидеры оппозиции обращали внимание на то, что ЦК "списывает" из "Платформы" оппозиции лозунг нажима на кулака и нэпмана, то есть такого перераспределения народного дохода, без которого немисливо добиться более быстрой индустриализации, сокращения безработицы и ликвидации товарного голода. В речи на пленуме Смилга заявил, что вопросы, затрагиваемые в тезисах Рыкова, "гораздо лучше и яснее и правильнее сформулированы в платформе большевиков-ленинцев, которую вы скрываете от партии"².

Смилга подчёркивал, что хозяйственная перспектива бескризисного развития, выдвигавшаяся лидерами правящей фракции, опровергается несомненным наличием денежной инфляции, резким обострением товарного голода, громадными хвостами за мукой и за основными предметами рабочего потребления в городах и крупных промышленных районах, влиянием растущего расслоения деревни на хлебозаготовки.

В "Контррезисах" оппозиции подчёркивалось, что, наконец-то (с опозданием на два с лишним года), ЦК провозглашает совсем другую политику, при этом исход из ложной установки, будто для изменения политики достаточно

¹ Там же. С. 339, 340.

² Правда. 1927. 30 октября.

дать новый "приказ". Большинство ЦК, желая скрыть своё идейно-политическое банкротство, делает попытку объяснить необходимость "форсированного нажима" на кулака и нэпмана их "ослаблением".

Теория и практика термидорианской амальгамы

На всём протяжении деятельности оппозиционного блока ЦК под предлогом борьбы с фракционностью неуклонно запрещал публикацию оппозиционных документов. Чтобы довести свои документы до партии, оппозиционеры организовали нелегальную типографию, где печатались "Заявление 83-х" и "Платформа большевиков-ленинцев". Уже летом 1927 года дело перестало ограничиваться исключением из партии лиц, подписавших эти документы. Внутрипартийные разногласия стали "разрешаться" с помощью ОГПУ. В августе 1927 года были произведены аресты организаторов нелегальной типографии.

Поскольку в глазах большинства коммунистов размножение оппозиционных документов, пусть и нелегальным путём, ещё не могло рассматриваться как преступление, требовавшее вмешательства ГПУ и арестов оппозиционеров, организаторы нелегальной типографии были обвинены в связях с буржуазными интеллигентами, часть которых, "в свою очередь, оказалась в связях с белогвардейцами, замышляющими о военном заговоре"¹. Октябрьский пленум ЦК и ЦКК 1927 года исключил Зиновьева и Троцкого из ЦК на том основании, что они довели "фракционную борьбу против партии и её единства до степени, граничащей с образованием новой антиленинской партии совместно с буржуазными интеллигентами"². На пленуме была, таким образом, пущена в ход новая сталинская провокация, облегчившая проведение массовых репрессий против оппозиции. Именно в связи с этой провокацией оппозиция впервые употребила понятие "термидорианская амальгама".

Наряду со Сталиным в создание этой амальгамы существенный вклад внёс Бухарин, который на собрании актива Ленинградской организации ВКП (б) 26 октября 1927 года заявил: "Дело обстояло таким образом. В связи с раскрытием нелегальной оппозиционной типографии было установлено, что некоторые из работников этой типографии через ряд звеньев были связаны с военными группировками, помышлявшими о военном перевороте у нас... Товарищи, прошу вас иметь в виду, что никто из нас никогда не думал обвинять оппозицию в том, что они - контрреволюционные заговорщики, - пока до этого дело не дошло. Они обвиняются с нашей стороны в том, что своей бесшабашной борьбой против партийной и советской легальности, бесшабашной ломкой законов пролетарской диктатуры притягивают всякий сброд, окрыляют его"³. Между тем Бухарин знал, что версия о "военном перевороте" основывалась лишь на показаниях бывшего врангелевского офицера, оказавшегося агентом ОГПУ, специально подосланным к организаторам нелегальной типографии.

После выступления председателя ОГПУ Менжинского на октябрьском пленуме с "разоблачением" связи оппозиционеров с "военным заговором" ли-

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 10. С. 185.

² КПСС в резолюциях и решениях. Т. 4. С. 250.

³ Бухарин Н. И. Избранные произведения. С. 363.

деры оппозиции пришли к Менжинскому и Ягоде с требованием показать им свидетельские показания, которые оглашались на пленуме. Менжинский "не скрывал, что дело идёт, в сущности, о подлоге, но наотрез отказался показать нам свои документы... Когда мы, ничего не добившись, уходили, Каменев ещё задержался у Менжинского. У них были свои счета. Ещё совсем недавно Менжинский состоял в распоряжении "тройки", против оппозиционеров. "Неужели же вы думаете, - спросил Каменев Менжинского, - что Сталин один справится с государством?". Менжинский прямо не ответил. "А зачем же вы дали ему вырасти в такую грозную силу? - ответил он вопросом на вопрос, - теперь уже поздно"¹.

В письме, направленном в ЦК по поводу сфабрикованного по указке Сталина "дела" о военном заговоре, лидеры оппозиции упоминали о том, что подобные подлоги возникли во время Великой французской революции. Тогда это называлось "амальгамой".

В речи на октябрьском пленуме Троцкий говорил: "Моё предложение - обсудить самостоятельно вопрос о врангелевском офицере и военном заговоре - было отклонено. Я ставил, по существу, вопрос о том, почему, кем и как была обманута партия, которой было сказано, что коммунисты, связанные с оппозицией, участвуют в контрреволюционной организации. Чтоб лишний раз показать, что вы понимаете под дискуссией, вы постановили мою короткую речь о подложном врангелевском офицере изъять из стенограммы, т. е. спрятать от партии. Бухарин преподносил нам здесь философию термидорианской амальгамы на основе документов Менжинского, не имеющих никакого отношения ни к типографии, ни к оппозиции. Но нам нужна не дешёвая бухаринская философия, а факты. Фактов нет. Поэтому весь вопрос вдвинут фуксом в дискуссию об оппозиции. Грубость и нелояльность выросли до размеров преступного вероломства... Откуда это идёт? Куда это ведёт? Только этот вопрос имеет Политическое значение. Всё остальное отступает на второй и десятый планы"².

К объяснению политического смысла сталинских провокаций, которые в своём логическом развитии вели к контрреволюционному по своему существу террору, Троцкий подходил ещё на заседании ЦКК в июне 1927 года. В речи на этом заседании он приводил высказывание члена Президиума ЦКК Сольца в беседе с одним из коммунистов, подписавших заявление оппозиции. "Что означает заявление 83-х? - говорил Сольц. - К чему это ведёт? Вы знаете историю Великой французской революции, - до чего это доводило. До арестов и гильотинирования". Тов. Воробьев, с которым тов. Сольц говорил, спросил его: "что же, вы собираетесь нас гильотинировать?" На что Сольц очень пространно ему объяснил: "как вы думаете, Робеспьеру не было жалко Дантона, когда он отправлял его на гильотину? А потом пришлось идти и Робеспьеру... Вы думаете, не жалко было? Жалко, а пришлось..." Такова схема беседы"³. Получив от Сольца подтверждения в достоверности этих слов, Троцкий спросил: "какую главу вы собираетесь открывать разгромом оппозиции?"

Подхватывая аналогию с французской революцией, Троцкий отмечал, что

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. С. 268, 269.

² Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 218, 219.

³ Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. С. 148, 149.

использование этой аналогии представляет собой правильный метод для понимания классовой подоплёки сталинской политики по отношению к оппозиции. В дальнейшем, находясь в изгнании, Троцкий использовал данную аналогию для разоблачения новых амальгам, фабрикуемых как сталинистскими, так и антикоммунистическими идеологами. Первые "амальгамировали" оппозиционеров с врагами Октябрьской революции. Вторые изображали сталинский террор как закономерное продолжение "красного террора", к которому прибегали большевики в гражданской войне в ответ на белогвардейские террористические акты, а узурпацию Сталиным власти партии и рабочего класса - как прямое продолжение "узурпации" власти большевиками в результате Октябрьской революции и роспуска Учредительного собрания.

Для объяснения причин "красного террора" Троцкий находил аналогии в истории не только якобинской диктатуры во Франции, но и гражданской войны в США (он даже собирался написать книгу, посвящённую сопоставлению гражданских войн в Соединённых Штатах и Советской России, в которых он видел много общего). Для объяснения причин термидорианского, а затем бонапартистского перерождения Октябрьской революции он использовал аналогии с соответствующими этапами Великой французской революции 1789-1794 годов. Аналогия с термидором проводилась и Лениным в качестве прогноза возможного перерождения социалистической революции в России. Эту же аналогию в 1927 году использовал Троцкий для более конкретного прогноза "новой главы" в развитии русской революции, открываемой расправой с левой оппозицией.

"Во время Великой французской революции, - говорил Троцкий на июньском заседании ЦКК, - гильотинировали многих. И мы расстреляли многих. Но в Великой французской революции было две больших главы, одна шла так (*показывает вверх*), а другая шла этак (*вниз*). Вот это надо понять. Когда глава шла так - вверх, - французские якобинцы, тогдашние большевики, гильотинировали роялистов и жирондистов. И у нас такая большая глава была, когда и мы, оппозиционеры, вместе с вами расстреливали белогвардейцев и высылали жирондистов. А потом началась во Франции другая глава, когда французские устряловцы и полуустряловцы¹ - термидорианцы и бонапартисты - из правых якобинцев - стали ссылать и расстреливать левых якобинцев - тогдашних большевиков. Я бы хотел, чтобы тов. Сольц продумал свою аналогию до конца и, прежде всего, себе самому сказал: по какой главе Сольц собирается нас расстреливать? (*Шум в зале*). Тут не надо шутить, революция дело серьёзное. Расстрелов никто из нас не пугается. Мы все - старые революционеры. Но надо знать, кого, по какой главе расстреливать. Когда мы расстреливали, то твёрдо знали, по какой главе. А вот сейчас, - ясно ли вы понимаете, тов. Сольц, по какой главе собираетесь нас расстреливать. Я опасюсь, тов. Сольц, что вы собираетесь нас расстреливать по устряловской, т. е. термидорианской главе"².

В 1921 году Ленин чётко указывал на альтернативы, стоявшие перед Со-

¹ Устрялов - идеолог "сменовеховства" - эмигрантского течения, призывавшего к поддержке сталинско-бухаринской политики, которая, по мнению сменовеховцев, вела к реставрации капитализма в СССР.

² Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. С. 148, 149.

ветской Россией: "10-20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20-40 лет мучений белогвардейского террора. Aut aut. Tertium non datur"¹. (Или - или. Третьего не дано. - В. Р.).

На деле оказалась реализованной вторая альтернатива, но в своеобразной исторической форме, не предвиденной Лениным. Террор, белогвардейский по своему классовому существу, т. е. обращённый против большевиков-ленинцев, был осуществлён не открытыми белогвардейцами, пришедшими к власти и реставрировавшими старые классовые порядки, а сталинской кликой, узурпировавшей власть рабочего класса, при сохранении некоторых социальных основ, заложенных Октябрьской революцией. Для осуществления такого террора, проводившегося под обманым флагом борьбы против контрреволюционных заговоров, понадобилась целая серия судебных и идеологических подлогов.

Этот террор, завершившийся физическим уничтожением почти всей старой партийной гвардии, был открыт полицейской расправой над оппозицией, начавшейся в 1927 году. В самом начале этой расправы Троцкий, продолжая развёртывать аналогию с термидором, заявлял: "Когда у нас говорят "термидорианцы", - то думают, что это ругательство. Думают, что это были завзятые контрреволюционеры, сознательные сторонники королевской власти, и прочее. Ничего подобного! Термидорианцы были якобинцами, только поправившими. Якобинская организация, - тогдашние большевики, - под давлением классовых противоречий в короткий срок дошла до убеждения в необходимости уничтожить группу Робеспьера... Они говорили: мы уничтожили кучку людей, которые нарушали в партии покой, а теперь, после гибели их, революция восторжествует окончательно"².

Таким образом, Троцкий фиксировал внимание на трагической вине "правых якобинцев", равно как и идущих за Сталиным большевиков, на их историческом заблуждении, жертвами которого вскоре предстояло стать им самим.

Приводя многочисленные факты и документы из истории Великой французской революции, Троцкий подчёркивал, что термидорианцы, уничтожив революционных якобинцев, установили в якобинских клубах "режим запуганности и безличия, ибо заставляли молчать, требовали 100 процентов голосований, воздержания от всякой критики, заставляли думать так, как приказано сверху, отучали понимать, что партия, - это живой, самостоятельный организм, а не самодовлеющий аппарат власти"³.

Развивая эти мысли применительно к современному этапу русской революции, Троцкий в речи на октябрьском пленуме ЦК (1927 года) говорил: "Грубость и нелояльность, о которых писал Ленин, уже не просто личные качества; они стали качествами правящей фракции, её политики, её режима. Дело идёт не о внешних приёмах. Основная черта нынешнего курса в том, что он верит во всемогущество насилия - даже по отношению к собственной партии... Руководящая фракция думает, что при помощи насилия можно достигнуть всего. Это коренная ошибка. Насилие может играть огромную революционную

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 383.

² Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. С. 149.

³ Там же. С. 152.

роль. Но при одном условии: если оно подчинено правильной классовой политике. Насилие большевиков над буржуазией, над меньшевиками, над эсерами дало - при определённых исторических условиях - гигантские результаты. Насилие Керенского и Церетели над большевиками только ускорило поражение соглашательского режима. Изгоняя, лишая работы, арестовывая, правящая фракция действует дубьём и рублём против собственной партии"¹.

Разумеется, победе сталинизма в борьбе с левой оппозицией способствовали не только репрессии против инакомыслящих коммунистов, запугивающие партию. Огромную роль в таком завершении открытой антипартийной борьбы сыграли обман партии, фальсификации, пущенные в ход пропагандистской машиной, находившейся в монопольном распоряжении сталинской фракции. Венцом этих фальсификаций стало амальгамирование, т. е. отождествление коммунистической оппозиции с врагами коммунизма. Фабрикация Сталиным и сталинистами всё новых и новых амальгам привела к тому, что большинство членов партии оказалось во власти всемирно-исторического заблуждения.

Методы политического террора, основанные на создании термидорианских амальгам, впервые были пущены в ход на последних этапах борьбы с ещё открыто выступавшей левой оппозицией. "Осенью 1927 года вооружённые силы ГПУ были применены, хотя пока ещё и без кровопролития, для ареста, роспуска революционных собраний, обысков у коммунистов... Нельзя забывать, что ГПУ принадлежало к партии, вышло из её рядов, заключало в себе тысячи большевиков, прошедших через подполье и через гражданскую войну. Только теперь, в 1927 году, ГПУ окончательно превращалось в инструмент бюрократии против народа и против партии"². Чтобы завершить этот процесс, вывести органы ГПУ из-под контроля партии и поставить их под единоличный контроль Сталина, требовалось изгнать лидеров оппозиции из ЦК.

"Вы хотите нас исключить из Центрального Комитета, - говорил Троцкий в речи на октябрьском (1927 года) пленуме ЦК. - Мы согласны, что эта мера полностью вытекает из нынешнего курса на данной стадии его развития, вернее, - его крушения. Правящая фракция, которая исключает из партии сотни и сотни лучших партийцев, непоколебимых рабочих-большевиков; аппаратная клика, которая осмеливается исключать таких большевиков, как Мрачковский, Серебряков, Преображенский, Шаров и Саркис, т. е. товарищей, которые одни могли бы создать Секретариат партии, неизмеримо более авторитетный, более подготовленный, неизмеримо более ленинский, чем нынешний наш Секретариат; фракция Сталина-Бухарина, которая сажает во внутреннюю тюрьму ГПУ прекрасных партийцев... аппаратная фракция, которая держится насилием над партией, удушением партийной мысли, дезорганизацией пролетарского авангарда не только в СССР, но и во всём мире... - эта фракция не может нас терпеть в Центральном Комитете даже за месяц до съезда. Мы это понимаем"³.

Союзники Сталина из числа последних членов ленинского Политбюро, остававшихся в рядах правящей фракции, поддержали перевод борьбы с оппозицией в плоскость борьбы против нарушений ею принятых в то время норм

¹ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 220.

² Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. С. 219, 220.

³ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 219, 220.

советской легальности (организация нелегальных типографий, альтернативных демонстраций и т. п.). Пройдя новый виток политического перерождения, они не только приняли самое активное участие в разнузданной травле оппозиции, но и одобрили прямые политические репрессии по отношению к своим недавним близким друзьям, соратникам по царским тюрьмам и каторгам, по участию в Октябрьской революции и гражданской войне.

Называя участие Бухарина в "гражданской казни" левых "ещё одной ошибкой", С. Коэн пишет: "Это было не только неблагоприятное политическое решение, оно также свидетельствовало о том, что он не проявил такие своиственные ему качества, как сдержанность и простая порядочность... Бухарин согласился на исключение из партии, арест, а затем высылку двух своих старейших друзей - Владимира Смирнова и Преображенского, близкого друга и соратника по ссылке Михаила Фишелева, нескольких бывших "левых коммунистов", которыми он руководил в 1918 г., а также десятков других большевиков, с которыми, по его выражению, он "ходил в бой". Как интеллигент и человек, чувствительный к произволу, Бухарин должен был бы поступать иначе"¹.

Ещё в письме к Бухарину от 8 января 1926 года Троцкий предупреждал его, что "система аппаратного террора не может остановиться только на так называемых идейных уклонах, реальных или вымышленных, а неизбежно должна распространиться на всю вообще жизнь и деятельность организации"². В ноябре 1927 года Бухарин получил второе предупреждение - от своего бывшего товарища, называвшего его "тюремщиком лучших коммунистов" и заканчивавшего письмо к нему словами: "Осторожнее, т. Бухарин. Вы частенько спорили в нашей партии. Вам, вероятно, придётся ещё не раз поспорить. Как бы Вам нынешние тт. тоже когда-нибудь не дали в качестве арбитра т. Агранова (одного из руководителей ГПУ, возглавлявшего отдел по слежке и преследованию членов внутривнутрипартийных оппозиций. - В. Р.). Примеры бывают заразительны"³. Однако эти предостережения никак не повлияли на Бухарина, принимавшего самое активное участие в тщательной отработке "методики" проведения партийных съездов и пленумов ЦК, ставших выражением предельной нелояльности и разнузданности.

Уже на XIV съезде партии на первые ряды были посажены некоторые провинциальные делегаты типа Моисеенко, спустя год изгнанного из партии за моральное разложение и злоупотребление властью, которые прерывали выступления лидеров оппозиции хулиганскими репликами. На последующих партийных форумах эту задачу брали на себя уже члены президиумов, лидеры правящей фракции. Под их улюлюканье и оскорбительные реплики шли все выступления оппозиционеров на пленумах ЦК и на XV съезде. Вспоминая впоследствии о том, что в 1927 году "официальные заседания ЦК превратились в поистине отвратительные зрелища", Троцкий писал, что целью этих заседаний "была травля оппозиции заранее распределенными ролями и речами. Тон этой травли становился всё более необузданным. Наиболее наглые члены

¹ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. С. 329, 330.

² Там же.

³ Там же.

высших учреждений, введённые только исключительно в награду за свою наглость по отношению к оппозиции, непрерывно прерывали речи опытных лиц сперва бессмысленными повторениями обвинений, выкриками, а затем руганью, площадными ругательствами. Режиссером этого был Сталин. Он ходил за спиной президиума, поглядывая на тех, кому намечены выступления, и не скрывал своей радости, когда ругательства по адресу оппозиционеров принимали совершенно бесстыдный характер. Было трудно представить себе, что мы находимся на заседании Центрального Комитета большевистской партии"¹.

Направляя в Секретариат ЦК текст своей речи на октябрьском пленуме (1927 года), которую ему не дали закончить, Троцкий писал: "Работа стенографисток протекала в очень трудных условиях. Целый ряд реплик отмечен, но отмечены далеко не все. Возможно, что стенографистки избегали записи некоторых реплик из чувства брезгливости"². Троцкий отмечал также, что в стенограмме не указано, что с трибуны президиума ему систематически мешали говорить, что во время его выступлений некоторые участники пленума (Ярославский, Шверник и другие) швыряли в него книги, стакан, пытались стащить его с трибуны и т. д. Называя эти методы "фашистско-хулиганскими", Троцкий писал, что "нельзя рассматривать разыгравшиеся на Объединённом пленуме сцены иначе, как директивные указания наиболее ответственного органа всем партийным организациям относительно того, какими методами надлежит проводить предсъездовскую дискуссию"³.

Октябрьский пленум постановил исключить Троцкого и Зиновьева из состава ЦК. Вместе с тем пленум вынужден был разрешить предсъездовскую дискуссию с публикацией в ходе её оппозиционных документов, за исключением "Платформы большевиков-ленинцев". Сталин объяснил это тем, что резолюция X съезда о единстве объявила наличие платформы одним из признаков фракционности, и представил дело таким образом, будто это решение означало запрет на все времена выдвижения каких-либо идейных платформ, помимо платформы ЦК. Поэтому, по его словам, разрешение опубликовать "Платформу" оппозиции воспринималось бы как легализация фракционности и "раскольнический шаг ЦК и ЦКК".

Октябрьский пленум в резолюции "О дискуссии" постановил опубликовать тезисы ЦК к съезду не позднее чем за месяц до его начала и тогда же начать выпускать "Дискуссионный листок" при "Правде", в котором "печатать контртезисы, поправки к тезисам ЦК, конкретные предложения по тезисам, критические статьи и т. д."⁴. "Контртезисы" оппозиции были опубликованы лишь за три недели до съезда, после того, как по всей стране прошли местные конференции с выбором делегатов на съезд.

Обсуждение этих документов по партийным организациям фактически вылилось в голосование по платформам. За тезисы ЦК проголосовало 738 тыс. человек, за "Контртезисы" оппозиции - более 4 тыс. человек. Этот факт Сталин с торжеством представил как доказательство ничтожности сил оппозиции и её

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. С. 246.

² Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 230, 231.

³ Там же.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 4. С. 249.

изоляции в рядах партии Однако при оценке итогов дискуссии нужно учитывать, что с XIV съезда по 15 ноября 1927 года контрольными комиссиями за фракционную деятельность было "привлечено" 2034 человека, а за последующий месяц - с 15 ноября по 15 декабря - 1197 человек; из числа "привлечённых" было исключено из партии соответственно 970 и 794 человека. Непрерывающиеся репрессии против оппозиции означали, что любой голосующий за её тезисы, совершал акт исключительного личного мужества, поскольку он должен был быть готов к немедленной расправе за этот акт (исключению из партии, лишению работы и т. д.).

Ещё в июне 1927 года Троцкий говорил по поводу сталинской характеристики оппозиции как "небольшой кучки" пессимистов и маловеров: "...Карьерист, т. е. человек, который домогается личных успехов, войдет ли сейчас в оппозицию?.. Шкурник пойдет ли в настоящих условиях в оппозицию, когда за оппозиционность выгоняют с фабрик и заводов в ряды безработных?.. А многосемейные, уставшие рабочие, разочарованные в революции, по инерции остающиеся в партии, пойдут они в оппозицию? Нет, не пойдут. Они скажут: режим, конечно, плохой, но пускай их делают, что хотят, я соваться не буду. А какие качества нужны для того, чтобы при нынешних условиях войти в оппозицию? Нужна очень крепкая вера в своё дело, т. е. в дело пролетарской революции, настоящая революционная вера. А вы требуете только веры защитного цвета, - голосовать по начальству, отождествлять социалистическое отечество с Райкомом и равняться по секретарю"¹.

К этому можно прибавить, что внесение в дискуссию элементов схоластики, начётничества, цитатничества затемняло в глазах многих рядовых коммунистов действительную суть разногласий между оппозицией и большинством ЦК.

Конечно, начавшаяся расправа с оппозицией не могла не вызывать резкого протеста среди оппозиционеров, многие из которых прошли через подполье и испытания гражданской войны. "В 1927 г. во время исключения оппозиции красный генерал Шмидт, прибывший в Москву с Украины, при встрече со Сталиным в Кремле наскочил на него с издевательствами и даже сделал вид, что хочет вынуть из ножен свою кривую саблю, чтобы отрезать генеральному секретарю уши... Сталин, который выслушал всё, храня хладнокровие, но бледный и со стиснутыми губами, выслушав, как его называют негодяем, вспомнил, несомненно, десять лет спустя об этой "террористической" угрозе"². "Гениальный дозировщик" и в данном случае вынужден был затаять свою месть и оттянуть её почти на десятилетие. Шмидт оставался в должности комдива до 1936 года, когда он стал первым из высшего командного состава, кто был арестован для конструирования "троцкистской организации" в армии. Следующими стали участники оппозиции 1926-1927 годов Примаков и Путна, спустя несколько месяцев посаженные на скамью подсудимых вместе с Тухачевским и Якиром, арестованными позже.

Предлогом для нанесения ещё одного удара по лидерам оппозиции стали события, происшедшие во время празднования десятилетия Октябрьской ре-

¹ Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. С. 142, 143.

² Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. С. 275.

волюции. В преддверии юбилея публиковалось много воспоминаний, сборников документов и исторических исследований, в которых роль Троцкого и других оппозиционных деятелей в революции либо замалчивалась, либо преподносилась в заведомо искажённом свете. В области киноискусства главным цензором выступил сам Сталин, который после просмотра юбилейного фильма С. Эйзенштейна "Октябрь" приказал вырезать значительную часть кадров, в основном те, где был представлен Троцкий. На недоумённые вопросы режиссера Сталин заявил: "Либерализм Ленина сейчас неактуален".

Лидеры оппозиции приняли решение использовать октябрьские торжества для непосредственного обращения к рабочим Москвы и Ленинграда. Накануне праздника были напечатаны листовки и изготовлены транспаранты и плакаты с лозунгами: "Выполнить завещание Ленина", "Против оппортунизма, против раскола - за единство Ленинской партии", "Требуем восстановления исключённых за оппозицию коммунистов", "Требуем внутрипартийной демократии", "Требуем повышения заработной платы рабочим за счёт сокращения аппарата и уничтожения привилегии" и т. д.¹

7 ноября наряду с официальной демонстрацией в Москве прошла альтернативная демонстрация, организованная оппозицией и включавшая тысячи рабочих, студентов и курсантов военных учебных заведений. На участников этой демонстрации набрасывались с избиениями специально проинструктированные "активисты" и "дружинники", действовавшие под прикрытием милиции и агентов ГПУ в штатском. Они вырывали из рук демонстрантов плакаты, избивали их дубинками, сопровождая свои налеты черносотенными, антисемитскими выкриками и разнузданной бранью. Вслед машине, в которой находились Троцкий, Каменев и Муралов, объезжавшие колонны демонстрантов, было сделано несколько выстрелов, затем была предпринята попытка физической расправы, от которой налётчиков удержали подоспевшие к машине демонстранты.

Одновременно были сделаны налеты на квартиры некоторых оппозиционеров, над окнами которых были вывешены оппозиционные плакаты и портреты Ленина, Троцкого и Зиновьева. Нападавшие не только срывали плакаты и портреты, но и врываются в квартиры, учиня там настоящий разбой. Такие же бесчинства были учинены и у гостиницы "Париж" (на углу Охотного ряда и Тверской улицы), с балкона которой Смилга, Преображенский и другие оппозиционеры приветствовали демонстрантов. Аналогичные расправы произошли в Ленинграде, где альтернативную демонстрацию возглавляли Зиновьев, Радек, Евдокимов, Лашевич и другие оппозиционеры.

Описывая все эти факты, Муралов, Смилга и Каменев в письме, обращённом в Политбюро и Президиум ЦКК, подчёркивали, что "трудно придумать действия более постыдные для руководителей и организаторов борьбы с оппозицией, более безобразные под углом зрения юбилейного праздника, более глупые с точки зрения интересов господствующей фракции... Каждый московский партиец знает, что фашистские группы получили инструкции от секретарей райкомов и что центром всей этой омерзительной кампании является сек-

¹ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 251-256.

ретариат ЦК ВКП (б), пользующийся Президиумом ЦКК, как послушным и на всё готовым орудием"¹.

Троцкий в письмах, также направленных руководству партии, отмечал, что "натиск на ленинские лозунги оппозиции произвели худшие элементы сталинского аппарата, в союзе с прямыми отбросами мещанской улицы... Здесь повторилось точка в точку то, что наблюдалось при избиении большевиков на улицах Ленинграда в июле 1917 года, когда наибольшую активность проявляли наиболее черносотенные элементы... Все действия такого рода ни в малейшей мере не походили на расправу толпы. Наоборот, все они совершались за спиной толпы, при небольшом количестве зрителей, силами небольших групп, при руководящем участии официальных и полуофициальных лиц..."².

Заранее спланированная сталинская провокация была впоследствии использована им для утверждения о том, что "7 ноября 1927 года открытое выступление троцкистов на улице было тем переломным моментом, когда троцкистская организация показала, что она порывает не только с партийностью, но и с советским режимом". К моменту высылки Троцкого за границу была создана новая версия - о якобы намечавшемся "троцкистами" на 7 ноября 1927 года перевороте; призыв выполнить "Завещание" Ленина истолковывался как призыв к такому перевороту.

Самостоятельное выступление оппозиции на октябрьской демонстрации спустя неделю стало поводом для исключения Троцкого и Зиновьева из партии, остальных одиннадцати оппозиционеров, входящих в состав ЦК и ЦКК, - из этих органов, а также снятия их со всех партийных и советских постов. Теперь ни один из оппозиционеров не мог оказаться в числе делегатов XV съезда даже с совещательным голосом.

16 ноября произошло ещё одно трагическое событие - самоубийство одного из ведущих оппозиционеров А. А. Иоффе. Одной из причин этого была его тяжёлая болезнь и отклонение Центральным Комитетом просьбы о выезде для лечения за границу, другой причиной - поражение оппозиции, уроки которого Иоффе пытался осмыслить в предсмертном письме, адресованном Троцкому. Сразу же после самоубийства в квартиру Иоффе явились агенты ГПУ, конфисковавшие это письмо, которое было передано Троцкому лишь через несколько дней в фотокопии. Письмо было использовано сталинистами, опубликовавшими его отдельные куски с сопровождением издевательской статьи Ярославского "Философия упадничества".

Похороны Иоффе были назначены на рабочее время, чтобы помешать московским рабочим принять в них участие. Тем не менее, они собрали не менее десяти тысяч человек и превратились во внушительную оппозиционную манифестацию.

¹ Там же.

² Там же.

XLVI

"Съезд коллективизации" "добивает" оппозицию

На XV съезд, открывшийся 2 декабря 1927 года, сталинско-бухаринское Политбюро вышло с программой постепенного преобразования нэпа для решения задач социалистической реконструкции сельского хозяйства, усиления плановых начал, ограничения капиталистических элементов города и деревни. Все эти идеи, равно как и некоторые практические меры, намеченные съездом, например, освобождение от уплаты сельхозналога 35 процентов крестьянских хозяйств (маломощных, бедняцких слоёв деревни) были, по сути дела, взяты из оппозиционной платформы.

Под давлением оппозиционных требований шла разработка первого варианта пятилетнего плана, вынесенного на обсуждение съезда. Этот вариант исходил из возможности относительно плавного, бескризисного развития народного хозяйства. Прирост промышленной продукции намечался с убывающей из года в год скоростью - от 9 до 4 процентов. Столь низкие темпы объяснялись составителями плана необходимостью соблюдения пропорциональности между накоплением и потреблением, отказа от "максимума темпа накопления". Однако и личное потребление должно было возрасти по плану за 5 лет всего на 12 процентов. Крайняя робость этого замысла пятилетки ярче всего проступала в том, что к её концу государственный бюджет должен был составлять всего 16 процентов национального дохода, тогда как даже в царской России он составлял до 18 процентов.

Впоследствии Троцкий отмечал, что "инженеры и экономисты, составлявшие этот план, были несколько лет спустя сурово наказаны по суду, как сознательные вредители, действовавшие под указку иностранной державы. Обвиняемые могли бы, если бы смели, ответить, что их плановая работа целиком соответствовала тогдашней "генеральной линии" Политбюро и совершалась под его указку"¹.

На съезде ничего не говорилось о кризисе хлебозаготовок и угрожавшей городам голодной блокаде. Выдвинутое оппозицией предложение о принудительном займе хлеба у 10 процентов наиболее богатых крестьянских хозяйств было объявлено Молотовым при поддержке Сталина линией на разрушение Советского государства. "...Это предложение о "займе" - прямой срыв всей политики партии, всей политики нэпа, - говорил Молотов. - Поэтому тот, кто теперь предлагает нам эту политику принудительного займа, ... каким бы добрым желанием ни было это предложение проникнуто, - тот враг рабочих и крестьян, враг союза рабочих и крестьян. (*Сталин*: "Правильно!")"²

В последующие годы в сталинистской историко-партийной литературе XV съезд был назван "съездом коллективизации". Однако это определение столь же неверно характеризует содержание этого съезда, как определение "съезд индустриализации" - содержание XIV съезда. Поскольку XV съезд был

¹ Троцкий Л. Д. Что такое СССР и куда он идет? Париж, 1988. С. 56.

² XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Т. 2. С. 1222.

всецело вовлечен в "добивание" оппозиции, обсуждение назревших изменений в социально-экономической политике заняло на нём второстепенное место. Доклады Рыкова и Молотова обсуждались достаточно бегло, в прениях по ним выступали в основном местные партийные работники. Идея коллективизации в этих докладах и в решениях съезда была сформулирована в самом общем виде.

Значительно большую "твёрдость", чем в выработке принципиальной политической линии, XV съезд проявил в "добивании" оппозиции. Разумеется, "Контртезисы" оппозиции к съезду ни в какой форме на нём не обсуждались. Несколько оппозиционеров, включенных специальным постановлением ЦК в число делегатов с совещательным голосом, были допущены на трибуну съезда, но их выступления непрерывно прерывались издевательскими репликами, призванными сбить оратора с мысли и помешать восприятию его аргументации. По этой части происходило как бы соревнование между президиумом и залом.

О растерянности, с которой уже искушённые предшествующей травлей оппозиционеры встречали такое отношение съезда, свидетельствует заключительная часть речи бывшего командующего Московским военным округом, члена партии с 1903 года Муралова: "Таким образом, все вопросы, которые мы поднимали, обращались против нас в величайшие демагогические приёмы и клевету. Дело доходило до того, что в конце концов дошло до сугубых, величайших, неслыханных в партии репрессий по отношению к преданным старым членам партии, революционерам... (*Голоса*: "Расскажи, как ты совещание организовывал?" "Как организовывала свои безобразия оппозиция?") ... доказавшим свою преданность революции не клеветой, а делами, и обвинили их в том, что они являются агентами Чемберлена. (*Сильный шум. Голоса*: "Вы, меньшевики, изменники рабочего класса!") Потом пытались связать с врангелевскими офицерами. (*Голоса*: "Сами себя связали!").

Товарищи, если любому из вас скажут, что вы убили свою жену, съели своего деда, оторвали голову своей бабке (*Голос*: "Довольно издеваться над съездом и занимать съезд такими нелепыми разговорами!"), как вы будете чувствовать себя, как вы докажете, что этого не было? (*Сильный шум. Крики*: "Долой! Председатель, голосуйте вопрос!")¹

На XV съезде впервые в борьбе с оппозицией были использованы признательные "показания" арестованных оппозиционеров, добытые в ГПУ. Так, делегат Леонов заявлял, что "один из оппозиционеров, арестованных ГПУ, сознался в том, что он вёл беседы о подготовке террористических актов.

Может быть, оппозиция скажет: "Что же вы берете отдельного человека, который находится случайно не только в нашей партии, но и в оппозиции?" Нет, товарищи, этот номер не пройдёт!..

Вы видите, таким образом, что та травля, которую оппозиция, идейно обезоружённая, политически изолированная, та травля, которую она подняла по всей стране против руководителей нашей партии, эта травля даёт свои плоды. Эта травля поднимает те антисоветские элементы, которые сами по себе и с

¹ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Т. 1. С. 342.

помощью монархических или других террористических групп могут быть использованы. Идеиное оружие в руки этих неотеррористов вкладывается оппозицией. (*Голоса: "Правильно!"*)¹. Таким образом, уже на XV съезде были пущены в ход обвинения в террористических намерениях, которые в дальнейшем станут "основанием" для кровавой расправы с тысячами и тысячами советских и зарубежных коммунистов.

"Минимальным" требованием, которое было предъявлено съездом к членам оппозиции, стало требование отречения от своих взглядов как несовместимых с пребыванием в партии. Как и в месяцы, предшествовавшие съезду, так и в первые дни съезда лидеры оппозиции отвечали на это упорным отказом. 3 декабря в президиум съезда было передано заявление 121 члена оппозиции, где говорилось о прекращении фракционной работы и категорическом отвержении пути к образованию второй партии. Вместе с тем, в заявлении указывалось: "Мы не можем отказаться от взглядов, в правильности которых мы уверены и которые изложены нами перед партией в платформе и в наших тезисах... Для нашей партии мы будем работать и впредь, защищая свои взгляды в строгих рамках устава и решений партии, что является правом каждого большевика, зафиксированным в ряде основных решений съездов при Ленине и после него"². К этому заявлению присоединились несколько десятков оппозиционеров, уже исключённых из партии (включая Троцкого и Зиновьева), которые обратились к съезду с просьбой о восстановлении их в партии.

После принятия резолюции по отчёту ЦК, подтверждавшей "минимальные" требования к оппозиции, съезд заслушал комиссию Орджоникидзе, созданную "для тщательного изучения всех документов о деятельности троцкистской оппозиции"³. В эту комиссию поступили два заявления от лидеров оппозиции. В первом из них, подписанном Мураловым, Раковским и Радеком, повторялись основные положения заявления от 3 декабря и вновь подтверждалось убеждение в том, что "наши взгляды, изложенные в платформе и тезисах, каждый из нас в рамках устава может защищать перед партией"⁴. Во втором заявлении, подписанном Каменевым, Бакаевым, Авдеевым и Евдокимовым, говорилось, что решение съезда о запрещении пропаганды взглядов оппозиции "принимается всеми нами к исполнению"⁵. Таким образом, зиновьевская группа заявила о своей полной капитуляции уже на самом съезде.

С удовлетворением констатировав, что оппозиционный блок "даёт трещину", Орджоникидзе от имени комиссии назвал оба этих заявления абсолютно неудовлетворительными, поскольку в них не содержится "идейного и организационного разоружения" оппозиции. После выступлений Орджоникидзе Смилга зачитал ещё одно заявление (от имени своего, Муралова, Раковского и Радека), в котором, в частности, говорилось: "Мы отклоняем наименование оппозиции "троцкистской", как основанное на попытках искусственно и произвольно связать величайшие вопросы нашей эпохи с давно ликвидированны-

¹ Там же. С. 328, 329.

² XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Т. 2. С. 1597.

³ Там же. С. 1389.

⁴ Там же. С. 1599, 1600.

⁵ Там же.

ми дореволюционными разногласиями, к которым большинство из нас было причастно. Мы стоим полностью и целиком на почве исторических основ большевизма.

Нас исключают за наши взгляды. Они изложены в нашей платформе и тезисах. Мы считаем эти взгляды большевистскими, ленинскими. Отказаться от них мы не можем, ибо ход событий подтверждает их правильность... Партийный режим, приведший к нашему исключению, ведёт неминуемо к новым расщеплениям партии и к новым отсечениям"¹.

На основе выводов комиссии Орджоникидзе съезд принял резолюцию "Об оппозиции", в которой подтверждалось исключение Троцкого и Зиновьева из партии, а других оппозиционных членов ЦК и ЦКК - из состава этих органов. В этой резолюции было также объявлено об исключении из партии 75 наиболее активных деятелей "троцкистской оппозиции и 23 членов близкой к ней по своим идейным позициям группы Сапронова, названной "явно контрреволюционной" (члены этой группы, оценивавшие положение в партии более резко, чем оппозиционный блок, ни с какими заявлениями к съезду не обращались).

На следующий день после принятия данной резолюции Зиновьев, Каменев и ещё 21 член зиновьевской группы направили в президиум съезда заявление, в котором осудили свои взгляды как антиленинские и заявили о подчинении своей воли и своих взглядов "воле и взглядам партии, ибо она является... единственным верховным судьей того, что полезно и что вредно для победоносного движения революции"². По этому заявлению съезд принял ещё одну резолюцию, где фиксировалось решение не рассматривать это заявление "ввиду того, что XV съезд уже исчерпал вопрос об оппозиции"³, и предлагалось ЦК и ЦКК принимать заявления исключённых из партии активных деятелей бывшей оппозиции лишь в индивидуальном порядке и принимать решения по этим заявлениям лишь спустя шесть месяцев после их подачи.

XV съезд завершил процесс подавления открытых внутрипартийных идейных дискуссий и всякой самостоятельной и свободной мысли внутри партии. Исключение лидеров "объединённой оппозиции" означало устранение из партии людей, способных противостоять авантюристическим зигзагам и волюнтаристским импровизациям Сталина и его приверженцев. Такой исход открытой внутрипартийной борьбы привёл к ослаблению, принижению роли партии и даже всех её аппаратных звеньев в выработке политического курса. На долю рядовых партийцев и функционеров осталось лишь проведение в жизнь всех политических установок и маневров, задумываемых и провозглашаемых Политбюро, основная часть которого отныне беспрекословно подчинялась Сталину.

Поэтому все последующие беспрецедентные повороты сталинской политики, в том числе переход к сплошной насильственной коллективизации, были осуществлены без идеологической и организационно-политической подготовки на партийных съездах или пленумах ЦК. Приёмы борьбы с инакомыслящими, возведённые в ранг норм партийной жизни и "проверенные" в борьбе со

¹ Там же. С. 1399.

² Там же. С. 1417.

³ Там же. С. 1470.

всеми послеленинскими легальными оппозициями, не только ликвидировали возможность обсуждения партией новых проблем, порождаемых изменениями в соотношении классовых сил или волевыми политическими импровизациями сталинского руководства, но и обусловили в дальнейшем объяснение всех реальных трудностей и проблем - деятельностью "классового врага" и его "агентуры" внутри партии.

Заключение

За последние годы произошли огромные изменения в идеологической жизни нашей страны. Переизданы или впервые изданы работы, на протяжении десятилетий находившиеся под запретом. Опубликованы многочисленные архивные документы, которые ранее были недоступны даже специалистам. Однако публикации такого рода, расчищающие путь достоверному познанию нашей истории, многократно перевешиваются потоком антикоммунистической публицистики, хлынувшей на отечественный книжный и газетно-журнальный рынок. Советскому читателю, жившему долгие годы на скудном сталинско-сусловском идеологическом пайке, сегодня крайне сложно переварить гигантский поток публикаций об истории советского общества, отделить в нём зерна от плевел. Помимо этого, необычайный динамизм нашего времени не благоприятствует появлению серьёзных исторических исследований. Их место занимают исторические эссе, как правило, обращающиеся не к разуму читателя, а к его эмоциям, причём не самым высоким.

Чем более обнаруживались разрушительные последствия движения к реставрации капиталистических отношений, тем усерднее вчерашние "перестройщики" сменяли свои призывы к десталинизации и социалистическому обновлению страны призывами к отказу от идейного наследия марксизма, тем яростнее фальсифицировали историю советского государства, особенно первых лет его существования.

Данная книга ставила задачей вернуть читателю драматические страницы первого послеоктябрьского десятилетия, показать, что сталинизм явился не продолжением, а отрицанием всего дела большевизма, отрицанием, пробиравшим дорогу в борьбе с массовым движением внутри партии, которое выдвигало подлинную социалистическую альтернативу развития советского общества.

Рассматривая ход и итоги внутрипартийной борьбы 1922-1927 годов, нетрудно увидеть не просто различия, но и прямую противоположность большевистского и сталинистского партийно-политического режимов.

Если при Ленине в партии существовала свобода выражения реального многообразия мнений, а при вынесении политических решений учитывались позиции не только большинства, но и меньшинства партии, то все послеленинские верхушечные блоки грубо нарушали эту партийную традицию, игнорировали предупреждения и предложения своих оппонентов, заменяли полемику с ними наклеиванием лживых политических ярлыков и затем изгоняли оппозиции из партии по фальсифицированным обвинениям, во многом предвосхищавшим обвинения московских процессов 1936-1938 годов.

Начиная с 1923 года, все важнейшие политические решения фактически принимались не съездами партии и даже не пленумами её Центрального Комитета, а предreshались неуставными конспиративными органами ("тройками", "семёрками", "параллельным ЦК" и т. д.), навязывавшими партии режим своей фракционной диктатуры. Беспринципная основа, на которой объединялись эти узкие олигархические группы, предопределяла на каждом новом по-

вороте событий их распад и формирование новых верхушечных блоков, загонявших часть своих недавних союзников в очередную оппозицию, расправа с которой в свою очередь расчищала путь режиму неограниченной личной власти Сталина.

Рассматривая отправную и конечную точки этого процесса, мы убеждаемся в противоположности двух эпох - большевистской и сталинской - и с точки зрения соотношения между партией и её лидером. Лидерство Ленина прежде всего основывалось на его идейном авторитете в партии. О подлинности этого авторитета свидетельствует то, что при тайных выборах в ЦК на съездах партии Ленин неизменно получал 100 процентов голосов. "Авторитет Ленина был, однако, не впитан с молоком матери и не внушён школьными учебниками и церковными проповедями, - писал Троцкий в своей работе "Сталин"¹. Каждый большевик от ближайших сотрудников Ленина и до провинциального рабочего должен был на опыте бесчисленных дискуссий, политических событий и действий убеждаться в превосходстве идей и методов Ленина"².

При этом, однако, Ленин никогда не рассматривался партией в качестве харизматического лидера. Харизма, т. е. всевластие и культ "вождя", который, как утверждала официальная пропаганда, наделён особым провидческим даром и не допускает в своих суждениях и действиях никаких ошибок, вырастала по мере отсечения от руководства и от партии всё новых членов ленинского Политбюро и концентрации в нём лиц, объединившихся на основе личной преданности Сталину. При этом официально провозглашаемая "монолитность" партии маскировала всё большее фактическое расслоение её на лиц, ненавидевших и презиравших "вождя", на людей, у которых ослеплённость верой в непогрешимость Сталина сочеталась с деморализованностью и запуганностью, и, наконец, на тех, кто состязался в лести и угодливости из-за шкурно-карьеристских соображений.

При Ленине "принцип личного вождизма совершенно не был известен партии. Она выделяла в руководстве отдельные наиболее популярные фигуры, окружала их доверием и восхищением, но привыкла знать, что руководство исходит из Центрального Комитета"³. Эта традиция была искусно использована Сталиным и его союзниками, которые противопоставляли на первых этапах внутривнутрипартийной борьбы авторитет Центрального Комитета личному авторитету Троцкого и других лидеров оппозиции и требовали от каждого члена партии - под страхом исключения из неё и, следовательно, разрушения личной карьеры - безоговорочной поддержки любых решений "ленинского ЦК" (а на деле - большинства Политбюро, манипулировавшего Центральным Комитетом). Лишь когда была ликвидирована возможность всяких дискуссий и оппозиций

¹ Здесь и далее мы ссылаемся на последнюю (незавершённую) книгу Троцкого "Сталин", работа над которой прервалась из-за убийства автора. Эта книга показывает логику размышлений Троцкого о причинах всемирно-исторической трагедии - замены большевизма сталинизмом, которые представляются нам чрезвычайно убедительными. Поэтому мы решили сопоставить в заключение выводы предпринятого нами исследования с некоторыми результатами этих его размышлений, либо подкрепить и уточнить наши выводы наиболее поздними оценками и суждениями Троцкого.

² Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. С. 139.

³ Там же. С. 198, 199.

в партии, эта традиция была отброшена и заменена культом Сталина, принявшим всё более уродливые формы, а все составы "ленинского ЦК" на 80-90 процентов были подвергнуты физическому истреблению.

В известном смысле, "конечно, можно сказать, что сталинизм вырос из старой большевистской партии, ибо новые формации не падают с неба, а питаются формациями предшествующего периода. Но в старой большевистской партии было три элемента: революционная динамика пролетарского авангарда, централизованные организации и марксистская доктрина. Из всех этих трёх элементов сталинизм унаследовал только централизованную организацию, переключив её из классовой борьбы пролетариата на социальные интересы нового господствующего слоя. Формы, обрядность, фразеология, знамена остались до некоторой степени старые, и эта внешняя шелуха обманывает поверхностные взоры"¹.

Использование сталинизмом марксистской фразеологии мешало видеть коренное изменение политической доктрины. Повторение официальной пропагандой традиционных формул о ведущей роли рабочего класса, диктатуре пролетариата и т. д. камуфлировало изменение социальных функций государственной власти, ставшей орудием подавления рабочего класса не в меньшей мере, чем крестьянства и интеллигенции.

Даже единственный, на первый взгляд, сохранившийся элемент большевистской партии - централизованная организация - стал также служить принципиально иным социальным целям. При Ленине "партия в условиях величайших трудностей, грандиозных сдвигов и потрясений, каковы бы ни были колебания в ту или другую сторону, сохраняла необходимое равновесие элементов демократии и централизма. Лучшей проверкой этого равновесия явился тот исторический факт, что партия впитала в себя пролетарский авангард, что этот авангард сумел через демократические массовые организации, как профсоюзы, а затем Советы, повести за собою весь класс и даже больше, весь трудящийся народ. Этот великий исторический подвиг был бы невозможен без сочетания самой широкой демократии, которая даёт выражение чувствам и мыслям самых широких масс, с централизмом, который обеспечивает твёрдое руководство"².

Нарушение этого равновесия между демократией и централизмом явилось не логическим результатом ленинских организационных принципов построения партии, как традиционно утверждала антикоммунистическая пропаганда, а политическим результатом социального перерождения партии, превратившейся в орган защиты корыстных интересов бюрократии. Утрированный централизм стал орудием самообороны бюрократии против народных масс, у которых она узурпировала власть. "Революционный централизм стал бюрократическим централизмом; аппарат, который для разрешения внутренних конфликтов не может и не смеет апеллировать к массе, вынужден искать высшую инстанцию над собой. Так бюрократический централизм неизбежно ведёт к личной диктатуре"³.

¹ Там же. С. 180.

² Там же. С. 140, 141.

³ Там же.

Противоположность двух социально-политических режимов - большевистского и сталинистского - находит как бы зеркальное отражение в противоположности политического облика Ленина и Сталина.

Первое коренное различие между ними состояло в отношении к идейным принципам и к массам. "Несокрушимую верность принципам и веру в массу Ленин действительно пронес через всю свою жизнь, несмотря на маневренную гибкость своей политики. В этих обоих отношениях Сталин составляет прямую противоположность Ленину, его отрицание и, если позволено сказать, его поругание. Принципы никогда не были для него ничем иным, кроме прикрытия. Никогда в течение своей жизни он не имел общения с действительными массами, т. е. не с десятками, а с сотнями тысяч... У него не было органов и ресурсов для такого общения, и из его неспособности "объясняться с массами" и непосредственно влиять на них, вырос его страх перед массами, а затем и вражда к ним"¹. Эти личные качества Сталина совпали с социальными качествами бюрократии, условием существования которой является отчужденность от масс. Тоталитарный сталинский режим вырос из страха бюрократии перед массами, показавшими свою действительную силу в Октябрьской революции и гражданской войне.

Второе фундаментальное различие между Лениным и Сталиным состояло в отношении к власти. "Ленин очень ценил власть как орудие действия. Но чистое властолюбие, борьба за власть были ему совершенно чужды (как явствует из всего контекста рассуждений Троцкого, речь здесь идет о личной власти, власти над партией и другими ее руководителями. - В. Р.). Для Сталина же психологически власть всегда стояла отдельно во всех задачах, которым она должна служить. Воля господства над другими была основной пружиной его личности"².

С этим коренным различием тесно связано третье различие между Лениным и Сталиным, заключающееся в нравственной окраске и направленности их политической непримиримости. Ленинская непримиримость не несла в себе ничего личного. Она была направлена против враждебных ему идей и действий, а не против лиц и поэтому была полностью лишена элементов коварства, мстительности, амбициозности. Эта непримиримость органически сочеталась с толерантностью, терпимостью по отношению к товарищам по партии даже в моменты острых политических споров с ними. "У Ленина настойчивость и непримиримость вытекали из большой исторической перспективы. Они, эти качества, направлялись на большие проблемы, личные конфликты вытекали только из этих больших проблем. И как только Ленин обеспечивал политическое торжество своих идей, он проявлял величайшую уступчивость... в области личных отношений. Наоборот, общие идеи всегда были для Сталина только приправой, украшением, дополнением некоторых эмпирических непосредственных целей. Именно в осуществлении этих практических целей, всегда пропитанных личным началом, он проявлял величайшую непримиримость, перешедшую впоследствии в прямое зверство"³.

¹ Там же. С. 149.

² Там же. С. 159.

³ Там же. С. 184.

Каковы же были объективные социальные и субъективные, личные факторы победы сталинизма над большевизмом или - более узко - победы Сталина над своими идейными противниками, которым он несомненно уступал в интеллекте, эрудиции, культуре, ораторском искусстве и других качествах, необходимых руководителю революционной партии? Ответ на этот вопрос мы найдём лишь при учёте того, что победа Сталина не была только его личной победой. Во внутрипартийной борьбе победили определённые социальные силы, носители грандиозной бюрократической реакции на Октябрьскую революцию. Сталинизм вырастал из постепенно складывавшегося всемогущества партийного аппарата, присвоившего себе право решать за партию, склонного к жёсткому администрированию по отношению к нижестоящим и к угодничеству по отношению к вышестоящим. По мере того, как бюрократия поднималась над обществом и над партией, Сталин поднимался над бюрократией, нуждавшейся в своём увенчании в лице "вождя".

Именно потому, что сталинизм вырастал не на почве, подготовленной Октябрьской революцией и всей прошлой историей большевизма, ему пришлось пробивать себе дорогу в ожесточённой борьбе с теми силами в партии, которые защищали её политические, идейные и нравственные принципы, разрушаемые аппаратным бюрократизмом.

Непредвзятое изучение внутрипартийной борьбы опровергает ходячие обывательские представления о том, что все соратники Ленина были "одним миром мазаны", в одинаковой степени боролись не за принципы, а за личную власть и поэтому любой исход этой борьбы привёл бы к утверждению тоталитарного режима. Напротив, партия сумела бы подчинить себе и перестроить свой аппарат, если бы в своём стремлении к перестройке внутрипартийных отношений она не столкнулась с сопротивлением значительной части правящей верхушки, прошедшей полосу политического и нравственного перерождения и подавившей не только Троцкого, но и многих других руководителей партии.

Именно эта верхушка, навязавшая в 1922-1924 годах партии режим своей фракционной диктатуры, сыграла решающую роль в возвышении Сталина. Сталин "сам был застигнут врасплох собственным подъёмом. Он ступал неуверенно, озираясь по сторонам, всегда готовый к отступлению. Но его в качестве противовеса мне поддерживали и подталкивали Зиновьев и Каменев, отчасти Рыков, Бухарин, Томский. Никто из них не думал тогда, что Сталин перерастёт через их головы"¹. В продвижении Сталина в те годы "наибольшую горячность проявлял неизменно Зиновьев: он на буксире тянул за собой своего будущего палача"². Все эти люди оказались не на высоте своей исторической задачи. В период пребывания у рычагов власти на равных ролях со Сталиным они безответственно играли с жупелами "троцкизма" и "фракционности", применяли методы политической интриги в борьбе со своими идейными противниками, ставили свои личные и групповые интересы выше интересов партии и революции.

Сталин - гений политической провокации - искусно использовал все эти

¹ Там же. С. 146.

² Там же. С. 189.

моменты, натравливая одних лидеров на других, играя на их личных амбициях и разжигая между ними личную неприязнь. А его союзники - политики, достаточно искушённые в исторических уроках прежних революций, - тем не менее в своём фракционном ослеплении не желали видеть, чему они прокладывают дорогу своими потайными ходами и вершущечными комбинациями, и уж во всяком случае не предполагали, что запущенная ими аппаратная механика в конце концов нанесёт беспощадные удары по ним самим.

Все эти субъективные факторы, сработавшие в пользу Сталина, дополнились искусным использованием Сталиным своей аппаратной власти для подбора и выдвижения лично преданных ему людей. "Сталин всякое положение, всякую политическую обстановку, всякую комбинацию людей примеривал к себе, к своей борьбе за власть, к своему стремлению господствовать над другими. Если это ему было интеллектуально не по плечу, он сталкивал двух наиболее сильных конкурентов. Искусство пользоваться личными или групповыми антагонизмами было доведено им до большой высоты. На этот счёт у него выработался почти безошибочный инстинкт... Безошибочным инстинктом и неутомимой настойчивостью он всегда при всяком случае, по всякому поводу делал то, что может причинить затруднение другому сопернику, более сильному; с другой стороны, он почти с такой же настойчивостью стремился вознаградить поддержку, всякий акт личной верности"¹.

Обладавший непревзойденной способностью играть на низменных сторонах человеческой природы, Сталин безошибочно почувствовал, что смена бивуачного быта времен гражданской войны оседлым и уравновешенным образом жизни порождает в среде бюрократии тягу к материальным благам жизни, удобствам и комфорту. Сам продолжая жить относительно скромно (многочисленные дачи, расточительные приёмы и попойки станут непременным атрибутом сталинского образа жизни лишь в 30-е годы), Сталин шёл навстречу этим своекорыстным устремлениям, распределяя наиболее привлекательные посты и определяя размеры материальных выгод, которые бюрократы могли получить от этих постов.

Подбирая ставленников по признаку личной преданности, он учил их умению овладевать механизмами власти, использовать слабости своих сотрудников, противопоставлять последних друг другу и т. д. Всю эту бюрократическую механику, в которой немалую роль играла личная интрига, Сталин подчинял задаче создания привилегированной касты, всё более отчуждавшейся от народа и стремившейся удержать массы в повиновении. Политическое и бытовое перерождение правящего слоя изменило его нравы и позволило Сталину обретать всё большую уверенность и проявлять всё большую беспощадность в борьбе со своими противниками. "Сталин систематически развращал аппарат. В ответ аппарат разнуздывал своего вождя"².

Реакцией на эти процессы стало политическое расслоение в рядах старой партийной гвардии, выделение из неё значительной части, боровшейся с перерождением в своей собственной среде. Лидеры и идеологи левой оппозиции - это "люди того же слоя, той же правящей среды, той же привилегированной

¹ Там же. С. 250, 251.

² Там же. С. 201.

бюрократии, которые покидают ряды (бюрократии. - В. Р.) для того, чтобы связать свою судьбу с судьбой санкюлотов, обездоленных пролетариев, деревенской бедноты"¹.

Ожесточение и ненависть к левой оппозиции со стороны сталинцев носили социальный характер. Не случайно осью социальной программы бюрократии в её непримиримой борьбе с оппозицией стала борьба против социального равенства. Эта борьба облегчалась тем, что она происходила в годы нэпа, который по своей природе предполагал возникновение глубоких социальных различий, чрезвычайно обесценивавших в сознании масс национализацию средств производства и земли, основные социальные завоевания революции.

Разумеется, причины "советского термидора" не крылись в самой природе нэпа, а были связаны с более широкой совокупностью внутривнутриполитических и международных факторов, которые были рассмотрены в нашей книге. Однако указание на совпадение во времени периода нэпа и периода подавления левой оппозиции важно для опровержения ходячих представлений о нэпе как наиболее светлой странице в истории советского общества. Показывая несостоятельность этого новейшего исторического мифа, А. Сиявский, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к коммунизму, справедливо писал о годах нэпа: "Как известно, это сравнительно мирный и благополучный период, позволивший народу вздохнуть относительно свободнее и немного откормиться. Вместе с тем это время разгрома всяческих оппозиций и создания мощной сталинской консолидации, время перерождения революции как бы в собственную противоположность, в консервативное, мещанско-бюрократическое устройство. Достоин удивления факт, что в годы нэпа многие герои революции и гражданской войны проявили себя как трусы, приспособленцы, покорные исполнители новой государственности, как обыватели и конформисты. Значит ли это, что они в недавнем прошлом не были подлинными героями? Нет, безусловно, они были героями, они шли на смерть и ничего не боялись. Но изменился исторический климат, и они попали как будто в другую среду, требующую от человека других качеств, а вместе с тем - как будто в свою среду победившей революции. И вот вчерашние герои если не погибают, то превращаются в заурядных чиновников"².

Полностью соглашаясь с характеристикой этих социально-политических процессов, отметим неправомочность сближения Сиявским внутривнутрипартийных оппозиций 20-х годов с диссидентством 60-80-х годов. По своему историческому значению и своим историческим последствиям внутривнутрипартийная борьба 20-х годов была гораздо масштабнее деятельности диссидентов периода застоя. Программа левой оппозиции была неизмеримо шире и научнее программы диссидентского движения. Можно даже сказать, что последнее не имело своей целостной программы, ибо взгляды его двух идейных лидеров - Сахарова и Солженицына - глубоко различны между собой. Наконец, расплата оппозиционеров 20-х годов за свои идеи и действия была во много раз страшнее той, которая выпала на долю большинства диссидентов недавнего прошлого.

Отмеченное Сиявским изменение "исторического климата" имело глубо-

¹ Там же. С. 222.

² Сиявский А. Диссидентство как личный опыт. - Юность. 1989. № 5. С. 89.

кие социально-классовые основания. Партия большевиков, а также её противники однозначно воспринимали нэп как уступку развитию капиталистических отношений. Однако власть при этом осталась в тех же руках, которые руководили Октябрьской революцией. Эта власть ограничивала развитие капиталистических отношений теми пределами, которые не нарушали социально-экономических основ нового общественного строя: национализации крупных средств производства, банков и земли, монополии внешней торговли, планового начала в управлении экономикой. Поэтому само по себе введение нэпа, несмотря на возрождение и оживление капиталистических элементов города и деревни, не означало наступления термидора.

Предпосылкой "советского термидора" стала кристаллизация нового правящего слоя профессионалов власти, поставленных в привилегированное положение и прикрывавшихся идеей социализма перед массами. Этот слой стремился увековечить своё существование, закрепить и оправдать как свою монополию на власть, так и свои растущие материальные привилегии. Это стремление нашло идеологическое и практическое выражение в борьбе против социального равенства, которая первоначально сочеталась с серьёзными уступками верхушечным слоям деревни. Законы, легализовавшие аренду земли и применение наёмной рабочей силы в сельском хозяйстве, шли значительно дальше первоначальных замыслов нэпа.

Борьба правящей фракции с левой оппозицией, которая велась в этот период под лозунгами защиты интересов крестьянства как свободных товаропроизводителей и продавцов продукции своего хозяйства встретила поддержку со стороны остатков старых господствующих классов и их идеологических выразителей, которые "естественно ухватились за крестьянина, как за якорь спасения. Они не смогли надеяться на какие-либо непосредственные успехи и ясно понимали, что им необходимо пройти через период защиты крестьянства. Всё это была армия термидора. Ни одна из этих групп, однако, не могла открыто поднять голову. Всем им необходим был защитный цвет правящей партии и традиционного большевизма"¹.

Борьба против равенства объединяла бюрократию с мелкой буржуазией города и деревни, поскольку неравенство составляло социальную основу и смысл существования этого негласного союза. "Бюрократия очень далеко шла в сторону интересов и притязаний своего союзника. Но к 1927 году окончательно обнаружилось то, что грамотный экономист знал и раньше, что притязания буржуазного союзника по своему существу беспредельны. Кулак хотел землю в полную собственность. Кулак хотел иметь право свободного распоряжения всем своим урожаем. Кулак стремился создать себе контрагентов в городе в виде свободного торговца или свободного промышленника. Кулак не хотел терпеть принудительных поставок и твёрдых цен. Кулак вместе с мелким торговцем, вместе с мелким промышленником стремился к полной реставрации капитализма. Этим самым открывалась непримиримая борьба (между бюрократией и кулаком. - В. Р.) за прибавочный продукт национального труда"².

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. С. 234, 235.

² Там же. С. 243.

Уступки мелкой буржуазии сохранились гораздо меньше время, чем предполагали их инициаторы и, прежде всего, Сталин. Эти уступки не только не располагали кулака к добровольной сдаче своих излишков, а, наоборот, пробуждали в нём уверенность в том, что государство заколебалось и что необходимо дальше нажать, чтобы добиться полной свободы оборота. Верхушечные слои деревни в 1927 году уже настолько нарастили свою экономическую мощь, что смогли отважиться на "хлебную стачку", поставившую города перед угрозой хлебной блокады.

Эмпирической реакцией бюрократии на череду "хлебных стачек" стал ультраевый зигзаг Сталина в 1928/29 году, ликвидировавший нэп и переросший в политику насильственной коллективизации и "ликвидации кулачества как класса". Этот авантюристический зигзаг привёл к установлению неограниченной власти бюрократии в городе и деревне. Вступив на путь фронтального столкновения не только с кулаком, но и со всем крестьянством, бюрократия поменяла свою социальную опору. Ею стала огромная и разношерстная "армия", состоявшая из "людей обывательского типа, которые оставались в бурную эпоху революции и гражданской войны в стороне, а теперь, убедившись в крепости советского государства, стремились приобщиться к нему на ответственные должности, если не в центре, то на местах"¹.

При всех зигзагах своего социально-экономического курса правящая фракция сохранила последовательность во всё большем ужесточении политического, в особенности партийного режима. Большевистская партия "в старом своём виде, со старыми своими традициями и старым составом всё больше приходила в противоречие с интересами нового правящего слоя"². Фактическое удушение этой партии, завершившееся изгнанием из неё левой оппозиции, составляло политическую суть термидора. Отсечение левой оппозиции и ликвидация всякой возможности легальных оппозиций и дискуссий открыло беспрепятственную дорогу любым авантюристическим акциям сталинской олигархии, которая спустя ещё два-три года после изгнания из неё последних членов ленинского Политбюро ("бухаринской тройки"), обрела полную политическую однородность. Социально-политическую сущность этой олигархии составлял бюрократический центризм, не отказывавшийся от экономических основ, заложенных Октябрьской революцией (национализация средств производства и плановое хозяйство), но предельно деформировавший эти основы нового общественного строя и поставивший их на службу новому привилегированному слою.

Всё это губительно сказалось прежде всего на судьбах партии, представлявшей для Сталина ценность лишь как покорная опора бюрократии. Ограничения внутрипартийной демократии, представлявшие сначала вынужденную дань экстремальным историческим обстоятельствам, переросли в полное разрушение демократических принципов организации партийной жизни. Партийные массы были отстранены от управления партией и страной. Главной добродетелью члена партии было признано послушание, беспрекословное следование всем противоречивым зигзагам несменяемого руководства. Над партией

¹ Там же. С. 234.

² Там же. С. 261.

стала неограниченно господствовать иерархия партийных секретарей. Функции партийных организаций оказались узурпированы аппаратом, высокомерным по отношению к низам и сервильным по отношению к вождю. Единственным источником личной власти стала неразрывная связь с аппаратом. Следствием всех этих изменений явилось превращение органов государства из слуг общества в господ над ним, в чём Ленин видел главную опасность, стоявшую перед социалистической революцией.

Все эти черты партийно-политического режима сохранились и в годы сталинского террора, и в годы хрущёвской оттепели, и в годы брежневского застоя. Наконец, бесчисленные зигзаги и неудачи перестройки, на наш взгляд, объяснялись тем, что подлинно социалистической реконструкции не были подвергнуты взаимоотношения между основными социально-политическими институтами: режимом личной власти - системой партийно-государственного бюрократически-аппаратного управления - бесправной партией как массовой организацией - другими государственными и общественными институтами. Выход из кризиса всей этой политической системы, обнаружившегося в последние годы, новые политические силы, пришедшие к власти в 1991 году, стали искать на путях отвержения идейного наследия большевизма и социальных основ, заложенных Октябрьской революцией.

Правильные уроки из прошлого могут быть извлечены в результате уяснения подлинного содержания трёх идейно-политических тенденций: большевизма, сталинизма и "троцкизма". Расщепление большевистской партии на "троцкизм" и сталинизм и победа последнего повлекли за собой цепь упущенных возможностей подлинно социалистического развития. Однако непредвзятый исторический анализ подтверждает правоту мысли советского историка М. Гефтера о том, "что утраченные возможности - не пустошь, что они существуют (материально!) и "работают" либо в пользу людей, либо против них - в зависимости от того, сбрасывают ли люди прошлое, как избыточный и непосильный для них груз, или всматриваются в него, чтобы увидеть там себя - предстоящих"¹.

¹ Гефтер М. Предисловие к публикации записей Е. Варги.- ПолиС. 1991. № 2. С. 176.

Оглавление

Введение	2
I Рождение однопартийности	10
II О привилегиях	13
III Гарантии единства и инакомыслящее меньшинство	17
IV "Осадное положение" или рабочая демократия?	22
V Старая партийная гвардия: опасность раскола	28
VI Генсек: организатор и воспитатель бюрократии	36
VII "Завещание"	40
VIII Для немедленного опубликования	44
IX "Грузинский инцидент" и "держимордовский режим"	49
X Роковые дни	59
XI Ошибка Троцкого	67
XII Победа триумvirата	72
XIII Первые репрессии и монополия на власть	79
XIV Троцкий переходит в наступление	85
XV Контратака	93
XVI Борьба продолжается	99
XVII Две дискуссии	106
XVIII "Новый курс"	111
XIX Оппозиция и система бюрократического централизма	116
XX По законам аппаратной механики	121
XXI Победа или поражение?	126
XXII "Психологическое убийство"	130
XXIII "Сверхборджиа в Кремле"	136
XXIV "Семёрка"	142
XXV Когда решалась судьба Сталина	147
XXVI Тактика единого фронта	154
XXVII "Уроки Октября"	158
XXVIII Рождение мифа о "троцкизме"	164
XXIX Новые маневры Сталина	170
XXX "Любимец партии" в дуумvirате	178
XXXI Поворот в политике	184
XXXII Новый раскол	188
XXXIII Лозунг "Обогащайтесь"	192
XXXIV "Вот где объединилась партия"	198
XXXV "Объединённая оппозиция"	207
XXXVI Что осталось от "атмосферы горных высот"	214
XXXVII Методы борьбы с оппозицией	218
XXXVIII Возможна ли победа социализма в одной стране?	230
XXXIX Многовариантный прогноз Троцкого	237

XL Ставка на мировую революцию	242
XLI "Идиллия" нэпа	247
XLII О "сверхиндустриализации", "ограблении крестьянства" и популярных мерах	252
XLIII Пролетариат "сжимается"	262
XLIV 1927: кризис грянул.....	268
XLV Теория и практика термидорианской амальгамы	276
XLVI "Съезд коллективизации" "добивает" оппозицию	286
Заключение	291